

Дорогие звери и птицы

Предисловие

Люди и звери...

Существует, расхожее мнение, будто бы зверям и птицам никогда не быть похожими в своих действиях на человека. Во-первых, он трудится при помощи орудий, изготавливая их себе сам, а животные действуют только теми органами, какими их снабдила природа. Во-вторых, животные, в отличие от людей, работающих всегда разумно, всё делают инстинктивно, им не зачем учиться, ведь учиться возможно, лишь общаясь со своим учителем, получая от него указания и понимая их, тогда как животные, по утверждению человека, к этому не способны, им, якобы, не присуща сообразительность, а значит, и элементы игрового поведения. И, в-третьих, совместность человеческого труда отличает его от «работы» всех остальных животных: люди работают не только рядом, но и объединены, более опытные при этом поучают начинающих, и если условия труда каждый раз меняются, то люди действуют по-иному, чего, мол, никогда не достичь представителям звериного и пернатого царства... Но так ли это верно? И неужели никто из зверей или птиц не поразит наше воображение своим умением?!

В этой связи вспоминаются знаменитые Дарвиновы вьюрки, которых он обнаружил, путешествуя на корабле «Бигль» по Галапагосским островам, и, изучая их, пришёл к интересному выводу: из-за конкуренции в еде птицы одного и того же вида приобрели разные черты, а среди древесных вьюрков выделился так называемый «дятловый», который с большим умением пользовался «орудием труда»... Сначала птица находит место, где, по её предположению, может оказаться добыча, постукивает клювом по стволу, прислушивается, а услышав то, что её интересует, отдирает кору и обнаруживает ход. Однако достать насекомое оказывается невозможным – клюв у вьюрка короткий, к тому же у него отсутствует липкий, как у дятла, язык, и тогда птица срывает колючку кактуса, засовывает её в отверстие и вытаскивает насекомое из щели. Любопытно, что добыв себе корм, вьюрок не выбрасывает колючку, носит её с собой, пользуясь ею многократно, а когда случается, что рядом не оказывается колючки, птица изготавливает «инструмент» сама – отламывает маленькую веточку, укорачивает до нужного размера и обрывает сучки с листочками.

Но хрестоматийный пример с вьюрком далеко не единственный. Известная голландская исследовательница поведения животных Джейн ванн Лавик-Гудолл наблюдала в Восточной Африке, как пользовались орудием для добывания пищи уже более крупные птицы – стервятники. Птицы собрались у брошенной страусиной кладки, но ни сипы, ни грифы не могли разбить толстую скорлупу, и один стервятник, взяв в клюв камень, направился к яйцу и сильным движением головы вниз бросил его, но яйцо не разбилось, затем он поднял камень и снова швырнул, но опять промахнулся, и только третий бросок оказался удачным, после чего стервятник стал лакомиться потёкшим на землю желтком. Тотчас к нему бросились три более

крупные птицы и оттеснили его в сторону, но стервятник, расколовший яйцо, уже направлялся с камнем к следующему...

А наш журавль-красавка? Птица эта водится в степи и устраивает свои гнёзда прямо на земле, где обычно гуляет сильный ветер, который раскатывает яйца. Для того, чтобы этого не происходило, журавли обкладывают яйца крупными гальками, за которыми летают на речку, километров за пятнадцать-двадцать... Это ли не применение орудия, способствующего сохранению кладки и выведению птенцов?!

Усложняют вопрос об «орудийной деятельности» и обезьяны, которые там, где для добычи плода не хватает палки, приносят откуда-нибудь её, а если таковой по длине оказывается недостаточно, то есть, с её помощью добыть плод не получается, изготавливают из двух палок одну. Обезьяны способны пользоваться за столом ложкой и вилкой, чистить зубы, кататься на велосипеде и автомобиле. Известен случай, когда павиан-бабуин стал отличным пастухом коз на одной из ферм в Южной Африке: он охранял животных, отгоняя вицей от чужих стад, собирал их в гурт, если они слишком разбредались, а вечером пригонял домой. Шимпанзе очень нравится рисовать, и если их останавливают и отбирают рисунок, то они начинают волноваться, по-видимому, представляя, каким должен быть законченный рисунок, а когда им его возвращают, то они рисуют с того места, на котором прервали работу, и доводят её до тех пор, пока не посчитают рисунок завершённым. Японские макаки, прежде, чем употребить в пищу плоды батата, обваленные в грязи, обмывали их в воде, а в дальнейшем передали эту привычку своим детёнышам, и всё это доказывает, что обезьяны имеют конкретное образное мышление и способны к элементарной абстракции и обобщению. Многие звери по развитию собственных инстинктов могли бы наверняка использовать ещё какие-либо орудия труда, как, например, калан, разбивающий камнем известковую оболочку морского ежа, да только они им, чаще всего, просто не нужны: звери прекрасно обходятся и так, с помощью отпущенных им природой органов, которыми владеют мастерски...

Привычкой обучать учёные наделяют только человека, тогда как любому леснику, чья жизнь тесно связана с лесом, доподлинно известно стремление волчицы воспитывать волчат, подготавливая их к суровой жизни в условиях дикой природы. Когда волк приносит к норе добычу, волчица позволяет волчатам немного обнюхать и потрепать её, затем уносит подальше от логова, в глубь чащи, а через какое-то время щенки бросаются разыскивать спрятанное волчицей, уже заслуженно расправляясь с жертвой. Таковы первые уроки матери по отношению к своим детям, которые благодаря врождённой способности угадывают её след и место, куда она спрятала добычу.

Когда волчата немного подрастут, волчица использует в обучении уже живую добычу, приносимую волком. Например, слегка придавленного зайчонка, которого она на глазах у волчат отпускает, долго не позволяя им

преследовать обречённую жертву, и лишь терпеливо выждав необходимую паузу, отпускает волчат в погоню, следуя по их следам и оценивая работу. Так, постепенно, волчата познают таинственный мир природы, в котором им надлежит существовать, и от того, как тщательно они познают его законы, зависит их жизнь.

А совместность труда? Разве отличает она волков от людей, которые работают не только рядом, но и объединённо? При этом, как мы могли убедиться выше, более опытные звери обучают начинающих, а потом, когда малыши подрастают и условия труда каждый раз меняются, волки, соответственно, и действуют по-иному, например, охотятся.

Гуси или утки обычно ночуют на песчаных отмелях какого-либо лесного озера, и волки обходят их, отрезая путь к отступлению. Сначала один волк или волчица заходит с противоположной стороны и пугает птиц подвыванием, чем даёт сигнал остальным зверям, которые только этого ждут и молниеносно набрасываются с тыла на ничего не подозревающих птиц, с любопытством и страхом вытягивающих головы к доносящемуся до них волчьему вою...

Хорошо известно и умение волчьей стаи загонять сохатого или оленя, а порой, в особо лютые зимы, волки поднимают из берлоги и самого топтыгина... Ни у кого из зверей, наверное, нет больше такого строгого разграничения обязанностей, как в волчьей стае. Каждому в ней – по его способностям, выносливости и силе.

Одни – отыскивают зверя, другие – загоняют его в удобном для стаи направлении, а кто-то мёртвой хваткой останавливает жертву и валит её на землю. Порой волки гонят коз или баранов к краю какого-нибудь скалистого обрыва, где внизу уже ждёт зверей засада и неминуемая расправа, или выжимают лося на лёд реки, где тот, конечно, теряет опору и будет растерзан. Всё в стае подчинено беспощадной борьбе за жизнь, и при этом волки никогда не отступают от жёсткого внутреннего распорядка, совместно добываясь желаемого для всей стаи результата.

Совместные действия в выполнении своего труда я совсем недавно обнаружил у себя в огороде, у маленьких садовых горихвосток, которые сразу после прилёта начинали устраивать гнёзда, а в качестве материала для них «воровали» паклю из пазов дома, располагающуюся между брёвен. Одна горихвостка, это был самец, прихватывает в клюв выбившиеся за зиму волосинки и, подрабатывая себе в воздухе крылышками, тянет, что было сил, на себя, а самочка, подлетев сбоку, суетливо порхает, стараясь поудобнее подстроиться рядом, и ловко перекусывает волосинку пакли у её основания, после чего обе птички исчезают под карнизом, а через некоторое время вновь появляются, и всё в точности повторяется...

Вот и муравьи-листорезы, которые без остановки перемещаются по лесным тропинкам Южной Америки с обгрызками листьев, передают их затем своим братьям – муравьям-листорубам, и те, пережёвывая эти листья, смачивают их выделениями, укладывают в особые камеры и готовят

удобрение для выращивания ... грибов, которыми и питаются. Трудно отыскать более согласованную, даже разумную, деятельность в мире природы. И не у этих ли муравьёв люди когда-то научились выращивать в парниках огурцы и помидоры? Что уж говорить о совместной деятельности бобров, которые возводят такие сооружения, что просто трудно себе представить, как животное способно на такое, а зимой, ко всему прочему, бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства, где они резвятся и кормятся.

Инстинкт многих зверей, достигший в течение своей эволюции удивительных пределов, вызывает у нас истинное восхищение, тогда как разумность человека во многих вещах оставляет желать лучшего. Если мы обратимся к той же способности животных «соображать» или, по крайней мере, находиться в непосредственной близости у границы разумной деятельности, то как тут не вспомнить лисоньку – куму Патрикеевну, в которой русский народ всегда отмечал замечательную способность быть увёртливой и чуткой: благодаря своим умным повадкам она сытее волка живёт, а если приведётся – и человека проведёт... Так, не раз удостоверившись в том, что ёж боится воды, лиса всегда постарается столкнуть его лапой в лужу или ручей, но если воды рядом не оказывается, она ... мочится на ежа, и тот разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах умного хищника...

Заботливая тетёрка, когда её потомству угрожает опасность, любыми путями норовит отвести от него беду, и чаще всего изображает себя подраненной, не способной лететь. Всё её существо сосредоточено на этом спасении, в такие минуты она совершенно преобразуется, и в силу ответственности перед птенцами уводит от них хищника, жертвуя собой. Правда, последний, как правило, остаётся ни с чем, поскольку арсенал изощрённых приёмов у не на шутку обеспокоенной матери поистине безграничен.

В этом доподлинно убеждаешься, если хотя бы раз сам воочию увидел, как тетёрка неловко, скособочившись, перебегает, рискуя вот-вот оказаться в зубах лисы или рыси, но этого не происходит. В последний миг, перед самым носом разохотившегося зверя, птица вдруг находит в себе силы и ускользает, но далеко не отлетает, а опять начинает прихрамывать, то и дело припадая к земле, или приволакивает якобы повреждённое крыло, тем самым увлекая хищника в сторону от птенцов. Не раз наблюдая за подобным поведением тетёрки, меня не покидало ощущение той поразительной изобретательности, с которой птица изображала себя нездоровой, и ещё не покидало ощущение, что тетёрка ... импровизирует! Птица всегда умудрялась придумывать что-то новое, придавая своим действиям удивительную доподлинность, и вот эта вымеренность её ухищрений просто восхищала!

Эволюция обыкновенных дождевых червей снабдила их реакцией удираТЬ от крота, на приближение которого указывают малейшие сотрясения почвы. Так или иначе, червяки боятся её вибраций, и тотчас выбираются на

поверхность, но это не всегда оборачивается для них спасением. Догадливые чибисы, маскируясь под крота, выгоняют червей из-под земли, быстро потряхивая по ней вытянутой вперёд ногой, и ловко поддевают их на клюв. А чайки заставляют червей покидать свои норки, топоча ногами, несколько раз в секунду поднимая и опуская лапки. Это ли не свидетельство ещё одной удивительной способности птиц обобщать виденное ими ранее, в конечном итоге, употребляя себе на пользу?!

Ум животных, конечно, проявляется и в игре, в которой хорошо угадываются их возможности и характер. Игра непременно должна нравиться животным, ибо и звериным детёнышам присуще такое поведение, когда они тешатся и резвятся, словом, забавляются, а значит, получают от игры удовольствие и радость. Не зря в народе говорились: «Игра потеху любит».

Играют без удержу волчата и лисята, бельчата и слётки горихвостки, воронята и барсучки, выражая отношение к окружающей жизни, в которой они оказались. Сама природа снабдила их подобными свойствами: бегать, затаиваться и бороться, показывая свою прыть, в общем, быть удалцом среди всех, развивая, между тем, силу духа, отвагу и цепкость, терпение и настойчивость. Способность не бояться врага тоже вырабатывается в игре, и если мать принесла волчатам медвежью кость, то они обнаруживают в ней достойного соперника и без страха бросаются в свою первую в жизни схватку со «зверем», которого, конечно, побеждают, и радуют этим родителей. Природа берёт своё, но всегда с устремлением на развитие навыков у зверёнышей, которым вскоре придётся добывать пищу, перемогать голод и холод, самим воспитывать подрастающее потомство, не теряя при этом желание играть, тешить себя доступной забавой...

И как тут не вспомнить нашего лесного доброхота, всеми уважаемого в народе Михайло Ивановича Топтыгина, который не даёт себе скучать, когда сыт, и от того нравом не злобив, знай дуги себе в лесу гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит. А больше всего любит потешить себя игрой на «музыкальном инструменте»... Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщеплённое молнией или поверженное ураганом, медведь, усевшись поудобнее рядом, ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает, и эта добродушная черта, очевидно, на какое-то время завладевает диким зверем. В медведе думы много, да вон нейдёт, вот он и пытается вывести своей «игрой» общую для всего живого радость, и ведь, несомненно, сам от своей «игры» переживает истинное удовлетворение! Не дал Бог медведю слуха, а он за то ни на кого не в обиде: как хочет, так и ворочит!

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру... Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе, и выдра использовала горку

неоднократно, потому как от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь...

Горазды до безудержного веселья и зайцы: что только они не выделывают, охваченные приближающейся весенней порой! Зайцы необыкновенно игривы, и весной совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания, и это почему-то не удивляет, а только радует. Игривость – отличительная черта характера этого милого зверька, который даже капусту в огороде у человека считает посаженной собственно для себя.

На протяжении большей части года зайцы ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает, весь день носятся они по угодьям в поисках пары, и дело в таких случаях не обходится без потасовки. Борьба самцов очень забавна, когда они бесстрашно бросаются друг на друга, привстают на задние лапки и что есть мочи барабанят передними лапками в грудь соперника, а затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. Потом с разбегу опять устремляются навстречу друг другу, кувыряясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их бывает много. Они громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Ещё зайцы устраивают соревнования по прыжкам, и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают и прыгают через межу – кто дальше. Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться. Зайцы в эту пору окончательно теряют голову, чаще без толку бегают взад-вперёд, и в народе об этой поро в заячьей жизни судачили так: «Рубль бежит, а десять других догоняют».

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнышке. Они отупело и восторженно резвятся, а то вдруг заверещат и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалест от весны.

Впрочем, где-нибудь в январе, морозной лунной ночью, косые устраивают дружные хороводы вокруг поваленной лосем осинки. Наследят так, что, разбирая поутру место их кормёжки, поразишься: вытоптаны чуть ли не целые полянки, которые всегда усыпаны серовато-зелёными шариками их помёта, а веточки у деревца обгрызаны до сахарной белизны. На славу погуляли неугомонные зайцы, и, судя по оставленным следам, они не только лакомились сладкой осиновой коркой, но и общались. В зимнюю пору, когда заячье меню не отличается разнообразием, зверьки с удовольствием собираются в таких укромных лесных уголках, и чуть ли не до восхода солнца радуются своему незамысловатому счастью.

Заяц не устаёт играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находится без движения, и потому всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять. В радости зайцы друг друга находят, и, разыскав, все горести

забывают. Облегчение, которое заяц обретает в игре, выше всякого смысла в его непростой лесной жизни.

Ну, а самопожертвование животных? Уж у кого, как не у них, человеку надлежит без устали учиться той преданности, с какой звери и птицы заботятся о своих детёнышах, вставая на их защиту. Не всякая человеческая мать способна на полное самоотречение, с которым глухарка спасает птенцов от пожирающего всё на своём пути лесного пала, когда сидит на гнезде...

Огонь безжалостно подбирается всё ближе и ближе, и птица, желая хоть как-то оборонить кладку яиц или только что вылупившихся глухарят, всеми способами начинает нагребать вокруг гнезда вал из лесного мусора, а если это не помогает – распластав крылья, ложится на гнездо, укрывая собой своих детей, и погибает вместе с ними... Что может превзойти подобную верность, выражающую полную преданность другому, не себе, стойко и без оглядки отдавая собственную жизнь? И это птичья мать, не человеческая, которая по своему предназначению должна поступать ещё самоотверженней, быть более чистой, но она, как мы знаем, порой отказывается от своего ребёнка и подбрасывает его чужим людям, нередко даже убивает...

Больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть, какой показывает себя эта преданная глухарка, что хоть и инстинктивно, но удивительно трогательно приносит себя ради детей в жертву. И вот, люди мучают себя и друг друга из-за этой душевной лени, и один Бог ведает, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное – не развивают себя. А надо-то всего лишь заглянуть в свою душу и ответить, кто ты, зачем на этой земле живёшь, и что только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей, птиц и растений, ты способен преодолеть животное в инстинктах, обретая, благодаря их развитию, истинную мудрость.

Ведь предназначение души – это достижение истины именно через опыт земной жизни, через те усилия, которые мы затрачиваем в её постижении, и всё это, конечно, невозможно без общения с природой, в которой и животные, и птицы, и растения порой оказываются в своём опыте гораздо выше многих людей. Не будем забывать, что дорогие нам животные и птицы созданы и для того, чтобы человек не забывал о тех великих возможностях, которые открываются перед ним, когда он чтит могущество Бога, неустанно наставляющего: «Того ждёт благо, кто равно любит и людей, и птиц, и зверей».

Вороний суд

Однажды, уже на исходе зимы, мне посчастливилось увидеть, кажется, совершенно неправдоподобную картину – вороний суд... В народе издавна ведётся поговорка, суть которой я долго не мог взять в толк: «Ворон ворону глаз не выклюет, а хоть и выклюет, да не вытащит, но уж коли выклюет и вытащит, так оба!» Как нужно рассердить птиц, и что такого, по птичьим понятиям, должно произойти, чтобы они, достаточно сплочённые в своём

врановом семействе, решились на подобное? По-видимому, нужно очень провиниться, не следуя исконным вороньим законам, чтобы тебя осудили и, мало того, жестоко расправились!

Я и раньше слышал, что у птиц вороньей породы, как и у некоторых других, есть своего рода общественный суд, хотя сам с этим явлением никогда не сталкивался, да и, честно признаться, мало в него верил. А как-то раз, почти уже выходя из леса неподалёку от деревни, вдруг слышал оглушительное воронье карканье, и стал подкрадываться. По тому, как птицы надсадно и возбуждённо кричали, стало понятно, что среди ворон происходит нечто необычное...

И действительно, вокруг большой поляны, на берёзах, сидели полчища воронья, а внизу по снегу бродили, в раскачку, ещё несколько птиц. Правда, одна из них находилась почти без движения, чуть поодаль от других, и только крутила головой, тогда как остальные оглушительно каркали и даже шипели, вытянув головы в сторону притаившейся вороны. Не покидало ощущение, что эта одинокая птица чувствует себя ... виноватой.

Где-то я читал, что перед тем, как «вынести приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, а если подвергнутая суду ворона ведёт себя как-то неправильно или за ней числится большая вина, то все вороны, в конце концов, слетают с дерева и набрасываются на неё, заклёвывая порой до смерти. Но случается это, якобы, крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут столь грозному наказанию кого-нибудь из собратьев.

И, тем не менее, всё происходило именно так, как я когда-то слышал от одного старого и очень опытного охотника. Это было удивительно! Я бы раньше никогда не поверил, что такое вообще возможно, если бы не пришлось столкнуться с вороньим судом самому. Причём, прямо рядом с человеческим жилищем!

Птицы дружно облепили нижние сучья деревьев с одной стороны поляны, и чуть ли не сваливались с них от охватившего их возбуждения. «Подсудимая» же ворона /это, по-видимому, была именно она/ одиноко замерла в недобром предчувствии: что-то сейчас будет? Я притаился за маленькими ёлочками, внимательно наблюдая за происходящим.

Вороны надсадно кричали, перелетали с дерева на дерево, как будто распаяя себя, и вот-вот готовы были броситься всей стаей на несчастного изгоя. Одинокая ворона сиротливо вжимала голову в плечи, и только беспомощно разевала клюв. Ей было страшно, она уже, видимо, смирилась со своим незавидным положением, но всё последующее произошло так стремительно, что я даже не успел среагировать.

Ближние к вороне птицы, проваливаясь в талый снег, неожиданно ринулись к ней и вмиг накрыли своими телами. За ними тотчас спустились с деревьев остальные, так что вокруг «приговорённой» вороны образовалась куча мала. Крик стоял невероятный, вороны, казалось, совершенно обезумели, и это уже был не суд, а натуральная бойня. Но, как говорится, всяк судит по своему, по своим понятиям, и то была воронья правда. Я и не думал вмешиваться, поскольку хотел посмотреть – чем всё кончится?

Птицы судили своего собрата, видимо, за дело, хорошо представляя, в чём он провинился. Но поскольку рассуждать не умели, то, громогласно осудив проштрафившегося соплеменника, тотчас надавали ему изрядных тумачков. Мне всё-таки стало жаль бедную ворону, которая в своих вороньих устремлениях вряд ли чем-либо отличалась от своих собратьев, и я вышел из-за кустов на поляну...

Воронья стая всполошилась. Птицы ещё оглушительнее загалдели и начали взлетать. Но две-три всё же остались на снегу. Распалившись не на шутку, они не могли вот так сразу оставить свою жертву, несмотря на то, что та уже еле-еле двигала ногами, перевернувшись на спину. Крылья её распластались по снегу и только изредка вздрагивали, тем более, что другая ворона уцепилась клювом за одно из них и неистово тянула на себя, тогда как ещё одна то и дело клевала поверженную беднягу, выдирая клочья перьев. Не в силах сопротивляться, несчастная ворона полностью отдалась на волю судьбы. Взьерошенная, похожая скорее на измочаленную швабру, выглядела она плачевно.

Пока я шёл к растерзанной вороне, то и дело проваливаясь в сырой снег, её обидчицы, наконец, отступили, причём, с неохотой, но совсем не улетели, а уселись неподалёку на берёзах, видимо, ожидая ещё продолжить свою расправу...

Стоял ослепительно солнечный февральский день, с ярко-синим чистым небом, и только что произошедшее на моих глазах никак не укладывалось в голове. Но это была дикая природа, со своими суровыми законами, по которым одними поклонами не отделаешься. Лесной суд приговорил несчастную ворону платить, и ей никак нельзя было отсудиться, кроме как лечь костями перед безжалостным вороньим племенем за свои неведомые провинности. Нужно ли было мне вмешиваться в это воронье судилище, в котором всё вершится не человеческим умом?!

Когда я подошёл к побитой птице вплотную, ворона ворохнулась, привстала и неловко скакнула боком в измятый и окропленный её кровью снег. Она сидела нахохлившись, недобро воззрившись на меня карим глазом. Пуганная ворона, говорят, куста боится, но эта, несмотря на только что пернесенную взбучку и весьма потрёпанный вид, вовсе не выглядела жалкой. В ней угадывалась, как ни странно, какая-то напористость, негибкая неприимчивость со своим незавидным положением, и я, рассмотрев ещё немножко бедную ворону, отступил.

Удалившись от вороньего побоища, я ещё раз оглянулся. Пострадавшая птица, приволакивая крыло, ровно заслуженно побитый человек, всё-таки добралась до раскидистой ели у края поляны и забралась под нижние ветви. «Всякому своя судьба», - подумал я... Меня, вот, она привела на это место, и я оказался свидетелем произошедшего, о чём нисколько не жалею, потому как немало сил затратил в лесу на то, чтобы встретиться с подобным. А ворона, если ей это суждено, может быть, оправится, выживет и ещё не раз провозгласит своё громогласное «карр-р». Нужно радоваться, что выпадает однажды увидеть в природе такое, ибо премудрые судьбы здравствуют Божьей волей и собственными молитвами!

Косой чёрт

За что только не почитали на Руси самого неприхотливого и любимого в народе серого зайку, но с неизменным уважением примечали и его дьявошцинку, так никем и не объяснимую... Люди верили, будто зайца чёрт сотворил, и колдуны с ведьмами после захода солнца превращаются в зайцев, поедающих капусту, припасённую хозяевами в погребках. Поэтому зайчатину не пробовали, и встреча с зайцами в лесу предвещала неминуемое несчастье.

Заслышав людской говор, топот лошадей или шум телеги, перебежит заяц дорогу, пытаясь перебраться в более спокойное место, и в этом уже видели верную неудачу. Непредсказуемые зайцы, по народному поверью, проигранные в карты одним лешим другому и движимые их дьявольской силой, не вызывали у путников восторга и, переметнувшись ошалело из колка в колок, не только умиляли своей сказочной доступностью, но и чем-то необъяснимым пугали.

Зайца изрядно стреляли, ловили петлями и кулёмами, добывали с ловчими птицами, но представление о том, что этот безобидный зверь связан с нечистой силой, тем не менее, не исчезало. Оно неведомым существом до сих пор присутствует в нас и неотступно манит, так что нам отчего-то даже сладко становится жить с ним, по-детски в душе забавляясь, и не беря в голову ничего дурного.

Знающие люди уверяют, что завидя в лесу бегущего зайца, нужно непременно свистнуть, отчего заяц может остановиться на секунду, насторожившись. Нехитрый этот приём усилит меткость выстрела, потому как по сидящему зайцу стрелять заведомо легче.

Но в случае с нашим зайцем представляет особый интерес одна из многочисленных странностей, подсмотренных человеком у животных. Не желание во что бы то ни стало добыть зверя переполняет человека, а овладение некоей тайной, состоящей в неожиданной для зайца оторопелости от услышанного звука. Будто он грехов когда-то насотворял, да и не поплатился за то. И так давно это было, что уж позабыто всё. Только некая настороженность, а более всего смиренность в зайце осталась, но если кто строго окликнет его, то заяц сразу же всё вспомнит и замрёт, поджавшись...

Видать, не ангельская то была душа, но и не чёрная. Хватало в ней и лёгкости с добродушием, и милого веселья. И ещё казалось, что зверёк этот слаб памятью только о своём полузабытом и неведомом худом, отчего и выдаётся его обаятельная простота.

И всё же, в зайце определённо сидит бесёнок: гуляй-де, знай, баловник, потешайся досыта, коли судьба такая уготована! Бывает, напугает беляк до смерти, выбросившись из-под самых ног, резко приостановившись где-нибудь у опушки, покосит назад, так что сердце тотчас обмирает, и задаст всю стрекача через валёжник. Спыхватившись, весело заулюлюкаешь ему вслед, но не можешь забыть остановившийся выпуклый глаз, глядя в который, всякий крещёный перекрестится, до того на него несвятимой, будто проклятой силой повеет. Бес в зайце, должно быть, его от других зверей обороняет.

Заяц создан таким и, ровно сирота, своего загадочного рождения не постигает, по чему особо и не тужит. Не замыкаясь на скрытом в себе тёмном смысле, он отдаёт волю простодушию и, напугав, тем же макаронками тешит. Отдал заяц когда-то лесному богу душу, вот он его и терпит!

Необъяснимость поведения зверька в его поразительной открытости и пристальном внимании к свистящему звуку трогает человека гораздо сильнее, нежели возможность обыкновенного убийства, и он забывает про выстрел. Заяц своей доступностью словно околдовывает не перестающего удивляться человека, а сам, между тем, прыг-скок в пушистые ёлочки, да и был таков. Леший с ним, с косым чёртом, сладит, говорят при этом, и на мой век ещё зайцев осталось!

Рысь

Трудно увидеть в лесу осторожную рысь. Незаметно ходит и далеко слышит этот зверь. Шаг у рыси мягкий и вкрадчивый, порою – настороженный, а на уме одна корысть: как бы где порыситься...

Рыщет рысь по полям, по лесам, что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу покрупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадёт краснобрового косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает зазевавшуюся белку. А бывает, нападёт на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке, да щерится в рыжие бакенбарды, кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя. Пробежит мимо заяц – рысь прыгнет с ветки, вцепится ему в шею и загрызёт. Промажет – скоро оставляет преследование, потому как сердце у рыси маленькое в сравнении с крупным телом, и от долгого бега она быстро задыхается. Но и на её век ещё зайцев осталось!

Добычу рысь обычно закапывает в сухие листья или снег, а потом, с наступлением темноты, приходит и ест. Но случается, падёт в лесу какой-либо зверь от болезни или старости, да так, никем не тронутый, и лежит. Бывает, весь истлеет, рассыхнется, и проходит долгое время, пока его останки не разыщет какой-нибудь хищник. Даже вороньё по какой-то непонятной причине минует место верной для себя трапезы...

Вот и я однажды обнаружил умершего лося. Лес большой, и даже для чутких лесных жителей отыскать такого заметного зверя оказалось делом не лёгким. Лось лежал целый и невредимый, только рога были погрызены мышами... А вскоре выпал снег и постепенно завалил лося. Метели надули над его телом громадный сугроб

Сначала я наткнулся на след рыси... Зимой можно часто встретить её след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь её кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они природой как-то по-особенному красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любит сама собою.

Взволнованно бьётся сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится он более других, существуя как-то незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственную суть.

По лесу рысь идёт спокойно и размеренно, будто никуда не торопится, и всегда избегает в своей жизни какой-либо суеты. Хищник редко бегает, чаще крадётся, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно: рысь полна скрытой силы и коварства.

Ещё рысь пестра шкурой, так, что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома её гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью проскользнёт она мгновенно, и тотчас исчезнет. Будто её и не было... Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь её бесшумна, а чутьё невероятно трепетно и тонко.

След рыси дышит её матеростью, какой-то спокойной хитрецей. Словно зверь наперёд знает всё, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом своём ровном спокойствии рысь не похожа ни на какое другое животное: она, одновременно, невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Её овальные мякиши пальцев приятно вырисовываются в недавно выпавшем снегу, выдавая в звере какую-то кротость... Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен своим почти никому не видимым образом жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже не выгодного для неё, положения она старается очень умело извлечь для себя пользу. И при этом всегда выдержанна, покойна...

Зоркие глаза и острый слух заранее подсказывают ей, как надо себя вести. Своего врага или поживу рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы, не пропуская ни одной мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно её саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как бы заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышат её расплывающиеся в злобном оскале баки, а уши прижимаются к затылку так просто и дико, что начинает неприятно посасывать под ложечкой. Всё в рысином облике будто говорит: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирождённая сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, которая рысь ничуть не трогает, и она не устаёт преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как бы даже становится не здоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь, и, почуввав впереди поживу, она вся преобразается.

Моя рысь, видимо, тоже уловила запах добычи, и след её сразу изменил направление. Он как будто превратился из мягкого в твёрдый, стал нацеленным и устремлённым. К тому же, след был свежим, и я осторожно двинулся по нему, желая выяснить причину неожиданного поведения рыси.

Вскоре след привёл меня к заметённым снегом останкам лося. Судя по припорошенным старым следам, рысь давно обнаружила умершее животное, забросала его лесным мусором, а затем уже прорыла к лосю глубокую нору, и время от времени приходила лакомиться. Изредка, по-видимому, она оставалась здесь на ночёвку, подолгу лежала возле туши, будто охраняя, и настороженно засыпала.

Когда я набрёл на рысий след и пошёл по нему, желая выследить зверя, рысь находилась в своём лежбище и, увлечённая трапезой, не услышала моего приближения. Я тоже не сразу распознал, что происходит в норе, и только после того, как заглянул внутрь, от неожиданности отпрянул. Рысь сидела задом к выходу, и из норы доносилось приглушённое урчание.

С трудом развернувшись, рысь выскочила наружу и тут же присела к земле, зашипев на меня, как это и делают все кошки, прижав к голове уши. Густые кисточки на её ушах чуть-чуть лохматились от лёгкого ветерка, глаза злобно щурились, а у меня даже не возникало желания выстрелить ей в морду. Я смотрел на неё в упор, и почему-то не верил, что зверь сейчас вскочит мне на грудь.

Вместе с другими зверями, оставившими в моей душе след, эта рысь приходила потом ко мне всю жизнь и будила только приятные воспоминания, оживляя в памяти тот зимний день, и я опять восхищался

неподражаемо красивым зверем. Чего бы мне это ни стоило, я старался отправиться в зимний лес с надеждой ещё раз заглянуть великолепному зверю в глаза, и пожелать ему долгой лесной жизни.

Зимняя картинка

В народе говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь... Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы... Не всегда увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно-голубого неба...

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теревить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка замирают, бросив клевать, и прислушиваются. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. По-смешному вытянув шеи, тетерева поворачивают головы к розовеющему востоку, настороженно вглядываются в морозную даль... Но нет, всё тихо, и убедившись в нетронутой тишине, птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток и ничего не мешало их сладкой дреме под снегом...

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжело срываются прямо под деревья в сугроб и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам, из которых птицы неожиданно вырвутся однажды поутру, и снова ненадолго рассядутся по берёзам теревить серёжки и слушать зимнюю тишину. Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами на заснеженных берёзах – самая красочная картинка зимы, отражающая её короткое пробуждение и предвкушающая нескончаемо сладкий сон, а природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

Весёлые кабаны

Обычно принято думать, что кабан – это крепкие клыки, мощная грудная клетка, неуязвимый загривок, называемый охотниками «калканом», и отчаянный напор зверя, перед которым не в силах устоять порой даже

волки, но почти никогда не замечают его остренькие симпатичные глазки и круглый пяточок, уши-лопухи, хвостик пружинкой и очень коротенькие ножки с аккуратными глянцевыми копытцами, которыми он смешно семенит... Случается, конечно, что в злобе кабан топчет ногами землю, разъярённо трёт о кору клыки и устрашающе пофыркивает, зато, когда зверь спокоен, он то и дело сладко похрюкивает, будто от удовольствия. Не дикий кабан, а милая домашняя свинка!

И, правда, у кабанов всегда такой вид, словно они только проснулись и оттого выглядят несколько взъерошенными. Их дремучие глазки смотрят на тебя недоумевая: что это такое большое на двух ногах? Если зверь, тогда почему он так неприятно пахнет? К слову сказать, зрение у кабанов не из лучших, а вот нюх и слух – великолепны.

Зрение, на самом деле, подводит нашего дремучего зверя, но обоняние у него превосходное... И дано оно ему, по-видимому, только за тем, чтобы учуять пищу. Кабана не зря отличает размеренный и малоподвижный образ жизни, потому как заботит его только желание поесть, и такая черта предполагает у животного непременно добродушие... Это становится понятным, когда увидишь в заснеженном лесу застывшую среди древесных стволов взлохмаченную физиономию зверя, пристально нацелившего в твою сторону свои маленькие глазки. Одному лесному богу ведомо, о чём смекает кабанчик, подслеповато вглядываясь в то, что происходит у него под носом...

Кабан неотступно, не шелохнувшись, буровит тебя своим немигающим взглядом, но от этого становится не страшно, а смешно. Мохнатые уши, похожие на мочалки, торчат в разные стороны и придают грозному зверю такое выражение, что невольно улыбнёшься. Довершает забавную картинку щетинистое рыло, всегда чем-то перепачканное и раздутое, будто кабан набил за щёки желудей или картошки, пережевать не успел, да так и застыл милым изваянием.

На первый взгляд, кабан, действительно, представляется более занятым, чем грозным и неповоротливым существом, но стоит ему слышать какой-либо посторонний звук или учуять чужой запах, а пуще того - кому-либо попытаться напасть на него, и он в мгновение преображается, из безропотного и забавного животного оборачиваясь в разъярённого хищного зверя, обладающего, к тому же, мощной грудной клеткой, облечённой в непробиваемый даже для пули калкан, и острыми треугольными клыками... На кабана хомут не наденешь, и по рылу знать, что не простых свиней, но если его не трогать, то он не проявит свирепости. Весь вид кабана объявляет в нём мирного жителя лесов, что заботится лишь о том, чтобы было цело родное семейство, да все в нём были сыты: ведь мохнатая кабанья рожа одним рылом глядит! Впрочем, зрелище не для слаонервных!

Не зря кабана в старину называли ещё вепрем, значит, зверем свирепым и неустрашимым. Но не всем лесным обитателям, даже сильным, жизнь в лесу за счастье, особенно в зимнюю пору, когда кто-то весел, а кто и нос повесил.

Кабанам бывает худо, если выпадает много снега и землю сковывает ледяная корка: не одолеть им на коротких ногах гибельные сугробы, не докопаться до желанных корешков, и кабаны нередко забираются в стога сена, где подолгу лежат, наслаждаясь теплом.

Часто животные вынуждены пробивать в глухом снегу глубокие тропы: впереди – самый сильный секач, за ним – сеголетки и самки с детёнышами. И так продвигаются кабаны до мелкоснежья, если хватит сил, и разве вспомнишь при этом, как говаривали когда-то на Руси: на медведя идёшь – соломки бери, на кабана идёшь – гроб теши. Слишком измождает зверей суровая зима.

Несмотря на короткие ножки, кабаны очень подвижны, целой стайкой бодро семенят один за другим, время от времени похрюкивают и повизгивают, порой даже начинают верещать, но это только когда их побеспокоят... Они всегда оживлены, казалось бы, при довольно неказистом виде очень проворны и быстры. Если кабанов что-либо неожиданно напугает, они вихрем бросаются в чашу, мелькают среди стволов как маленькие, чёрно-коричневые молнии, и если ты охотник, то даже не всегда успеваешь вскинуть ружьё, тем более, совершить меткий выстрел, и лучше не пугать забавных животных, а просто наблюдать за тем, как они дружной семейкой отправляются по своим делам, как правило, намереваясь чем-либо подкрепиться...

При этом всегда отметишь присущую им толкотню, когда кабаны, в особенности это касается малышей, норовят обогнать друг друга на узкой тропке, что вызывает неудовольствие со стороны мамаш и тётушек, и они могут хорошенько наподдать молодым отпрыскам, вознамерившимся затеять эту бестолковую кутерьму... Правда, беззлобно, только желая поучить уму-разуму. Кабаны живут дружно, делить им особо нечего, и оттого, когда завидишь в лесу семейку кабанов, то невольно подумается: где потеснее, там и подружнее. Семейственность у кабанов за обычай: только что горох вместе не молотят... Семейный горшок у них всегда кипит!

Кабан только рыло просунет – и уже весь пролез! Видел Бог, что не дал свинье рог, да зато кабана наделил знатными клыками и конскими копытцами... Он ими землю разрывает в поиске вкусных корешков, что ему, как ребёнку апельсины... Вроде бы, и сыт кабан, а всё жрёт. Оттого кабаны на небо не глядят, им важно рассмотреть, что у них под ногами: на то кабану дано рыло, чтобы оно рыло, ибо оно одно у него в чести!

Если кабанов не злить и попусту лишний раз не тревожить, то они действительно более забавны, чем сердиты, и, несмотря на свой воинственный вид, обладают добродушным нравом. Как и все свиньи, кабаны очень любят купаться в лужах. Обнаружив в лесу подходящее болото, даже по снегу, они разрывают почву и валяются в ней, пока не вымажутся грязью. После этого кабаны любят тереться спиной и боками о стволы богатых смолой деревьев. Смола, смешавшись с грязью и высохнув,

образует на боках такой твёрдый панцырь, что не по зубам даже волкам и рысям, а густая щетина покрывается смёрзшимися колтунами...

Расторопные и живые кабаны беспрестанно снуют в зимнем лесу в поисках пищи. Тыкаясь мордами в корни деревьев, задевая жёсткими боками их стволы, они обваливают на себя обильно скопившуюся на ветках кучту. Прилипший снег застывает на их взмокших загривках и этих колтунах ещё больше, и, постепенно обкатываясь, превращается в тугие мутноватые сосульки, некие ледяные подвески, присущие только нашему загадочному лесу...

Словно сказочные бубенцы, гулко позвякивают они в лесу, и если оказался где-то поблизости – нечто необыкновенное чудится в этом звуке, за которым хочется следовать в самую глубь лесной чащи, уходя всё дальше и дальше, пока он окончательно не растает в дремотной тишине, оставив тебя один на один с собственными догадками. Но истинное знание причины странного звучания ничуть не разочаровывает, а только прибавляет обаяния многоликой и удивительной природе.

Взвизгивающий возглас возбуждённых чем-либо кабанов звучит как отрывистое и часто повторяемое «ве! ве! ве!», будто звери селятся произнести нечто весёлое или восторженное, да ничего у них не получается. Но кабаны так забавны, что тебе тоже захочется, позабыв обо всём, заверещать на весь лес от охватившего вдруг веселья. И если даже кабаны сами по себе не веселы, то они возбуждают это чувство, когда гуськом, как маленькие лошадки, семят друг за другом по грудь в снегу, сосульки на их обмёрзших боках позвякивают, и своим занятым видом кабаны способны развеселить и потешить всякого, кто, приходя в лес, видит в нём не только серьёзную заботу, но и радость...

Лисичка-сестричка

Лиса – полуночный ловкий вор, и это ремесло составляет её лисью суть... Как и любой другой зверь, она всё время совершенно занята собой. Особенно, когда выходит на охоту до лакомых для неё мышей, писк которых она угадывает под снежной или земляной толщей.

Не раз приходилось мне находить глубокие ямки по опушкам укромных лесных полян или полей, вырытые чуть ли не отвесно, с небольшим наклоном, конечно, подразумевая, что их оставила после себя именно лиса... Всунутая в них по самое плечо рука не достигала дна. И всегда при этом думалось: невообразимо, как лисе, имея довольно внушительное тело и короткие лапы, удаётся проделывать подобное?!

Лиса при этом почти никогда не попадалась мне на глаза. Её оранжевый хвост, возбуждённо вскинутый кверху, озарял лес своей красотой только в моём воображении. Но как приятно было представлять присутствие чудесного зверя, безоглядно охваченного поиском добычи! В какой-то миг видение исчезало, а ощущение оставалось, и ещё долго тешило

разыгравшееся восприятие. Незыблемая радость от соприкосновения с таинственной жизнью зверей заполняла тогда душу, и, конечно, хотелось подглядеть когда-нибудь такую завораживающую лесную картинку.

Сподручнее всего посмотреть озабоченную охотой лисоньку на белом фоне зимы, мышкующую на открытом пространстве, где её нарядная шуба сразу бросается в глаза... Заприметив лису, первым делом подивись тому, как такой сторожкий зверь не боится себя в открытую объявить, но у неё на всё свои приметы, и разбирать их – одно удовольствие. Не слезая с печи - в этом деле вряд ли чего добьёшься, ибо лиса в своей хитрости тем наглее, чем невероятнее её проделки: нахитрит так, что не разведёшь концов!

Взять, хотя бы, её хватку в отношении ежа, свернувшегося в колючий клубок, когда ни одному зверю к нему не подступиться. Но кумушка на то и славится своим сметливым умом, что легко обезоруживает любимого всеми храбреца: она мочится на ежа, и тому ничего не остаётся, как развернуться на собственную погибель... Ум лисы – её верный попутчик!

Во все времена лиса считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, ум слепого, лисицу же слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где рысью норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь нрав её – на свою особую статью, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворозжить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно себе курятинки добудет, как не стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба... Что из того может получиться – всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы замечает. В чистом поле – увёртыш, лиса всё хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте, поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки между собой называют «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает по чему-нибудь более мягкому, в отличие от собаки, которая тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке, стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы – спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса смекает быстро, что ненадёжно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей...

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни проехать ни пройти, устремляется коротконогая лисичка в открытое поле, где снежный покров хотя бы отчасти утрамбован безудержными ветровеями... Мышка, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, но почуяв грызуна под снеговой толщей, не приближается вплотную к мышиной норке, замерев в двух-трёх шагах, чтобы не вспугнуть его и давая возможность успокоиться, а затем, сгруппировавшись, совершает прыжок, опускаясь точно в том месте, где находитсямышь, зарываясь в снег с головой, так что на поверхности вздрагивает лишь огненный хвост.

Пискнуламышь в зубах хищника – и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий радостный кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, сосредоточив всё своё внимание на маленьком зверьке под снегом... Так и стоит, не шелохнувшись, столбиком: мордочка и ушки в возбуждении застыли в одном положении, ничего, кажется, не замечает лисонька вокруг... Но вот, изогнувшись в воздухе изящной дугой, лисичка вновь ударяет передними лапками в снег, задрав задние кверху, повторяя подобные выкрутасы и раз, и другой, пока не добивается своего... Движения лисы при этом грациозны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розовому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

Когда жемышь не показывается, но лиса слышит её, то она начинает приплясывать на месте, ударяя лапами о землю, чем выгоняет полёвку наружу. Мыши не терпят сотрясения почвы, это их беспокоит, и они покидают свои норки, что Патрикеевне и нужно. Лиса – ушлый зверь, призванный выслеживать и брать то, что по праву считает своим. Ей нет равных в отыскании добычи, и лиса живёт в лесу припеваючи, никогда не испытывая недостатка в корме. Чьё поле, того и воля!

Даже когда лиса утолит своё голод, она не перестаёт давить мышей, припрятывая их у опушки леса, часто – под роваленными деревьями. Так, бывает, с полдюжины накидает, а потом бродит лунной ночью, отыскивая свои припасы. Лисонька слывёт в лесу заботливой хозяйшкой: днём – припасиха, а ночью – прибериха. Запас пить-есть не просит!

Так и живёт Патрикеевна всю зиму, неспешно передвигаясь по её белой скатерти, и всё время прислушивается – не пискнет лимышь. Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение, и тогда держи ухо востро: вот-вот появится аккуратная ямка в снегу, вокруг неё налёт искрящейся пыли и две капельки крови – всё, что осталось от бедной мышки.

А вот след в гору, похожий на заячий, лисица оставляет, когда поднимается галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордой снег роет, хвостом след замечает, только её и видели!

Ещё у лисы бывает такой ход, который не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идёт «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой тоже доверять нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого объегорит и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок и живёт в нём барыней: хитрее себя в округе никого сыскать не может.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как бы замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природы, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она – разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же лесной сторожкий дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он урезонивает спесивость зверя и как бы ограничивает его вседозволенность. При всей своей разнузданности - лиса порой вынуждена относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, часто лисица не боится подходить вплотную к деревне. Близёхонько подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём распутывая её наброды поутру!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже

хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и знанию!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей не сладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесью густых хвойных лап снег оказывается помельче. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять завалу...

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след. Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись клубочком, изредка поглядывая да послушивая. Для самой же лисы такие днёвки представляются простыми и неприхотливыми: не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, которая составляет лучшее, что она имеет. Оттого и ложится открыто, на пригорочке, чтобы при случае успеть вовремя ретироваться...

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как бы спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным по мере сил перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется к деревне, где есть поля и дороги, и какое ни на есть пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, потому как хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, которую обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и равнодушное отношение к собственной жизни.

О многом может рассказать оставленный на снегу лисий «нарыск» - мягкий, нацеленный. Цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается любимым убежищем. И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшьё лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи, хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Но завидев однажды мышкующую лису в морозный солнечный день, меня заинтересовало даже ни её умение охотиться, та изящная ловкость, с какой она подпрыгивает чуть ли не на метр, вонзаясь затем мордой глубоко в снег, ни изошрённый ум и смекалка, а ярко-оранжевый наряд, что невозможно было не заметить в широком заснеженном поле... Поразила

именно эта яркость, что невозможно было не заметить, так что сразу подумалось: для чего лисе такая бросающаяся в глаза шкура, что, кажется, никак не идёт ей на пользу?!

Лиса видна всем не только в зиму, но и в любое другое время года... И вспомнилось, как совсем недавно поднял поутру рыжую красавицу в молодых овсах, неподалёку от опушки леса, где она, по-видимому, охотилась на мышей... Услышав меня, лиса совершила в хвойную чащу два высоких прыжка, и на фоне густой зелени была хорошо отличима... Так отчего же лисичка не боится красоваться своей роскошной шубой?

Долгое время я никак не мог сообразить – в чём тут дело. Казалось бы, броская одёжка, пусть и красивая, лисице в лесу, действительно, ни к чему. И ещё тогда подумалось: зачем у неё такой красивый и, вроде бы, совсем не нужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы заметать, которые, если кому понадобится, и без того разберут. Да и с красотой не всё так просто: не призвана она в лесу в глаза бросаться...

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя и подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком. На снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой. И тут я понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы, когда она, оборачиваясь им, утыкает в него нос, а холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Хвост лису бережёт, и она никогда его не замарает!

Но к чему же, всё-таки, лисе такое привлекательное обличье? Скажем, зайцу природа предопределила менять зимою серый мех на белый, чтобы не быть заметным, и точно таким же образом она позаботилась о горностае, ласке, полярной сове и белых куропатках... Медведю, барсуку и енотовидной собаке нет надобности переодеваться на зиму, потому как они проводят её в спячке. Бобры всю зиму обитают в хатке под водой. Ловкие куница, соболь, белка и норка с колонком могут позаботиться о себе благодаря собственной юркой ухватке, используя, к тому же, дупла и гайно. Кабаны с лосями хорошо различимы на снегу, но в состоянии постоять за себя, имея мощные клыки с рогами. И только лиса в лесу на загляденье привлекательна, и даже не пытается при этом затеряться в чаще, свободно мышкуя по открыто раскинувшимся полям... Почему?!

Неужели природа, на примере лисицы, просто решила покрасоваться своими неограниченными возможностями, будучи уверенной, что на её яркую привлекательность никто не покусится? Ведь у лисы, по сути, нет врагов, и потому бояться ей некого, она не нужна ни медведю, ни рыси, ни кабану, и даже если лиса подвергнется нападению со стороны волков, то она способна забраться на дерево! Лисе в лесу всё нипочём, и ловкий зверь чувствует себя в нём вольготно, красуясь богатым огненным мехом и пушистым хвостом...

Сама природа красуется лисою, проявляя в ней торжество грации и красок, чем манит и блазнит человека, призывая его к достижению

совершенства. Устремляясь к нему, человек воскрешает себя, свой дух... И всё – благодаря лисе!

Утёнок

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное событие... То застаю лося, забредшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косолапого медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога... Бывало, залетали сюда и глухарки с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выискивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлётом. Неподалёку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои горячие токовища, по берегам озерка, на черёмухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же – постоянно!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были вновь плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну уточку всё же зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился...

Но куда же он подевался? Может быть, ловкий чирок ушмыгнул в кусты прямо за болотиной, но травы стоят – не шелохнутся, а утёнка нигде нет... Ясное дело – не прост, оголец, да и то верно, что всякая птица в лесу на свой покров: мала птаха, а сходу не взять, есть у неё свой ум! От этих мыслей всё во мне проникается уважением к чирочку, которого охотники прозывают «трескунком» или «свистунком» в зависимости от того, как тот себя ведёт, но только сейчас ловкая птица так затаилась, что я никак не могу её ни разглядеть, ни услышать. Чего, кажется, проще, а не даётся чирок: слов нет, как уноровист, бродяга...

В лесу завсегда мне было и потаённо, и весело: знай, разбирай повадки зверя и птицы, что чудны бывают необыкновенно. Взять, хотя бы, этого самого чирка: мала уточка, а соображения в ней – на целую стаю огоделых галок! Зачем, казалось бы, утёнку таким мудрёным быть, но пришла беда, и вот он во всей красе – себя своим природным умом спасает, охотника за нос водит: поди его, возьми!

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было понятно, что

оставаться долгое время незамеченным, тем более, подраненным, он не может. А между тем, гладь озера ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не показись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озера с отражающимися в нём соснами и берёзками, и я вдруг сразу всё увидел... Чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причём, вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой... Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: уточка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика – тот же утёнок!

Звериная свадьба

От какого-либо пока не встреченного в лесу зрелища порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шёл ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, вспугнёт зверей, которых ты вот-вот должен застать за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь. Но, благодаря оставшимся на снегу следам, можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события и ясно представить упущенную лесную картинку. Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаённом осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этого было: и небольшая укромная полянка, и тихое ноябрьское утро с ласково струящимся над землёй светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе...

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова всё увидеть, но уже по-другому, так, как никогда ещё не удавалось... Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое пересвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот, впереди залаяла собака – отчаянно, залиvisto, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно взволновавшее её... Лай быстро удалялся, уходил вниз к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит. Когда зверь оказывается один, собака обычно держит его на месте, не давая уйти, но вот если она кого-то погнала, тут может быть что угодно...

Судя по расстоянию, откуда доносилось поначалу возбуждённое взлаиванье, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь

семь-восемь минут. Пройдя до этого с десятков километров и, как будто догадываясь, что тебя может ждать здесь ещё невиданное зрелище, неприятно было истытывать неудачу. А лай всё удалялся, и вскоре вовсе затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом в ожидании победителя. Но тщательно рассмотрев место предполагаемой битвы, следов крови я не разглядел, мало того, после более внимательного обследования обнаружилось, что одни отпечатки следов округлые, пошире, а другие узкие и вытянутые.

Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны... Стало ясно: чья-то собака просто разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви, что протекает у лосей осенью. Пришёл незван, и ощущаешь, будто и сам изгнан, но разве за богатством я гнался?! Мне хотелось соприкоснуться с чем-то неизведанным...

Долго я стоял, представляя, как здесь всё происходило... Лось, наверное, неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они тоже стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбуждённые сердца, и ничего не предпринимали... Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землёй запах первого снега, а мне стало до боли жаль, что зверей вспугнули, и они, быть может, никогда больше не встретятся...

Кунья мордка

Куница... Довольно длительное время я ставил на этого зверька капканы и разного рода ловушки, пока не отказался от всего, что могло нанести кунице какой-либо вред. Я вообще однажды раз и навсегда прекратил охоту на зверей и птиц, больше не находя в этом никакого смысла.

Поначалу мне казалось, что охотой я приближу к себе через добытого зверя его тайну, но, увы, этого так и не произошло. Однажды мне стало совершенно очевидно: для того, чтобы понять и разгадать удивительный мир природы, совсем не требуется убивать. Нужно лишь быть неутомимым и наблюдательным, терпеливо постигая лесные секреты, и лесные тайны рано или поздно обязательно откроются, потому как покой пьёт воду, а беспокой мед. Тем более, если ты не несёшь угрозы лесному миру и живёшь с ним в согласии.

На памяти моей немало интересного, что было связано в лесу с куницей... Однажды, в начале ноября, куница перебежала передо мной лесную дорожку... Выйдя тихонько из-за поворота, я увидел, как впереди, на середине глухой просеки, остановилась куница. Привстав на задние лапки,

она замерла так на мгновение, а затем ударила передними по снегу, подняв фонтанчики искристых брызг... Видимо, почуяла мышь, и тотчас среагировала на её присутствие. Запомнилась её настороженная, но не отрешённая стойка, что позволила разглядеть её оранжевую грудку, представляющуюся на белоснежном фоне невиданным для зимы цветком...

Был случай, когда мне удалось понаблюдать за куницей, которая то и дело выглядывала из дупла, видимо, утепляя его перед непогодой. Выбрав место под гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница всегда держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяйка, она бывает так же неуклонна в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про неё: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в санях дрожит». Всегда приятно представлять при этом, как ловко передвигается зверь по рыхлому снегу, колесом выгнув спину: всё в облике куницы соответствует её охотничьей сути.

Когда куница устанет от своих вкрадчивых охотничьих дел, то заберётся в такое липовое гнездо или брошенное гайно белки, свернётся тёплым клубком и сладко забудется на время. Метель ей поёт свои заунывные песни, морозко позвякивает волшебным колокольчиком, а куница спит себе спокойно, ни о чём не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны...

Как-то раз мне даже довелось напугать спящую куницу. Я проходил мимо неё по густому мху, охотясь на рябков, и куница подпустила меня почти вплотную, а когда пробудилась – с испугу брякнулась наземь с еловой ветви, на миг ощерилась, выпустив из пасти облачко пара, и исчезла в валёжнике, оставив после себя почти живое воспоминание, что живёт во мне до сих пор...

Часто бывая в лесу, я всегда с трепетом наблюдал следы куницы, которая обычно печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунки, проделанные передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперёд.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно убрдно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить и скакать мастерица. Идёт «грядой» с одной верхушки на другую – не спастись от неё даже более легковесной белке...

Туловище куницы тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что создаёт им волшебную мягкость. Хвост длиной в половину тела, густо пушист и служит великолепным рулём при погоне за белкой. Куница – вкрадчивый и ловкий лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка – хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко, в охоте

куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от её острых зубов не будет никакого спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она всегда на Руси почиталась, дорога и богата была с неё пушнина. Куньи, бельи да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был первее всех иных, и чтобы умиловить кого-либо, одаривали куницею...

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При её сватанье дружки приговаривали так:»Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, отдай за куницу красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно от слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить – выкуниться. То есть, вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело ещё одно значение – поправиться, выздороветь.

Сама куница – удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому желающему продлить свой род надлежит держать с ней ухо остро, ни на минуту не теряя бдительности. Сохраняя многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и ещё более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радуется куница из года в год за всё живое, проворство своё драгоценное не исстрачивая. Имеется у неё и не всегда видная примета, что неожиданно показавшись, ошарашит... Это именно то самое большое пятно на горле и нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет, что мне привелось однажды у куницы увидеть. Куница им как бы завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота...

Имея эту необыкновенную душку, куница, конечно, может собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна... Пустое желание просто нравиться – куницу не удовлетворяет. Именно из-за способности в мгновение собраться и довести начатое до конца, не теряя при этом удивительной грациозности, её в народе и уважают.

Лесная куница невероятно сторожка... Всё новое тотчас берёт себе на ум. Преодолевают открытые пространства только в самых узких местах, и всегда оставляет себе заметку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, в валежинах и завалах западает и вновь впереди возникает. Меряет куница им чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удаётся вживую углядеть её нарыск, что никогда не прекращается, и уж если посчастливилось – радости с восторгом тут не оберёшься!

Но как бы человек ни желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань: здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих следов, ни один отложек не пропустит. Тянет её к таким местам, которые можно с удовольствием проследживать и тут же хорониться. Кунице, по её неприхотливости, кажется, очень нравится жить, и получается это у неё с большим вкусом.

Это хорошо видно именно по мягкости её следа, какой-то необыкновенно уютной линии, которую она оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально вглядываясь вокруг, то и дело внюхиваясь. Вроде бы, даже и сама зима ей нипочём.

Всего не упомнишь за долгие годы хождения по лесу, но всегда при встречах зверьки убегали от меня. Происходило это потому, что я постоянно старался их преследовать: каюсь, ставил на куницу разного рода плоски да кулёмки. А нужно было почувствовать себя со зверьми на равных, относясь с достоинством и неподдельным интересом к их лесной судьбе. И только однажды, когда я был без ружья и уже давно не ставил капканы, куница прибежала ко мне сама...

В тот сентябрьский солнечный день я стоял под лиственницами и слушал, как мягко осыпается на землю порыжевшая игла, ожидая, когда на деревья прилетят кормиться глухари. Мне просто хотелось понаблюдать, как птицы будут подлетать на вечернюю кормёжку, усаживаясь в оранжевых верхушках лиственниц, как неспешно начнут расхаживать по толстым веткам, склёвывая сладкую иглу, и изредка замирать, настороженно вытянув бородатую голову. Прислонившись плечом к небольшому дереву и впитывая все запахи, которые источал чудесный осенний день, я совершенно перестал замечать всё, что происходило вокруг. Душа моя была полна воспоминаниями о том, как когда-то я разыскивал в здешних местах глухаринные и тетеревиные тока, и, только случайно нагнув голову, заметил куницу, которая неспешно направлялась прямо к моим ногам...

Зверёк семенил тихонько по узенькой тропке, ловко огибая пеньки и валёжинки, и было похоже, что следует он давно известным ему маршрутом, по каким-то своим, не очень важным делам. Нас разделяло каких-нибудь три-четыре метра, но куница не замечала и совершенно не чувствовала меня. Мало того, через мгновение она просто ткнулась мне в сапоги, обнюхала их и что-то начала раскапывать рядом, под корнями лиственницы, а я стоял, не шелохнувшись, и не мог поверить в реальность происходящего. Стоило протянуть руку – и я бы прикоснулся к маленькому лесному чуду...

А куница, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания, стала взбираться по стволу деревца, растущего возле лиственницы, и через мгновение достигла уровня моего лица. И тут, наконец, заметила человека. Моё присутствие, как ни странно, её нисколько не напугало. Куница лишь насторожилась, цепко вглядываясь прямо в глаза, и продолжала оставаться на одном уровне с моим лицом.

Что-то её во мне здорово заинтересовало. Она чуточку оскалилась, показав острые жёлтые зубки, но по-прежнему не убегала и смотрела, будто стараясь заглянуть в самую душу. В какой-то момент мне вдруг показалось, что это вовсе не куница, а сам лесовик, воплотившийся в обличье хищного зверька. Так он, видимо, пожелал предстать передо мной и проверить, достоин ли этот человек его внимания и стоит ли допускать его к своим тайнам.

Мне стало почему-то не по себе, но я выдержал цепкий взгляд куницы, и даже попытался сказать ей что-то, чувствуя, впрочем, свою растерянность. Присутствие зверька оказалось для меня неожиданным, моя открытая лесу душа была ещё, по-видимому, недостаточно покойной и мудрой, и я не нашёлся – что сказать, и только невольно улыбнулся... Кунья мордка хищно вздрогнула и чуть отпрянула, а глазки остро загорелись двумя неистовыми угольками. И я вдруг понял, что со мной произошло нечто очень важное, лес будто проверял меня на прочность и моё отношение к его обитателям, и я это испытание выдержал.

Глаза куницы не льстили и не бранили, они не пугали и не просили, не насмехались и не заигрывали, а только свидетельствовали о дремучей лесной тайне, выражая жгучую непримиримость ко всему, что может эту тайну нарушить. Своим взглядом куница не выражала, что ты ей враг, в нём лишь светилась глубокая лесная правда, которая заключала в себе переживание полной свободы. Вся правда леса для куницы состояла в том, что ей было просто предназначено стремительно догонять и повергать, во имя здоровья лесной чащи и блага самой природы. Эта, никем не обузданная, жажда первенствовать – и отобразилась во взгляде зверя, который никого и ничего не боялся...

... Всё в лесу рано или поздно выходит наружу для любознательного человека, подумалось мне тогда, и открывать его удивительную бывальщину куда лучше любой сказки!

Осенняя песня

Всё самое удивительное случается в лесу только раз, как будто оно именно для тебя и было уготовлено, но чтобы ты лишь однажды, благодаря своему везению и трудолюбию, увидел его, насладился и запомнил на всю жизнь, впредь неукоснительно следуя мудрым лесным законам. Так открылась мне страничка из глухариной жизни, по осени, когда птицы с вечера, за два-три часа до заката, прилетают на высокие осины, объедают лакомый для себя, подвяленный ночным холодком, лист, и в удовлетворении засыпают на деревьях. Бывает, даже попоют немножко, что охотники меж собой называют «осенним током», но случается такой ток редко, и мне довелось подслушать его мельком, давно-давно, когда я ещё только начинал разыскивать глухариные токовища...

Сразу замечу, что для подобного везения должно много всего сложиться: и погожий осенний вечер, и сосредоточие глухарей в одном месте, и полянка удобная с высокими осинами, поднявшимися выше ёлок и берёз по самой её опушке, и ещё какое-то очень удачное стечение обстоятельств, будто предопределённое лесным богом. И всё лишь для того, чтобы ты увидел это таинство и пережил его вместе с птицами, после чего непременно покажется, ровно и сам полакомился подмороженным сладким листом и от удовольствия потом «потоковал», забывшись в коротком сне под могучими осинами. Будто ты тоже глухарь, отчего вдруг приходит на ум, что когда-то, миллионы лет назад, может быть, это так и было, и именно с тех пор несёшь ты в себе любовь к этим древним птицам, и ничего не в силах с собой поделаться...

В пору летнего благоденствия и всеобщей разомлелости в природе скрытая сила как никогда мучительно одолевает глухаря... Что-то в его организме происходит значительное, превосходящее прежнее, уже отвоёванное пространство собственной жизни, и он забывается без памяти на всё оставшееся лето. Опомниться ему суждено только под осень, узнавая теплоту её красочного счастья.

Незаметно подбравшаяся изнутри лета и опрятно разомлевшая, осень тихо устанавливается в своё время, превращаясь украдкой в чудесное глухариное царство. Что за дело в нём неприступным соснам, мокрым кустам и озимым травам до далёкого мира людей?! Что за дело самим глухарям до любознательного человека, что непременно усматривает в укромном существовании этих царственных птиц дорогие для себя мечтания?!

Наверное, глухари – нечто большее, чем просто мечты... Они – невольные законодатели потаённых лесных настроений, чутко предугадывающие их. Глухари – это ничем незапятнанная история жизни леса, его неугасающая надежда.

Поначалу глухарь всегда представляется птицей таинственной, и это недалеко от истины. В немалой степени тому причиной его резко снизившаяся в последнее время численность. Но так же верно в отношении него и то, что глухарь, сохранивший седую древность своего полузабытого прошлого, не изменил дикой природе: он мудро и неторопливо хранит свою верность ей, подпуская к себе только более сильного.

Осенью, в ясный солнечный день, лес, кажется, полон глухарями! Идешь по просеке – красная бровь его то спрячется, то покажется, петух перебегает впереди дорогу словно чёрный чёрт, как-то по-таинственному скособочившись... Он – всюду, ему невтерпёж в такую чудесную пору сидеть на одном месте под ёлкой, как зимой.

А по осинам радость: лист на вкус стал – ох, как хорош! Не сравнить с сосновой иглой, так опостылившей за долгую зиму. Подправив по весне здоровье подснежником и сон-травой, отъевшись в благодатные летние дни ароматной ягодой земляникой, начал летать глухарь «на осину».

Осень даже ещё не залегла в лесах, только приноравливается – как ей поудобнее это сделать, а глухарь уже на осине: любит он на самом склоне лета полакомиться её душистым листом. Лист подвял, слегка пожелтел и завернулся в трубочку – поневоле полюбишь его в эту пору, когда ягоды пропали, нет уже ни малины, ни черники, а брусника с клюквой ещё не поспели. Берёзовый лист стал словно лыко, а хвою ещё не прихватил мороз – не сладка она для глухаря, не желанна. Один выход – перебираться на осину.

Сидит глухарь в самой её верхушке и так прижмётся к ветке, что будешь стоять внизу, смотреть вверх, а ни за что его не увидишь. Рано поутру глухарь обычно не прячется и сидит свободно, похрустывая листвой. Сидит, осторожно посматривает вокруг – не видать ли кого? А заметит внизу зайца или лося – озабоченно защёлкает, затэкает, вытянув шею. Ничто его в эту пору особо не беспокоит, и глухарь находится в добром расположении духа.

Но не всегда и не сразу посчастливится это увидеть, зато уж если повезёт, то вволю насладишься незабываемыми живыми картинками из потаённой жизни сторожких и таинственных птиц! Рассаживаясь задолго до захода солнца, глухари выбирают деревья высокие, стройные, с густой шапкой листвы. И обязательно неподалёку от весенних токовищ...

Бывает, что прямо после вечерней кормёжки глухарь никуда не улетает и тут же засыпает, а поутру, перед тем, как поклевать прихваченного за ночь холодком листа, неспешно пробует горлом осенний воздух... Воздух, как и весной, роится замершим ожиданием, и так же ненавязчиво, но отчётливо слышатся и незаметно истаивают в настороженной тишине время от времени срывающиеся капли его скрипучего пощёлкивания: «Уок-уок-уоок!»

Глухарь не скиркает и не точит: так, роняет в воздух что-то по-осеннему раздумчивое, и не пытается отыскать. У него есть всё, чтобы не чувствовать ущерба от своего существования в преддверии зимы, и он сполна переживает эту упоительную лесную волю.

Мне нравится бывать в гостях у глухарей ранней осенней порой, как и весной открывать их повадки, слушая редкие горловые поскрипывания, но о превращении в этих птиц, при всей своей любви к ним, я почему-то не думаю. Скорее, что-то из них уже когда-то перевоплотилось в меня самого, и вот теперь живёт покойно в предвкушении новой жизни.

Часто встречая глухаря по осени, одиноко сидящего на осине, приходит мысль об утвердившемся в нём с веками унылом равнодушии. Но на самом деле глухарь, наверное, просто не ощущает в себе излишнего напряжения, и всем своим диковинным поведением отодвигает усталость однообразного существования. Он - не различимый человеком труженик, верно охраняющий никому непередаваемое лесное терпение, красоту и благо.

Стоит только послеполуденному солнцу ласково озарить осиновые верхушки, как глухари дружно слетаются на них, озабоченно рассаживаясь и издавая хрюкающие звуки. Большой частью - это золотисто-рыжие копалухи, мошники же располагаются тёмными грушами неподалёку, на ёлках, делая это более незаметно и даже скрытно.

Осторожно передвигаясь у самой кромки леса, можно подойти к ним очень близко, замерев, долго стоять, задрвав голову, но так и не разглядеть их жаркое в лучах предвечернего солнца оперение... Глухари умеют удивительно ловко маскироваться на толстых ветвях, и только при какой-либо неловкости с твоей стороны обнаруживают себя, тотчас перелетая на соседние деревья... Уже пожелтевшая и порядком поредевшая листва, казалось бы, не может надёжно скрыть их от твоего пристального внимания, и, тем не менее, глухари часто остаются незамеченными.

Но довольно знать, что глухари здесь. Вместе с последними отголосками уходящего лета солнце поспешно ускользает за горизонт, и весь лес окутывают прохладные сумерки. Птицы мгновенно забываются в чутком сне, и я неслышно ухожу в избушку, чтобы под утро, как и весной, подойти к ним в глубокой тишине, и ждать такого же чудесного пробуждения...

Ночью не хочется думать, что осенние звёзды льют тебе свой прощальный свет. Там, в вышине, в своей отрешённой задумчивости, они по-прежнему покойны и чисты... Месяц же, сияя, может быть, не так ярко, как зимой и весной, радостно красуется начищенной желтизной. Глухари спят, вокруг тишина, и, коченея от подбирающегося осеннего холода, я пробираюсь к ним в темноте, почти как весной, только лишь с той разницей, что лес молчит, многие птицы уже отлетели на юг, но я счастлив, что все глухари с весны остались целы: судьба сберегла их для будущей лесной жизни...

В этой распротёршейся повсюду осенней потаённой тишине также тихо и полусонно посещает вдруг мысль, что в природе нет борьбы за свет и постоянного желания любить: просто у каждого времени года существует своё, дарованное Всевышними Силами, прекрасное мгновение и жизненное пространство, может быть, это какой-то величественный природный дух или божественное сознание, что не позволяет осени первенствовать в чём-то существенном перед зимой, так же как спокойная и раздумчивая зима, на деле, никогда по-настоящему не противится наступающей в своё время разудалой весне... Всё в природе, действительно, происходит по какому-то чудесному, заведённому именно Богом порядку каждому явлению быть в своё время и на своём месте, иного предположить невозможно, да и не хочется, если не устаёшь постигать жизнь, и она тебя радует.

К чему это я? А к тому, что только по весне все птицы перевозносят эту чудесную пору и заботятся о продлении рода, осенью же – готовятся к долгой зиме, но вот глухари, по неизвестной никому причине, иногда изменяют своей природе: они токуют в непривычное для себя время... Об этом мало кто знает, наверное, только потому, что увидеть и услышать осенний ток суждено настоящему искателю, неутомимому исследователю лесной жизни, когда необходимо затратить ещё больше усилий, чем весной, и далеко не каждый полесовик решится на это: стоит ли овчинка выделки, если песню глухаря и его самого можно в полной красе подслушать и подсмотреть весной, в наиболее подходящую для этого пору?

Сложность заключена ещё и в том, что осенью глухарь может проявить желание попеть, пусть и не так страстно, вовсе и не на месте расположения весеннего токовища, а там, где ему выпало счастье находиться, скажем, во время удачной вечерней кормёжки, или поутру, после радостного пробуждения, когда этому способствует доброе осеннее утро, с лёгким морозцем и румяным солнышком, и это место нужно, к тому же, угадать, то есть, твоему поиску должно сопутствовать обыкновенное везение...

Мне повезло, и вот, я здесь... В душе вдруг воцаряется удивительное ощущение неразделённости с этим, казалось бы, обыкновенным лесным покосом, так уютно раскинувшимся прямо по над логом, на южной его стороне, с величественными осинами, оказавшимися даже выше берёз и ёлок... Эти осины, как неведомые стражи, замершие по краю поляны, кажется, были преисполнены присущим только им достоинством, покойно содержа в себе какую-то необыкновенную, но непритязательную силу. Недаром, наверное, глухари выбрали именно эти деревья, и мне тоже захотелось находиться рядом с ними...

Почуднее устроившись в небольшом стожке сена, прямо напротив осин, я имею возможность наблюдать всё, что будет происходить передо мной. Пронизывающий ночной холод предательски закрадывается мне под телогрейку, но над головой, в восхищённо посверкивающим зелёными звёздами небе, также восторженно льёт на уснувшую землю свой таинственный свет взобравшийся на него выше звёзд ясный месяц, освещая всю полянку, и становится так, будто ты присутствуешь на каком-то завораживающем воображение театральном представлении, и оно неповторимо. Всё, что сейчас окружает меня – прекрасно, и я почему-то начинаю думать о тех людях, что спят в эту ночную пору в своих уютных городских постелях, и ничего этого не видят... Недаром в народе пословица ведётся: час терпеть, а век счастливо жить. Мне же приходится терпеть гораздо больше, и потому счастье моё безмерно!

Да, терпеть не беда, было б чего ждать, и в душе я радуюсь, представляя, как глухари, пробудившись, начнут осторожно пробовать своей отточенной природой гортанью подстывший, чуть вяжущий воздух: тэк-тэк, уоок, тэк-тэк, уоок – уоо-ок... А потом, насытившись пряной лесной сладостью и прочистив горло подстылым утренним воздухом, мягко спланируют с высоких осин, с которых ещё не опал до конца лист, унося на своих мощных крыльях через глубокий лог, за дальние синие леса, так и не разгаданную древнюю тайну... Копалухи же, почти невидимые в кронах мощных деревьев, будут отчего-то озабоченно кокотать, провожая их, и от всего этого сердце затрепещет у меня в груди и перевернётся... И когда старый мошник последним сорвётся за спиной, то оно и вовсе оборвётся и унесётся вместе с ним в манящие дали за рекой, погрузив целиком в эту сокровенно захватывающую осеннюю тревогу...

И так оно всё и случилось, а ещё позже опечаленные звуки осени затихнут где-то под бездонным небом, и уставший в себе за лето лес

успокоится. В такую пору и глухари как бы замирают: с ними происходит что-то еле приметное, не поддающееся объяснению. Точно, как и у человека, когда, однажды, вдруг всё кончается, но ты чувствуешь – в непроглядной темноте томится неизбывный живой дух, который выведет тебя к свету.

Слитность с лесом

Чтобы увидеть зверя или редкую птицу, лучше всего ходить по лесу одному, неспешно, терпеливо вслушиваясь и всматриваясь в окружающую чашу. Если ничего не помешает, какое-либо животное обязательно объявит себя, и тогда нужно, замерев, слиться с лесом. Очень возможно, что зверь даже не почувствует твоего присутствия, приблизится почти вплотную и, может быть, не заметив, пройдет совсем рядом. Полный радостного открытия, ты будешь стоять, охваченный волнением, с трудом сдерживая свой охотничий пыл...

Так, однажды, отрешённой походкою проследовал мимо меня сильный лось, у которого я разглядел цвет глаз и длинные седые ресницы... Лось, по-видимому, был старый, шёл он навстречу мне, понуро опустив голову, и выглядел очень усталым, казалось, совершенно отрешённым от того, что его окружает, и, наверное, именно поэтому он и не обратил внимание на человека... Стоя на краю просеки, по которой двигался мощный зверь, я оцепенел от его присутствия, не понимая – почему лось меня не замечает... Стоило протянуть руку, и можно было дотронуться до его шеи или величественных рогов, но я не решился на это, замерев истуканом, и только впитывал взглядом происходящее, не в силах поверить такой удаче.

Вскоре лось миновал меня, но я не в силах был пошевелиться, всё произошедшее представлялось каким-то чудом, скорее, игрой воображения, нежели действительностью, и прошло ещё какое-то время, прежде чем я пришёл в себя. До сих пор передо мной стоит его понурая голова, грустные большие глаза с длинными ресницами, и та потаённая отрешённость, с какой лось проследовал мимо... Гд-то сейчас мой дорогой, великан-лосик, жив ли, или, быть может, уже слился навсегда со своим величественным ОТЦОМ-ЛЕСОМ, напитав его своей неизбывной силой?

А один сохатый, не обращая никакого внимания на моё близкое соседство, спокойно обдирал молодые веточки осины, изредка всхрапывал и шумно шевелил толстыми губами... Стоял тихий сентябрьский день, я неспешно продвигался по укромной просеке, подманивая на пищик рябчиков, и никак не проявлял себя при этом, отчего лось меня и не услышал. Заприметив сохатого, я замер чуть позади него, постоял с минуту, наблюдая, как он, залрав голову, сдирает губами с высоких ветвей вкусные листочки, и решил, на свой страх и риск, двинуться дальше, боковым зрением поглядывая на зверя...

Поравнявшись с ним, я вдруг обнаружил, что лось тоже заметил меня, кося в мою сторону своим карим глазом, но никак не проявил своего

беспокойства, что показалось мне просто удивительным, и я тихонечко, не чувствуя ног, пошёл дальше, а сохатый, как будто ничего и не происходило, продолжал по-прежнему обдирать листву... Не передать словами, какое это было счастье!

Разве можно назвать такую охоту бесплодной, когда после всего увиденного возвращаешься осенним вечером в натопленный деревенский дом, где по-особому тихо, уютно, и ты, сидя у печки, с какой-то сокровенной радостью вспоминаешь всё, что подарил тебе в этот день лес, переживая с ним удивительную слитность...

Сойка

Когда-то я считал сойку самой скучной и неинтересной из всех птиц. В отличие от сороки или вороны сойка в лесу попадает редко, да и живёт бог весть где. При том, что она старается крутиться возле людей, сойка всё-таки нелюдима. Мне даже в голову не приходило подумать: в чём от неё радость?

Про сойку существует поверье, рисующее её очень глупой птицей, что, впрочем, недалеко от истины. Сойка три раза в год начинает улетать на юг, и всё неудачно: первый раз она летит, когда зацветает греча, второй – когда созревают хлеба, и третий – когда упадёт снег. В первые два раза она принимает белеющий цвет полей за выпавший снег и спешит на юг, но с половины пути возвращается назад, чтобы узнать, много ли она пролетела. В третий раз сойка не долетает до юга из-за недостатка корма.

Словом, по народному мнению, сойка – птица недалёкая. К тому же, вредная, отличающаяся вороватыми наклонностями. Часто можно увидеть, как сойка несёт в клюве какой-нибудь предмет, который она, конечно, где-то уворовала... Всё, что плохо лежит, оказывается её добычей, правда, в этом она схожа с сорочьим и вороньим семейством.

Как и ворона с сорокой, сойка так же беспокойна и криклива... Она никогда не сидит на одном месте, а завидя в лесу идущего человека или зверя, постоянно перелетает впереди него, время от времени издавая неприятный отрывистый крик. Кабы на сойку да не свой язычок, то бы и не погибала!

И, действительно, эта вздорность характера птицы нередко её губит: сойка постоянно, более, чем другие пернатые, попадает в расставленные охотниками капканы. Ей не присуща, как, скажем, сороке, умопомрачительная осторожность. Сойка совершенно неприхотлива к своим нехитрым устремлениям, хоть и достаточно пуглива, что, впрочем, не мешает ей быть любопытной. Издали завидя охотника, который настораживает ловушку, она, толком ничего не разобрав, в скором времени оказывается её пленницей, оглашая всю округу невообразимо скрипучим криком!

И что ещё интересно: ходишь весь очений или зимний день, и не то, что сойки, а даже рябчика не встретишь, но вот попадается чей-то путик с настороженными капканами, и почти в каждом сидит ... сойка! Можно

подумать, что капканы – какая-то необъяснимая сойкина радость, утеха, к которой птицы бездумно стремятся. Где же они всё это время прятались, и чем занимались? Их даже не было слышно!

Обычно сойки кричат и бранятся весь божий день, как будто их бьют или кто-то гоняется за птицами. Но не всяк кричит, кого бьют: сойки кричат просто потому, что не могут иначе реагировать на окружающую их в лесу жизнь. Всякая сойка и за себя-то дело сделать не сможет, а кричит одна за всех! Но ведь без голоса, как говорится, не кричится: есть он, оказывается, и у сойки.

По необъяснимой причине иногда голос сойки отличается удивительной, не схожей с её наклонностями мелодичностью. Чаще всего сойка держится по лесным дорогам и опушкам, и часто мне действительно приводилось слышать такой мелодичный свист, тогда как саму птицу я ещё не видел. Кто-то выдвигал в лесу причудливые тонкие колена, а я и помыслить не мог, что это напоминают о себе сойки. Издаваемые кем-то мелодии своей переливчатостью напоминали весенние песни иволги, которой здесь просто не могло быть... Озадаченный, я останавливался и пристально вслушивался в непонятные лесные звуки, и когда на опушку вылетала стайка пунцовых соек, удивлению моему не было предела!

И всё-таки, даже сквозь музыкальность издаваемой сойками мелодии выдаётся их беспокойная и неопределённая сущность. Прислушиваясь к такой песне, непременно хочется заметить: старайтесь, ребята, старайтесь, помрёте, так с настоящей музыкой! Но откуда сойке быть хорошим певцом – ладно хоть гораздо птица на подобные напевы, которыми сама себя тешит. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть!

Да только сойка и не думает умирать и, держась всегда несколько в укрытии, время от времени даёт о себе знать. Объединяясь в небольшие стайки, птицы, как и в песне, тоже иногда преображаются, проявляя удивительную независимость. Однажды я наблюдал, как с полдюжины соек собирали по краю жнивья оставшиеся зёрна, сидели на земле в достаточном удалении друг от друга и именно поэтому, наверное, явились объектом нападения ястреба-тетеревятника.

Ястреб, почуяв, видимо, лёгкую поживу, нацелился на сойку, которая находилась дальше всех в поле, и, сложив крылья, бросился на неё, но сойка, на удивление, несколько не испугалась, а бесстрашно зашипела на хищника и, замавав крыльями, зацокала клювом... Ястреб потом долго кружил над сойками, пытаясь подлетать к ним с разных сторон, но так и не решился напасть хотя бы на одну из них, в конце концов, оставив свои безуспешные попытки. Сойки совершенно не боялись его и продолжали спокойно кормиться, как будто не замечая.

Ещё сойка знаменита тем, что, как и кедровка, склонна к частым путешествиям, когда ей не хватает корма. Кедровка в Сибири «расселяет» кедр, а вот сойка сажает дубы. Питаясь желудями, птицы часто уносят их далеко от дерева, теряют их по дороге или прячут «на чёрный день» в какое-

нибудь укромное местечко, и жёлуди, попадая в благоприятную почву, прорастают. Сойка может спрятать только в одной своей «кладовой» до нескольких килограммов желудей и ягод, непроизвольно обогащая тем самым наши леса.

Но больше всего среди лесных птиц славится сойкино перо! Тому, кто видит в этой птице только пустое беспокойство и бестолковый крик, остаётся восхищаться её красотой. Дымчато-пунцовое нежное оперение и голубое зеркальце на крыле как нельзя кстати идут птице, которая ничем особенным себя не зарекомендовала. Но зачем природе понадобилось выделять такую обычную птицу, как сойка? Причём, очень ярко даже для нашей средней полосы, лишённой броских красок!

На то сойке голубое зеркальце дано, чтобы она в него, наверное, гляделась. Ей бы перед ним погадать на свою непутёвую судьбу, да она его, скорее всего, не видит. А может, сойка оттого взбалмошна и криклива, что хочет рассказать, какая она красивая, но все замечают в ней только вздорный характер, отчего сойке становится обидно, и она ещё больше распаляется, пытаясь обратить на себя внимание.

Сведущему человеку хорошо известна её краса, и он никогда не упустит возможности полюбоваться сойкиным оперением. А сойка, знай, красуется, потому как ей есть что показать. Она не сорока, которая в одно перо родится, в ней перемешаны и бархатная ночь, и пунцовый рассвет, и лазоревое облачко, посеребрённое лёгким утренним инеем: одно загляденье!

Достались сойке по наследству «перья после Лукерьи», но она ими, кажется, и не гордится совсем. Принимает свою птичью одёжку как должное, ей «перо плеча не ломает». Оно дано сойке для чего-то, и, значит, так тому и быть, хотя жить в лесу с таким пером – смелее любого, даже самого острого, язычка.

Но не пером живут, даже красивым, а умом, и он у сойки, несомненно, есть. Сойка, несмотря на свою красоту, хорошо знает, что всех в лесу не перецеголяешь, и даже если ты дюже хорошо – не по красивым слава. То она и таится чаще всего, давая о себе знать лишь скрипучим и всегда чем-то недовольным голосом.

Правда, сойкин умок, что весенний ледок: ненадолго схоронившись в лесной чаще, птица вскоре опять показывается, по-видимому, от неводержанности чувств: не может сойка долго в тени оставаться... Понимает птица, что с умом жить легко, но зато на красоту глядеть больно хорошо, и сойка всю красуется, не в силах сдержать свою неугомонную натуру, за что часто и расплачивается. Умна сойка, да не разумна: знать, её участь такая!

Изобретательная сорока

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неумоимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о

происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц...

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно попрыгивала, вздрагивая всем телом, и, взахлёб, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня, вернее, её поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным течением. Сорока, охваченная страстью преследования гончей собаки, непроизвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже услышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках. И в какой-то миг показалось: это сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью, холод куда-то незаметно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился!

Мой зверь

Сколько лет хожу в лес, а никогда не задумывался: если бы мне суждено было жить в нём зверем, то каким? Долго думал, всех животных перебрал, и понял, что не заяц я, не волк, не медведь, не лось и не рысь, не колонок и не бобёр... Засомневался даже не на шутку: да есть ли вообще в лесу такой зверь, что хоть отчасти напоминает меня? И вдруг, неожиданно для себя, остановился на барсуке...

Так же, как барсук, брожу я, бывало, по ночным чащобам, натыкаюсь на корни, стволы, камни, и что-то ищу... Очень не люблю, когда другие бездельничают и, того хуже, незаслуженно присваивают себе твой труд, подобно лисе и енотовидной собаке, которые бессовестно занимают в отсутствие барсука его нору. Основательно и с удовольствием работаю, стараясь обустроить своё жилище как можно более уютно и просто.

Барсук предусмотрителен: в отнорках, прорытых им к выходам из основной камеры, он всегда оставляет земляные перемычки, которые не в силах преодолеть его враги, а сам он очень быстро окажется на свободе... Так и у меня: не продумав тщательно планы на будущее, я не чувствую в полной мере вкуса жизни. А ещё я, как и барсук, достаточно чистоплотен и

люблю порядок: в доме моём нет ничего лишнего – только самое необходимое, дорогое сердцу, без чего я действительно не могу обойтись.

Поняв, наконец, кто я в лесу, ещё ближе стал для меня этот симпатичный зверь, а на душе сразу сделалось легко и свободно, будто и в самом деле все животные признали меня своим: трудолюбивым и мудрым затворником родимого леса – барсуком, что обычно в сладком сне пребывает всю зиму. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от холода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни. И ещё неспешен в своём замечательном лесном истечении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь, где-нибудь в январе, над его засыпанной снегом норой и ощущаешь под ногами непрехотливый звериный уют... Хорошо оттого становится на душе, покойно...

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится потом вдруг, каким зверь был неутомимым и работающим, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь, в которой он, наверное, ничего не забывает. Лёгкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы виденное им когда-то... Так незамысловатыми картинками и витает в замысловатых проходах норы, ублажая барсука своим присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата по-смешному переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное перепархивание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к которой он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных кореньев...

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных... Сама размеренность барсучьей жизни и её осёдлость предполагают их.

Барсук – это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешённость от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он – маленький трудолюбивый хозяйчик, между тем, обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, которые он тщательно и без усталости прокапывает всё свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные

перемычки, которые с внешней стороны не сможет осилить ни один его враг, но сам он преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно короткой и весьма подвижной неей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нём существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность. За зиму он хорошо отдохнул, выспался, и тяжёлые видения не обременяют его движений.

Ещё несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни. Более безупречного в этом отношении зверя трудно найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу симпатии, зверь, между тем, никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своём замкнутом образе жизни и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы голотяпые следы на снегу и удивишься: что за зверь выискался в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твоё одолевали волки, зайцы и лисы. Только им ты отдавал предпочтение, и ещё неуловимым рысям, и скрытным глухарям...

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след в лесу – у барсука, хоть и мал, к тому же, отпечаток задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребёнка, отчего при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде, ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать... А уж если найдёт, то и съест, потому как всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не лежитя: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредёт. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето ещё не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придётся

много работать, и последний сон ублажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чистоплотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода, и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

В первые дни после зимнего сна барсук не уходит далеко от норы и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешённости, и пройдёт ещё немало времени, прежде чем мех зверя опять начнёт приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и он забудет на целое лето про зиму. Собственно, она для него и так не представляется бесконечной, ведь зверь проживает её незаметно во снах. В них тоже стоит лето, и барсука, наверное, одолевает иногда недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевает её во снах, за что им, должно быть, очень признателен.

Барсуку, наверное, нравится почти целый год, с апреля по октябрь, чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывается о том, как нужна ему зима. Зима убаюкивает душу зверя, а барсук послушно отдаёт себя на её волю: рано или поздно эти сладкие оковы спадут, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу!

Сорокопут

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением как будто на самом деле плетёт сорок пут?! Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорок, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо. Может быть, только за тем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но даже сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их не плёл, потому что они, скорее, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, а сколько ни путай, говорят в народе, концы всё равно выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало много. Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает...

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видно, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её съедает, а накалывает на какую-нибудь колючку. Так ему,

имеющему небольшие размеры, во-первых, удобнее управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого всю свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если даже он сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, обрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц... Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, почти прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже предосенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали очень точно проявляется характер птицы, которой ничего не стоит угнетать, обманывая, другую, пусть даже родную, только чтобы удовлетворить свой каприз...

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, часто – на телеграфных столбах, и цепко высматривает добычу. Сидит он всегда ссутулившись и как бы сонно насупившись, голову поворачивает медленно. Но вся сонливость его – опять же, только видимая, запутывающая... На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватая её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Птице достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно. Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт и оставит всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы путаницу да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Господь попутал и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

Жаворонки

Невозможно представить весну без жаворонков... Из всех весенних звуков самый желанный и радостный – пение жаворонка. Ещё не сошёл с полей снег, редкие тёмно-коричневые проталины дымятся сизым ароматным парком, неуловимо вздымающимся в высоту, а навстречу этому аромату устремляется тонкая трель маленькой чудесной птички – нашего раннего гостя, будто вознамерившегося пронзить всех своим солнечным пением.

Маняще исчезая в сияющей голубизне, удивительная песня жаворонка произвольно очаровывает всех и не отпускает, будто удерживая землю на ниточках своих непревзойдённых трелей. Даже те, кто не общается с

природой, застышав звонкое пение под небесами, непременно отличают в нём песню жаворонка, не помышляя о какой-либо иной птице. Всем хорошо известен и доступен этот неподражаемый небесный виртуоз.

Испечённые ко дню сорока мучеников из теста в виде птичек булочки на Руси называли жаворонками... Обычно говорили, намекая, что это делается от хорошей жизни: «Ишь ты, жаворонками крошишь!» Жаворонков олицетворяли в народе с хлебом.

Как бы в противоположность тому, что несут с собой нечто приземлённое, родное, жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, а предпочитают им высокое синее небо. Они избегают густых тёмных лесов, выбирая для себя открытое и вольное пространство. Когда жаворонок трепещет крыльями, поднимаясь высоко в воздух, это равносильно тому, что слушаешь его песню: так его движения напоминают её, а вместе – и полёт, и звуки песни, что разливается повсюду всеобъемлющей гармонией...

Жаворонок поёт без передышки: «тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю», когда же ему надо сделать короткую паузу, он складывает крылья, так легко скользит вниз и уже у самой земли их распускает. Поёт обычно самец, без усталости взвиваясь вверх, а самка в это время сидит на земле. Взлетает она гораздо реже, как бы ожидая самца, который, впрочем, и сам находится в полёте не так уж долго. Правда, пребывая на пике своей страсти, он способен подниматься на полторы сотни метров, но иногда поёт и на земле, усевшись на какую-нибудь кочку.

Земля должна достаточно прогреться, чтобы в воздухе появились восходящие тепловые потоки, и когда она просыпается, в ней открываются жёлто-чёрные, серо-зелёные и блёкло-коричневые заросли старых трав... Эта перемена в цвете природы и сулит прилёт жаворонков. Они и сами под цвет апреля – жёлто-серенькие восторженные птахи, которые и льнут к пёстрой весенней земле, и как её живая частица возносятся с радостью в небо.

Каждый жаворонок больше любит оставаться один, во всеуслышанье провозглашая весну, но иногда жаворонки объединяются в стайки, подобно дымчато-жёлтому облачку парят в вышине, а потом неожиданно прямо-таки валяются с неба в сухую траву, совершенно растворяясь в ней. Ещё с осени припасены там для них семена васильков, полыни и зверобоя, и потому жаворонки радостно сливаются с родной землёй после долгого перелёта и не менее восторженно прославляют её.

Точка самого возвышенного и солнечного жизнепроявления весной – это жаворонок, зависший в бездонной небесной высоте. Жаворонок не признаёт середины в своём переполненном радостью поведении: он либо кормится на земле, либо поёт под самым сводом неба. В поющем в поднебесье жаворонке всё сосредоточие весны, её музыка и проникновенность, и воздух будто поддерживает неутомимого певца. Воздух весной – его опора.

Кажется, чем выше жаворонок, тем звонче его песня. Звуки её рассыпаются во все стороны звучными колокольцами, сливаясь со звучанием

колокольцев, рассыпающихся от песен других птиц: овсянок, чибисов, зеленушек и коньков. Песня жаворонка – как небесный ручеёк: течёт откуда-то с неба, переливается в ласковых солнечных лучах. Не сыскать его чище и трепетней даже на земле!

Жаворонок поёт так, что звуки его переливчатой песни доносятся отовсюду. Не покидает ощущение, что движется и поёт весь воздух, всё окружающее тебя пространство. Пристально вглядываясь в весеннюю вышину, не сразу различишь чуть вздрагивающую тёмно-коричневую точку. Она то зависает, то через некоторое время медленно опускается, как будтокто-то удерживает на невидимой ниточке трепыхающееся маленькое сердечко... Это – жаворонок.

По мере того, как жаворонок опускается, звуки песни усиливаются, проясняются, будто тянутся к тебе тонкими серебристыми нитями, которые невидимы, но ощущаются. Песня не надоедает, сколько бы её ни слушал, разносится по всей округе на разные лады, и ты наслаждаешься этой удивительной птицей, неустанно, не переводя дух, радующей своим присутствием. Кажется, что жаворонок никуда уже не денется, останется навсегда с тобой, такой он для всех простой и доступный. Когда я наблюдаю за поющим жаворонком, меня всегда не покидает ощущение, что он находится в каком-то сладостном забытии или даже во сне, до того отрешённо и убаюкивающе разносится его песня.

Жаворонок поёт всегда громко и чисто, в издаваемых им звуках никогда нет какой-либо резкости, а только чистота и мягкость. В его песне будто собираются все звуки, которые приносит с собой весна, она выбрала в свои глашатаи именно жаворонка, доверив ему всю страсть своего восторженного сердца, и жаворонок, будто зная это, старается изо всех сил. Но получается это у него ненадоедливо и привольно, так что всякий идущий по дороге непременно остановится, задерёт голову и прислушается, позабыв про заботы. Жаворонок окончательно вселит в его душу уверенность, что холода миновали: ведь народная примета неспроста гласит, что если рано утром не слышно жаворонка – это к дождю или плохой погоде, ну, а уж если поёт – жди тепла.

Но вот однажды жаворонки ошиблись, видимо, увлѣкшись неудержимо идущей по земле весной. И тепло пришло, и земля от снега оттаяла, и оголились прошлогодние травы с кормовыми семенами, а что-то в природе не улеглось в привычный для весны лад. Ещё с полудня задул ледяной северный ветер, небо сделалось безжизненным, стеклянным, и будто выгнулось от натуги: птицам же просто некуда было деться.

Отгнав машину с дороги в ложбинку, подальше от ветра, мы за всю ночь так ни разу и не сомкнули глаз. Ураган остервенело рвал брезентовый тент, было слышно, как в лесу, на самой опушке, с глухим треском ломаются и падают деревья, про жаворонков мы и вовсе забыли. Только под утро, когда буря утихла, я вышел к краю поля и увидел, что оно усеяно мёртвыми

птицами... Впервые в жизни я убедился в истинности народного замечания: такой холод, что птица на лету мёрзнет!

Все птицы лежали, опрокинувшись навзничь, с задранными кверху лапками, упругий ветерок слегка ворошил их перышки, но от этого они казались ещё более безжизненными. Среди них попадались и зеленушки, и коньки, и ещё какие-то серовато-бурые птички, но жаворонков было больше всего. Ничто, казалось, не предвещало беды, и было бы птицам скорое летнее счастье, да одолело ненастье.

Как же так, думал я. Во имя чего были нужны природе эти жертвы в обличье маленьких трогательных птичек?! Кому они помешали и что нарушили, всем своим существованием, казалось бы, предполагая только жизнеутверждающую радость?! Отчего мудрая природа их не сохранила и не уберегла от злой напасти как раз в то самое время, когда жаворонки должны были прославлять её нетленную душу?!

К природе нельзя подойти без ничего, она любит цельную натуру, и оттого чувства её оцениваются только силой. Очарованный этой силой природы, я смотрел, остановившись, на бездыханных жёлто-серых птичек в траве, опрокинувшихся на спину, и почему-то мне было так, будто не налетала злая непогода, опять светит ласковое солнце и в голубом высоком небе переливисто разносится радостная песня жаворонков.

Сколько времени я так стоял – не могу сказать... Душа моя летала вместе с воображаемыми жаворонками, возносясь в необозримые небеса, а когда возвращалась, я шёл по полю, приседая, дотрагивался до каждого застывшего тельца, и птички как будто отзывались мне на прощание. Народная мудрость загадывает: дважды родился, ни разу не крестился, один раз умирает, радости никогда не теряет, и это – птица, наш милый жаворонок, но только жалко, если погибает он вот так рано, когда даже не оставил после себя потомства, но поверил своему сердцу и прилетел в родные края, преодолев тысячи километров. Появившись ещё с середины апреля, жаворонки уже к началу мая полностью отдали себя жизни, и этим ранили моё сердце, а от раны в душе стал глубже свет, которым захотелось поделиться со всеми.

Ёжик

Много раз я слышал истории про ежей, которые жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках, но самому никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более – ловить. Как это часто бывает, самое приятное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, когда ты его не ждёшь, а помогает обычно какой-нибудь случай, порой напрямую и не относящийся к лесу. Вот и в тот раз ёж попал в мои руки в ... Областном Краеведческом Музее, вернее, в таксидермической мастерской, куда его привезли из деревни отец с сыном, и оставили «на чучело». Ёж, по их словам,

уже давно ничего не ел, вёл себя вяло, и потому они решили, что он «не жилец и нужно употребить его на пользу».

Ёж тихо сидел в картонной коробке и не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто уркнул:»тук». Затем опять, ещё более сердито:»тук-тук, тук». Ёж был очень толстый, и мне показалось странным, что он больной.

Купив пакет молока и булку, я попробовал покормить ежа, но долгое время он никак не проявлял себя. Отойдя за шкаф, в угол, я стал наблюдать за ним, и скоро ёж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с консервной банкой, в которой я ему всё приготовил, и вдруг жадно накинулся на моё угощение.

Банка прыгала по столу, как лягушка, а ёж озабоченно фыркал, неистово подталкивал её к самому краю и, наконец, сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбуждённо затукал. Весь его вид говорил о том, что он вполне здоров, полон сил и самое время отправить его обратно в лес. Ехать за город было некогда, и я отнёс ежа в большой лесной парк неподалёку от своего дома, где выпустил его на укромную полянку.

Знакомые потом осуждали меня и даже посмеивались, убеждая, что ёж непременно погибнет в новом незнакомом месте, и я сам запнусь о его бездыханное тельце, когда отправлюсь туда гулять. Признаюсь, раньше мне не приходилось встречать в этом парке ежей, но я всё-таки не терял веры и очень надеялся, что мой подопечный отыщет себе друзей. Вскоре, за постоянными заботами, я и вовсе забыл о нём думать.

Когда пришла весна и сошёл грязный снег, мы с сынишкой отправились гулять. Наш парк – остатки бывшего, когда-то огромного лесного массива, и изредка в нём можно было наткнуться на следы зайца и лося. Самих этих зверей мы там никогда не встречали, но вот белок подкармливали зимой постоянно, сделали для них две кормушки и даже добились того, что симпатичные зверьки брали у нас сухарики с рук. К кормушкам подлетали синицы, поползни, не гнушались угощения и дятлы с сороками, но когда прибежали белки – птицы разлетались, усаживаясь на сучках поближе. Драк между ними не случалось, и каждый мог взять столько, сколько способен был унести.

Однажды мы оказались неподалёку от той полянки, на которой в начале лета я выпустил ежа. Слышим, кто-то шуршит в пожухлой траве. Пригляделись – ёжик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булабочкой, иголки серовато-белые, кажется, ещё совсем мягкие, сам раза в три меньше того, которого я здесь когда-то оставил. Ёжик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер, а кругленькая попка наружу торчит... Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: откуда бы ему тут взяться? Не иначе, как мой ёж нашёл себе приятельницу или, быть может, то была беременная ежиха... Не случайно, наверное, ёж тогда поначалу выглядел больным, а затем оказался здоровым. Да и с виду он был такой округлый, гладкий, будто мячик. Но голыми руками ежа не ухватишь!

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстаёт, по большей части, добродушным зверьком. Ёж в них всегда очень смелый, потому, что никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обострённым чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без оснований считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно, поймёт, о чём идёт речь.

Выбрав место для норки, ёж заботливо утепляет её осенней листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспмятство зимней ночи и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим ежиным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года своё неподражаемое появление. Душа у ежа, несомненно, есть, потому, как зверь без надобности ни с кем не конфликтует, достаточно добродушен, неприхотлив и, главное, живёт в согласии с окружающим миром.

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и подержать в руках, несмотря на острые иголки. Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкает и зарывается с головой ещё глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что ёж очень умело использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несёт их в свою нору и ест там всю зиму. Трудно вообразить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ёжик спасается иглами от бесконечных врагов, бесспорно. В народе недаром замечали: что ни хват, то ёрш или ёж!

Несмотря на видимую медлительность, зверёк этот очень шустрый. При подступившей опасности ёж быстро убегает, и так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ёжик всё делает, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сомнения, кажется, вообще не посещают ежа, и он представляется всем обыкновенным, милым зверьком.

И вот, нам представилась возможность подержать рядом этого зверька хотя бы день и проверить, какой он на самом деле. Сынишка смотрит умоляюще, глаза горят и, стараясь убедить меня, но не в силах ничего произнести от волнения, только теревит низ моей куртки. Я, конечно, быстро

соглашаюсь, потому как мне и самому интересно понаблюдать за ежом, почувствовать себя его обладателем.

Несём ежа домой, а я опять думаю: раньше ежи не встречались в нашем лесу, этот ёжик совсем маленький, родившийся, по-видимому, в прошлом году, значит, я тогда спас его мамашу, мамаша благополучно разрешилась ежатами, и они с божьей помощью перезимовали. По крайней мере, один ежонок остался цел и невредим, свернулся в маленький клубок в моей шапке и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на сына и радуюсь вместе с ним, что всё так удачно сложилось: человек позаботился о лесе, и тот ответил ему своей улыбкой.

Дома мы первым делом покормили ежа: налили ему в тарелку молока и покрошили туда хлеба. Ёжик, нисколько не пугаясь, подбежал к угощению и начал лакать молочко, да так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав неописуемый восторг у сына. Наевшись, ёжик уснул прямо в тарелке и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ёжик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по линолеуму коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и кроватями, перевернул в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал. Наутро мы обнаружили по всей квартире десятка три его холмиков, причём, помёт у ежа оказался такой едкий, что вся семья полдня оттирала тёмно-зелёные разводы, и было решено избавиться от зверька. Ёж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало множество хлопот, и лучше было отправить его обратно в лес.

Перед тем, как отпустить ежа, мы с сынишкой посадили его на пенёк и ещё раз внимательно рассмотрели. Ёжик озорно поблескивал чёрненькими глазками и на всё, что с ним делали, реагировал спокойно. Сынишка взял его на руки и попросил меня сфотографировать их с ежом на память, а ёжик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает. Он только туркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, ёж, на тебе тулуп нехорош», - это, скорее, относится к колючему, неживучивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как наш обыкновенный ёжик!

Влюблённая глухарка

Не перечислить всех случаев в лесу, многие из которых кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу...

Иногда в рассказах некоторых по-настоящему бывалых охотников, которых уж сейчас почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои не понятные человеку намерения. Причём, действуют порой с такой решительностью, что охотник в полном недоумении спешит ретироваться.

Чаще всего это происходит в глухих местах, особенно, на севере или в нетронутых сибирских лесах, где человек с ружьём редкий гость, а то и вовсе не появляется, и глухарь, во время токования, когда он наиболее преисполнен любовной страстью, проявляет агрессию по отношению к охотнику, усматривая в нём ... соперника, покусившегося на его токовой участок... Для птицы, ни разу не встречавшей в своей жизни человека, тот, вероятно, воспринимается именно как противник, вознамерившийся «потоптать» копалуху из его гарема, в котором, кстати, могут оказаться и две, и три, и пять самочек, ещё с вечера подлетающих на место будущего токовища, где произойдёт, наконец, священное таинство, связанное с продлением рода, и глухарки загодя готовятся к нему. Так вот, петух, находящийся в предвкушении этого любовного священнодействия, когда он наиболее возбуждён, по-видимому, просто не терпит никакой конкуренции, и как хозяин своего токового участка гонит того, кто вторгается на него. Глухарь при этом не проявляет никакой боязни, чего не скажешь, если пытаешься подойти к нему в летнюю или осеннюю пору, когда он никого не подпускает к себе, и чаще всего – бежит...

К тому же, зрение у глухаря, как и у любой другой птицы, устроено таким образом, что он не воспринимает человека тем, кем тот на деле является, угадывая в нём появившееся в своих владениях существо, что непременно должно быть изгнано. Глухарь, вообще, ведёт себя во время тока наособинку, обращая внимание на то, чего в обычную пору просто бы не заметил, не проявил бы скрытые в себе качества, и оттого трудно даже предположить: чего от него можно ожидать?

Причём, глухарь может не только бежать в сторону находящегося рядом человека, возбуждённо цокая и хрюкая, даже – токуя!/, но и именно нападать, подсакивая на уровень роста человека и ударяя его клювом и крыльями, а поскольку и то и другое у него достаточно мощное, то для человека такой наскок раздосадованной птицы может закончиться плачевно...

Но хуже того, когда токующий глухарь сидит на дереве, и, заметив нарушителя границ своего царства, бросается на него сверху... Учитывая, что взрослый глухарь достигает в весе 5-6 килограмм, можно себе представить – какой силы удар последует! С высокой сосны, с разгону, на вас

вдруг обрушивается этакое стремительное ядро, и что с вами будет?! Без серьёзной травмы вам не обойтись, если не сказать больше...

Вероятно, подобные случаи происходят ещё и от полового перевозбуждения самцов, когда они переживают неудовлетворённость при малом количестве на току свободных самок, а порой – и их отсутствие. Возбуждённый самец, переполненный страстью, отчаянно бросается на чужака, появившегося на его токовом участке, и часто этим чужаком оказывается именно человек. Глухарь, всеми доступными ему способами, именно выдворяет человека, даже не предполагая какую-либо угрозу с его стороны, и это указывает в нём на стойкий бойцовский характер, бесстрашие и волю. Как тут невосхититься этой красивой древней птицей, отважно отстаивающей своё право любить и быть любимым?!

Ко всему прочему, подобное поведение можно объяснить ещё и тем, что во многих районах нашей страны популяция глухарей снижается, своё дело тут играет и фактор постоянного беспокойства птиц, когда при хищнической вырубке лесов токовые участки глухарей не только не сокращаются, но и уничтожаются, а поскольку глухари в своём лесном отшельничестве достаточно консервативны, то это и вынуждает их вести себя в отдельных случаях агрессивно, оберегая свою и без того сузившуюся территорию...

Но вот на севере, где леса пока остаются не тронуты, и даже охотники встречаются там редко, мой отец, будучи гелогом, и проводя большую часть своего рабочего времени в тайге, в труднодоступных её местах, наблюдал однажды нападение нескольких глухарей на своего товарища, причём, происходило это осенью... Отец шёл со спиннингом берегом маленькой таёжной речушки, охотясь за хариусом, а приятель его, с ружьём, двигался чуть выше, и когда они вышли к небольшой полянке, товарищ отца решил проверить сосновый борок, поднявшись чуть поодаль от береговой полосы, по-видимому, надеясь встретить там глухаря... Отец в тот момент отвлёкся на очередную поклёвку хорошего хариуса, и уже выводя его, услышал, как позади вдруг поднялся невообразимый шум... Обернувшись, он к удивлению своему увидел, как приятель его, спотыкаясь, бежит к реке, а на него со скрипучим пощёлкиванием и хрюканьем налетают три глухаря, щиплют одежду клювами, прижимая его взмахами сильных крыльев к земле, совершенно не давая возможности распрямиться...

В конце концов, приятель падает, закрыв голову руками, ружьё его оказывается брошенным, и подбежав к нему на помощь, отец начинает гибким удилищем отгонять разбушевавшихся птиц... На силу справившись с ними, отец поднял ружьё и выстрелил, но даже после этого глухари никак не могли успокоиться, на некотором отдалении вели себя по-прежнему возбуждённо, и тогда отец подстрелил одного из них, после чего два других мошника, наконец, удалились. По словам отца, лицо приятеля было белым, как мел, он не мог произнести ни слова, наверное, даже не от ударов глухариных крыльев, а от невозможности осознать произошедшее...

Что же это было? Объяснить подобное сложно, и утешением товарищам служила только знатная похлёбка из глухаря, произведшего среди них такой переполох. Вроде бы, несносная кутерьма, катавасия и впридачу сумбур, словом, сумятица невероятная, что никак не уместается в головах бывалых полесовиков, а проходит время, и понимаешь: всякое дело, касающееся леса, до самого неповторимого, даже очень занятого случая доходит, ежели относиться к нему с открытой душой!

Но вот что любопытно: дерзко могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяющиеся охотнику в бок, спину или под колени, как это произошло однажды со мной, в рассветных сумерках в начале мая... Две глухарки то и дело перелетали вокруг небольшой полянки, у края которой токовал один петух, беспрестанно квохтали, и вообще казались не на шутку чем-то встревоженными, даже – раздосадованными. В поведении копалух ощущалась нескрываемая озабоченность, которую мог вызвать в свободных птицах, к тому же, в их лесной обители, только человек, но поскольку рассвет над землёй только занимался, и меня невозможно было увидеть и услышать, я решил, что озабоченность птиц объясняется их нетерпением в предвкушении любовного таинства...

Я стоял посередине поляны, не успев ещё подойти к глухарю поближе, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забило в ногах что-то живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, колени мои подкосились и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить моё состояние в глухом лесу, в непробудившейся ещё предрассветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то, и ты боишься предположить: что последует за этим?

Обернувшись, я увидел довольно небольшую по размерам копалуху, которая, быстро развернувшись, с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись ещё и клюнуть, не один раз при этом уцепившись клювом за штаны... Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела, и так, опешивший, я ещё долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал, и звуки его песни мягко разносились над лесом.

Взбалмошная глухарка переполошила сначала меня, затем – себя, вместе со всем весенним светом, и такое нечаянное событие невероятно оживило это мглистое утро, так что невероятная суматоха, случившаяся в лесу, не пошла шиворот-навыворот, как это обычно случается в жизни, а обернулась улыбкой весны, гораздой на подобного рода занятную кутерьму... Но можно ли было принять подобное поведение копалухи, как выражение агрессии? Ведь на току она должна быть преисполнена чувством проникновенного трепета по отношению к переполненному страстью петуху, вплоть, до полного подчинения его власти, и о каком раздражении тут может идти речь?

Я не раз наблюдал, как подобострастно, будто совершенно позабыв себя, глухарка отдаётся на волю сильного мошника, отрешённо прижимаясь перед

ним к земле, просто вдавливаясь в неё, если кто имел счастье всё это таинство лицезреть, и каким могущественным предстаёт перед ней глухарь, со своим распушившимся хвостом и расправленными крыльями, превышая её в несколько раз по размерам... Гордо вытянув шею и потрясая бородой, он, чинно приблизившись к ней, просто ... взбирается ей на спину и начинает топтаться, отчего копалуха, по всему её виду, изнывает от счастья. И, вот, я вас спрашиваю: как может эта «дама», самозабвенно ловя каждое движение своего «кавалера», быть настолько очумевшей, чтобы бросаться на человека? И ко всему прочему, неоднократно, с каждым разом проявляя всё большую остервенелость?!

Понятное дело, она, конечно, не понимает, что я – человек, но тогда за кого копалуха меня воспринимает, бесстрашно атакуя? Ведь если предположить, что я – глухарь, только очень большой, она должна стелиться предо мной, ловить каждое моё движение, но она бесстрашно налетает, бьёт меня крылами, уцепившись клювом за штанину, принимается, что есть силы, терзать её, как потом оказалось – прокусив мои замечательные лесные штаны, оставив в районе колена дырку! Всё это кого угодно может ввергнуть в глубокий шок, и ладно бы подобное происходило в результате действия какого-нибудь зверька, защищающего свою норку или потомство, а то ведь в тебя вцепляется кроткая и любвеобильная по отношению к деткам мамаша, накрывающая их собой во время лесного пала и сгорающая вместе с ними... Не зная, чего предположить, я не рискну высказать и такую крамольную догадку, что отчаявшись встретить этой весной своего единственного и неповторимого петуха, копалуха решила-таки произвести впечатление на какого-то неведомого крупного самца, то есть, на меня, без лишних «объяснений» откровенно потребовав, чтобы я проявил к ней своё внимание... Что я мог ещё думать?!

Но тут, как это обычно и бывает, меня неожиданно посетила совершенно простая мысль: ведь сейчас идёт по земле весна, щепка на щепку, можно сказать, лезет, и копалуха, конечно, ничем не была раздражена, а пребывала в любовном опьянении, на этих самых крыльях любви несясь к папаше своих будущих глухарят... Сорвавшись с леса, она просто пикировала на призывный зов взбудораженного весной мошника, изливающего над поляной звуки своей любовной песни, и в чуть зарождающемся, тихо роящемся над землёй мглистом свете, не могла видеть меня, поскольку я уже битый час торчал посреди поляны, как вкопанный. И вот, мне под коленки ударяется нечто, отчего и в голове, и в животе, и вообще во всём теле что-то взрывается и уносится куда-то над лесом, как эта самая глухаринная песня, разносясь повсюду, и я отрываюсь от земли, и лечу...

Что и говорить: влюблённая глухарка – мастерица по созданию неловких ситуаций! Но ведь необыкновенно счастливых, верно?!

На север

Часто задумываюсь я в последнее время о том, отчего птицы наши, улетая осенью на тёплый юг, и благополучно проводя там всю зиму, весной всё же покидают полный корма край, и устремляются на холодный север? Птицы почему-то доверяют своему трепетному сердцу и возвращаются в родные места, преодолевая тысячи километров. Что их сюда влечёт? Отчего они полностью отдают себя неведомому длительному пути, на волю бесприютной северной стороны, а добираясь до неё – радостно провозглашают совершающееся весеннее торжество, несмотря на неустроенность и разоренные гнёзда? Как объяснить это природное несоответствие, когда птицы покидают тепло, предпочитая ему холод, которого ещё нужно достигнуть?!

И ведь гибнут во множестве в этой своей целеустремлённой дороге, а всё равно летят, несмотря ни на что рвутся на север, потому что там их дом. И хоть разорены гнёзда, но птиц ждут там люди, без птиц они затосковали за зиму, и птицы, наверное, чувствуют доброе расположение к ним людей, и готовы преодолевать любые трудности, лишь бы порадовать человеческие сердца, ощутить ещё раз запах родной земли и вывести потомство... Так велика любовь природы к птицам и человеку, ибо божественна по сути, а потому не может миновать в своём внимании ни одно живое существо, каждому уделяя проникновенное отношение, и это не могут не чувствовать ни люди, ни птицы, когда одни ждут прилёта своих пернатых друзей, а другие устремляются к ним навстречу.

Где кто родится, говорят в народе, там и пригодится, и если все мы тесно связаны с чувством родного дома, и нас сближает единство устремлений, то мы не можем существовать друг без друга, без желания любить всё то, что нам по-настоящему дорого: чувство привязанности к родимому крову, которое равносильно только любви ко всему живому, а где любовь, там и Бог...

Сила жизни

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели – будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в неизвестности, потому что птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то видел их, восхищался, благоговей перед той красотой, которую источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы – в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари – в чащобе, у старого заброшенного покоса, тетерева – на прогалинке, только что вскрывшейся от снега, вяхири –

на укромных еловых опушках... Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд, совсем не подходящее... Одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи, и только кое-где проклюнулись из неodeвшейся земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, которое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев действительно оставался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, которая перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки почему-то никак не представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и никому не известная речушка Карабаиха будто замерли, затаились в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, в которых нас будто ждали невидимые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызывавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено. Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился:»бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу...» Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

Забавный случай

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострён в ожидании редкого глухариного скирканья. Всё кажется: с минуты на минуту произойдёт нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с её скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что отправился, и саму весну... Не зря в народе говорят: весной ждать – не устать, было б чего.

И вот, что-то нарушилось в этом напряжённом ожидании. В воздухе вдруг повеяло неясной переменной, и появилась лёгкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу ещё раз швакнуло что-то живое, забило у груди и пропало, внезапно плюхнувшись справа, в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лёта угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам, должно быть, порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело оглашая лес своим трескучим побрякиванием. А я, ещё не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде, и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слёзы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, которая, наверное, перепугалась гораздо больше меня, и я рассмеялся, позабыв о глухарях.

Глухаринья весна

Тем и хорошо каждое время года, что не бывает точно таким, как предыдущее... В особенности это касается весны, которую невозможно представить без глухарей...

Случилось так, что привелось нам с приятелем провести чуть ли ни весь апрель в лесу, и когда уже, казалось бы, снегу пришло время окончательно сойти, он и не намеревался это делать, сохраняя толщину в метр. Причём, с настом, что выдержал бы лошадь с санями, до того крепкие, после мартовских сильных оттепелей, установились утренники. Не надеясь, что наст к полудню всё-таки не подломится, мы всё утро ходили с охотничьими лыжами на плече, но он, тем не менее, оставался несокрушаемым и в дневные часы, в то время, как сверкало ослепительное солнце, лазоревый небосвод сиял выгнувшейся от морозца чистотой, и не верилось, что стоит апрель, а не март.

Зернистый наст весело искрился под бодрящими солнечными лучами, был упруг до такой степени, что не поддавался под ударом пятки, и невольно начинало представляться, будто он и вовсе никогда не растает, и продержится в своей крепости до мая... Не верилось, что ему в этом может что-либо помешать. Такой весны невозможно было припомнить!

Вот и глухарь тоже не оставлял никаких следов на снегу, хотя тока были в самом разгаре. Он, наверное, пытался чертить расправленными крыльями, да у него ничего не получалось: наст до того затвердел, что по нему впору было кататься, и именно это обстоятельство принесло и апрельскому дню, и всей весне непередаваемое обаяние...

И ещё вспомнилось, какие красивые лебязьи облака плыли тогда по небу, нежно подгоняемые упругим ветерком, таких не бывает зимой, они появляются только по весне, и каждое из них напоминало красивую белоснежную птицу, подстать ослепительному насту, вольготно раскинувшись под игривым апрельским солнцем... Там и тут, разные по форме и очень причудливые, облака будто соревновались между собой своей завлекательной неповторимостью, отчего и нас вовлекали в эту занимательную забаву: мы, по очереди, загадывали друг другу понравившееся облако, прежде обозначая его каким-либо животным, птицей или растением, и требовалось указать местоположение облака на пылающем синевой небосклоне, что нам на удивление легко удавалось, и от этого апрельский день воспринимался ещё более восторженным, а жизнь простой и замечательной...

Мы шли в валенках с лыжами на плече по необозримой солнечной белизне, и думали о том, как целый год готовились к глухариным и тетеревиным токам. Нам было так, что наступило, наконец, это счастье, весна уже показала своё задорное обичье, и морозные утренники только добавляли в неё обаяния. И тетерева, и глухари уже давно, ещё с конца февраля, в оттепели, принялись радовать наше влюблённое в лес сердце, а сейчас, в апреле, ещё более восторженно прославляли весну, отчего спать по ночам не хотелось, тогда как солнечные дни дурманили своей ослепительной ласковостью, усыпляя, и мы бродили по лесам, опьянённые раскинувшимся повсюду светоносным пространством, розовым туманом, роящимся над оживающей рекой, голубыми елями у горизонта...

До чего же хороша весна в апреле, когда бормочут тетерева, непрекращающееся бульканье их доносится отовсюду, а оранжевая заря занимается робко, но с затаенной надеждой разыграться вовсю к полудню, так что и рябчики хороводятся на еловых ветках, по-смешному распушая хвост, и журавли томно курлычут где-то неподалёку, и барсук поднялся с норы, оставив на снегу грязноватые следки, похожие на ребячьи пятки... Всё вокруг взыграло, забормотало, задвигалось, и обо всём тебе нужно разузнать, на то она и весна, что взбудоражила сердце, и ты незамедлительно отправляешься в дорогу, что непременно приведёт тебя к чудесным открытиям. В этом просто нет сомнений, потому что идёт по земле весна, и

вместе с ней счастливо идёшь по жизни и ты, воспринимая её как неопишное благо, с надеждой и верой, что всё у тебя в ней получится.

И так, мы думали о глухарях, и, конечно, не в силах были выразить всей радости, когда, попав на наш любимый ток, ещё с вечера, на подслух, высмотрели присадку двух петухов, и оставили их до рассвета, отойдя метров за триста, к костру. Бывает, довольно одного этого костра, чтобы выпить до капли ожидание скорого токовища, и ты, усталый, забываешься на короткое время, а проснувшись посреди ночи от холода, не ощущаешь в душе ничего, кроме слитности с таинственно замершим лесом... Хорошо, когда в такие моменты рядом с тобой, у костра, оказывается какой-нибудь добрый человек, с которым можно обо всём поговорить или помолчать.

Нередко на глухаринном току человек находится в той стадии переутомления, когда, действительно, не в состоянии даже спать. Именно эти ночные часы и хороши для неторопливой дружеской беседы. Но иногда совсем не хочется ни о чём говорить, и ты просто сидишь на ворохе елового лапника, подбрасываешь в костёр перегоревшие ветки и слушаешь предутреннюю весеннюю тишину, когда только один мохноногий сыч насуплено насвистывает себе под нос одному ему понятную мелодию. Сердце так сладко замирает от этой затаенности весенней ночи.

Именно такими ночами, у костра, в ожидании глухаринного тока, понимаешь: невозможно изменить тому, что с детства не даёт покоя и чему искренне поклонялся долгие годы. Эта склонность к лесному бродяжничеству со стремлением во чтобы-то ни стало проникнуть в лесные тайны либо есть, либо нет. Тот, у кого она есть, предать её уже никогда не сможет.

Такому человеку хорошо быть на току и одному, но лучше всё-таки вдвоём. Возвратившись в двенадцатом часу с подслуха можно спокойно обустроиться на ночлег, расположившись где-нибудь неподалёку от задремавших глухарей. Сладок этот миг, когда уж знаешь наверняка, что птицы здесь, в каких-нибудь двухстах шагах, и остаётся только немного потерпеть за приятной беседой у похрустывающего огня.

Товарищ твой лапника на постель наломает, а ты водицы принесёшь. Если нет поблизости реки – снегу весеннего натопишь: он в эту пору пахучий, со свежим, нежно ударяющим в нос ароматом. Беседа льётся неторопливым ночным ручейком, в котелке ненавязчиво побулькивает каша, и ночь вглядывается в тебя глазами неведомых зверей: то вскрикнет филином, а то провояет волчицей. До самого подъёма на ток не остывает чай в кружках, и всё время рисуешь себе предстоящий подход к глухарям под песню. Ночной костёр в весеннем лесу вселяет в сердце охотника неизгладимые и ни с чем несравнимые ощущения.

Костёр будет жарко потрескивать в весенней тишине, где-то прогугукает заяц и заблестит звезда... В сердце колышет неясно пробудившееся чувство восхитительного сопричастия всему тому, что окружает, и тут же угаснет. Только не на совсем, до раннего утра, когда в роящемся воздухе

стремительно прошелестят крыльями озабоченные весной утки и мягко протянет первый вальдшнеп...

Часа в три коснёшься рукой своего приятеля, уютно задремавшего на оловом лапнике, и увидишь, что суконные штаны у него на боку совсем прогорели... Весело вдруг станет обоим, потому как весна до того хороша, что и не жалко их! Ведь сколько замечательного можно увидеть вдвоём в весеннем лесу, а штаны и починить недолго! Лишь бы, не переставая, пели глухари, которых мы всю жизнь ищем, но не всегда находим...

Иногда сидишь на таком ночном привале, после подслуша, смотришь в огонь, и приходят не совсем весёлые мысли о том, что когда-нибудь, если ты, конечно, доживёшь вдруг до старости, захочется тебе с товарищем, тоже уцелевшим, вспомнить молодость и опять отправиться на глухариный ток... Благо, глухари ещё тоже будут живы, все открытые нами тока не вырубят, и мы сможем забраться в какой-нибудь, оставшийся в живых лесной уголок...

Нелегко нам, наверное, будет переживать свою последнюю весну, с грустью вспоминая самую первую... С бесконечно непознанной впереди дорогой, переполняющим грудь томлением от её нескончаемых тягот, воспринимаемых с радостью, ещё не найденными глухариными токами... Нет, лучше пока не заглядывать в будущее и не думать о прошлом, а жить настоящим. Тем, что объединяет нас сейчас, именно этой весной, у не затухающего лесного костра...

Счастье всё увидеть ещё раз, но всегда в лесу случается так, что он дарит нечто забавное, ранее – невиданное, и часто оно связано с глухарями. Не подвело нас и это глухариное утро...

Бывает, ночью на току и филин не ухнет, стоит такая напряженная весенняя тишина, что даже засомневаешься: не зима ли вернулась? Всё вокруг замирает от подступающего холода, как будто прячется в себе, не веря, что наступит рассвет. Ночь обескураживает своей морозной нескончаемостью, словно окутывая непроницаемой промозглой шалью, и оказавшись в такую пору на току, под сияющими звёздами, ты забываешься на какое-то время, и не веришь, что это происходит с тобой, что ты находишься здесь, совершенно один, или с товарищем, а весь мир людей где-то спит, далеко-далеко, так что в какой-то миг начинаешь переживать свою неустроенность, думаешь, мучаешься, и всё никак не можешь чего-то достигнуть, что бы помогло успокоиться, прийти в себя...

Но продолжается это недолго, до тех пор, пока глухарь не даёт о себе знать... К слову заметить, скученность глухарей на току бывает различной в зависимости от возраста, количества птиц и их желания принять участие в токовании, и вот именно на этом току нам с товарищем привелось увидеть, как молодые глухари и копалухи, всего их было с полдюжины, расположились вокруг небольшой поляны, куда в пик своего возбуждения вышел взрослый петух, основной токовик. Глухарь запел в четыре часа ночи, в трёхстах шагах от этой поляны, и неторопливо двигался к ней до самого рассвета, то перелетая с дерева на дерево, то опускаясь на землю, осторожно

ступая по насту, но глухари никак не реагировали на его близкое присутствие.

Сначала мы даже не подозревали о их существовании, так тихо вели себя птицы, терпеливо ожидая появления токовика, и их тесное соседство, похоже, не доставляло им особого беспокойства. Когда старый мошник, горделиво вышагивающий по розовому насту, вдруг обнаружил напротив себя другого взрослого петуха, неожиданно появившегося рядом, мы даже не заметили – откуда этот глухарь взялся, он царственно замер, чуть приподняв бородатую голову, и тихонечко попробовал горлом подмороженный воздух – «тэк-к-к...» По всему было видно, что это уже достаточно старый глухарь, превышающий в опыте только что появившегося перед ним отчаянного красавца, и как только глухари застыли друг против друга, над поляной воцарилось какое-то неопишное напряжение, а затем все молодые глухари, вместе с копалухами, сорвались разом в чащу, поднимаясь один за другим, и мы были удивлены обилием их сосредоточения на довольно незначительном пространстве...

Но насторожившиеся напротив друг друга петухи как будто ничего не замечали, степенно замерев посередине полянки, и тот, который был помоложе, нетерпеливо зобнул пару раз горлом и настороженно завертел головой... Старик же не шевелился, он был словно изваян из своих долгих лесных лет, и его мощно вылепленный временем силуэт горделиво чернел на розовеющем насте. Казалось бы, неожиданно взорвавшиеся в чаще молодые птицы должны были увлечь за собой этих взрослых мошников, но те невозмутимо оставались на месте...

Представьте себе ночной морозный лес, над заснеженной полянкой высыпали в небе яркие звёзды и всплыла красавица-луна, а прямо перед вами вот-вот готовы столкнуться грудь в грудь два великолепных мошника, но тут происходит нечто необычное, что не сразу укладывается в твоём восприятии... Молодой петух, видимо, обуреваемый нескрываемым желанием противостоять более опытному сопернику, весь подобрался, растопырил крылья, и в таком приподнятом настроении ринулся ему навстречу, но на скользком апрельском насте не удержался и ... покатился, как на коньках, мимо грозно замершего токовика, прямо в лог... Старый глухарь на мгновение опешил, повернувшись в сторону исчезнувшего петуха, от возбуждения затряс шеей, громогласно цокнул своей металлической гортанью, и уже двинулся было по сверкающему склону к тому, кто потревожил его покой, как тоже подскользнулся раз, другой, и, замахав крыльями, поехал, даже не помышляя взлететь... Можете себе подобное вообразить?!

Подстывшая глянцевая корочка наста по-сказочному отливала розовато-перламутровым блеском, по ней вглубь лога катились, неловко подпрыгивая, два мощных токовика, и у края полянки так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не во время раскрывается, и вашему взору предстаёт нечто невообразимое и

оттого радостное... От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как порой пленителен бывает лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься от неопишуемого восторга!

До чего же хорошо, когда год на год не приходится, и весна случается необыкновенной, какой вообще ещё не бывало, и жить от этого становится так радостно и волнительно, что, кажется, и все последующие времена года ты проживёшь тоже незабываемо, с чем-то непередаваемо прекрасным и неизведанным, о чём раньше даже и не подозревал, а вот этим летом или осенью оно непременно откроется... Что-то ещё будет?!

Лесной шум

Трудно не запомнить день, не похожий ни на какой другой, тем более, на глухарином току, когда ещё с вечера, на подслухе, всё складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлёт глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка... Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но всё равно валится вниз. Всё было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдельно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помёта и как гремит перо у токующей птицы. Всмотриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, кровь стучит в висках, и всё кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил, и вот-вот сорвётся в лесную чащу. Звуки его песни отчётливы, и во тоже время как будто приглушены: от неё невозможно оторваться, и волнение твоё доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими берёзками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась кремово-розовым цветом. Песня глухаря от этого, кажется, ещё более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и восторженно рассыпал колена за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечён глухариним токованием, что забыл про ружьё в руках...

И тут я отчётливо услышал за спиной чьи-то шаги... Кто-то осторожно шёл прямо в моём направлении, и шорох от этих шагов усиливался благодаря кровяным молоточкам, учащённо барабанившим в моих напряжённых руках. Шум шагов ширился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не

решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выявив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час на далёком глухаринном току?!

А шум всё усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторвано от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой настороженную тишину, потому что был единственным, помимо глухариного пощёлкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он превратился во внутреннее ощущение и я решил уже было повернуться, что-то коснулось моей ноги... Стараясь не двигаться, я скосил вниз глаза и обнаружил ... копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее, не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у неё на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пень, и не побоялась коснуться оперением, пробегая, почти, вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, которого уже давно слышала из своего ночного укрытия, и теперь в возбуждении пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в её страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевёл дух, ещё не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, он слетает к ней на землю, какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства... Не шелохнувшись, стоял я и любовался этим чудесным тихим утром, увлечёнными друг другом птицами и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой сродни неведомому и жуткому шуму, когда обыкновенная глухарка принимается за какое-то неведомое лесное существо, и должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны. И будешь спокойно и радостно воспринимать всё так, как есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождём, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен пробуждающийся весенний лес. В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шума, а любой лесной шум – это его благо и ум.

Невидимые волки

Как просто быть счастливым!

Пробудившись рано поутру весной, не залёживайся в постели и поскорее собирайся в лес. Не забудь взять с собою нож, бинокль, а ещё прихвати щепотку чая и котелок. Зеленовато-розовая полоска неба таинственно стекленеет над крайними домами, чёрные ели замерли отрешённо, не по-весеннему сурово, и дымки из труб тянутся в вышину такими длинными лисьими хвостами, что по ним, кажется, можно добраться

до самых далёких звёзд, которые из ярко-жёлтых постепенно превращаются в белые, слегка голубые...

Морозный воздух страстно схватывает щёки своими цепкими пальчиками, и на глазах сразу выступают слёзы. Укатанная санями дорога поскрипывает под валенками, блестит, отражаясь зеленовато-нежным перламутром, и даже если не смотреть на небо, чувствуешь, как оно наполняется весенним радостным светом. Одно дело – просто ждать весну, готовиться к ней, и другое – встречать её, да не где-нибудь, а в деревне, по соседству с лесом...

Хорошо открывать весну, когда повсюду ещё лежит снег... Только миновавший февраль не сломил до конца рога зиме, и вполне могут взяться крепкие утренники, так что если не знать, какой месяц на календаре, даже засомневаешься в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветровеи, что ранняя встреча весны и вовсе покажется напрасной...

И всё же ты знаешь – весна уже где-то здесь, рядом, и если её ещё не видно и не слышно, то чувствуешь её несомненно. Она вливается в тебя пока не широким потоком, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, родное, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, задолго до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, которые всякий раз представляются по-иному, так же тревожат, навевают сладкие думы и воспоминания. Почему-то все вёсны, какие только у тебя были, никогда не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываемой.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе настоящего радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце некоторое время, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами и возвратиться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

И вот, отливающая небесными красками дорога увлекает тебя в пробуждающуюся от долгого сна лесную даль. Первые розовые лучи едва проникают в гущу елей, и на снегу вспыхивают радужные огоньки, но чем выше поднимается солнце, тем многоцветнее переливающиеся отсветы: синие, малиновые, фиолетовые, зелёные, жёлтые вспышки – нет им числа и меры. Ближе к полудню вся эта игра снега и солнца начинает напоминать какой-то сказочный калейдоскоп: в световых переливах появляются всё новые сочетания и узоры. Хочется рассмотреть каждую блёстку, но это никак не удаётся: подойдёшь к ней, а она тотчас теряется или гаснет.

Тончайшее зеленовато-розовое стекло, которым выгибались с раннего утра только небо и дорога, теперь полностью перетекло на снежную поверхность, как будто расплавилось и затопило собою всё. Вскоре

многочисленные радостные блёстки растают в белотелых сугробах, но зато в них прибавится светосилы, которая будто приподнимет тебя от земли и понесёт к твоим любимым укромным полянам...

Всё обещает: быть чудесному весеннему дню с трогательной радостью рождающихся на ветвях сосулек, дружным хороводом отяжелевших за зиму, но по-прежнему стройных берёз, разомлелым слепополуденным солнцем, розовеющим к вечеру и медленно расплывающимся за высокими елями... Над деревней стоит золотистая, ослепительная дымка, сладко кружит голову неуловимо лёгкий запах печного дыма... От проснувшихся домов и ограды веет доброй размеренной жизнью, уютным достатком и теплотой. Пока весна продвигается по земле волокушею, но близок тот день, когда прокукует кукушкой, а уж потом и соловьём зальётся: уберётся тогда зима в самые глубокие лога и буераки.

Впереди лежит дорога, порядком наезженная и укатанная до блеска за март бесчисленными полозьями саней, вдрызг избитая копытами лошадей, усыпанная по краям клоками прошлогоднего сена. Она уходит в синеву встающего перед ней леса, и где-то там, вдали, невидимо теряясь среди бесконечных заснеженных полей и островков дурманящей хвои, постепенно сходит на нет, превращаясь сначала в неширокую светлую просеку, поросшую по краям молоденькими стройными осинками, и дальше, всё более плутая и путаясь, в еле приметную глухую тропку, неожиданно завершающуюся небольшой полянкой. На таких заповедных, открытых весеннему небу полянах, у старых заброшенных дорог, собираются весной на заре со всей округи тетерева... В беспокойстве от каждого постороннего звука вытягивая шеи, готовые в любой момент пуститься наутёк прямо по сверкающему насту, они поклёвывают вытаявшие из-под снега бордово-глянцевые ягоды брусники и клюквы, заметно выделяясь на голубовато-белом фоне своим чёрно-синим оперением...

Идёшь по такой весенней дороге к светлеющему за дальними далями востоку и думаешь о том, как хорошо было бы застать их там прямо сейчас, чтобы, неслышно подкравшись поближе и вдосталь насмотревшись на эту неповторимую красоту, не стреляя, поднять всю стаю на крыло весёлым хлопком в ладоши. А потом, стоя в растерянности, зачарованно глядеть им вслед, словно навсегда прощаясь с чем-то очень дорогим и близким, боясь не увидеть его больше никогда.

Миновав светоносные поляны, спускаешься в неглубокий лог... Здесь ещё стоит полудрёма, длинные синие тени отливают приятной густотой и прохладой, так что появляется желание на какое-то время задержаться. У места впадения ручья, текущего по дну лога, в озерцо, открывается небольшая полынья, окутанная лёгким парком. К ней тянется непрерывный след, даже целая тропа, и, только приблизившись вплотную, ты определяешь, что она волчья. Волки шли след в след, но перед небольшим кустом, как это у них водится, разъединились и, огибая его, оставили свои метки. Судя по всему, зверей было пять, может быть, шесть, не более...

Волки двигались по дну лога этой ночью в каких-нибудь двух километрах от деревни, и эта свежая звериная тропа, как и начинающаяся повсюду весна, пьянила. Причём, ни воздух, ни тишина, ни снег, испещрённый набродами зверей, почему-то не вызывали тревоги. Было удивительно хорошо, и хотелось просто идти по следу волчьей стаи и ни о чём не думать, представляя волков очень близкими тебе существами, даже родными. Страха не ощущалось и в помине, а охватывала только радость от переживания недавнего присутствия зверей, восхитительного весеннего солнца и потаённых теней на дне лога, синева которых становилась всё полнее и безраздельнее.

Но всё же, именно воображаемые волки, как ничто другое, воплощали в себе этот удивительный мартовский день: его несгибаемость, красоту и силу, и душа незаметно наполнялась праздником весны. Завтра день опять возьмёт перевес над ночью, и я точно так же буду ждать его прихода, встречать вместе с птицами и зверями, и пить до последней капли.

Визитка глухаря

Только в воздухе чуть повеет весной, а глухарь уже спешит сообщить о ней всему лесному свету: и укромному пригорку над самой рекой, и занесённому снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам... Даже за логом побывает, исчертит там весь южный склон и опушку, а затем взлетит на любимую сосну, и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым помётом... Это – его верная визитка, и по ней можно прочесть о том, где вероятнее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим всё живое весенним настроением. Вот под таким деревом я однажды и оказался, ещё с вечера находясь на подслухе, и было мне так, что уже не уйти из-под него, желая прожить с глухарём всё утро.

А до утра ещё нужно дотерпеть... Прислонившись спиной к стволу, одеваю ватные штаны, валенки с галошами, шапку-ушанку и суконные рукавицы, всему найдётся место в рюкзаке бывалого «глухарятника», отправляющегося на ток. В термосе горячий чай с лимоном, настоящий на лесных травах, вокруг же всё скворчит, вскрикивает, посвистывает, то и дело перелетают с места на место певчие дрозды и дрозды-белобровики, воркует где-то неподалёку дикий голубь вяхирь, а то, вприпрыжку, тронет по просеке ошалевший от весны зайчишка, штаны у него уже повыцветшие, серенькие, и ещё слышится постанывающее котканье подлетевших к току копалух, что загодя собираются поближе к токовой полянке, в нетерпении предвкушая своё долгожданное утро... Чего только не увидишь и не передумаешь в эти томительные часы ожидания, пока до твоего слуха донесётся редкое глухариное скирканье!

Как хлеба край, говорят в народе, так и под елью рай! Лесовой человек всегда найдёт свою келью под елью, и ежели не отыскал – не будет тебе с ёлки иголки. Изба хоть и елова, зато сердце здорово, и для меня нет радостней доли на глухарином току, чем находиться в непосредственной близости от глухарей, а лучше всего – хорониться вот под такой доброй ёлкой, с густой пахучей кроной, укрывающей от непогоды...

Вскоре и глухарь подлетел – огромный таёжный старожил, кажется, совсем не обременённый тяжестью своих мышц, перьев и незаметно прожитых лесных лет. Глухарь уселся на ёлку прямо надо мной, громко всхлопнул крыльями, но звука никакого не произвёл. Весь вечер он сидел тихо, как будто его и не было, и я знал, что он меня не увидит, если сидеть неподвижно. Это очень не просто, когда над тобой расположилась такая чуткая птица, как глухарь, и мне всё время хотелось выглянуть и посмотреть – какой он большой и красивый. Но следовало сохранять осторожность, чтобы не вспугнуть птицу раньше времени.

Кстати, никакого храпа у глухаря, как это описывает в своей «Корабельной чаше» Пришвин, я не услышал... По словам писателя, птица, уткнувшись клювом в перо, так ощутимо вздыхала во сне, что от потоков воздуха перья её немножко топорщились, издавая звук, похожий на храпление, и этого, якобы, невозможно было не услышать... Изредка до меня и правда доносилось неясное копошение птицы, что, прижавшись к стволу, меняла, должно быть, положение тела, подсовывая голову под другое крыло, но его вряд ли можно было принять за храп. Скорее всего, Михаил Михайлович несколько приувеличил возможности глухаря, и я полагаю, что вышло у него это исключительно из любви и к красивой птице, и из искренней приверженности к лесной чаше, а потому простим ему такую милую вольность, но вот то, что глухарь ни на кого не похожая, загадочная и непознанная до конца птица, абсолютно верно.

Проснувшись задолго до зари, глухарь обычно потаённо сидит в сосновых ветвях, и ждёт, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку... А потом, постепенно, заточит, запоёт только с присущими ему свободными росчерками в конце песни, и будет так греметь своей неуправляемой влюблённой волей до самого восхода солнца. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за то доверие, что оказала ему весна.

Бывают минуты у человека, когда природа являет ему самого себя, и он, будто в зеркале, начинает видеть свою жизнь, то, что он на самом деле из себя представляет. И вот, сидя под этой елью, прислонившись к ней плечом и улавливая всем своим существом переливы глухариного течения и скирканья, я вдруг почувствовал, что нахожусь там, где и должен быть, и ночь эта, проводимая на глухарином току, неслучайна, так же, как неслучайно, что после долгих лет поисков я однажды отыскал этот ток сам, и

теперь, благодаря глухарям, узнаю себя не таким, каким воспринимал себя совсем недавно, а таким, какой я есть.

Обычно сторожий, глухарь, охваченный своей любовной страстью, как ни странно, не высматривал сквозь ветви – кто это там притаился под ним, в сумерках, и жадно наблюдает каждый миг его весеннего жизнеустройства, а только всё более распалял себя всеохватным чувством... Задрал голову, и вздрагивая всем телом, так, что борода его, с началом каждого песенного колена, возбуждённо перебегала от горла куда-то кверху, но всё же не оказывалась на небе, глухарь чуть ли не подпрыгивал на ветке, желая унести, наверное, в своё седое прошлое, когда на земле произрастали только хвойные леса... Где уж ему было заметить притаившегося внизу человека, когда он забывал в своём любовном устремлении самого себя! А миллионы людей на земле жили в эту ночь без него, даже не подозревая о существовании глухаря, и я был счастлив, что нахожусь рядом с ним, с этой великолепной древней птицей, пропевая вместе с ней и свою весну...

Малиновая заря, тем временем, заливала собой всё небо, везде и повсюду начинался новый весенний день, а вместе с ним – и вся наша чудесная жизнь, со скрытым в себе особенным смыслом, что человеку надлежит непременно разгадать, и жить своим разумом, ничего не боясь и не забывая в душе Господа. Но выводит из этого очарованного оцепенения град сухих глухариных рогаликов, сыплющихся на твою голову и плечи как из рога изобилия, и здесь плащ-накидка с капюшоном – тоже твои верные помощники...

Помёт валится сверху непрерывно, ты же – только улыбаешься, будто наслаждаясь этим весенним «дождём», и почему-то вспоминаешь незадачливого профессора, настойчиво вменяющего тебе «незнание» леса, даже надсмехающегося над тобой... По его мнению, я безосновательно, с таким восторгом, восхваляю в своих рассказах обыкновенный глухариный помёт, - что в нём удивительного?! Оказался бы он сейчас здесь, со мной, в этом царстве прекрасных древних птиц, осыпаемый ничего не значащим для него глухариным помётом! Но нет, никого не хочется видеть сейчас кроме глухарей, малиновой зари и просыпающегося ото сна чудесного хвойного леса...

Да, это невероятно, но факт: я всегда с трепетом относился к глухариному помёту... Хвала ему! Правда, не только к глухариному, а и любому другому, что оставляют звери и птицы в лесу – рябчиному, тетеревиному, лосиному, заячьему и волчьему, медвежьему... Каждый из них достоин самого пристального внимания, потому что несёт в себе отгадки из неведомой для человека лесной жизни, учит быть внимательным и терпеливым.

Помёт лесных обитателей, как ни странно, не вызывает такого чувства неприязни или отвращения, когда мы наталкиваемся на фекалии кошек и собак, во множестве попадающих под ногами в наших замусоренных и неустроенных дворах. В лесу нет места нечистотам, если их не принёс с

собой человек, и помёт животных лишь дополняет всеобщую картину гармонии, представляющей собой природную суть всего сущего, единение которого, кстати, возложено небом на того же человека. Не покидает ощущение, что звери и птицы опрощаются не просто по естественной надобности, без всякого смысла, а даже с некоторым художественным вкусом и пользой.

Так волки, чьи испражнения представляют из себя такие же серые вздутия, скрученные в отдельные сухие подушечки и чем-то напоминающие хворост, подвешивают их на кусты, чтобы не утащили жуки-навозники. Звери, таким образом, метят свою территорию, заботясь о наиболее длительной сохранности её границ.

Горки тетеревиных и рябчиных сухариков украшают лесные просеки какой-то трогательной укромностью, и завидя их перед собой, всегда почему-то останавливаешься, долго стоишь и смотришь, словно желая разгадать заложенную в них лесом тайну. Вернее, его обаяние. Но не в силах постичь суть этих коричневато-золотистых холмиков, уютно громоздящихся и непонятно чем завораживающих... И всё же, чем больше попадается таких горок, тем радостней становится на душе: птица не перевелась, её в достатке, но взгляд вновь возвращается к уютно приютившимся друг с другом сухарикам, что неожиданно представляются скорлупками земляного ореха, загадочными ванильными палочками или ярко-жёлтыми стручками воздушной кукурузы. Поразительно то, что все эти сладостные ассоциации вызывает обычный птичий помёт!

Серовато-зелёные заячьи шарики встречает всякий, кому не безразличен лес. Лежат они легко, воздушно и как-то трепетно. Сила лесной жизни уже не захватывает их в свой оборот, и шарики тихи, милы и ничем не обескуражены.

Неприхотливо утопают заячьи шарики в снегу, напоминая какое-то диковинное драже, и, глядя на их правильную круглую форму, недоумеваешь: зачем уже никому не нужному, конечному продукту такое совершенство? А шарики как будто даже улыбаются, неслышно и весело переговариваясь между собой. Хорошо проходить мимо них на склоне зимы, думая о чём-нибудь простом и замечательном.

Сродни заячьему драже – аккуратные шоколадки лосиного помёта. Не верится, что из такого неприглядного материала природа смогла вылепить нечто привлекательное, притягивающее взор. Тёмно-коричневые округлые пальчики совершенно не вызывают какие-либо неприятные ощущения, в который раз подтверждая обаяние леса, и до такой степени точно напоминают конфеты, что их хочется попробовать.

А вот Михаил Потапыч, соответственно размерам, славится в лесу своими пирогами... Они, бывают, огромны, пышны, словно выпечены неведомой лесной хозяйкой в русской печи и поданы неизвестно кому прямо на траву. Большею частью пироги малиновые и черничные, но попадают и с брусникой, и с клюквой, и с ежевикой. Чаще всего они почему-то покоятся

прямо на тропинках, словно зазывая путников присесть и передохнуть. И ты действительно останавливаешься каждый раз, завидев эти мишкины произведения, и улыбаешься неизвестно чему... Крепок дух такой лесной снеди, замешанной на травах, ягодах и потаённой звериной воле!

Любой помёт влесу своеобразен, но глухариному в моём восприятии повезло почему-то больше. Глухариный помёт – это дар птицы нашему лесу, вкладчину с другими птицами и зверьми слагающий его доброе мироустройство. Ничего негодного и пустого в нём нет, лишь сосновая и лиственничная хвоя, впридачу – с брусникой и клюквой, что дают лесу ещё большее здоровье, удобряя его почву, и это здоровье слагает лесное обаяние, облагораживая чудесный чистый воздух. В результате изысканий учёных доказано, что хвоей питался не только глухарь, но и мамонт... Вот уж истинное благо, создаваемое лесными обитателями во имя крепости борового духа, его неиссякаемой силы!

Как сладостно, должно быть, чувствовать глухарю своё страстное возбуждение, облюбовав только ему дорогое, своё дерево, на котором он будет всю весну превозносить её... Среди полесовиков такое дерево называется «присадочным», именно на него глухарь присаживается, когда токует, и, как правило, не изменяет этому любимому дереву всю весну, если его сильно не потревожить...

Снег, бывало, уже сойдёт, и тогда, вот именно под таким деревом, чаще всего – это сосна, обнаруживается целая полянка накрошенного глухарём помёта, что сыплется из него во время токования в изобилии, и если, замерев, окажешься под птицей, вслушиваясь в её песню, то и тебе изрядно достанется, чему ты, впрочем, очень рад... Это, быть может, покажется странным для несведущего человека, но только не для того, кто всем сердцем предан лесу, хорошо его знает и любит.

Однажды один известный в нашем городе биолог, я уже упоминал чуть выше о нём, знаток хищных птиц, у него даже книга вышла про них, давая свою оценку моей книги про глухарей, она называлась «Любовь моя, глухарь», в искреннем, я полагаю, недоумении заметил, что автор восхищается... глухариным помётом, чуть ли, по его словам, не превозносит его... Как такое возможно? – восклицал он, и я, вот сейчас, ему отвечаю: вы, знаток птиц, воображающий себя им, разве не понимаете, что помёт любой птицы или зверя, тем более, глухариный, даёт немало знаний об образе жизни этой замечательной птицы, о том, где и чем она питается, по чему можно судить о местах её обитания, расположении токов... Ведь это так очевидно, и если ты, действительно, любишь лес, предан ему всем сердцем, то тебе не составит труда наклониться над горсткой помёта глухаря, быть может, даже взять его в руки и тщательно рассмотреть. К тому же, в нём нет ничего, кроме сосновых иголок, подснежников, осиновых листочков и ягодок брусники с клюквой.

Этот помёт и пахнет по-особенному пряно, как это происходит только весной, а вот какой-то незадачливый учёный искренне этого не понимает...

Как же ты, дорогой учёный, собираешься познавать лес, если гнушаешься таким добрым источником, ведь в лесу не может быть ничего неважного, неинтересного, и лесные тайны следует постигать очень вдумчиво, используя любую, даже, кажется, совсем неприметную подсказку. В нашем чудесном лесу не существует чего-либо, что не требует к себе должного внимания, и нужно очень уважительно относиться к лесу, ко всему в природе, чтобы стать ей настоящим другом.

Глухариный помёт, как я уже упоминал выше, зачаровывает формой в виде больших рогаликов толщиной с безымянный палец взрослого человека, напоминая какие-то неведомые лесные хлебцы... Он почему-то удивляет этой своей загнутой вытянутостью, каким-то неброским изяществом, пригодным только для многообразного и таинственного леса. Светло-коричневые с внутренней желтизной и прозеленью рогалики, устилая под соснами землю, будто улыбаются то там, то здесь, заывают под сказочный полог леса, но ничего не обещают: всё зависит от твоей собственной любознательности и жажды открытий!

Помёт глухаря действительно может быть красивым. Если по-настоящему любишь лес и не представляешь без него своей жизни, то ничего незначительного в нём для тебя не существует. Любишь помёт, отчего-то радуясь тому, что он есть, с жадностью охватывая взглядом, пытаешься разобрать – сколько тут было птиц, что они делали и чем питались, молодые или старые... Можно многое прочесть в лесной книге, если не терять терпения.

Глухарь неотступно манит к себе своей тайной и очень важно в понимании птицы разобрать – какой помёт следует считать токовым, а какой обыкновенным, бытовым? Если помёт токовой – сколько его по количеству должно присутствовать под присадочными деревьями, на которых преимущественно поют по весне птицы, то есть, какова площадь его разлёта во время песни, кучность? Да и вообще, чем отличается прошлогодний помёт, прозимовавший под снегом, от помёта нынешней весны?

Помёт токовой, когда глухарь находится в любовном возбуждении, по большей части, всегда жидкий, светло-жёлтого цвета. Таковым он бывает в самый пик весны, к середине апреля, в пору подлёта к токующему самцу копалухи. Повсюду ещё лежит снег, самка не села на гнездо и токовик наиболее оживлён. Он старается понравиться копалухе, ведёт себя очень активно, и то и дело крутится из стороны в сторону, отчего помёт разлетается довольно обширно. Иной раз границы его падения достигают нескольких метров в окружности.

В самый же расцвет периода гнездования, к началу мая, когда пыл любовной страсти у самцов значительно спадает, и они поют не так азартно, почти вхолостую, помёт птиц вволю обретает обычную для него твёрдость. Повернувшись головой на розовеющий восток, токовик скрикает и точит уже с большими перерывами, как бы нехотя, и в мох у самого ствола изредка тукаются сосновые колбаски. В них в эту пору можно обнаружить ягодки

перезимовавшей под снегом клюквы, берёзовые серёжки и цветочки подснежника.

Прошлогодний помёт – вовсе сухой, волокнистый, в нём хорошо различимы и отделены друг от друга пряди сосны, ели и лиственницы. Они так тщательно перетёрты в желудке птицы мелкими камешками, что даже под воздействием дождевой и снеговой влаги до конца всё же не распадаются, сохраняясь в спрессованном виде год и более. И только достаточно отсырев, постепенно разваливаются на рыхлые кусочки, удобряя собой и без того удобренную лесную почву. Так, незаметно, слагают они будущие великаны-деревья, на которых когда-нибудь возвестят о приходе весны восторженные потомки сегодняшних великолепных птиц.

Думая о потаённой жизни глухаря и находясь в лесу – невозможно не обращать внимания на его помёт. Если ты действительно равнодушен к этой замечательной птице, ты замечаешь оставшиеся после неё следы повсюду: на пересечении укромных просек, по окраинам полей и опушек, под раскидистыми соснами и притаившимися елями, часто прямо на дороге... Обитая в каком-то одном районе, глухарь сыплет свой помёт в самых непредсказуемых местах, тем самым, постоянно напоминая о себе.

Всегда с удовлетворением отмечаешь про себя эти глухаринные пометки и радостно думаешь: он живёт здесь, находится сейчас где-то неподалёку, и даже, может быть, видит тебя, но не улетает. Тебе приятно сознавать, что глухарь тоже ощущает твоё присутствие и, вероятно, когда-нибудь ты сможешь стать для него частью того, что его постоянно окружает. Хотя бы на одну весну. А потом он про тебя забудет и окунётся в своё летнее забытье, в царство ароматных ягод, ручьёв и жарко дышащей хвои, но это тебя ничуть не разочарует. Ты останешься так же предан ему в своём восхищении и любви, и будешь терпеливо переживать ожидание следующей встречи.

Однажды, в результате своих многолетних хождений по лесу, я поймал себя на мысли, что при виде самого обыкновенного глухаринного помёта во мне просыпаются самые необыкновенные мысли и желания. Например, стремление быть неутомимым и вдумчивым, потому как безрадостна жизнь, не желающая постигать. В лесу звери и птицы, на каждом шагу оставленными после себя следами, напоминают человеку о необходимости не быть равнодушным, без усталости трудиться душой в отыскании важных ответов и понимании, что жизнь полна смысла.

Что-то интересное во мне самом вынуждает вглядываться в помёт и не проходить мимо. Попробуй-ка, разберись – что это, когда мир и без того полон множества других, более очевидных загадок? Но всё, что касается тебя самого, твоей привязанности и любви, необходимо разгадать в первую очередь! Ведь, может быть, это твоё прошлое, к тому же, очень далёкое?!

И ты опускаешься на колени перед горсткой помёта, и с удовольствием разбираешь – какого он цвета, из каких иголок, веточек или зёрнышек состоит, свежий или уже подсохший от ветра, дождей и снега, толстый или тонкий, что свидетельствует о возрасте птицы? Разглядывая пристально,

постепенно проникаясь увиденным, думаешь: а каким образом всё перечисленное и ещё неувиденное относится к тебе? Неужели в какие-нибудь незапамятные времена был ты таёжным жителем – глухарём, и так же питался хвоей, подснежником и брусникой, удобряя остатками перетёртой камешками пищи и без того удобренную лесную почву? Как давно это было, и не плод ли это твоего не в меру разыгравшегося воображения?!

Нет, наверное, не плод, если ты так тонко чувствуешь эту птицу, безошибочно отыскиваешь места её обитания, кормёжки и тока. Значит, близка тебя её жизнь и тайна, которую ты стремишься разгадать, а может быть даже вспомнить? Вполне возможно, что был ты в далёком прошлом великолепной птицей, и если это было наказание – оно только пошло на пользу... Ты стал более чуток к природе и её обитателям.

Только равнодушный человек, не любящий лес, не поинтересуется помётом, не остановится и тщательно не рассмотрит его, чтобы поподробнее разобрать скрытую от него жизнь леса. Отвернуть в такой миг свой нос, значит, допустить непростительное бескультурье и ограниченность. Обратит же внимание – лишний раз проявить добродушие и любознательность, словом, искреннюю привязанность к этой древней таинственной птице, к нашему чудесному лесу...

Я всегда был счастлив от нахождения на глухарином току, что отыскал сам, понимая глухарей как близких своему сердцу обитателей леса, даже – товарищей... Ведь я этих загадочных птиц отчего-то очень любил, жертвуя львиную долю своего времени на любование ими, разыскивание токовищ, и потом – слияние с такой восхитительной древней птицей в её песне, что будто пробуждала и в моей душе нечто давно позабытое, далёкое-далёкое, и от осознания этой неведомой взаимосвязи с глухарём, я чувствовал себя счастливым человеком, способным на многое... Одним своим таинственным пребыванием в нашем лесу, глухари дарили мне необыкновенное счастье, и я был им за это невероятно признателен. Разве мог я после всего этого убивать дорогих моему сердцу птиц, что только радовались жизни, очень любили её, как это могут именно глухари, вестники стародавних времён, когда на земле существовал только хвойный лес...

Наш хвойный лес – тоже одно из самых загадочных и любимых чудес, и я давно влюблён в него. Постигая его тайны, хочется оставаться именно одному, чтобы всё чувствовать, примечать и понимать, вслушиваясь и всматриваясь в создаваемое лесом пространство, не упуская из виду ни единой мелочи, не утрачивая того прекрасного расположения духа, когда переживаешь трепетное соучастие во всём происходящем... Сосна в этом лесном царстве, как никакое из деревьев, дарует человеку удивительный покой, она создаёт в лесу особое существование, наполненное лесными звуками и птичьими песнями, в нём хорошо живётся и дышится, в него постоянно хочется возвращаться, а если нет такой возможности – о нём покойно и радостно мечтается.

Можно без конца вглядываться в размеренное и мудрое жизнеистечение сосен, не переставая ими восхищаться. Сосны и зимой не скидывают свой кафтан, и тем оказывают великую услугу глухарям, зимующим под их пологом в лютую пору, когда в лесу все спят. Сбиваясь среди соен в укромные и таинственные стаи, птицы будто охраняют вековечный сосновый уют и покой, это – их дом. Сосновая мезга глухарю сладка, и хоть на хвойке, как говорится, да на своей вольке. Таков глухариный хлебушек!

Эта приверженность хвойным породам деревьев невероятно обаятельна в жизни таких загадочных птиц, как глухари. И человек, восхищаясь лесом, не представляет себе лесной чащи без этих великолепных деревьев – сосны, ели или пихты. Он любит их, мечтает о возвращении под их живописный полог, и не позволяет себе быть равнодушным к судьбе родного леса. Человек этот болеет душой за вырубленные сосны, пихты и ели, берёзы с осинами, за весь наш удивительный лес, где мы находим для себя волшебное отдохновение, ту чудодейственную радость, без которой не жить.

Я плачу вместе с глухарями о потерянном для них доме, когда он бездумно искореняется, как будто и сам остаюсь в жизни без крыши над головой... Как же возместить нам всем эту утрату? Как проникнуться божественными лесными чудесами, чтобы быть достойными их великолепия? Как стать настоящими, достойными иной, доброй участи, когда ты веришь в себя, в своё доброе настроение, в свою счастливую судьбу? Ответ один: нужно самому стать настоящим, достойным этих сосен и пихт, осин и берёз, глухарей и незабываемых вечерних зорь, дорогих сердцу избушек, приютивших тебя в непогоде, и даже лесные невидимые существа дороги твоему очарованному сердцу, потому как ты принимаешь весь мир, своё радостное нахождение в нём, как единственное счастье, существующее на этой прекрасной земле...

Я очень счастлив, дорогие мои друзья, от того, что живу, могу отправиться в гости к дорогим сердцу глухарям, переживать любовь к этим древним птицам, живущим ещё при динозаврах. Именно по этой причине их пищу составляют сосновые и лиственничные иголки, ведь миллионы лет назад на земле произрастали только хвойные породы, и глухари по утрам вылетают на отмели таёжных речек или лесные дорожки, чтобы склёвывать там камешки, служащие «жерновами» для перетирания грубой пищи в их желудках. Так уж издавна повелось, что именно хвоя обеспечивает глухарей природной энергией, она ничем незаменима. Ну, если только подмороженный осиновый листок, по осени, ублажит глухаря, он для птицы навряд ли изысканного лакомства... Или, когда уже появляются проталины, глухарь слетает на землю и выискивает прошлогоднюю клюкву, но первое блюдо – сосновая игла. Для того, чтобы не иссякли по весне его силы, глухарь непременно должен сосновой иглы пощипать, в ней – вся питательная сила, и без присутствия на соснах глухарей деревья эти воспринимаются уже не такими сказочными...

Если ты искренне привержен жизни леса, сонм загадок, таящихся под его хвойным пологом, неминуемо опутает тебя с головой, и ты позабудешь свои маленькие горести, и поймёшь: жизнь человека неотделима от жизни леса, куда он должен вступать восторженным наблюдателем и учеником. Это уважение к лесу поведёт тебя в его таинственные глубины, и ты, навсегда лишившись покоя, станешь его очарованным поклонником. После близкого знакомства с лесной чащей ты непременно переосмыслишь свою жизнь и совершаемые тобой поступки, ты переживёшь замечательное чувство – чувство радостного постижения, а за ним – непереносимое осознание присутствия в своей жизни созидательного труда во имя создавшей тебя чудесной Природы.

Косач

Каждый год на одном и том же поле у Новосёловской горы токует один и тот же косач... К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки, кажется, не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день – это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится его знакомое: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы...» Пение то разгорается, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев забывается порой или отвлекается на что-то более важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись, опять продолжает...

Поле там большое, и петух каждый раз выбирает себе на нём новое место, словно ему наскучивает петь на одном и том же... Не раз наблюдая за ним, я убеждался: тетерев этот какой-то необычный, не похожий ни на кого. Мало того, что он всегда оставался один, он ещё и вёл себя очень своеобразно: резво бегал по полю, припрыгивал, выбирая при этом самые диковинные позы, будто соревновался с невидимым соперником, и что ещё занятней всего – на время куда-то исчезал. Бывали дни, когда он и вовсе не появлялся, словно уставал от возложенных на него обязанностей – славить весну, радовать всех и радоваться самому.

В такие утра без него чего-то не хватало в природе, и я, когда проходил мимо горы с глухариного тока, всегда прислушивался: не поёт ли косач? Если птицы не было слышно, даже немного расстраивался и подолгу стоял в нерешительности: идти дальше или ещё подождать? Всегда хотелось услышать, как косач токует. Будто песня его была каким-то добрым знаком, и когда тетерев молчал, душе чего-то не доставало, несмотря на окружающее весеннее раздолье...

И так, каждую весну загадывал я: жив ли петух, уберётся ли в суровую зиму от когтей коварной рыси или зубов хищной лисицы, будет ли опять, как всегда, токовать на любимой горке? И если косач токовал, весна непременно

удавалась, всё вокруг радостно оживало, и не верилось, что когда-нибудь тетерев не прилетит на ток и не огласит округу восторженным: «бу-бу-буль, бу-бу-буль, чух-фы-ы!»

У изголовья зверя

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нём ждёт открытие...

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землёй в проникновенном мартовском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же, почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Не даром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать.

Ну, а уж если потревожил, пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха, и возмущённое тобой затишье оставалось бы частью нетронутого лесного быта. Стань сам зверем, растворишься в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, повернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое мартовское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегаящие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь

восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься, и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание: прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь. Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, кажется, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но недолго ему осталось ждать: скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, которая будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, и однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом...

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось, и ты благополучно миновал глухие места. До деревни рукой подать, стоит только преодолеть старую полянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки...

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело – изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснётся...

Совкин деверь

В густом еловом лесу поднял я однажды филина. Он бесшумно перелетел поляну и уселся неподалёку на кривой сосновый сук. Летел ночной хищник плавно, так что можно было хорошо разглядеть его тёмно-рыжий окрас с ярко-чёрными красивыми подпалинами. Крылья у филина, казалось, были неестественно вздыблены, потому как предплечья – самая сильная часть тела птицы, а когтистые ноги устрашающе свисали под брюхом...

Большую круглую голову, похожую на кошачью, украшали мохнатые уши, то есть, пучки перьев, напоминающие их, и мощный загнутый клюв... Огромные оранжевые глаза бесстыдно взирали вокруг, будто пронзая своим холодом... Весь он был невозмутимый и целенаправленный, в поведении птицы чувствовалась ненаказуемость, призванная в лесу только брать, ничего не отдавая взамен.

И сразу дохнуло сказочностью, уверенностью в том, что лесной дух всё же существует. Если не в этом, бесшумно проскользнувшем между деревьев филине, то в силе, движущей и созидающей его полёт. Показалось, будто какой-то непонятный сон на миг обволок сознание, но, даже избавившись вскоре от нахлынувшего забытья, некоторое время ещё оставалась замороженностью увиденным, а цвет оперения филина тотчас напомнил цвет шероховатого елового ствола, о который я опирался рукой, наблюдая за необыкновенной птицей...

Филин сидел на суку нахохлившийся, видимо, недовольный, что его потревожили, то и дело крутил головой, словно она была на шарнирах, хлопал огромными глазами и возбуждённо раздувал шею. Выглядел он скорее забавно, нежели устрашающе, между тем как в птичьем мире филин слывёт самым загадочным хищником, которого многие птицы и звери не на шутку боятся.

«Эко чучело, хоть ворон пугать!» – иной раз можно слышать обронённое кем-либо неудовольствие от увиденного, и это не далеко от истины, когда дело касается филина: его вид, действительно, способен наводить страх... Взъерошенной копной замирает на верхушке дерева филин, кошачья голова его с мохнатыми ушами ходит туда-сюда, поворачиваясь чуть ли не вокруг себя, огромные глазища луп-луп, и вдруг как прогундит на весь лес: «угу-угу, угу-угу, угу-гу, угу-гу, угу...» Так и сидит истуканом, одним своим видом наводя страх на лесных обитателей: грозное чучело, что всем в лесу надокучило! Вроде, спит, когда не подаёт голоса, но всё про всех в лесу знает. Филину под небеса летать не зачем, и он не тужит, что соколом ему не быть, потому как родной дом для него – ночной лес. Не попадайся ему под тёмный час!

Филин кричит громко и отрывисто, не в пример другим совам, что подают голос заунывно, будто спросонья... Ухает филин разом, как будто обухом бьёт, обозначая, что именно он в ночном лесу хозяин, не терпящий какого-либо соперничества. Всяк хозяин в своём доме большой, и филин значительно превосходит всех остальных сов по размерам: сам себе оборона!

По мнению некоторых, особо впечатлительных людей, легко натерпеться страха от одного крика филина. Если не видеть саму птицу – представляется, будто это какой-то басовитый мужик, рассерженно побрякивающий в глубине леса. Он никогда не показывается на глаза, потому как сам себя остерегается, тем более, не желает, что его увидят. Тучный, в старинной поддёвке, подвязанной плетёным ужищем, на босу ногу, сидит он в самой чаще, вытаращив свои бесовские глаза, и, знай, попугивает православный люд: так озорничает порой, что беда! Оттого филин представляется какой-то загадочной фигурой, слышав которого, у всякого сердце сожмётся и затрепещет, но всё-таки крик филина необыкновенно сказочен, и наш лес без него потерял бы свою волшебную красоту.

Как только бархатная ночь окутает собой лес, будто шалью, и филин в нём сразу всему голова: только и слышно его отрывистое уханье, не

перекричать его никому. Филина да ворона в народе всегда воспринимали зловещими птицами, и поблизости от селения крик их приравнивали к большой беде, а то и к пожару... По делам, как говорится, и голос, словно из бочки: «угу-угу, ху, угу-угу, ху, ух!»

Голосом своим филин завывает, будто над покойником, оглашённое лесное отродье, ровно ничему другому не обучен. А то ещё такую тяжбу заведёт: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу», разглашая по всему лесу одному ему ведомые вести, будто у него в голове одни бубны... Звонко бубен, да страшен игумен!

Но, несмотря на то, что облик птицы чаще всё-таки вызывает ощущение страха, в филине зловещего не больше, чем обаятельного, и лесной бог посылает его лесным обитателям только затем, чтобы филин своим уханьем напоминал им о таящейся в чаще опасности и тут же от неё отпугивал, время от времени предоставляя возможность для спасения. В народе издавна чтит сказочную лесную глухомань, но вскрикивания ночной птицы восприняли по-своему и прозвали филина «пугачом». Крестьяне, слышав в лесу ухающую птицу, всегда крестились и старались побыстрее миновать «гиблое» место, приговаривая:»Из пустого дупла – либо филин, либо сам сатана!»

В старину, когда люди слышали, как ухает в лесу филин, они думали, что это кричит леший, искренне полагая, будто он наводит на них гибель. Но на самом деле филин опасен только для лесных обитателей, и вылетает на охоту с наступлением темноты. Бьёт по ночам всё живое – зайцев и белок, ворон и тетеревов, сорок и галок, никому не даёт пощады, а при случае может прикончить ястреба и лисицу, тогда как некрупную добычу – жаворонков, мышей и куликов заглатывает целиком, выбрасывая непереваренные кости шерсть в виде погадок. Эти погадки, особенно – кусочки шерсти, мелкие птицы используют для выстилки гнёзд.

Филин даже не гнушается вылавливать ежей, выедая мясо и оставляя их колючие шкурки где попало. Случается, что хищная птица заглатывает куски зверьков вместе с иголками, и это сходит ей с рук, до того она кровожадна. Что уж говорить о зайцах, ястребах и лисицах!

За это все птицы сильно не любят филина, и стоит ему только показаться в дневное время, как они поднимают невообразимый гвалт, после чего неутомимо преследуют его, порой забивая до смерти. В таких случаях филина может спасти только тёмная чаща, и он старается побыстрее в ней исчезнуть, чтобы с наступлением сумерек вновь приняться за своё чёрное дело. Без помех ориентируясь в темноте, всю ночь бесшумно летает филин между деревьями, выискивая себе добычу.

Плоха вору пожива, где сам хозяин вор, и филин им в полной мере в лесу предстаёт, ибо скрадывать – его природная суть, особенно в темноте, что ему за обычай. Любит филин ночью порой подстергать спящих глухарей, излюбленную для себя добычу, и, обнаружив местоположение тока, что называется – отводит душу, обычно за короткий срок изводя птиц

напрочь. Без особого труда он отыскивает именно токующих глухарей, когда они забываются во время песни и ничего не слышат, в мгновение раздирая их когтями и мощным клювом.

Присваивать себе желаемое тайком и нагло – его страсть, и некраденый кусок ему, должно быть, скоро приестся. Филину по нраву именно глухарятина – птица внушительных размеров, во время весенних токов легко для него доступная, и пернатый разбойник не гнушается ничем, разворовывая когда-то богатые тока, так что вскоре они совершенно пустеют. Отчего ему не воровать, коли некому унять!

Один мой знакомый старик-пасечник, несмотря на семидесятилетний возраст, предпочитал охоту на глухариных токах другим охотничьим забавам и, раздосадованный неслыханным коварством филина, решил защитить свой ток от хищника. Причём, долгое время он никак не мог угадать, кто хозяйничает на току. Ток этот располагался неподалёку от его лесной пасеки, и он часто находил на нём убитых глухарей, у которых голова и крылья были целы, а из ощипанной груди торчали голые кости скелета.

Выбрав наиболее удачное, по его мнению, место, сметливый дед натянул между соснами верёвки. Филин, присаживаясь на одну из них, тотчас терял равновесие и, инстинктивно сжав лапы, переворачивался вниз головой на вихляющуюся верёвке, уже не в силах разъединить сцепившиеся когти. Сильные пальцы, видимо, не ощутив достаточной опоры, как если бы это была толстая ветка дерева, чуть ли не впивались сами в себя, а филин, перевернувшись и очутившись в таком незавидном положении, почему-то сразу впадал в странное оцепенение. Совсем недавно грозный и безжалостный, хищник в считанные секунды становился совершенно беспомощным, превращаясь в лёгкую добычу. Отловив таким незамысловатым способом за всю весну аж пять птиц, старик не без гордости и как бы по большому секрету серьёзно уверил меня:»Филин-пугач – совкин деверь, спутник лешего, не всё ему баловать!»

Только однажды

Не раз убеждался: можно годами терпеливо искаживать бесконечные километры, по крупницам собирая знания о лесе, и только однажды, в какой-то один Богом избранный день, по-настоящему повезёт, и ты увидишь то, о чём мог только мечтать... Причём, увидишь всё от начала и до конца, как это происходит в дикой природе, когда никто зверей и птиц не тревожит или же они не знают, что за ними подглядывают.

Мы с товарищем в течение нескольких лет наблюдали за одним глухариным током в десяти километрах от деревни, и повидали за это время немало интересного. Мы этот ток очень долго искали, чувствовали, что он где-то рядом, потому как глухари постоянно держались здесь и весной, и осенью, и зимой, но каждый раз нам не удавалось определить эпицентр токовища. И всё же мы его нашли...

Помню, глухарь токовал на нижней ветви старой ели, подпустив нас почти вплотную. Мы обошли его с обеих сторон и долго, почти до самого рассвета, слушали, усевшись на старую колоду. Это был первый глухариный ток, найденный нами, и от такой удачи мы чувствовали себя по-настоящему счастливыми.

После я бывал на этом току не однажды. Мне удалось понаблюдать, как глухари слетаются к токовищу с заходом солнца, тяжело усаживаясь на верхушках елей, и тихонько пробуют голоса – «распеваются» перед долгожданным утром, как копалухи подбегают к поющему глухарю... Как-то глухарка налетела на меня в роящихся утренних сумерках, с лёту ударивши прямо под коленки, и тем изрядно напугала, но, разгорячённая весенним игрищем, не оставила своих попыток и продолжала атаковать меня всё утро, вплоть до наступления рассвета. Наблюдал я здесь и то, как глухарь, слетев в морозное мартовское утро с сосны на наст, проехался по нему, как на лыжах. Видно было, что это ему понравилось, и он даже подпрыгнул, словно бы от удовольствия.

Однажды вокруг меня токовало целых три мошника, и я попеременно подходил то к одному, то к другому, то к третьему, пока они мне не надоели... Был ещё случай: старый глухарь токовал на окраине токового участка, прямо у меня над головой, на самой высокой ели, под которой я стоял, прислонившись к стволу спиной, и я никак не мог определить, откуда доносится песня...

Сталкивался я на этом току и с медведем. Он не хотел уступать дорогу посреди узкой просеки. Мы стояли друг напротив друга, объятые темнотой весенней ночи, и я умирал от страха. Мне почему-то хорошо запомнились круглые уши медведя, которые чётко вырисовывались на фоне взошедшей оранжевой луны...

По той же просеке, где мы не сумели разойтись с медведем, раз крался за мной одинокий волк: с рассветом, по следам, я восстановил картину происходящего. Как-то всё утро перебежали у меня под ногами ошалевшие от своих весенних свадеб зайцы, а за рекой, совсем рядом, призывно курлыкали журавли...

Много занимательного привелось пережить весенними ночами на любимом глухарином току, но долгое время никак не удавалось увидеть, что происходит на нём у глухарей полностью. Хотелось узнать, как же глухариный ток протекает с начала и до конца, чтобы на токовище присутствовали и старый токовик, и взрослые птицы, и обучающаяся молодёжь, и копалухи, и непременно бы ток сопровождался боями петухов...

И вот, только однажды, мне всё же посчастливилось оказаться на знакомом глухарином току именно той апрельской ночью, когда всё в ней предполагало настоящий лесной спектакль – ток загадочных древних птиц. Это была редкая удача, поскольку все глухари, прилетевшие с вечера, рассредоточились по деревьям вокруг маленькой токовой полянки в ожидании главного токовика. Обычно птицы рассаживаются в отдалении

друг от друга, и приходится подходить, выбрав какого-нибудь одного петуха, боясь подшуметь остальных.

Ночь выдалась морозной, на небе высыпало несметное количество звёзд. Лыжи гулко ударялись о наст, в такт им выстукивало разгорячённое напряжённой ходьбой сердце. Когда же я останавливался, лес тотчас обнимала настороженная тишина, в которой, кажется, было слышно, как шевелятся и шуршат в вышине звёзды. Я шёл к глухарям интуитивно, чутьём угадывая, где птицы нынче будут наверняка.

Не доходя до поляны сотню метров, снял лыжи и пошёл по насту в валенках. Во всём теле ощущалась удивительная приподнятость. С одной стороны просеки чернели ели, с другой – светлели берёзы. Меня не покидало чувство, что я нахожусь в родном доме, где всё давно понятно и известно, но за каждым новым поворотом кроется долгожданное открытие тайны.

К месту я угадал затемно. Встал на краю лога за ёлочками и замер в ожидании. И тут же услышал, как где-то внизу по смёрзшемуся насту будто рассыпались алмазные горошины... Глухарь уже лил над заснеженной землёй загадочную песню, точил, скиркал, и тоже, как и я, замирал на несколько мгновений, будто прислушиваясь к произведённому им эффекту, а затем вновь продолжал самозабвенно тэкать, охваченный любовной страстью.

Восток начинал алеть, в воздухе что-то сдвинулось, и над землёй крадучись начали расползаться, редеть утренние сумерки. На полянке вдруг появился токовик... Распушив щитом огромный хвост и вытянув шею, он застыл, приподняв ногу. Потом, гордо выпятив грудь, будто поплыл по насту, как парусный корабль. Вздрагивая бородой и величаво поворачиваясь то влево, то вправо, красуясь перед невидимыми копалухами, глухарь явно вызывал на бой такого же невидимого соперника. И тот незамедлительно появился, слетев с ближайшей ели.

Копалухи же давно прибыли к месту токовища и находились поодаль от самцов, сосредоточившихся у токовой поляны. Более молодые петухи сидели тихо по деревьям, не смея обозначить своё присутствие, молча наблюдая за происходящим.

Два красавца-великана закружили друг подле друга, потом неожиданно ударились грудь о грудь, и загремели мощными крыльями, так что на снег полетели выбитые перья... И лес очнулся... Глухарки коткали возбуждённо, перелетали с места на место, подбираясь ближе к заветной поляне. Розовая мякоть восхода всё более заливала небо, берёзы тоже зарозовели стволами, розовыми стали казаться снег и воздух, а тёмно-сиреневые тени быстро сползали на дно лога...

И вот победитель определён. Подбитый петух смешно и торопливо убегает вглубь леса, а к нашему герою тотчас сваливаются откуда-то сверху три переполненные чувствами копалухи. Глухарь тут же начинает их обхаживать, причём, топчет всех трёх, и они не улетают, а наоборот,

ластятся, квохчут нежно и страстно, и каждая терпеливо ждёт, когда глухарь окажет внимание именно ей.

Копалухи при этом между собою не сталкиваются, будто не замечают друг дружку. Одна уселась на наст, как на гнездо, вся раздулась, нахохлилась; другая в волнении то побежит по полянке, то подпрыгнет, а то перейдёт на крадущийся, выжидательный шаг; третья, распростёрши крылья, лежит перед петухом, который не замедлил взгромоздиться ей на спину и бесцеремонно теребит клювом перья на её шее. Голова у самочки болтается из стороны в сторону, но она всё это сносит, видно, даже получая от такого проявления чувств наслаждение! И что интересно /это выявилось позже/, молодые петухи, находящиеся в непосредственной близости, за всё время не проронили ни звука и на глаза не показывались. Зато науку обхождения взрослого самца с самочками, видимо, тщательно запоминали. Только когда всё закончилось и ярко-красное солнце поднялось над горизонтом, они закопошились и стали тоже пробовать несмелыми голосами роящийся морозный воздух...

А глухарь-токовик словно опомнился, оставил последнюю глухарку и насторожился, гордо повернувшись к востоку. Потом наклонил голову набок, так что я хорошо разглядел его острый коричневый глаз, и, тэкнув пару раз напоследок, мощно сорвался с места, и вскоре шум его крыльев смолк, будто несколько минут назад на поляне ничего не происходило. Следом один за другим /всего я насчитал четырёх/, поднялись молодые глухари. Им сегодня так и не удалось поучаствовать в токовище, но они, несомненно, причастились к древнему таинству продолжения рода и понесли в себе недостающее знание и опыт.

Я подошёл к тому месту, где сидел глухарь, и не обнаружил на твёрдом насте никаких следов. Лишь несколько выбитых во время драки перьев лежали, темнея, на искрящейся поверхности наста, да маленькое перышко копалухи воздушно покоилось на зернистом снегу. Я поднял его, осторожно положил на ладонь и, полюбовавшись нежно-кремовым рисунком, подбросил вверх. Перышко на мгновение зависло в воздухе и устремилось в морозную вышину, вскоре затерявшись в тёмных верхушках елей...

Ощущение зверя

На прямом участке лесной дороги протяжённостью в несколько километров и в течение почти полутора часов наблюдал я как-то медведя... Стоял конец сентября, всю ночь сеялся занудливый мелкий дождик, и мишка вышел на дорогу, видимо, под самое утро. Медвежьи следы были свежие и довольно крупные, с сочно отпечатавшимися в сыром грунте мякишами пальцев, глядя на которые невольно хотелось улыбнуться. И я, действительно, улыбнулся, когда вышел из леса на дорогу и увидел голотяпые мишкины следы, напомнившие мне почему-то детство...

Так, до самого родника у заброшенной деревни Новосёлы, и тянулись медвежьи следы. Не сворачивая в лес, медведь исправно обходил все лужи, будто боялся замочить лапы, и мне становилось интересно идти вслед зверю, под дождём, который опять засеялся и обложил своею равнодушной заботою весь лесной мир.

Чуть бы раньше мне поднять голову, и я сразу бы увидел, как не спеша бредёт медведь по своим делам. Увидел бы, как колышется на нём лоснящаяся от жира шкура, и как он время от времени мотает головой, что-то бурча себе под нос. Но капюшон плаща был низко надвинут на глаза, и я мог разглядеть только почву у себя под ногами, где между луж хорошо просматривались косолапые мишкины отпечатки с чёткими отметинами острых когтей. Я шёл под мерно убаюкивающим дождём, думал о медведе и немножко ругал себя за то, что вышел из дому слишком поздно, даже не обращая внимания на то, что взрыхлённая от когтей земля не успевает намокнуть...

А медведь, между тем, брёл, не торопясь, прямо передо мной, и никуда не сворачивал. Только где-то через пару километров поднял я отчего-то голову, поправив сползший на нос капюшон, и вдруг увидел впереди медведя... Но медведь, не поворачиваясь, и в тоже время, чувствуя моё присутствие, будто не обращал на меня своё звериное внимание, также степенно вышагивал по мокрой дороге, покачивая из стороны в сторону круглым пушистым задом, и, кажется, его ничего не волновало.

Нас разделяло, может быть, метров сто... Это меня сразу и обрадовало, и поразило: было приятно вот так, просто, идти за зверем, позабыв обо всём, упиваться этой таинственной лесной жизнью, и чувствовать себя счастливым. Медведь был очень близко, брёл совершенно открыто, как в сказке или волшебном сне, и я мог хорошо разглядеть его.

Вскоре лес разделил наши пути, одарив меня таким редкостным соседством, но его было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым. Это ощущение зверя было так удивительно и невероятно, что мне даже захотелось прикоснуться к медведю рукой. Зверь при этом не казался страшным и, главное, недостижимым, он выглядел совершенно доступным. И я поблагодарил лес за радостное ощущение близкого присутствия дремучего зверя, который незаметно стал для меня в это осеннее утро родным.

У полыньи

Зимнее утро было неживым, мглистым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоевищами, отчего все время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тут же исчезает. И только свежий волчий след спокойно и твердо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом

темном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошел лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгоряченный звериный галоп. Волк, видимо, почувявший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним березовым колкам, бесприютно замершим по склонам неглубоких отложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промерзшей заводи. Под самым берегом в зеленовато-мутном вспузырившемся льду обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями полынья. Повсюду валялись смерзшиеся волосяные комки, лед был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утопан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжелую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную грудку тел, в которых постепенно различил разбухших овец...

Лишь вечером в деревне мне сказали, что в самом конце лета коровы, привыкшие возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой небольшое стадо овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, который прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмерзнув в полуметровый лед.

Волчица (судя по следу, это была именно она) всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей все тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимым, все возрастающим раз от раза желанием, разъяренно кромсала лед острыми когтями. В бессильной злобе от невозможности дотянуться до лакомого куска волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в отупелом безумии проклиная у этой затерявшейся в лесу полыньи свою вынужденную угнетенность и голодную зиму.

Черный ворон

С еле приметным и неторопливым взмахом крыльев летит над самыми вершинами деревьев ворон, осматривая земную поверхность своим умным глазом. Никто не укроется от этого взгляда, ничто не минует его внимания. Там, где любая другая птица пролетит мимо, ворон непременно задержится, пока не разберется в заинтересовавшей его мелочи. Ворону до всего есть дело, в этом его испокон веков хранимая и никому неведомая суть.

Ворона всякий знает, и стоит ему произнести свое величественное «ка-а-рр...», как сразу же представится одинокая таинственная птица с широким клювом и пронизательным черным взглядом. При этом невольно поймает себя на мысли, что остерегаешься загадочной птицы, хотя непроизвольно и не перестает думать о ней. Ворон привлекает твое внимание более, чем какая-либо другая птица, именно благодаря своей обособленности и необъяснимой

внутренней силе.

Сила эта видна во всем облике птицы, в сказках наделенной способностью предугадывать чужие поступки, прорицая будущее. Кому как не ворону, еще в древних сказаниях, было присуще особое видение, благодаря которому он признавался самым ближайшим родственником нечистой силы. Жуткий страх нагоняла на людей его чернота, а зловещий клекот был сродни загробному плачу! Всяк ворона боялся, уступая ему дорогу, ведь встреча с ним предвещала беду.

Вид ворона свидетельствует о глубоко скрытой в нем загадке природы, которую сам он, кажется, давно разгадал. Перья на нем лежат почти всегда так гладко, что ворон, кажется, словно вылепленным из какого-то удивительного природного материала, таинственно отливающего мягким металлическим блеском. Во всем его облике чувствуется слитность и нерасторжимость каких-то простых законов, по которым создана эта птица. Сидя неподвижно, он сливается со всем, что его окружает, но если обладать правильным видением, ворон хорошо заметен. Когда же птица парит над лесами, она на своем месте, там, где кроме нее никого не должно быть.

Само имя птицы уже представляет ворона в истинном смысле. Ворон... Нечто древнее, раздумчивое и неспешное в своем восприятии мира. А еще — в молчаливой посадке на вершине ели и в отрешенном парении.

Глядя на полет ворона, всякому становится ясно, что это не стоит ему ни малейших усилий. Полет его более похож на полет хищной птицы, чем на полет родственных ему ворон, галок и грачей. Он может бесконечно долго парить, описывая огромные круги, и его сильно расширенные крылья и хвост при этом ни разу не шелохнутся. Ворон наслаждается своим полетом, неспешно пролетает его до самого конца, как будто выпивает все встретившиеся ему воздушные потоки, но не пьянеет.

Ворон — крупная птица, в три раза больше голубя, а клюв острый и мощный. По земле ворон шагает медленно и важно; чаще же его можно застать парящим над лесом. Он очень осторожен, ко всему присматривается и прислушивается.

Живет ворон в старых хвойных лесах, но ему нравится, когда встречаются полянки и опушки, над которыми можно летать, чуть обозначая себя: вроде бы ворона нет, но он здесь и замечает каждую мелочь. В этом суть ворона, чтобы все видеть и быть невидимым, а его черный цвет как будто дополняет лесной, зеленый.

Жизнь ворона хорошо угадывается, если представить себя в лесу сплошь черным. Черны твои глаза, перо, лапы, крылья, но не мысли. Просто мысли живут сообразно тому, что делает в темном и светлом лесу черное тело. Тело, которое душа леса, поглощающая его темноту. Человек же только заглядывается на диковинную черную птицу и силится понять: зачем она нужна?

Ворон живет затем, чтобы все видеть, слышать, чувствовать и есть. Обычно к добыче, которую находит один ворон, слетаются другие, и все

вместе ее поедают, тем самым помогая лесу, в котором нет места нечистоплотности и смраду. Ворон — верный блюститель лесного порядка.

Вот ворон усядется на верхушку ели, прокрункает зычно и громохнет крылом... Вороново крыло все черное, лоснящееся, словом, отражающее черную птичью масть, и ведь нет в лесу такого черного зверя, чтобы взял на себя всю черную лесную суть. Суждено это птице, именно ворону, и ворон, по-вороньему скрытно и привлекательно, несет в себе свой дар. Быть черным — его замечательная природная привилегия, и он ее замечательно исполняет.

Увидишь ворона, одиноко сидящего на дремучей ели, и сразу проникнешься к нему уважением. Вся согбенность его плечистой черной фигуры вызывает только удивление, даже отчасти испуг. Ворон — это какая-то особая чернота, повергающая в изумление своим диковинным для леса отливом.

Вороной — значит сплошной черный, но вот что необыкновенно: в этой черноте ясно угадываются черный массивный клюв, черные предплечья, крыло, хвост, лапы и черный глаз! Все черное, но в отдельности имеющее свою отличительную черту, присущую только этой части тела рельефность, позволяющую ей не затеряться. И вместе все смоляное, глубокое, живущее этой своей чернотой, которая скорее завораживает, чем пугает.

Из всего вороньего племени, именуемого в народе «черным вороньем» и включающего в себя ворона, ворону, галку и грача, ворон ставится наиболее высоко. Благодаря своему черному, «зловещему» виду ворон с незапамятных времен обратил на себя внимание человека как птица загадочная и послужил предметом разных суеверий и сказок. Но «черная» слава об этой птице идет среди людей неспроста.

Несмотря на то, что ворон считался птицей вещей и мудрой, за ним замечалась склонность к воровству. Уверяли, что ворон, как и ворона с сорокой, уносит к себе в гнездо ценные и блестящие вещи. Ворон, говорили, упрятчив: что ни утащит, все схоронит.

Еще до сих пор, особенно в сельской местности, встречаются люди, которые считают, что карканье ворона не сулит ничего хорошего. Раньше крестьяне думали, что в образе ворона летает сам черт, поджигает крыши, наносит людям всякий вред, поэтому вороньего карканья боялись. «Всякому б ворону на свою голову каркать», — высказывались об этой птице, ожидая от нее одни только беды. Когда хотели посулить кому-либо что-нибудь очень дурное, то говорили: «Чтоб на тебя ворон каркнул!»

Ворон всегда был олицетворением смерти. «Как ворон, крови ждет», «Спроважу, куда ворон костей твоих не занесет»,

«Смерть черным вороном влетает в окошко», «Ворон каркает на церкви — к покойнику на селе, каркает на избе — к покойнику во дворе» — все это очень распространенные в народе поговорки, которые воспринимались как нечто неоспоримое.

В давние времена существовало поверье, будто дурные священники после

смерти превращаются в ворона. Отправляющегося в дорогу непременно наставляли: «Не начинай пути, если увидишь в небе одиноко летящего, как бы заблудившегося ворона,— постигнет неудача!» Даже надоевшую всем ворону превосходил ворон чернотой своих замыслов: «Ворон каркает к несчастью, ворона — к ненастью».

О конской масти, сплошной черной, говорили, что она вороная, бедовая. Игра в ворона заключалась в том, что мать прикрывает детей, а ворон хватает их. И опять же: «Вороных лошадей под жениха с невестой в поезде не берут». Этой воронёности в народе всегда сторонились и опасались, суеверно связывая с чернотой только худое.

А нет бы, восхититься этой ночной глубиной! Ведь когда ворон, сгорбившись, сидит на вершине дерева — он красив и статен. В нем необыкновенно занимает именно темнота этой непостижимой природной глубины, которая, на первый взгляд, просто черна, без единого светлого пятнышка, будто заостряя на себе внимание, и в то же время, растворяя его. Нужно посмотреть на ворона пристальнее, и тогда будешь очарован его простой, бесконечной красотой.

В июньском лесу нередко попадается красивое растение вороный глаз, как бы излучающее волны таинственности. Увидев его, почему-то сразу представляется ворон, что смотрит на тебя из зеленых зарослей загадочным черным оком, в котором есть нечто гипнотическое. Будто это древние силы леса наблюдают за тобой исподтишка, провожая испытывающим черно-фиолетовым взглядом.

Древним считается и сам ворон, живущий, по преданию, триста лет. А все оттого будто бы, что питается одной мертвечиной. Он является прообразом ветра — Стрибожьего внука, и, как говорится в старинных сказаниях, не только «приносит бурю» на своих черных крылах, а и «воду живую и мертвую». Есть у воронов свой царь-ворон, и сидит он, говорят сказки, в гнезде, свитом на семи дубах.

Петь ворон не умеет, а только каркает, потому что, по древней легенде, его создал злой дух. Однажды ворон не мог отыскать себе пищу, не утерпел и съел умершего человека, за что Бог повелел ему отныне питаться мертвечиной. «Будешь подбирать только останки погибших зверей и птиц», — молвил он птице и будто бы сделал ее черной. С тех пор ворон добыть себе для пропитания ничего не может, поедает лишь падаль и хоть очищает тем землю, но среди людей имеет худую славу. Может быть, именно поэтому держится он обособленно, порождая своим скрытым образом жизни рассказы, почти всегда подернутые мрачной тайной.

«Три человеческих да три лошадиных жизни переживает ворон, а все ему мало», — говорят о нем в народе. Ворон — птица, о которой упоминается в священном писании: «По прошествии сорока дней (после того, как ковчег остановился на горе Арарат) Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона (чтобы видеть, убыла ли вода с земли), который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя

голубя...».

В народной легенде про это рассказывается подробнее. «Когда после потопа вода начала убывать, Ной послал ворона искать землю на юг, но ворон, вопреки повелению, улетел на запад и не вернулся; затем Ной послал голубя на восток, и он, полетавши там, принес землю; Ной за это полюбил голубя, а ворона стал ненавидеть. Голубю за послушание дал место около строений и определил ему питаться зернами хлебных растений, а ворону приказал жить вдали от жилья человеческого и питаться мертвыми телами. С тех пор и живут голуби около домов, а вороны — вдали от них».

С детства мы верили во все, что связано с этой птицей. Такими выразительными представлялись сказки, поверья, пословицы и вообще всякие разговоры о ней. Как и многие другие дети, я любил, затаив дыхание, слушать рассказы бабушки о волшебном вороне, но больше всего меня поражала бабушкина соседка, живущая от нее через два дома: это была страшная сгорбленная старуха с большим горбатым носом, напоминающая черную птицу...

Старуха эта одевалась всегда одинаково — платок, пиджак, юбка и сапоги на ней всегда были черного цвета. Она никогда ничего не говорила, а только по-птичьи кивала головой, слушая бабушку, и этим вызывала у меня еще больший страх. Держась за бабушкину руку, я то и дело норовил спрятаться за ее платье, но старуха-чернявка как будто нарочно склоняла надо мной свою носатую голову и, молча, рассматривала своими маслянисто-черными круглыми глазами. Бабушка, казалось, ничего не замечала, и от этого старуха пугала еще больше. Все черное, воронье в своей маленькой жизни я связывал именно со страшной соседкой, а бабушкины рассказы о сказочной птице только подливали масла в огонь.

Птица народных поверий не давала покоя и в зрелые годы, мне всегда хотелось узнать правду о ней, отделив, наконец, истину от легенды. Поначалу я думал, что все это очень просто: достаточно застать где-нибудь недалеко от деревни или в лесу стаю кружащих воронов — и многое из их жизни сразу станет понятным.

На самом деле ворона не увидишь так легко и часто, как обыкновенную ворону, он — отшельник наших лесов, живущий в уединении, обособленно ото всех. Самый крупный из врановых, ворон — пустынный среди птиц, будто удалившийся от суетного мира в дремучую лесную обитель. Но, как говорится, «кот Евстафий в отшельники ушел, да оскоромился мышкой». Так и ворон: несмотря на свое привилегированное положение, он очень неприхотлив и ест решительно все, что только мало-мальски съедобно, подбираясь иногда близко к жилью.

В добывании пищи ворон нередко становится дерзок и кровожаден, никто из мелких зверей и птиц не застрахован от его нападений. Тут достается всем, от крошечной мыши до бедолаги зайца. Особое лакомство ворона составляют только что народившиеся птенцы, чье мясо для него, наверное, необычайно нежно на вкус.

Но еще более, чем птенцы, яйца птиц и прочая живность, ворона привлекает падаль, которую он на удивление быстро находит в лесу. Можно только удивляться чутью и обонянию этой птицы, когда она разыскивает погибшее животное! Вероятно, помимо чутья ворону помогает в этом и чрезвычайно острое зрение. Завидев падаль, ворон долго кружит над ней в воздухе, тщательно осматривая окружающую местность, и опускается на землю, только убедившись в отсутствии опасности.

Ворон необычайно умен, и ум этот отражается именно в его черных глазах, в той удивительной проницательности, с какой он исследует окружающую обстановку. Застать ворона врасплох весьма сложно: он никогда не поддастся даже на очень тонко подстроенный обман.

Своей осторожностью ворон, кажется, превосходит всех остальных птиц. Он невероятно предусмотрителен и, прежде чем садиться, тщательно облетает всю округу, выискивая малейшую опасность. Завидев человека даже на значительном расстоянии, он тотчас улетает, а если человек приближается к его гнезду, ворон бросает насиженное место.

В древности ворон считался самой умной птицей из всех. Старый ворон, говорили про него в народе, не каркнет даром: либо было что, либо будет.

Ворон очень величествен, когда неспешной поступью расхаживает по земле и, высоко подняв голову, озирает все вокруг своим пристальным взглядом. Величествен ворон и в полете: поднимаясь на значительную высоту, он медленно проплывает достаточно большое пространство, не шевеля крыльями. В парении своем он не похож на обычную ворону, которая перемещается над лесом как-то взбалмошно, порой невпопад отмахивая бесконечные версты. При этом ворон нередко издает далеко слышимый крик: «крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н», напоминающий колокольный звон, что настораживает тебя в ожидании чего-то неизвестного, большого.

А вот когда он неожиданно переворачивается в воздухе на спину, из его горла разносится более округлый, но какой-то загадочный клекот: «клонг, клонг, клонг». В такие моменты кажется, что в вороне просыпается нечто неведомое ему самому, а может, птица, таким образом, более благоприятно усваивает пищу, прочищает горло или вовсе тешится впустую. Одно ясно: ворон без этой воздушной эквилибристики обойтись не в состоянии, потому как повторяет подобные движения довольно часто. Вероятно, они доставляют ему удовольствие.

По всему видно, ворон — птица необычная, что проявляется и в ее брачных играх. Первые брачные игры у черных воронов начинаются еще в январе, когда другие птицы и не помышляют о каком-либо оживлении. В фиолетовом небе над фиолетовым лесом кувыркаются два ворона, и их гортанный клекот гулко разносится на всю округу.

Морозен зимний день, все наглухо засыпано снегом и подвержено ему, а ворон плавно поднимается в холодную вышину, без усталости машет черными крыльями и восклицает что-то восторженное: все ему нипочем! Странно, но

кажется, что это — живая душа, ничуть не замерзая, радуется ранней любви, клопочет и рвется к только ей видимому свету.

Все выше и выше взбирается ворон в пустынную высоту, которая отзывается ему проникновенной тишиной, и неожиданно бросается в свободное падение, так что захватывает дух. Ворон летит вольно, широко, с каким-то неудержимым размахом. Глядя на него, восхищенно думается: вот-вот птица сорвется, не вы- несет ледяных воздушных струй... Но нет, через мгновение ворон замирает и вновь медленно наворачивает круги, поднимаясь еще выше, а достигнув какой-то невидимой точки, с переворотом на спину ухает вниз, через пару секунд молниеносно выправившись и успевая издать свой гортанный звук: «крун-дон-н, крун-дон-н, клонг!» До чего проникновенно слышать эту лесную музыку, до чего хорошо парить вольной птицей!

Зависть круче мороза сковывает тогда твое воображение, так что тоже хочется взлететь над лесом, закувыркаться, разверзнуть холодающее пространство пронзительным криком... Зябко и приподнято становится на душе, и представляешь себя не черным вороном, а неведомой белой птицей, вещающей только радость.

Расчерчивая крылами немеющее от холода пространство, вслед первому весеннему вестнику, самцу, всплывает к облакам еще одна черная птица — его пара, и также стремительно, с разлету, сшибается со студеным ветром. То вверх, то вниз, то с криком, то молча летит она навстречу не проснувшейся весне и словно будит ее: так уверен и трепетен ее зов. «Крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н-дон-н, клонг», — звонко разносится в необозримой вышине голос необыкновенной птицы, который будто бы предостерегает...

Забытым посреди зимы хмурым днем нечаянно обнаружишь в лесу такую птицу — и сразу почувствуешь, как тебе повезло. Оттого, что она одна в эту холодную пору вознамерилась провозгласить любовь, не испугалась, не остереглась, а восторжествовала. И все это с настроением, легко, еще более наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти, как утверждают народные поверья, чудеса эти негаданно выплыли по ее сокровенным волнам из непостижимой древности, и лес как будто ожил, возвращаясь к временам своей далекой молодости.

На самом деле ворон живет семьдесят — восемьдесят лет, никак не триста, но даже этого возраста ему хватает, чтобы создать себе репутацию птицы, повидавшей виды и очень мудрой. Цвет воронова крыла — это обгорелое полено, побывавшее под дождем и жирно поблескивающее серебристыми переливами, как бы отражая его внутреннюю таинственную суть. Если ворон будет сидеть неподвижно, его несложно принять именно за такую головешку.

Обгорелость чувствуется не только в облике птицы, но и во всем ее поведении. Люди, звери и птицы ровно боятся вороного цвета или, по крайней мере, опасаются его, а ворон смотрит на всех свысока, и в нем будто ничего не происходит. Только ветер перебирает на спине смоляные перья,

шевелит такую же угольную подпушь...

Ворон, ворон... Сколько он всего видел и пережил, ни с кем не делясь, а только накапливая неведомое богатство! Но нет, невозможно держать в себе так много и долго все увиденное, когда-либо не перегорев. Ворон и перегорает, подтверждая тем самым свою неприкаемую суть и горелый цвет, оставаясь большей частью угрюмым, и, как может, освобождается от пережитого в высоком отрешенном парении, отдавая себя на волю неудержимым воздушным струям.

Может быть, ворон хочет разгадать какую-то тайну и не в силах этого сделать? Или ищет зорким глазом нечто заветное, знакомое только ему? Наверное, он читает известные одному ему тайные знаки природы, иначе был бы ли ворон самим собой?

Да, каким бы цветным и радостным ни воспринимался мир, ворон, должно быть, так и останется черным. Но вот чувствует ли он себя в нем чужим? Пожалуй, нет... Ворон мудр и много раз видел, как жизнь тоже темнела. Он готов ко всему и понимает, что без его черноты никогда не будет света.

С мудрой печалью во взгляде поворачивает ворон к жизни свою черную голову, какой-то миг пристально всматривается и, взмахнув черными крыльями, плавно взлетает. Без всяких усилий набирает он высоту, плывет над землей величественно и там, в вышине, оглашает округу пронзительным клекотом.

Отрешенно кружа над еловыми гривами, ворон медленно уменьшается, становясь еле различимой точкой, а затем и вовсе скрывается за облаками. Он успел разглядеть все, что ему было нужно, и, охладев, горделиво взмывает в недоступное для всех пространство, как бы в отместку за недоброе отношение. Возносится, преисполненный свободой и презрев чужую ограниченность, но мир без него уже не кажется таким прекрасным.

Заячья забава

Редко когда что-либо встреченное в лесу, пусть даже самое невероятное, сразу просится на бумагу: обычно лесные рассказы долго и терпеливо выхаживаются, а затем еще и вынашиваются в себе, и только потом воплощаются в жизнь. Встретится ли тебе медведица с медвежатами, пощастливится ли подглядеть катающуюся с горки выдру, — все увиденное должно быть постепенно пережито и осмыслено. Еще не раз столкнешься ты и с медведями, и с выдрами, и с другими зверями, пока выложится закономерная цепочка в восприятии природы и откроется занимательная картинка из жизни леса. Лес не терпит в себе чего-либо сиюминутно восторженного, прямо и скоро бросающегося в глаза, а предпочитает терпеливое вглядывание и неутомимость.

Однажды зимним днем я застал зайцев за забавной игрой: они теребили торчащий из-под снега рогоз. Рогоз — это растение, которое обычно нарезают

в конце лета, после похода в лес за грибами или ягодами, и везут целыми пучками в город для украшения своих квартир. Его бархатные, темно-коричневые набалдашники хочется потрогать рукой — такие они приятные на ощупь. Не покидает желание непременно владеть ими, положить на грибы в корзину, а потом поставить дома в красивую вазу и вспоминать лес, желтое болото у самой дороги и умиротворенное августовское небо.

Зайцы потому, наверное, и обратили внимание на рогоз, что зимой любят ложиться в мелкий тростник у занесенного снегом болотца, из которого торчат его коричневые верхушки. В таких местах, располагающихся в низинке, меньше задувает, да к тому же хороший обзор. Заяц всегда увидит или услышит приближающуюся к нему опасность и успеет предпринять необходимые меры. Сидит в самой середине и шевелит ушами: никто его не видит, а он всех примечает.

Зимой под снегом не найти зеленых побегов, и приходится зайцам питаться горькой корой да жесткими ветками. Самая вкусная молодая кора и самые нежные тонкие ветки высоко, их не достать, и потому живут косые в начале зимы впроголодь, обгладывая снизу грубую, черствую кору. Гложут ее и ждут, чтобы навалило побольше снега.

Снег падает на ветки деревьев и кустов, пригибает их к земле своей тяжестью, и они становятся доступными для зверей. В иной год, обильный на снег, отдельные деревца даже ложатся на землю, а некоторые и вовсе ломаются: вот уж когда зайцам раздолье! Получается: чем больше снега зимой, тем зайцам лучше.

Заяц ест траву, грызет таловые прутики, любит полакомиться свежими всходами овса и зерновых. В зимнюю пору, когда меню его не отличается разнообразием, он интересуется и торчащими из-под снега коричневатыми головками рогоза. Все травянистые растения скрыты глубокими сугробами, осиновая кора надоела, а тут привлекательные на вид плоды, которые, возможно, зайчишка с удовольствием объедает.

Свидетельство тому — часто встречающиеся по зиме обгрызенные стерженьки рогоза, одиноко торчащие на ветру. Вокруг них все бывает истоптано, а снег обильно усыпан серо-зелеными катышками заячьего помета. Чем здесь мог заниматься заяц, если только не жировать?!

Легкодоступные, так как растут на болотистых местах открытых полянок и просек, и хорошо приметные на белом фоне, верхушки рогоза не могут быть не замечены зайцем. Обнаружив объединенные стебельки, сразу воображаешь, как, смешно вздергивая зад, косой вприпрыжку передвигается между ними, замирает, а потом, зажав аппетитные верхушечки передними лапками, разгрызает их. Делает он это, наверное, основательно, не торопясь, и выглядит при этом очень забавно.

Я решил докопаться до истины, просмотрел всю имеющуюся у меня литературу о жизни зайцев, их повадках, но нигде не встретил упоминания о том, что забавные зверьки используют в пищу именно рогоз, который, может быть, содержит для них немало полезных веществ. Вернее всего, зайцу

становится просто скучно и, наевшись под утро осиновой коры, он сам придумывает себе в унылую зимнюю пору незатейливую забаву и неприхотливо тешится ею. Ведь разгрызенный пух в обилии устилает снежную поверхность, он остается не съеденным, и странной представляется мысль, что заяц питается рогозом: кроме этого пуха зимой в его плодах ничего не остается! Нет, ближе к весне заяц, наверное, скорее играет, а все остальное занимает его уже не так серьезно.

Вот бы увидеть зайца, когда он это делает, думаю я. Себе на потеху и белому свету на диво, рассказав потом своим знакомым, как заяц сидит на задних лапках и, подобно медведю, играющему на лучине старого пня, трогает верхушку рогоза, словно струну. Легкая поземка разносит пух, а заяц смотрит на него и тихо радуется, вспоминая золотую летнюю пору, когда ласковый ветерок так же легко раздувает пушистые семена одуванчиков, и они разлетаются повсюду. Скорей бы лето, тоже смекает, наверное, заяц: много шелковистой травы, цветов и вкусных молодых всходов!

Забава не дает зайцу скучать и увеселяет его, когда все кажется пустым и безынтересным. Она — утешение от безделья, занятие от скуки в заснеженном лесу, где все за долгую зиму порядком надоело. Вот зверю и хочется поиграть, тем более такому оживленному и подвижному, как заяц.

Ребенок играет куклой, кошка — мышью, взрослые — в карты, а всяк досужий человек захвачен любимой мечтой. Но чем же позабавиться такому занятому зверьку, как заяц? Забава, говорят, для ребенка, но заяц и есть дитя, взлелеянное лесом, и только лес в силах подарить ему какую-либо незамысловатую радость, на которую, кроме зайца, никто и не позарится.

У нашего молодца, подшучивали над кем-нибудь в народе, нет забавам конца. А много ли их у зайца? Весной, к примеру, зайцы играют в догонялки, когда начинают ухаживать за длинноухой красавицей, и показывают ей свои возможности. Они без усталости носятся друг за другом, привстают на задние лапки, а передними барабанят что есть мочи в грудь соперника. Выглядит все это очень забавно.

Зайцы устраивают соревнование по прыжкам и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают, а потом прыгают через межу — кто дальше. Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться. Зайчиха тем временем уже милуется в стороне с каким-нибудь косым. В зайцах много энергии, и они без усталости могут веселиться так целые сутки. В конце февраля или в начале марта часто можно услышать их возбужденное боботание: так отмечают зайцы свои развеселые свадьбы.

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнце. Они отупело и восторженно резвятся, могут пробежать прямо перед твоими ногами, заверещат и тут же присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалест от весны.

Летом, по заверениям знатоков, зайцы, проигранные одним лешим другому в карты, бесились и ошалело сновали из колка в колок, устраивая в лесу невообразимую кутерьму. Ведь вся сила у зайцев в ногах, без них им не то что играть, а давно бы пропасть: «Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем». В эту пору ягоdnикам и грибникам ходить в лес не советовали, связывая с заячьей суетой и бесовские игры. В народе верили, что заяц сотворен чертом и служит ему передовым.

Еще замечали, что летом зайцы любят сидеть в грибных местах: при сборе людьми грибов они, бывает, выскакивают прямо из-под ног и, что интересно, не убегают стремглав, а держатся неподалеку. Иногда они даже запрыгивали в корзину с грибами, как будто играя, чем полностью смущали крестьян, и те, в свою очередь, связывали с этим действие нечистой силы. Но особой игривостью зайцы отличались, все же, весной, часто забывая при этом вести себя настороженно.

Осенью зайцы тешили себя тем, что то и дело перебежали дорогу. Особенно этим славились листопадники — зайцы последнего в году приплода, появляющиеся под самую осень. Еще неопытные и бестолковые, они не в силах были переждать в кустах проезжающую мимо телегу, срывались в нетерпении и напрямик шпарили через дорогу под носом у возницы, который провожал взбудораженного косога залихватским свистом. Меж людей велось поверье, что, увидев зайца, перебегающего дорогу, надо было из повозки выкинуть клок сена, в этом случае заяц будто бы возвращался, и беда отступала.

Словом, во все времена года заяц находил для себя возможность порезвиться. И если у него такое поведение складывалось в силу обстановки, а не его игривого характера, то это никак не умаляло склонность зайца к забаве. Ну а чем же заняться зайцу зимой, в самой ее глубине, когда она уже порядком всем надоела?

Если представить себе хмурый февральский лес, то, на первый взгляд, в нем нет ничего, что бы могло заинтересовать зверьков, кроме осинового коры и занесенных снегом ивовых кустиков. Да и те, впрочем, не всегда отыщешь... Вокруг сонное безмолвие, однообразная белая тишина и наметанные горы сугробов. Впору забыть обо всем и залечь, как медведь, в спячку, но зайца ноги кормят и еще неунывающий дух.

Это только старый хочет спать, а молодой — играть. Старым в лесу можно представить себе лося, кабана или медведя, которые в эту пору действительно малоповоротливы, но не зайца, что, кажется, всегда молод. Заяц не устает играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находиться без движения и потому всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять.

Веселость, по-моему, состояние духа зайца, вопреки установившемуся мнению, что он трус и постоянно трясется. Одна из русских поговорок не зря отвергает боязнь зайца, приписывая ему, скорее, благоразумие и осторожность: «Заяц не трус, а себя бережет». Заяц только на себя да на Бога

надеяться — ни от кого ему защиты ждать не приходится, и потому трусость зайцу только мешает. Не будь он всегда весел, несмотря на все беды, заячье племя уже давно прекратило бы своё существование.

У зайца, как ни крути, веселый нрав, а его, известное дело, не купишь. В веселый час даже и смерть не страшна, и заяц хорошо это, наверное, знает. Есть у него время плакать, есть и веселиться, но веселому, как говорится, жить хочется, помирать не можется, и ничего зайцу не остается, как радоваться.

Радость зайца в том, что он любит, а любит он немного: в суровую пору сладкую яблоневую кору поглотить да звездной ночью с другими зайцами хоровод поводить. В радости зайцы друг друга ищут и, разыскав, все горести забывают. Радость по радости — заяц с приятелями, но хоть и прост этот зверек, а знает, что по две радости в один день не бывает и сам себе только на радость никто не живет.

Рад заяц и тому, что весна настала: появилась свежая зеленая травка, подул душистый и теплый ветерок, запели птицы... Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг, и заяц рад и за весну, и за саму природу. Это только на первый взгляд кажется, что заяц радуется самому себе, на самом деле он, похоже, рад-радешенек за всех.

Конечно, радость зайца порой выражается бестолково, но откуда же взяться большому толку в невеликом зверьке? Был бы корм и чистая водица, а все остальное само приложится. Оттого зайца легко обрадовать, так же, впрочем, как и напугать. Все в этом незлобивом зверьке располагает к симпатии и доверию.

Веселье, говорят, лучше богатства, и хоть за весельем горесть ходит по пятам, — и то правда, что терять зайцу нечего. Все самое дорогое находится при нем: пушистый хвостик, называемый в народе «цветком», зимняя теплая шубка и возможность вот так, позабыв обо всем, отдаться вольной игре, за которой всякий увидит, чего заяц стоит. По народным поверьям, цена зайцу — две деньги, зато бежать — сто рублём!

Но какова игра, таков и выигрыш! После всего этого представления зайцу только утеха остается, что устроил он себе, хотя бы на миг, лето, окунулся в его беззаботное лоно и обо всем позабыл среди скучной зимы. Потому как та не игра, что взаправду пошла, а где же правда в заячьей забаве? Одно лишь облегчение, которое для зайца выше всякого смысла в его непростой лесной жизни. Того и гляди на зуб волку или рыси попадешь, но косою не унывает — знай, играет! Игра, как говорится, потеху любит, и заяц, несмотря ни на что, в своей нелегкой жизни ее находит.

Мы, люди, привыкли узнавать друг друга в игре да в дороге, и как нам не разглядеть в бесстрашном зайчишке, когда он играет посреди дня, сообразительного и неунывающего удалыца! Снег белый, он сам тоже белый — чего же ему бояться? Только угольки глаз да кончики ушей весело мелькают на ослепительном лоне зимы, и заяц знает, что немножко рискует, а все равно безоглядно отдается своей игре. Разве его за это осудишь?

Хочется зайцу потешить себя в суровую долгую зиму, но когда заяц

гуляет, он и еще кого-нибудь кроме себя потешает. Отправится человек в зимнюю пору в лес за сеном или дровами — и натолкнется на играющих зайцев. Позабыл он за своими нескончаемыми заботами обыкновенную радость, а зайцы ему про нее напомнили. То-то человеку отрада!

Вспомнит он вдруг за этой звериной утехой и свои зимние праздники, воспрянет духом и улыбнется. Осторожно отводя рукой еловую ветку и посматривая на зайцев, всерьез задумается: чего же ему на самом деле не доставало? Может быть, вот этой возможности находить, видеть и радоваться?!

Господин дятел

Дятел — хорошо заметная, простая и всем знакомая в лесу птица, не лишенная завидного благородства. Того самого благородства, которое определяют присущие сему состоянию черты и поступки, дарованные Богом, и так получилось, что дятлу были отпущены только благородные, потому как польза, приносимая этой замечательной птицей, и манера держаться, всегда настороженная и вместе с тем возвышенная, наверное, и обусловили ее высокое имя «господин». Кстати, в народе оно чаще всего употреблялось как вежливое упоминание и обращение.

Не купец, не дворянин, а своему дому господин, живет дятел в нем, то есть в лесу, исправно и со знанием дела. На Руси господин, говорят, — кто за многих один, и, конечно, это в полной мере относится к дятлу. В самом облике дятла чувствуется строгость и какая-то глубокая порядочность, так напоминающие нам добрую господскую косточку, а еще чувство собственного достоинства от совершаемого труда... Дятел — истинный работяга и очень горд этим, но при этом не кичится и лишь торжествующим возгласом «кви-вик» напоминает, что каждому в лесу следует не покладая сил трудиться на всеобщее благо...

В этой работе дятел очень аккуратен, подтверждая тем свою благородную сущность. К слову сказать, он никогда не разбрасывает раздолбленные шишки по лесу, а сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, служащее ему как бы верстаком. Поудобнее устроив шишку или орех в подходящую щель, дятел усердно орудует клювом, выедая питательные семена, и затем сбрасывает на землю.

Часто в лесу натыкаешься на целые кучи раздолбленных сосновых и еловых шишек, напоминающие об озабоченной птице. Как будто кто-то неведомый пришел, сложил их заботливой рукой и неслышно для всех удалился. Это знаменитые дятловы «кузни», что завораживают основательностью, с которой дятел их обустроивает.

А вот летают дятлы неохотно, как бы понимая, что созданы для иного, но очень быстро, желая, наверное, поскорее оказаться там, где они нужнее всего. Полет у них тяжелый и в то же время стремительный: птица делает резкий

взмах крыльями, поднимающий ее ввысь, затем складывает их и стремительно, словно брошенное копьё, пролетает некоторое расстояние, быстро теряя высоту, затем вновь взмахивает крыльями, и так до тех пор, пока, наконец, не усядется на какое-нибудь дерево и не возобновит работу...

В основном дятлу приходится летать от дерева к дереву, то есть на расстояние в несколько шагов, и потому это скорее перепархивание, чем полет, в котором всегда угадывается вынужденное напряжение, как будто лететь ему не хочется, и он летит только потому, что надо. Но в те моменты, когда дятел взмывает после очередного взмаха крыльев, он словно вспоминает о своей возвышенной сущности и, кажется, стремится хотя бы на короткий миг побыть птицей, которой просто и замечательно летится.

Своеобразен и брачный полет дятла, что сразу становится понятным, если хотя бы раз его увидел. Так не летают, да, видимо, и не могут летать другие птицы. Вот когда открываются его самые красивые и яркие перья, что растут у птицы под хвостом! Поставив хвост торчком и распушив ярко-алое подхвостье, дятел, часто трепеща крыльями, летит словно по натянутой струне, и ты уже не знаешь, чего еще ожидать от этой птицы.

Но на самом деле дятел как добропорядочный семьянин и гражданин леса живет размеренной оседлой жизнью. Ему нет нужды улетать в теплые страны и кочевником его также назвать нельзя. Дятел придерживается той части леса, в которой находится его гнездо, и тщательно следит за тем, чтобы деревья в охраняемой им вотчине не болели.

Во всем облике дятла видна обстоятельность, когда он усядется, расщеперив узорчатые крылья, на ствол, упрет в него свой многоступенчатый упругий хвост и давай пробовать дерево на звук. Шею изворачивает, мелкой дробью кору на клюв пробует и как бы прислушивается: тут ли зловерный червь? Ну, чистый доктор!

Являясь грозой для жуков и короедов, дятел — птица очень миролюбивая, хоть и не весьма общительная. К обществу даже себе подобных дятлы не тяготеют, но и ссор не затевают. Не любят дятлы «водить компанию», а знай, только работают лесу на радость да другим пернатым на утешение и ничего за это не требуют. Доброму забота не в тягость, как говорится, а только в удовольствие.

Именно поэтому, наверное, дятла и величают «великодушным»... Мало того что он долбит многочисленные домики, которые используют другие певчие птицы, так он еще и щедро им их уступает, тотчас принимаясь за изготовление новых. Синицы, мухоловки, горихвостки, вертишейки должны быть благодарны дятлу за то, что он снабдил их теплыми и уютными квартирками, которые оберегают их в лютые зимы.

Дятел удивительно благороден... Совместно с самкой в течение десяти — пятнадцати дней он неустанно готовит гнездо для будущих птенцов, помогает им впоследствии высиживать, а когда на гнезде находится мать, никуда не улетает и ночует по соседству в прошлогоднем гнезде или нарочно выдолбленной «спаленке», причем спит в всяческом положении, прицепившись

лапками к отвесной стенке. Он не может допустить, чтобы его подруге и птенцам было неловко, нехорошо, и всеми силами старается обустроить их уют.

В общем, в отличие от других птиц, многим людям совсем неизвестных, дятел действительно всем хорошо знаком, и его благородная суть ни у кого не вызывает сомнений. Он, может быть, именно поэтому и должным вниманием обделен, поскольку прост по своей замечательной сути. Все привыкли видеть его поблизости, за работой, и уже, кажется, не обращают на него никакого внимания. Но не меркнет слава дятла для любознательного человека, охочего до лесных загадок. Оттого человек, наверное, и величает эту птицу «господином», что вызывает она только уважение.

Прозвище «господин» напрашивается и из-за ее оперения, напоминающего фрак. Таков большой пестрый дятел, что наиболее распространен в наших лесах, и оперение его под стать именно господскому: щегольский черный сюртук, белая манишка, на шее нечто вроде бабочки... Вылитый джентльмен, призванный не только охранять жизнь леса, но и украшать его.

Впрочем, и другие дятлы, хотя и окрашенные иначе, имеют такое же благородное платье. Самый крупный из них — желна, никогда не снимает с крутых плеч свой черный смокинг. Строгость и тайна всегда заключены в его настороженном облике, когда он неожиданно и бесшумно появляется где-нибудь поблизости. Несмотря на темноту, которой дятел овеян в народных сказаниях, он вызывает уважение этими загадочными передвижениями по лесу. Особенно если присаживается на шероховатый ствол старой ели, широко взмахнув черными крыльями, как фалдами своего одеяния, и замирает в горделивой позе, наострив рассерженный желтый глаз.

Зеленый, или, как его еще называют, седой дятел удостоен пепельно-оливкового камзола цвета молодой весенней листвы. По всему видно, что дятел вовсе не гордится им, а просто носит, за что-то дарованный ему лесом. Это даже, скорее, изысканный зеленый плащ, легко перехваченный у горла и так же ненавязчиво ниспадающий по его округлой, чуть вытянутой фигурке. Хотя дятел и не придает ему значения, увлеченный охотой за любимыми муравьями, чувствуется, что он не забывает о том, какой он все-таки благородный и красивый.

Жизнь белоспинного дятла связана больше с березняками, и потому он имеет раскраску, близкую березовой коре. У белоспинного дятла будто мантия магистра наброшена для какого-то торжественного момента, который уже давно закончился, но птица ее почему-то не снимает. Скорее всего, дятел не может прекратить свою любимую работу, желая оставаться при этом и незамеченным, и неотразимым.

Есть еще и трехпалый дятел, у которого тоже, как и у белоспинного и большого пестрого, на плечи накинута что-то вроде строгого пиджака — опрятного, подчеркивающего деловитость птицы и ее аккуратность. Даже буровато-черные пестрины, неприятно разбросанные по нему, не

означают безвкусицу и не портят первого впечатления. К тому же желтая шапочка на темени дятла отличается редким изяществом и скромностью, что в полной мере можно отнести к этой обаятельной лесной птице.

Вообще, все дятлы, хотя и принадлежат к одному семейству, имеют самую разнообразную одежду, которая, между тем, в каждом из них отличается рабочей строгостью и не теряет элегантности. Облюбовав какую-либо сосну или елку, птицы в скором времени могут переместиться на березу, осину и даже, может быть, ольху, но на коре всех этих деревьев они должны оставаться невидимыми. Ведь по одежке, утверждают в народе, протягивай и ножки, а она у дятла куда как не самая последняя!

Рад дятел, что нажил себе такой знатный кафтан. Правда, он, наверное, и не замечает дарованной ему одежды, потому как весь в заботах. Шишку разбитую надо отнести, новую принести, дупло выдолбить, птенцов выкормить, другие деревья проверить — дел у него невпроворот! Разве разглядишь за всем этим свой наряд?! И вот именно поэтому кафтан дятлу скроен точь-в-точь по его плечам, чтобы дятел не отвлекался от работы, было ему удобно, а выглядел бы он всегда молодцом!

Не зря у дятла кафтан еще и с подкладкой, чуть виднеется из-под хвоста розовато-алый подбой, будто спелая заря, с рождением которой он уже начинает свою бесперебойную долбежку. И если о человеке говорят, что его сначала по платью встречают, а по уму провожают, то дятла рады принимать и по тому, и по-другому. Когда житье у кого скупое, то он и платье носит худое, чего не скажешь про дятла, который по достойному труду и платью имеет заметное.

Дятлы постоянно заявляют о себе голосом. Издавая призывный крик, они, очевидно, извещают соседей о месте своего пребывания. Так, например, большие пестрые дятлы, которые держатся обычно поодиночке, издают короткий и высокий выкрик: «квик-квик». Чаще всего дятел повторяет его, сидя на вершине сосны или ели, реже — на каком-нибудь лиственном дереве, и разносится он в течение всего дня.

Но самый голосистый, пожалуй, черный дятел, или, как его еще называют, желна. Огромный, с алой шапкой, он то и дело перелетает над опушкой, вытянувшись в воздухе наподобие черной лодочки, и кричит одинаково часто как осенью, так и весной. Обычно желна последовательно издает два звука: первый — громкий протяжный возглас, выражающий неизъяснимую тревогу, даже плач: «киу-у, киу-у, киу-у», а второй — резко прерывающееся и очень зычное вскрикивание: «крю-крю-крю-крю-крю-крю». По голосу всегда можно довольно точно определить, какой это дятел, куда он летит и где сделал остановку.

Несмотря на свой достопочтенный вид, дятел очень забавен и имеет довольно-таки веселый характер. Конечно, особенно утонченных манер от него нельзя ожидать, потому что у дятла все-таки привычки лесного жителя, призванного выполнять «черную» работу, но своим опрятным обликом и образцовым поведением он производит очень привлекательное впечатление.

Кто бы мог пожелать, чтобы дятлов не было, и они исчезли из наших лесов? Уже один их голос, который напоминает громкий хохот и разносится далеко по лесу, звучит замечательно весело, и потому не мудрено, что дятлы принадлежат к одним из наиболее любимых человеком птиц.

Но голос у дятла не единственное средство звукового выражения его весеннего возбуждения. Дятел еще и великолепный музыкант, что тоже получается у птицы достаточно возвышенно и громогласно. Когда приходит весна, по лесу разносится торжественная барабанная дробь, которой дятел возвещает о своем чувстве. Это громкий раскатистый звук, возникающий от частых ударов клювом по сухому стволу или суку. При этом отдельные удары, составляющие дробь, хорошо различимы: они следуют один за другим со скоростью более десяти раз в секунду, и вся дробь звучит как долгое раскатистое «трр-ррррр-р-р-р...», затухающее в конце.

Чем меньше дятел, тем меньше ударов он совершает за одно и то же время. Например, желна ударяет клювом очень размеренно, степенно, а у малого пестрого дятла удары сливаются в сплошную трескотню. Интервалы между ударами бывают настолько малы, что звук воспринимается как трель, громкое и раскатистое лесное эхо, проникающее в самые глухие уголки.

Дятлы намеренно выбирают «барабан» с наиболее сильным резонансом. Постучав сначала по одному суку, потом по-другому, третьему, они затем чаще всего играют именно на том «инструменте», который позволяет производить самую громкую трель. Когда дятлу попадаются консервные банки на дереве, он использует даже их. Конечно, каждый сук или банка звучат по-своему, но это не мешает птицам находить друг друга: тут важна продолжительность звучания.

А еще дятел-самец издает подобные звуки для того, чтобы доставить удовольствие самке. Барабания по суку, он вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником. Подражая этому звуку, можно, наверное, легко подманить к себе много дятлов, а слышится он в лесу на расстоянии целого километра.

Дятел в лесу будто запевала многоголосого лесного хора, к которому прислушиваются все птицы, и как только он начнет — принимаются на разные голоса прославлять весну. Правда, голос дятла на самом деле просто барабанная дробь от частого удара его мощного клюва по сухому суку, но воспринимается всеми обитателями леса именно как песня. Да дятел и сам, наверное, думает, что поет, оглашая лес звонко разносящейся трелью.

Барабанную трель дятла не перепутаешь ни с какой другой птицей, потому что она очень своеобразна. В ее простом ритме сотни оттенков, разносящихся самыми непредсказуемыми мелодиями по всему лесу. Как наши ноты рожают удивительные звучания, так и трель дятла неповторима по многообразию музыкальных переливов. Стоит хотя бы раз оказаться в весеннем лесу, лучше — утром, и ты будешь очарован ими.

Сначала дятел, как дирижер перед оркестровой ямой, на мгновение замрет, сосредоточится и, осмотревшись, ударит первый раз, так что лес

загудит, заволнуется и окончательно проснется. Лес для него — это торжественный концертный зал, необычайно проникновенное пространство, где воплощаются в жизнь все его восторженные задумки. Он счастливо может выражать себя в них, наслаждаться ими и, призывая в то же время поклонниц своего таланта, дарит обитателям леса ощущение прекрасной нескончаемости от их великого дома.

Таким возвышенным и проникновенным образом дятлы выражают свои чувства, и если они не особенно хорошие певцы, то многие из них, зато, оказываются великолепными виртуозами по части инструментальной музыки. С самого рождения жизнь дятлов вращается преимущественно около дерева, и потому становится понятным, что ксилофон является их любимым инструментом, на котором они с большим желанием начинают играть весной. Тот, кто часто бывает в лесу, всегда обратит внимание на эту музыку, естественно принимая ее за любовную серенаду дятла, но долгое время в народе считали, что она является предзнаменованием дождя. В этой странной привычке пользоваться сучком как музыкальным инструментом хорошо угадывается утонченная натура дятла.

Именно благодаря ей дятел, наверное, не преминет воспользоваться любым подходящим для этого предметом, чтобы выразить все устремления своей маленькой, но возвышенной души. Если представить себе какое-нибудь волшебное дерево, увешанное чудесными сосудами или игрушками, дятел, должно быть, непременно воспользуется ими и попробует на звучание. Такая основательная, все примечающая и свободная птица не может не заинтересоваться чудесными вещами, будучи сама неподражаемой и чудесной.

Рассказывают, будто бы дятлы даже научились раздалбливать пошире леток в скворечню и устраивают в ней зимой свою постель. Ко мне в огород тоже повадился большой пестрый дятел, но скворечник он, слава Богу, пока не тронул, а вот дом, кажется, во всех углах простучал. И все это опять же без спешки, с толком, хоть и в непосредственной близости от человека.

С точки зрения его «господского» положения в лесу дятлу подобное поведение вроде бы не пристало, но присутствие меня его ничуть не смущает. Хлопнет дверь — дятел тотчас перелетит на черемуху, свесится боком и, кося одним глазом на вход, уже выуживает личинок с дерева, а как только все успокоится, он опять что-то выскивает на стене конюшни... Дятел, говорят, никогда не натывается, и что же на него обижаться, если он от жуков-древоточцев дом оберегает?!

Правда, в старину, смотря по тому, что он клюет, делались разного рода предсказания. Например, если весной дятел долбил по преимуществу изгородь, то наступающее лето обещало быть червивым, если стены холодных строений, это предвещало много мышей, а вот жилые помещения — к смерти одного из членов семьи. Когда дятел настукивал в переднем углу дома, это означало смерть самого хозяина!

Но что поделать — дятла нос кормит, и от него же он пропадает, так как

по далеко слышному в лесу тюканью дятла его и находят хищники. Кабы дятлу не свой носок, никто бы его в лесу не нашел! Но кому может помешать дятел, стукотня которого никогда не бывает надоедлива и, пожалуй, более умиротворяет, нежели вызывает раздражение. Вроде бы размеренная, работа дятла даже отличается восхитительным остервенением!

Да, у дятла завидный жизненный настрой, с которым он всегда нацелен на работу; и ни хмурое небо, ни надоедливый дождь не способны вогнать его в тоску. Это присуще лишь избранным, потому как ко многому обязывает. Дятел с лихвой оправдывает силу, благосклонно вложенную в него природой, и всегда держится молодцом. Сколько деревьев ему надо осмотреть, чтобы найти то место, где под корой поселились жуки и личинки!

Дятел невероятно трудолюбив и при этом очень внимателен к тому, что он делает. Часто можно видеть, как он, не переставая, долбит дерево, весь день озабоченно перебегает по его стволу, что-то внимательно высматривает, настороженно оценивает и вновь принимается за работу. Все он делает очень основательно, и не раз перепроверив.

Клюв дятла, несомненно, одно из главных его достоинств. Но как приспособить его к господскому званию птицы? Клювом дятел долбит дерево, выдалбливая дупло для гнезда, которым пользуются многие птицы, и уже тем подтверждает свое благородство. Клюв служит дятлу и «музыкальным инструментом»: им он стучит весной по сухому суку, извлекая похожие на барабанную дробь звуки, и эта «весенняя песня» дятла, обращенная к даме сердца, выказывает его не только истовым музыкантом, но и истинным джентльменом.

Вдобавок дятел — искусный акробат, ему позавидует любая птица, обитающая, как и он, в среднем пологе леса. Помогают ему лапки с острыми когтями, причем два пальца выдаются вперед, а другие два обращены назад. Ловкое лазание по деревьям обеспечивает дятлу и упругий хвост, на который он удобно опирается, передвигаясь по стволу скачками. Скачки дятел может совершать вверх, в сторону, и часто перемещается по стволу винтом.

Эта неспешная, даже размеренная манера дятла передвигаться по деревьям очень в нем привлекает. Хвост же играет настолько важную роль и несет такую большую нагрузку, что за год стирается на одну десятую часть. Но никто этого не замечает: на всеобщее обозрение дятел выставляет все самое броское и лучшее, показывая тем свой изысканный вкус.

Его милая приземистая фигурка то и дело мелькает между стволами деревьев. На вид строгий, по-деловому озабоченный, но не замкнутый, дятел вызывает уважение своими постоянными перемещениями по лесу. Он действительно кажется очень озабоченным, когда, как доктор больного, «прослушивает» дерево, и в то же время дятел открыт, для всех доступен.

Дятел не боязлив и всегда галантно выдерживает паузу, прежде чем ретироваться. К нему, как правило, можно подойти достаточно близко, порой почти вплотную, и он не выкажет особой боязни или настороженности. Даже тогда, когда птице грозит опасность, она не спешит улетать. Так,

прислушается, взглянет черным глазком, склонив голову набок, и продолжит свою стукотню. В крайнем случае, перелетит на соседнее дерево и вновь огласит лесную тишину барабанной трелью: дятел весь в работе!

Заметив обычно приближение человека, дятел как бы непреднамеренно, ничем не выдавая того, что заметил опасность, переползает, продолжая что-то искать в неровностях коры, на противоположную сторону ствола и, поднимаясь по стволу вверх, лишь изредка выглядывает из-за него, будто невзначай наблюдая за человеком. Если попытаться обойти дерево, то птица опять переместится так, что между ней и человеком окажется ствол. Если человек попытается приблизиться к птице, она перелетает на соседнее дерево, выражая неудовольствие громким резким вскрикиванием. «Квик-квик, клек-клек-клек-клек-клек-клек»,— именно так дятел передает свое негодование по поводу того, что его все-таки оторвали от неотложного и очень важного дела, а он, со своей стороны, проявил достаточно терпения, пока его не лишили.

Как тут не позавидуешь его способности сосредоточиться, не упуская при этом связи с окружающим! Времени даром не теряет, но и примечает всякую мелочь. Быть внимательным и вдумчивым наблюдателем скрытой от глаз жизни леса — его замечательное предназначение. Дятел не может позволить себе расслабиться хотя бы на минуту, а если такое случается, то только весной.

В эту восторженную для всех пору дятлы как будто сбрасывают на время свои благородные фраки и становятся какими-то оголенными. Целыми днями они без усталости носятся друг за другом между деревьями, пронзительно вскрикивают и, кажется, вот-вот сойдут с ума от охватившего их возбуждения. Весь год, и в снег, и в мороз, и в осеннее ненастье, они самозабвенно работали, добросовестно исполняя свою лесную службу, а теперь словно опомнились и... очумели. Где их хваленая выдержка, достоинство и гордость?! Дятлы превратились в обыкновенных птиц, охваченных весенним возбуждением.

Но простим их и вспомним себя, когда приходит весна... Не теряем ли мы, как дятлы, голову от ощущения непередаваемой свободы?! Помним ли, что происходило с нами, и отдаем ли отчет всем своим переживаниям?!

Весна безудержным и радостным ветром охватывает нас и, оторвав от земли, так же неугомонно возносит в сияющее небо, а мы не в силах противиться ей. До благородства ли тут, когда в лесу всякой твари по паре: бравый косой бесстрашно отправляется на поиски зайчихи, мудрый лисовин с замиранием сердца подбирается к своей огнеподобной и лукавой красавице, чутко улавливает носом желанную медведицу недавно поднявшийся из берлоги медведь... Вот и дятлы, вконец одурев, устраивают свою весеннюю кутерьму.

А как дятел оживляет лес зимой, когда он пустеет и в нем уже не слышно радостных песен! Сладостный зимний сон сковал все живое, улеглась даже безудержная вьюга, что намела за ночь горы сугробов, а под утро выдохлась, и только дятел, не обращая ни на кого внимания, размеренно долбит старую

березу, и звук от этих ударов отражается от стволов по всей роще: «тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук...».

Все, что слышит ухо в зимнем лесу, это только дробный перестук дятла. Стукотня дятла скорее выводит из охватившего зимнего оцепенения, постепенно отрезвляя и в то же время приятно озадачивая: как же неутомима эта птица, что не успокаивается даже в такую глухую пору! Зимой удары дятла в лесу звучат особенно хорошо, хотя и не так громко, как весной.

Будто неведомый старичок-лесовичок ходит меж березок и елочек, ударяет своей легкой колотушкой по стволу, проверяя его на звучность, но особо не шумит. Это лесной сторож, который знает, где и как стукнуть, чтобы отозвалось серебряным звоном. Ведь как стукнешь, так и отзовется, а дятел впустую стучать не станет, потому как всех, если захочет, перестучит: и стука, и работы у него вволю!

В народе про дятла бытовала такая история. Когда Бог задумал моря, реки и родники, он поручил эту работу пташкам небесным, и все за нее дружно принялись, кроме дятла, который по упрямству Божьему повелению не подчинился. Господь, чтобы наказать дятла, отказавшегося копать землю вместе с другими, обрек его на то, чтобы вечно долбить клювом дерево, а так, как он никакого участия в выкапывании земных водоемов принять не захотел, Господь запретил ему пить из них воду и приказал довольствоваться только той водой, которая во время дождя с неба падает и которую он должен ловить в воздухе как сумеет... Оттого-то дятел вечно кричит перед дождем.

Среди людей существует еще такое поверье, по которому дятел будто бы знает способ вызывать дождь. Для этого ему только стоит разбросать муравьиную кучу. Вполне возможно, кто-то когда-то примечал, что так оно и было, но нам-то сейчас доподлинно известно, как охочи до муравьев дятлы, в особенности зеленый, или, как его еще называют, седой.

Дятел долгое время терпеливо сидит на ближайшем от муравейника дереве и ждет, когда муравьи вытащат своих куколок просушиться. А как только это произойдет, поедает их, ловко слизывая своим длинным клейким языком. Суть приметы, по-видимому, кроется в том, что чуткие насекомые угадывают скорое приближение сырости и прячут яички в муравейник. Дятел же, не желая обременять себя ожиданием и стремясь побыстрее полакомиться, разбрасывает муравьиную кучу, и вскоре начинается дождь.

Вообще-то, про дятла в народе ходит сравнительно немного рассказов, причем почти все они вращаются вокруг его свойства долбить дерево. Известно, что дятел, подолбив дерево с одной стороны, тотчас же перелетает на другую, там подолбит, и опять обратно. Это объясняется тем, что, потюкав дерево, он спугивает насекомых, гнездящихся в расщелинах коры, и те перебираются на противоположную сторону, где дятел их ловит, повторяя такой прием постоянно. В народе в этой особенности видели то, что дятел летит на другую сторону, чтобы посмотреть, не прошел ли насквозь его клюв.

Обычно я отношусь к таким историям очень терпимо, ибо все они больше слагаются из любви к лесу, рядом с которым всегда жил русский человек, чем

ради пустого краснобайства. Все эти неправдоподобные рассказы про годовалого медведя-пестуна, помогающего медведице нянчить ее несмышленишей, про глухаря, который будто бы не топчет копалуху, а продолжает свой лесной род с помощью разбрасываемой им слюны, которую она сглатывает,— больше вызывают улыбку, чем неприязнь или справедливое возмущение.

Вот, к примеру, еще одна легенда про дятла, что бытовала раньше среди крестьян. Согласно ей дятел — птица скорее зловещая, утверждали они, нежели приносящая удачу, и своим стуком предвещает несчастье. Во многих местностях дятлу приписывалось свойство находить некую разрыв-траву. Поверье гласило, что дятел знает такую траву, которая может отомкнуть всякий замок, и чтобы отнять у дятла эту траву, нужно найти его гнездо и заткнуть вход деревянными колышками. Дятел попробует сперва силу своего клюва, чтобы проникнуть в гнездо, а затем полетит и принесет добытую им разрыв-траву.

Под деревом, где находится его гнездо, нужно расстелить красный платок. Дятел примет его за огонь, разложенный под деревом, и упустит на него траву, сказочное зелье, от которого не только замки и запоры распадаются, но и клады даются. Самому обнаружить эту траву очень не просто, потому как цветет она только в полночь на Иванов день и держит цвет не долее, сколько нужно, чтоб прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Разрыв-трава обладает невероятной силой, и если бросить ее в кузницу, уверяли старики, то кузнец даже не сможет работать.

Раньше о дятлах говорили и писали только доброе, отличающее их как главных хранителей леса. «Лесной доктор», «музыкальных дел мастер», «лесной кузнец» — все это очень справедливые и меткие прозвища, действительно отличающие дятла как истинного врача, непревзойденного исполнителя самых необыкновенных лесных звучаний, старательного и вдохновенного мастера. Не зря издревле замечали, что для того же лесничего дятел, как собака для охотника.

Но сейчас о дятле, несмотря на все его благородные свойства, стали появляться довольно противоречивые мнения. Чаще всего такое: труженик-то он, вроде бы, большой, зато семян сосны и муравьев поедает изрядно, а это уже не на пользу лесу. Или еще по-другому: хорошо, когда еды в лесу вдоволь, но вот если ее мало — дятлы, ко всему прочему, будто бы начинают хищничать: раздалбливают летки у многих синичников, вытаскивают оттуда птенцов и убивают их. Особо же сердобольные не упустят случая упомянуть о якобы нездоровой тяге дятлов к целительному березовому соку: нередко можно обнаружить, что нежная береста пронизана аккуратными рядами маленьких дырочек, которые как бы окольцовывают ствол, и это, мол, небезопасно для жизни дерева. Но что с того, если семья дятла лакомится по весне сладким березовым соком, который не только приятен птицам на вкус, но еще и витаминное лекарство после их самоотверженной работы на благо леса в течение всей холодной зимы. Разве много среди лесных обитателей

таких, что приносят одну только пользу?!

Нет, даже когда дятлы долбят сухое дерево, которое спасти уже невозможно, они все равно делают очень нужное и важное дело: избавляют лес от вредителей, стремящихся перейти на здоровые деревья и погубить их. Усердие дятлов не знает границ там, где они достают вредителя из глубины ствола, а не только из-под коры, то есть оттуда, где никакие яды не достигнут насекомое. Что же касается дупел, которые дятлы делают, то и здесь только польза.

Во-первых, дятлы выдалбливают их в старых и сухих деревьях. Во-вторых, дуплами этими пользуются только один раз, оставляя потом другим птицам, которые часто страдают из-за отсутствия подходящих для гнездования мест. Кстати, зимой дятлы часто сдирают ударами клюва кору с зараженной личинками короеда ели, что позволяет другим зимующим птицам поедать этих личинок. Дятел очень выручает голодающих птиц, и, наверное, никто не видел его хотя бы однажды скучающим.

Теперь доподлинно известно, что дятел долбит только зараженное дерево. Последовательно простукивая его с разных сторон, он запускает в проделанные маленькие отверстия длинный клейкий язык — гарпун с зубринкой на конце, выуживая оттуда не только личинок, но и взрослых короедов. Дятел не терпит суеты в этом ответственном для всего леса деле и сосредоточен до предела. Слово господин со своими безропотными подданными ведет себя дятел, нисколько не задумываясь о их судьбе. Все существо птицы направлено на то, чтобы выискывать необходимый ему корм, выуживать его из-под коры и тотчас поедать.

Как крепко прилепляется дятел к стволу дерева, без которого просто не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждет, когда птица подлетит, присядет на ветку и тщательно прослушает его. Дерево замрет на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит, облегченно и с благодарностью вздохнет. Дятел ничего не обнаружил, и оно может продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на душистом ветру.

Скучно без дятла в лесу, пустынно и грустно. Приятно любоваться этой живой птицей, наслаждаться ее присутствием, переживать маленькие лесные события. Хорошо думать под размеренную дятлову стукотню, когда сидишь, скажем, на крыльце лесной избушки и вслушиваешься в пробуждающуюся весну.

Вообще, дятел — необыкновенная птица, и ты никогда не ведаешь, что от него можно ожидать в следующий момент. Вот, например, совсем недавно я узнал, что в Сибири в лютый мороз птица прыгает с высокого дерева в глубокий сугроб, зарывается с головой в рыхлый снег и отсиживается там всю ночь в относительном тепле, наподобие рябчиков и тетеревов. Ну, это ли не свидетельство того, как непредсказуем и занимателен дятел!

Слово «господин» происходит от Всевышнего Владыки, государя нашего Создателя, Господа Бога. Господа, который богатит и высит, ублажает и

смиряет. Слава ему, что белый свет наш открыл, подарил удивительный мир птиц, зверей и растений!

«Господином» чествуют людей по званию и должности, по их великим заслугам. А разве дятел не достоин такого обращения за свое благородное усердие?! Дятел необыкновенно украшает наши леса, поражая всех достоинствами, за которые и получил среди лесного люда, не шибко падкого до красивых слов, высокое и уважительное прозвище «господин».

Сам себе господин, с честью служит дятел и великому батюшке-лесу: крепок в делах, верен в помыслах. Служит — не угождает, потому что превыше всего ставит в лесу порядок: на то ему и Господня воля. Не по дому господин, говорят среди людей, а дом по господину, и это в первую очередь относится к дятлу, который обустроивает его в лесу по своему образу и подобию на славу!

Заячьи свадьбы

Каждую весну, не в силах сдержать взволнованного ожидания, отправляюсь я в лес, и он не перестает одаривать меня незабываемыми откровениями. Жадное сердце торопится вдохнуть проникнутый забытыми ароматами воздух, разгоряченное воображение охватывают восторг и смятение, а ноги сами несут к заветным полянам, на которых одурманенные весной зайцы устраивают под вечер свои неугомонные свадьбы.

Солнце клонится к западу, и будто еще теплее становится вокруг. Уже издали замечаешь, как белеют на опушке затаившиеся в своей тихой радости живые комочки. Мягко вздрагивающие уши то появляются, то исчезают за холмиками свежей травы. И близко зайцы, а не достать...

Но не одолевает сердца эта их недосыгаемость, потому как знаешь: стоит подойти поближе и немного подождать, и зайцы вновь выбегут на поляну. Если сидеть в лесу неподвижно, то звери вовсе перестают замечать тебя. Только в весеннюю пору можно подсмотреть жизнь животных, обычно скрытую от глаз человека, недоступную для него.

Первый заяц проковылял мимо меня в двух шагах и, усевшись неподалеку, стал с аппетитом объедать молодую зеленую травку. Розовый нос его чувственно шевелился во все стороны, и когда зайчишка поворачивал голову к солнцу, то казалось, что лучи пронизывают нос насквозь, наполняя его нежным соком.

Вскоре за спиной послышался шорох, и через минуту на полянку выбежал еще один косой. Он чутко прислушивался, настороженно вздрагивал всем телом, а его темно-карие выпуклые глаза отражали в заходящих солнечных лучах невероятно таинственную жизнь, хоть постоянно и хоронящуюся, но в чем-то непреклонную. Наверное, эта жизнь устала от вынужденного напряжения и, не в силах ничего изменить, оставалась для леса не доброй и не злой, а просто, по обыкновению, звериной, и еще

очаровательно неприхотливой и нужной в своей скрытой от людей незатейливости.

Встрепенется в ветвях тревожный ветерок, вскрикнет где-то неведомая птица или прошелестят в воздухе чьи-то упругие крылья — и насторожится зайчишка, сожмется в трепетный комочек: вот-вот выпрыгнет его сердечко на весеннее раздолье. А может, мне это только кажется, и заяц, охваченный весенней радостью, на миг погружается в свое тихое заячье счастье, ничего не замечая вокруг. На зайцев весной словно находит что-то такое, с чем они совладать не могут, и они обо всем забывают.

Еще стоят крепкие мартовские утренники, а неподалеку от деревни с утра и до позднего вечера уже слышно заячье возбужденное боботание: «бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо-о, гу...» «Бо-бо-бо да гу-гу-гу, не проговаривайся ни- кому», а заяц ровно и не помнит себя в отупелом весеннем забвении, без опаски оповещает всю округу о своих спутанных чувствах. Добрая свадьба, замечали в народе, неделю празднуется, у зайцев же она, почитай, с февраля по май длится!

Когда говорят, что вор как заяц: и тени своей боится, то это никак не относится к зверьку, когда он охвачен любовной страстью, хотя и то верно, что весной заяц на слуху сидит. Вроде бы место у зайца тут, а его нет: пляшет косой, подпрыгивает, одним словом,— беса тешит. Хорошее слово лежит, худое — бежит, в зайце же по весне, кажется, ничего хорошего нет: одна только дурь, которая не позволяет ему посидеть спокойно минутку. Но если и не красен в эту пору у зайца бег, зато — здоров. Засиделся он зимой в густом чапыжнике, надоела ему зима — мочи нет!

Любят зайцы эту весеннюю пору и всегда выбегают на освещенные солнцем поляны, чтобы посидеть на них, погреться, пощипать только-только выбивающуюся травку. Белые, в темно-пестрых и коричневых пятнах, они кажутся такими доступными, что никак не можешь к этому привыкнуть. И даже когда проходит весеннее очарование, ты еще долгое время не в силах прийти в себя, нет-нет, да и вспоминая встречи с этими милыми существами.

В глубине зимы, когда леса наши покоятся под снежным покровом, заяц бывает совершенно белого цвета, так что его трудно отличить от снега, только кончики ушей остаются черными. Но уже с марта месяца благодаря действию весеннего солнца в цвете его шерсти происходит замечательная перемена. Прежде всего, сереет спина, а на боках начинают проявляться неопределенные пятна и крапинки, число которых с каждым днем увеличивается. Заяц становится похожим на какого-то диковинного и легкого зверька, подаренного весной людям.

Вместе с одежкой меняются в эту пору и повадки зайцев. На протяжении большей части года они ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает, весь день носятся они по угольям в поисках пары. Зайчиху преследуют обычно несколько зайцев и так этим увлекаются, что подпускают совсем близко, а то и сами набегают чуть ли не вплотную.

Как только какая-нибудь парочка находит друг друга, между ними начинается любовное заигрывание, заключающееся в бегании большими кругами и сидении на задних лапах. Только самый быстрый и ловкий заяц добивается внимания длинноухой красавицы. Другие зайцы при виде счастливица бесцеремонно спешат отгнать его от самки или, по крайней мере, помешать ему наслаждаться... И дело в таких случаях не обходится без драки.

Борьба самцов бывает очень забавна: они бесстрашно бросаются друг на друга, упираются лапами в лапы, затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. А потом с разбегу опять устремляются навстречу один другому, кувыркаясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их бывает много, громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Выбирая какую-нибудь одну поляну только по им известным признакам, зайцы из года в год неизменно посещают ее, если их не тревожить. Поляна эта вроде бы самая обычная, ничем не отличающаяся от других, находящихся рядом, но зайцев привлекает именно это место, будто оно заколдовано. Только на ней они окончательно теряют голову, без толку бегают взад-вперед, и в народе об этой поре в заячьей жизни судачили так: «рубль бежит, а десять других догоняют». Много к зайчихе зайцев сватается, да только одному она достается.

...Отдохнув на ласковом солнышке, мои зайцы тоже забегали маленькими кружками один за другим, присаживались глубоко в травку, как будто ненадолго затихая, и вновь начинали свои забавные игры. Я сидел неподвижно, наблюдая за ними. Незаметно ускользал теплый весенний день. Может быть, на какое-то время он замирал от переполнявшей его жизни и затем опять тихо струился над оживающей землей, уплывая и растворяясь в розовеющем свете исчезающего за горизонт солнца.

Неизвестно, сколько длился этот безмятежный покой, и я даже не помню, что чувствовал тогда, о чем задумывался. И никак не могу вспомнить теперь, будто то был сладкий и неприкаянный сон, который может присниться только один раз в году, весной...

Еще долго вслушиваюсь я в неохотно укладывающуюся вокруг жизнь. Но вот гаснет последний отблеск зари, смолкли дрозды, да и зайцы мне порядком надоели. Поднялся я, и зайцы, как будто им самим давно эта беготня наскучила, тут же убежали в лес.

Возвращаясь в холодеющих сумерках домой, я про себя улыбаюсь и никак не могу забыть их трепетные розовые носы, чуть вздрагивающие, готовые вдыхать долгожданные свежие запахи. И еще мягкие уши, которые хочется подержать в руках, чтобы заяц не испугался и не разозлился, а только замер, не шелохнувшись, так, что было бы слышно, как ударяет в груди, взбудораженное весной, его маленькое упругое сердце.

Лесной архимандрит

Имена многих зверей и птиц несут на себе отпечаток их характера,

повадок и даже отражают суть зверя. Зачастую свое прозвище зверь получает лишь за какую-нибудь одну, совсем не выражающую его привычку: как медведь за любовь к меду, тогда как все остальные его склонности, может быть более пред- почтительные, остаются в тени.

Если имя зверя при этом оказывается достаточно поэтичным, то оставленным без внимания достоинствам приходится потесниться. Ведь медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», может с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным». Но они остановились именно на «медоуеде» — звере, поедающем мед, впоследствии — «медведе», потому как видели в этом еще и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

Медведю в народе дано много бранных, милых и почетных кличек: лесник, лапистый зверь, ломака, костоправ, Топтыгин, косолапый, куцый, мохнач, лешак, черная немочь, лесной черт, мишка, мишук, Потапыч, лесной архимандрит, сморгонский студент... В старину медведей учили плясать, да, продевши кольцо в ноздрю, на цепи по деревне на потеху водили. Дорого это ученье медведям доставалось, хотя плоды от него не они получали: медведь пляшет, цыган деньги берет. Обучением медведей разным штукам в то время занимались преимущественно в местечке Сморгон Виленской губернии. Там был, как тогда его в шутку называли, медвежий Сморгонский университет, а отсюда прозвище — «сморгонский студент».

Но по благоволению лесного бога и благодаря приметливости людей медведю из всех этих имен более подходит «лесной архимандрит», потому как он — самый главный в лесу, нет ему равных по силе, уму и своеобразию, и только медведь ведает то, чего никакой другой зверь ведать не может. Ведает — значит, знает и, конечно, хранит в себе всю вековую мудрость леса, а если порой и не выявляет ее, то только потому, что благородного сана.

Народ относился к медведю всегда с уважением, считал его очень умным и величал почтительно — Михайло Иваныч. По деревням бытовало убеждение, что даже думать о медведе худо не следует. Тем более, хвастаться встречами с ним, ибо он все слышит, хотя его вблизи и нет, все помнит и не прощает. Верили, что медведь умен как человек, и если не говорит, то потому, что не хочет. Утверждение, будто медведь силен да не умен и только, знай, прет на рожон, верно лишь когда человек не оставляет ему выбора.

В просторечии ум нередко принимает значение воли, и это как нельзя лучше подходит к медведю. Она у него на свой лад устроена, так же, как и царь в голове. Медвежий ум — не односум: он обычно своё говорит, а хотение своё.

Быть всегда в полном уме для медведя скорее в тягость, но лишиться его совсем, даже при той недюжинной мощи, которой зверь обладает, он не в силах — лесной бог не позволяет. Выражение «взбрело на ум» удивительно точно отражает состояние именно медведя, когда его никто не тревожит, и он предоставлен самому себе.

При всей своей необычайной силе и скрытом уме, медведь, однако,

скорее трусливое животное, нежели нацеленное на вызов и бросок, как это заведено у волка или рыси. Врасплох, говорят, и медведь труслив. Но раненый или рассерженный, он становится очень опасен, и горе тому охотнику, который попадется ему в лапы. Если и удастся спастись, так долго будет помнить: кого медведь драл, тот и пня боится.

Особенно опасен, по поверьям охотников, сороковой медведь, на нем нередко и опытные таежники плошают, он, как известно, охотника калечит. С медведем встреча в лесу всегда возможна, даже тогда, когда вовсе не за ним идут, и по заячьему следу можно добраться до медведя. А бывает, что от волка бежишь — на медведе споткнешься.

Медведю в лесу дана крепкая власть надо всем, что сокрыто под его пологом. Он — владыка лесной, верховный настоятель птиц и зверей, и толочь воду на воеводу никому из них не пристало. Лесное дело не велико, да медведь-воевода крут: как придет, так и калачи привезут, а ежели кто ослушаться вздумает, того он в один мах перевалывает. Медведем быть, как говорится, без меду не жить.

Про медведя еще можно сказать и такое: не грешно, что дано, но что силою взято, то все равно не свято, ибо не в силе Бог, а в правде, которая заключена в том, что без медведя нет лесной чащи. Лес — сам медведь, который пугает своей темнотой и, тем не менее, манит. Знает сила в медведе правду, да не любит сказывать: и сила и власть в нем покорны только мудрости леса.

Сила обычно все ломит, но уму уступает, которому из медведя не так просто выйти. Медведю нужно время, чтобы раскинуть своим потаенным умом, и оттого дума его рождается медленно, но крепко. Думает медведь, а за своей думкою никак не поспевает; взяв же, наконец, верное поведение, он уже не отступит от него, пока не исполнит, причем самым тщательным образом.

Неприкаянно бродит медведь по лесным дебрям, будто позабыл что-то важное про себя, а вспомнить не может. Порой силком отнимает у других то, что ему не принадлежит. Испугом да страхом в лесу воротит, потому как нет его сильней, и только при столкновении с человеком просыпается в медведе его дремучий ум: тут кто умнее, тот и правее, и медведь нередко оказывается прозорливее людей.

А еще медведь тем хорош, что никому нельзя, а ему можно. Только потому, что он медведь. Захочет — и в мгновение вырастет из неприметного животного в сильного зверя; не пожелает ничего изменять — останется неуклюжим и симпатичным недотёпой. Главное, что из всего этого обычно выходит одна польза, и никому в лесу не бывает плохо.

Хищник по натуре, медведь все-таки более забавен, чем кровожаден. Всего того, что лисица старается достигнуть умом и изощренностью, а волк — решительной стремительностью, коварством, медведь добивается прямой, открытой силой, когда нет другого способа получить желаемое. Но прямолинеен он обаятельно, так что невозможно сдержать улыбку, и в этом, наверное, повинны внешний облик зверя и та неуклюжесть, которую он

выявляет, обладая недюжинной мощью. Больше всего медведь любит покой, и оттого он очень редко нападает, а чаще обороняется; и лишь когда сдерживать себя оказывается невозможным, он разъяряется.

Благодушие медведя бывает оправдано, если его поменьше тревожить и у него в достатке корма. Пока у медведя растительная пища в изобилии, он довольствуется ею, но в случае ее отсутствия и раз попробовав животной пищи, он делается хищником в полном смысле этого слова. Добычу он высматривает и выслеживает с такой же изощренностью, с какой это выходит у волка, рыси и лисицы, а утомленный преследованием, свирепеет необыкновенно, открыто применяя свою ловкость, осторожность, предусмотрительность и силу. Куда девается недавнее обаяние зверя, его милая неуклюжесть и добронравие?

Несмотря на свои внушительные размеры, медведь бывает очень ловок. В случае опасности он в мгновение срывается с места и так же молниеносно исчезает, причем бесшумно, невзирая на захлапываемую валёжинами чащу. Однажды напуганный мною, он проскочил через сухие заросли малинника почти неслышно и затем, не издав ни звука, уходил старым заросшим болотом, которое протянулось на несколько сот метров.

Если медведь появляется на овсах, то каждую ночь в различных местах, а то его вообще нет несколько ночей, и даже взошедшая луна заставляет осторожного зверя уйти из освещенной полосы. Направляясь на кормежку, он не пропускает ни единого шороха, и лучше обойдет подозрительное место за километр, чем пренебрежет своей осмотрительностью, даже будучи очень голодным. Тонкое чутье зверя подспудно оказывает ему услугу, и медведь лишь повинуетя заложенному в нем голосу природы.

Оказавшись на овсах, хищник садится, подобно человеку, и срывает пастью сочные метелки, загребая при этом стебли одной, а то и двумя лапами. Изредка он поднимается на дыбы, прислушивается, и уже затем ложится на брюхо или бок и, медленно передвигаясь, поедает овес, подминая его прямо под себя. Обычно слышно причмокивание и чавканье медведя, когда он чувствует свою безопасность, и так он кормится порой не по одному часу, если его ничто не пугает.

При явно выраженной непутёвости и очень трогательном обаянии, присущими этому зверю, он проявляет удивительную основательность, граничащую с еще более поразительной предусмотрительностью. Задавленную добычу медведь переносит на другое место, за сотни метров, и не по разу, а затем закидывает травой, мхом или хворостом. Потоптавшись на образовавшейся куче, заваливает ее ветвями ели и пихты, которые скусывает и притаскивает в зубы. Иногда выкапывает даже глубокие ямы, в которых целиком умещается загрызенный им лось.

Случается, что медведь (происходит это чаще в морозную погоду) не зарывает добычу, а лежит на ней несколько суток. Таким образом, он «парит» мясо и, разлагаясь, оно меньше смерзается, отчего становится более привлекательным на вкус и доступным для медведя. Забравшись летом на

черемуху, предусмотрительный зверь обламывает ветки, но не сбрасывает их на землю, а складывает под себя в развилке крупных сучьев. Вороха из наломанных веток сохраняются порой по несколько лет. Яблоки же и груши медведь просто обтрясает и, спустившись вниз, поедает упавшие плоды.

Порой медведь проявляет чудеса изобретательности и, не в силах лишить себя желанного меда, часто заявляется на пасеки. Облюбовав улей, он старается зубами расширить отверстие, неумолимо трудится так с полчаса, отбиваясь от разозлившихся пчел, но не отступает. Пчелы немилосердно кусают его, медведь ворчит, безуспешно отмахиваясь лапами, и когда уже совладать с ними оказывается невозможно, тащит улей к речке, там сбивает крышку и, опустив в воду рамки с медом, в удовольствие лакомится ими.

Правда, в порыве охотничьей страсти, зверь, случается, совершенно теряет самоконтроль, подвергая свою жизнь опасности. Однажды во время лесного пожара медведь, размахивая большой корягой, пытался приостановить распространение огня. Его хотели отогнать струей из огнетушителя, но зверь не покинул пожарища. Оказалось, что неподалеку от этого места лежала туша лося, которая застряла в буреломе, когда медведь ее перетаскивал, и косолапый, несмотря ни на что, не желал оставлять свою добычу.

Медведь необыкновенно силен и способен в зубах унести взрослого кабана, прихватив его так, что тот не касается конечностями снега. Имеются сведения, что некоторые медведи относят задранную корову, держа ее передними лапами и передвигаясь на задних. Так же медведь утаскивает с пасеки ульи.

Кстати, в давние времена повадившихся на лесные пчелиные пасеки медведей ловили таким образом. Хозяин пасеки, зная о любви зверя к водке, ставил возле ульев корыто, наливая в него четвертную водки, а медведь, выпив ее и опьянев, тут же засыпал. Утром из деревни приходили мужики и связывали пьяного медведя.

Про медведя существует множество самых невероятных историй, может быть даже больше, чем о других животных, и большинству из них почему-то веришь. Веришь в то, что он все-таки самый умный и сильный среди зверей, несмотря на свою видимую дурашливость и бесшабашность, в его способность оборачиваться в путника, который пугает селян, отказавших ему в гостеприимстве. Медведя из-за этого подозревают в родстве с нечистой силой, уверяя, будто он лешему родной брат, и местами опасаются называть его собственным именем, а только

«хозяин», «он», «сам» или «зверь». Взрослый медведь в два счета догонит лося и одним ударом лапы переломит ему хребет. Если нужно, легко взберется на самое высокое дерево. Больше всего мишка любит лакомиться малиной и грушами, и плачет, когда они не уродились...

Еще издавна в народе бытовало убеждение, что старший медвежонок-пестун воспитывает младших, которых медведица не боится оставлять на него. Выбрав такого медвежонка, она подолгу не отпускает его от себя, пока он не вынянчит ей следующих медвежат. Находились счастливицы, которые

будто бы видели, как молодой медведь-пестун ходит на задних лапах, а маленьких медвежат переносит в передних. Сама же медведица идет сзади и подгоняет его ударами своей могучей лапы.

По мнению старых таежников, медведь сродни самому человеку, и род человеческий, как считали многие племена и народы, ведет свое начало именно от медведя. Кто медведя без шкуры видел, тот сразу поймет, о чем разговор.

В России повсеместно было распространено убеждение, что медведь прежде был человеком, который обращен в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Будто бы он провинился тем, что не хотел пустить к себе ночевать заблудившегося странника. Или еще уверяют, что в медведя был превращен мельник, за то, что когда Господь хотел зайти к нему в гости, мельник надел тулуп наизнанку и заревел, дабы Господа испугать. Тот и превратил его в медведя.

Доказательство тому, что медведь — человек, охотники видят в том, что собака на медведя и на человека лает будто бы совершенно одинаково, а на других зверей — по-другому. По этой причине медведю человека есть не показано, и человек медвежьего мяса пробовать не должен. В некоторых местах медведя до сих пор так боятся и почитают, что празднуют день накануне Благовещенья, когда, по народному поверью, медведь просыпается и выходит из берлоги.

Медведь, несомненно, взял всем: и силой, и ловкостью, и красотой. Он хорошо известен каждому, но выражение «Кто знает, что у него на уме» верно о нем всегда. Необъяснимый и цепкий ум медведя — это тоже его сила, с помощью которой он достигает всего, чего пожелает. А желает он, как известно, отнюдь немало: медведь сам себе на уме, который у него объемистый, глубокий и такой же темный, как лесная чаща.

Ночной тьмой налегает на тебя зверь, когда не разберешься в собственной душе, и уж куда как нелегко разобрать темную звериную душу. В темноте держит свою тайну самый дремучий зверь, не пуская к себе человека, свет которого стоит до медвежьей тьмы, медвежья тьма — до людского света, так что не перейти никогда эту таинственную черту. Темнится темь в медвежьих глазах, а из них подымается таинственный лес.

Знакомый егерь рассказывал мне, что медведь в его хозяйстве так тщательно искал осенью место для берлоги, что вырыл их девять, пока не остановился на одной, в которой и провел всю зиму. В подобном поведении животного очень наглядно проявляется его темнота, и еще такая черта, как обаятельная непутевость огромного зверя, про которую в народе говорят: в медведе думы много, да вон нейдет. Не основательность и неутомимость, с которыми, казалось бы, медведь обустроивает свое будущее лежбище, а именно какая-то непутёвость, объедающая саму себя простота, что, как известно, хуже воровства.

Порядком не подумав, принимается мишка за работу, чтобы через некоторое время убедиться в ее никчемности. Горький опыт, видимо, ничуть

не учит нашего лесного доброхота. Тем самым подтверждается сочиненная про него пословица: не дал Бог медведю волчьей сметливости, а волку медвежьей силы! И вот косолапый со всей своей нестигаемой мощью принимается за устройство лесного жилища: пыхтит, старается, что, на первый взгляд, создает впечатление истинного трудолюбия и сообразительности, мол, не зная, усердствовать просто так не стану, и рано или поздно добыюсь желаемого. И получается так, что ложится порой без всякой подготовки в какую-нибудь самую обычную ямку, завалив себя мхом и листьями, или прямо под корнями вывороченного в буран дерева, чем подтверждает свою непредсказуемость и милую неприхотливость.

А может быть, медведь просто привередлив, и в родном бору — он ровно хозяин в доме: что как хочет, так и ворочит!

Правда, не без здравого смысла. Но чаще все-таки берлогу устраивает по всем правилам, чтобы тепло и вольготно лежалось ему зимой, чтобы, не дай Бог, не подтекла по весне раньше времени в берлогу вода, не подмочила шубу и не помешала выведению на свет малых своих зверенышей, чтобы не обнаружили его зимнее убежище охотники. О многом надлежит позаботиться медведю в лесу перед тем, как он уляжется почти на полгода в спячку, и зверь, несмотря ни на что, очень старается обустроить все наилучшим образом.

Неспроста у людей один из самых любимых мотивов зимы — сон медведя в берлоге. Наверное, ее воображаемый уют напоминает человеку его дом, и, представляя, как сладко сосет мишка лапу, как он переворачивается во сне с боку на бок, народ видит в этом что-то родное и немножко забавное, что скорее вызывает улыбку, а не опасение.

Медведь в таких представлениях всегда выглядит славным простаком, которого заботит только собственное забытие под завывание метелей да потрескивание мороза. Он сладко переживает свое вынужденное бездействие, ни в чем не нуждаясь, и, наверное, желает только одного, чтобы его не беспокоили. Но большинство людей никогда и не задумываются, что где-то в таежном лесу в морозный январь медведицы рожают своих последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне и, кажется, совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме. Всю зиму скрипят над их берлогой высокие старые ели, а сны медведей от этого становятся еще крепче.

Сон у медведя, должно быть, очень чуток. Чтобы вспугнуть медведя из берлоги, достаточно бывает простого свиста, покрякивания и хлопанья в ладоши. Но иной раз охотники подходят вплотную к челу, совывают в него заранее вырубленный батог, упираясь им в бок зверя, а он не подымается. И только после этого обматывают жердь паклей, поджигают и вытравливают зверя из берлоги удушливым дымом. Но даже когда зверь извлечен из берлоги, в ней может затаиться пестун, что терпеливо переносит тычки жердью, не издает ни звука и не двигается. Так нередко ведут себя и медвежата, оставаясь в темной берлоге незамеченными.

Старые охотники утверждают, что если проходить мимо медвежьей

берлоги, не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не проснется. Всему в лесу свое время, человеку же в нем место, которое он всегда выбирает сам и заслуженно, в зависимости от того, как живёт и чувствует, и если зверь восстанет из берлоги, надвинется на него грозовой тучей, то значит, так тому и быть, не нарушится медвежий сон, человек все равно впитает для себя необходимое знание и ту тишину, которая разбудит в нем недостающее понимание жизни.

А что медведь? Мучают ли его не покидающие видения, одолевают неразделенные переживания? Снится ли ему бессмертие или беззаботное щенячье детство? Видятся ли ему вообще сны?

В отличие от человека, они, наверное, не ложатся ему на сердце ровным тихим светом, а наваливаются темными глыбами или туманными наваждениями. Вряд ли сны медведя оказываются безмятежными. В них — ком невыразимых звериных смятений, и как чутко при этом должен повести себя человек, вплотную подступая к потаенной звериной судьбе!

Всю зиму живет в своей берлоге медведь — лесной владыка. Живет, не ведая, что был когда-то, по народному поверью, человеком, а обращен в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их съесть, а уводит к себе и живет с ними. Во снах своих зверь все это переживает, должно быть, самому себе не доверяя. И проснувшись, он держится особняком.

Все во снах совершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остается благосклонна. Медведю снится, что он в услужении у Анисьи Петровны находится, на лапах ее любимых дитяток носит. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит ей следующих медвежат, а ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

Медведи-сеголетки, действительно, часто проводят свою первую зиму в берлоге с матерью, и чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть ее. Но оставить медведицу сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах — вот природа и распорядилась по-своему. В мае-июне у медведей происходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим присутствием и запахом, который передается медведице, он отпугивает медвежат напрочь, и повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

А может, представляется во сне медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревьям водят и потешаются оттого. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берет, медведю же мало что перепадает. Досадно от этого Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая.

Или еще приснится, как ему от пчел достается. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного меда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки

пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться вволю!

Раззадорит пчел не на шутку, а уж потом — бежать. Даже глубокой зимой не дают ему покоя пчелы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях...

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом лесные яблоки поедает. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а теплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю все это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит. Рябинушка сочная от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он ее аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается...

Спит медведь и видит свой любимый угор, рдеющий желанными ягодами, а еще лакомство неизменное — муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: будто ждут чьего-либо неизвестного внимания. Медведь его на свой интерес принаравливает.

Эдак, запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотепе, возбуждение махонькое наблюдать и кисленьким при этом закусывать. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосет, что на нее во снах муравьев и мед намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да еще корову стрескает. Мало что сало с осени запасает. Так до весны сыт и живет.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую — на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только один палец пососет и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Все это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нем нет. Она выкована в волке. Поэтому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче ему перележать ее в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах.

Лежит медведь зиму в берлоге не умываючись, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые ее очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому

прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося желания во что бы то ни стало добыть его шкуру. С осени намечают они медвежьи тропы, что протаптывает зверь в поисках убежища.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь, бывает, космат и черен и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушно к лесу человеку хоть однажды, да выпадает такое счастье. Не ждешь и не ведаешь ты этой встречи, неспешно бредешь по закраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вязущий воздух обволакивает все тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своем пути густой островок елок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой тьмой, каким-то особым потаенным пространством.

Некоторое время ты еще не в силах постигнуть произошедшего, и только отверстие в снегу, затянутое куржавиной, приковывает твое внимание... С подступающей дурнотой вдруг понимаешь, что это чело. Здесь, в каких-нибудь восьми — десяти шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь — лешему родной брат, вместе они по лесам до зимы скитаются. С весны до осени часто можно с ним встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студеная длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Еще в раннем детстве виделся мне в зимних снах непостижимый тогда владыка лесов. Это был медведь-оборотень из русской народной сказки, который стал им из-за негостеприимства людей. Вся деревня не пустила путника к себе ночевать, и он, обернувшись медведем, ходил в нее пугать жителей.

Сердце заходило в сладкой истоме от приближающегося скрипа березовой ноги осерчавшего на людей медведя. Запах котлет из своего мяса будоражил зверя, рык его вынуждал содрогаться от страха, и я переживал его

вместе с бабкой и дедом, что позарились на не принадлежащее им. Где-то в глубине души я благоволил к медведю и в то же время был повергнут его силой.

Тогда, во снах, он представлялся более непонятным, чем страшным. Огромное мохнатое чудовище, порожденное таким же неведомым лесом. Как в берлогу, залег зверь в меня, чтобы когда-нибудь проснуться.

Я носил его в себе долго, всю жизнь, пока не натолкнулся вот так, в глухозимье, на занесенное снегом жилище лесного исполина. Но не разбудил, а только почувствовал тонкость его жизни, ее сказочность и красоту. Как в детстве, когда замирал под одеялом от бабушкиного рассказа, втайне надеясь, что меня- то зверь обойдет стороной. Уж больно много в нем было темного, неповоротливого, глухого.

И все же не он ко мне, а я к нему шел на протяжении долгого времени, чтобы дохнуло в лицо утробным звериным духом и пробудило в душе нечто неизведанное. Надо было встретиться зверю и человеку в заснеженном лесу для будущей жизни, чтобы две темноты сложили свет. Для такой вот смелой и замечательной тонкости отправился я однажды в самую глубь зимы, и не было, кажется, для меня тогда ничего более важного, чем это таинственное присутствие зверя.

Ощувив его хоть раз, потом по-настоящему хорошо живется, как будто ты открываешь для себя то, о чем даже не помышляют остальные люди. Внешне ничем не отличаясь, в глубине души ты чувствуешь нечто неповторимое, переживая при этом некую свою особенность. Так приятно сознавать, что ты стоял в нескольких шагах от лесной тайны и не нарушил ее.

Полузанесенные медвежьи следы вокруг берлоги были хорошо различимы, сломленные зверем верхушки елочек мягко гляделись подмороженной желтизной, а отверстие в снегу то и дело шевелилось. Казалось, что медведь вот-вот проснется. Сердце ошалело билось в груди, в висках неустанно барабанили невидимые кровавые молоточки, и хотелось бежать без оглядки от этого снега, елей и тишины куда-нибудь подальше, в наполненную движением и звуками людскую жизнь. Но ноги не слушались.

И еще что-то во мне самом удерживало на месте, вынуждая неотрывно глядеть в это снежное отверстие. словно в себя заглядывал я неотступно и зачарованно, может быть, робко жалея о том, что только ели, звезды и небо всю зиму слушают крепкий звериный храп. Тебе же суждено лишь болеть, наслаждаться и представлять не раз в своей городской квартире это занесенное снегом обиталище великого лесного зверя, с которым ты однажды так близко соприкоснулся.

Добродушным кажется людям лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Горами высятся над ним крупчатые сугробы, мерно поскрипывают величественные сосны. Не будит его даже мартовская капель. И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потемках апрельской тишины скрипнул наст, поднимается из-под снега рассерженный на весь свет ворчун и,

не разобрав поначалу открывающейся от снега лесной жизни, бредет, куда глаза глядят, а легкий весенний ветерок доносит до него манящие ароматы.

Но еще не раз медведю придется вернуться к своему лежбищу, потому как лес полностью не оттаял, корма в нем еще мало, и медведь, до конца не проснувшись, укладывается опять на какое-то время, толком не спит, лишь дремлет и, наверное, мечтает в своих полуснах о сытой, довольной жизни. Часто он подымается, неприкаянно бродит неподалеку от берлоги и вновь возвращается — голодный, раздосадованный и злой. Скорей бы наступал долгожданный и теплый май, что наполнит его жизнь обильной свежей пищей и радостными ощущениями. И как только на южном склоне лога, под елью, закипит муравейник, лесной воевода окончательно покидает свою берлогу.

У Пришвина, то ли в шутку, то ли всерьез, где-то замечено, что когда медведь ложится по осени в берлогу, он подымается на задние лапы, примеряется к первой попавшейся елочке и оставляет на ней загрыз. Делает медведь это якобы для того, чтобы посмотреть весной, насколько он за зиму подрастет. На самом деле зверь заламывает верхушки елочек у места, что подготовил себе на зимовку, и затем выкладывает ими стенки берлоги. То же самое медведь проделывает по весне, когда разрывает муравейник и устраивается в нем, как в ванне, выводя с помощью муравьиной кислоты из густой шкуры паразитов, заведшихся в ней за долгую зиму...

Многие птицы и звери в лесу используют подобные «лечебницы»: зайцы подолгу возятся в пыли, избавляясь от надоедливых клещей и блох, кабаны - в солевой грязи, залечивая раны, глухари и рябчики устраивают так называемые порхалища, которые помогают им умертвить пухоедов, а барсуки очень любят солнечные ванны, когда всей семьей покидают свои темные сырые убежища и наслаждаются прогретым воздухом, вдыхая всевозможные ароматы... Вот и медведь не отстает от других и, поднявшись из берлоги, в первую голову желает привести свое здоровье в надлежащий порядок. За долгую зиму жировой запас его давно иссяк, организму не хватает витаминов для восстановления сил, и находит их мишка у трудолюбивых насекомых: муравьиная кислота в пустом лесу как ничто другое быстро восполняет «съеденные» им за зиму запасы.

Мех его постепенно становится густым, шелковистым, и при этом огромному зверю нет дела до маленьких насекомых, до того беспокойства, которое он доставляет им своим беспардонным хозяйничаньем. К тому же лесной боярин не прочь полакомиться редким по весне деликатесом, запуская лапу в муравейник и с удовольствием облизывая ее. И разве тут осерчаешь на медведя только оттого, что он наносит кому-то невосполнимый урон! В лесу, если на то звериная воля, не пропадает просто так ничего, и разворошенный по весне муравейник — не диво, когда хорошо знаком с повадками этого обаятельного зверя.

А повадок у него, как уже говорилось, не счесть, да все такие, что и не подумаешь именно на этого зверя. По крайней мере, не сразу догадаешься, поскольку они удивительно многообразны и все выражают его внутренний

мир. Поваженный, говорят в народе, что наряженный, и это полностью можно отнести к медведю, который, как никто из зверей, удивляет своей неповторимостью. Никогда нельзя предугадать, как он поведет себя в следующее мгновение.

Обнаружив, к примеру, сухостойное дерево, расщепленное молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой и с удовольствием слушает. Эта добродушная черта совершенно подчиняет в нем дикого зверя. Медведю явно нравится то, что он делает, и он с еще большим самозабвением продолжает набрякивать на музыкальном суку. Увидев подобное в лесу, наверное, сравнишь зверя только с человеком и в то же время поразишься его темной звериной душе.

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, но ни один из них ни разу не повел себя враждебно и стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе воспоминание лишь в мелькающем среди стволов маленьком хвостике. При малейшем шуме, производимом человеком, медведь всегда бежит, потому, что никогда не трогает зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то неотложным, и зверь, несмотря ни на что, откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит. Что же противопоставить зверю, когда неожиданно столкнулся с ним или потревожил, не желая того, а медведь повел себя агрессивно?

В первую голову не следует пристально смотреть зверю в глаза, потому как от острого взгляда медведя быстро цепенеешь иходишь в состояние заторможенности, как будто сама лесная чаща взглядывает в тебя, вопрошает, и отпустит ли — неизвестно. В стае такой взгляд испокон веков выражал не дружеские чувства, а откровенную угрозу, демонстрацию своей неприязни и силы. Но глаза зверей почему-то всегда притягивают к себе и не отпускают, словно ты втайне давно ждешь этого общения и ничего не можешь с собой поделать.

Взгляд медведя говорит о нем всё. Недаром сучок в доске называли среди людей «медвежьим глазком». Вкрапленный природой в обычную и родную среду, он — спрессованное внимание, сгусток затаившейся мощи, затаившейся и подсматривающей за всем, что проходит мимо и происходит вокруг. Глаз медведя именно такой древесный сучок, неумолимо ввинчивающийся в каждого невидимым буравчиком и проникающий насквозь. Его нельзя миновать, углубившись в лесную чащу, его невозможно обмануть, представив себя лучше, чем ты есть на самом деле.

То, что обычно называют глазами, у медведя превращается именно во взгляд — глубинный, преодолевающий любые преграды и выворачивающий тебя наизнанку. Он не смотрит, а пристально изучает твою суть, и очень скоро точно оценивает. Ничто не может его обмануть. Взгляд медведя — это всевидящее око самого леса.

Встретившись с медведем лоб в лоб, ты в первую очередь натолкнешься на острый, пронизывающий взгляд. Ни когти, ни мощь, ни утробное звериное дыхание околдуют тебя, а именно глаза. Даже не глаза, вернее — прорешки,

через которые сквозит исступленная сила и древний опыт, провиденье самого таинственного лесного зверя. В один зирок, говорят, всего не окинешь, а медведь не только обзирает, но и под себя вмиг подминает.

С медведем, поучают опытные лесовики, гляди в оба, зри в три, а придет пора, нагладишься и в полтора! И хоть бытует среди людей непоколебимая вера, что человек родится зрячим, а иные животные слепыми, медведь все видит. Предельно осторожным следует быть со зверем, который предугадывает любые поступки, направленные против него, и всегда знает: кто хвалит его в очи, а кто бранит за глаза. Как ни крути, но медвежье око видит далеко.

Вообще ни один хищник никогда не нападет, не предупредив своего противника. Угрожающим шипением, рыком или взглядом он попытается избежать схватки. Вот и медведь, если уж не ретировался, остался стоять перед тобой, пробуравливая своими маленькими глазками, значит, какое-то время он еще выжидает: что предпринять? В этот миг ты должен успеть что-либо ему противопоставить.

Взяв себя в руки, необходимо самому воздержаться от нападения, и если имеется ружье, лучше от него отказаться. Можно, конечно, попробовать сделать устрашающий выстрел, но дать знать о себе зверю следует заранее, а не в последний момент. Если же вы решили применить оружие на поражение, то следует помнить: даже из карабина далеко не всегда удастся уложить зверя сразу, а раненый медведь очень опасен и чаще бросается на своего обидчика, чем убегает.

Вернее в такой ситуации прикинуться мертвым, улегшись на землю навзничь и как можно дольше не дышать. При этом нельзя показывать медведю своего лица, открытость которого вызывает в звере раздражение, и он стремится задрать его, чтобы, по-видимому, не видеть. Чаще всего медведь именно так и поступает: неспешно подойдя к замершему человеку, какое-то время обнюхивает его, переваливает лапами, может даже немного покусать и порвать, но все это надо мужественно стерпеть, по возможности никак себя не проявляя. Если нет мочи сдерживать дыхание, незаметно перевести дух и вновь затаиться. Тогда зверь быстро теряет интерес, в худшем случае завалит недвижимого человека мхом с землей или сучьями и удалится.

Бывалые лесовики подмечали за медведем и такую странность, как боязнь зверем того, кто превышает его по росту и возвышается над ним. С этой целью они советуют встать перед медведем повыше — на пень, поваленное дерево или какой-либо бугорок, поднять руки и, расставив их пошире, медленно раскачиваться из стороны в сторону, будто надвигаясь на зверя. Медведь такого поведения якобы подолгу никогда не выдерживает и рано или поздно отступает. Но многие ли, даже самые опытные охотники, способны на такое хладнокровие? Впрочем, любое общение накоротке с этим непредсказуемым зверем всегда предполагает решительность и отвагу.

А можно просто ласково поговорить со зверем, чтобы он почувствовал тебя и поверил, что ты не несешь ему зла. Не делая резких движений, выбрав

правильный, предупредительный тон, нужно попытаться внушить медведю, насколько это будет возможно, свое уравновешенное состояние, при этом оставаясь безукоризненно честным и перед зверем, и перед вековой чащей. «Медведушко, хозяйушко... Не гневись, что потревожил твой покой. Нет во мне злого умысла, только благолепная радость от того, как все устроил батюшка-лес... Позволь пройти своею дорогою, а меня уж не трогай. Здравия и силы тебе, медведушко, века веков!»

И может быть, медведь внемлет добрым словам, не почувствовав никакой угрозы, уступит путь-дорогу и когда-нибудь обережет твою душу. Будет следить за тобой из леса пристально, цепко, и если только нарушишь святую заповедь держать себя достойно да в строгости, тотчас отлучит от леса, так что ты этого и не заметишь, растворившись в нем для тебя навсегда.

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь в лесу и не можешь найти, к тебе часто приходят звери и птицы. Наверное, их появление — это напоминание о том, что ты должен сделать сам как человек. Например, не уставать приобретать достойное знание природы и не быть к ней пренебрежительным. Медведь приходил в мою жизнь не раз, и я всегда старался выслушать его и понять.

В медведе, как ни странно, все кажется необыкновенно соизмеримым: неуклюжесть — с неведомой силой, видимая недотёпость — с удивительной прозорливостью, обаятельное добродушие — с немилосердной мстительностью. Сочетание, на первый взгляд, противоречивых качеств есть на деле суть зверя, отгадать которую очень непросто. Может быть даже невозможно, в то же время хорошо представляя себе медведя, его образ жизни и удивительные встречи с ним.

Взять, скажем, обычный след медвежьей лапы, часто попадающийся по весне: тут тебе и поражающая мягкость, и воинственная когтистость, так, что отделить одно от другого невозможно. Встретив однажды такой отпечаток, почему-то захочется его запомнить.

Всегда что-то вынудит склониться над следом, тщательно и с любовью рассмотреть его, и уж только тогда представишь себе таинственного зверя, который, кажется, совсем не таится. Просто бродит, где ему вздумается, ищет чего-то и, наверное, не каждый раз находит. Присутствие его в лесу так желанно, что забываешь о возможной угрозе, а думаешь только о его затаенной красоте и силе.

Переступы медведя прямы и неторопливы, даже подавляюще, вмятины же следов симпатично округлы. Так и чудится его громоздкость, ленивая неповоротливость. Нехотя переваливая свое тело, медведь как бы сразу забывает о том, что минуло, и ни о чем, кажется, не заботится: бредет себе куда-то, утопая в своей безмерной звериной мощи.

Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обремененный силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник или натасканный еловый лапник. Лежит и вроде бы ничего не чувствует, но вот пронесся по лесу легкий шепоток, и

медведь уже весь на слуху.

Ни с чьим другим медвежий след спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберет всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутевыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотепа проковылял без всякой цели по лесной дороге и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь хорошо отражается именно в медвежьих переступах, потому как несет в себе сокровенность леса и его дремучесть...И тут не мудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними.

Восприятие медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу еще много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная воля. Истратив за зиму все запасы, медведь бродит по еще не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут уstrasшить такие следы, грязно исчезающие в глуби леса. За каждым выворотнем видится опасность, а тяжелый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотепой, что впопыхах убегает от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И все же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег отупело холодит твои ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Передвигаться так очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой и безнадежной. Как велик его лесной дом и как мал в нем человек, жаждущий легких открытий!

С бьющимся сердцем вглядываешься в удаляющиеся провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не видал ты медведя, хотя он существует. Шел он прямо вот тут, лесной чащей, и в ней же сгинул. Как будто его и не было: ни ходу тебе, ни переступа. А следы остались приятным напоминанием о величественном звере, в котором так много темного, неповоротливого и живого.

Насмотревшись вволю на эту невиданную силу, и сам почувствуешь в себе удаль: любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает ее своим присутствием, привнося и крепость духа, и благость, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Лишь надлежит не трогать, восхищаться и не бояться встречи. Душою чистой постигать все секреты косолапого, но в жизнь медведя не вторгаться, и тогда зверь ответит тебе своей лесной заботой, а ты назовешь его с почтением — Михаил Иваныч.

Встречи с медведем всегда волнительны, не похожи одна на другую и, самое главное, незабываемы. Каждый раз зверь преподносит что-то новое, чего и не ожидал от него, и всякий такой случай — удивительный подарок. Медведь при этом ничего особого не делает, просто неспешно переходит лесную просеку или какой-нибудь старый заброшенный волок, но всё вокруг благодаря присутствию зверя так необыкновенно оживает, что кажется, будто это волшебный сон.

Усталые листья неслышно сыплются на мокрую землю, бледно-голубое небо отражается в зеркальных лужах, а вечерняя сырость стирает запахи. Царственная осень ненавязчиво располагается у самых твоих ног и тоже как будто задремывает. Но вдруг луч солнца высвечивает лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу все, всколыхнувшись, начинает двигаться и... просыпается. Маленькая осенняя картинка с бредущим по лесу медведем, вроде бы ничего особенного, но как радостно переживается увиденное, сколько в нем лесного обаяния!

Вспоминается еще одна осень, слякотная, с надоедливими нескончаемыми дождями. В тот день дождь зарядил с самого вечера, не прекращался всю ночь, и даже не знаю, зачем я тогда отправился в лес. Плащ-накидка вымокла насквозь, а покоробившийся и одеревеневший капюшон закрывал глаза так, что была видна только дорога под ногами. Ничто на ней не привлекало моего внимания, и тут я вдруг обнаружил совершенно свежие медвежьи отпечатки...

Мишка брел по дороге не просто как придется, а аккуратно обходя все лужи, по-видимому, не желая лишний раз мочить лапы. Судя по тому, как отчетливо выглядели в сырой глине прорези от когтей, зверь прошествовал совсем недавно, но я почему-то не поднял головы и не посмотрел на дорогу. Шел неспешно по медвежьим следам, рассматривал их и улыбался. Забыл даже про непрекращающийся дождь, и только когда поправил рукой съехавший на глаза козырек, увидел, наконец, медведя...

Зверь шагал вперевалячку в каких-нибудь двухстах метрах впереди, явно зная о моем присутствии, но никак не выказывал своего интереса. Круглый зад его смешно колыхался, ходил ходуном, а медведь не прибавлял ходу. Ему, похоже, было необходимо попасть куда-то в заданном направлении. Идти по дороге оказывалось гораздо легче, чем по лесу, и медведь не обращал внимания на мое соседство, догадываясь, что оно не принесет ему беспокойства.

Медведь изредка поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, видимо контролируя обстановку, и продолжал свое неспешное шествие под морозящим дождем. Видно было, что он ничуть не тревожится, знает, куда и зачем направляется, и я его нисколько не занимаю. А может быть, медведь

чувствовал меня на расстоянии, доверял и нисколько не остерегался.

Так мы преодолели около трех километров, и за все это время зверь ничего не предпринял против меня и не свернул с дороги. Я даже привык к нему, на всем дальнейшем пути воспринимал медведя спокойно, как нечто неотъемлемое в этот пасмурный осенний день, и если бы кто-то посмотрел на нас со стороны, он бы, наверное, немало удивился. Зато нам с медведем все происходящее представлялось вполне обычным: я тогда очень хорошо запомнил это щекочущее нервы, но радостное ощущение.

А как-то, по первоснежью, я шел лесной гранью и увидел поваленную через нее пихту. Присел отдохнуть, достал термос, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: елка как елка, только почему-то вся в смоле, засохшей желто-белыми струями до самой земли. Долго я не сводил с нее глаз — просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора...

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, которые глубоко пропороли и саму древесину. Весь бок елки был исполосован этими ужасными ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я не дотянулся до начала борозд еще с полметра. Трудно было поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались нанесенные дереву повреждения, и я представил, как все это происходило.

Обойдя дерево, я вдруг обнаружил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, сделанные, несомненно, небольшим медведем. Вероятно, это был пестун, а глубокие зарезы на противоположной стороне оставила его мать — огромная и сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило ее, и она разделалась с деревом, которое первым попало под лапу разъяренному зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями весь ствол, но ель достойно выдержала этот животный натиск, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила свои жестокие раны.

А вот другая ель проявила по отношению к медведю неожиданную мягкость и оголила на стволе под медвежьей лапой целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Эта ель, в отличие от своей предшественницы, выглядела потерянной, в полной беспомощности перед грубым звериным натиском, который не случаен — это стремление медведя обозначить свою вотчину. Чем страшнее медведь все это проделает, то есть выше по стволу, глубже впившись когтями в кору и как можно разъяреннее, тем быстрее и надолго изгонит соперника.

Медведь выбирает для своих затесов чаще всего хвойные деревья — пихту, лиственницу, ель и сосну, независимо от их размеров. Все эти деревья ближе медведю по его скрытному образу жизни, потому как более потаенны, чем береза, ольха и осина. Случается, что наталкиваешься в лесу на маленькую пихточку толщиной всего лишь в руку, но начисто

исполосованную когтями, а бывает, тебя поразит непоколебимая твердость старой сосны.

Однажды в апрельском лесу, когда еще не сошел снег, я напоролся на след медведя, что протянулся вдоль глухого лога. Вскоре след вывел меня к одинокой огромной сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь вспороли докрасна крепкую кору, но не поколебали гордости сосны. А медведь побрел дальше, обходя свою территорию и выискивая другие подходящие деревья, которые, наверное, принимали свою участь так же достойно.

На медведя можно натолкнуться летом, собирая ягоды, под осень он частый гость на овсах, где охотники небезуспешно устраивают на него засидки. Но только в весеннюю пору он становится наиболее доступен, когда, поднявшись из берлоги, принимается за размеренное обследование своего лесного участка, который за долгую зимнюю спячку, наверное, порядком подзабыл. Вот и мой очередной медведь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажинку, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не получилось... Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув, замер на какое-то время. Он не знал, что делать, а дороги своей бросать не желал. Видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз по склону убегающего вглубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решился его перейти. Всем своим весом медведь ухнул в талую воду, но она его так обожгла, что зверь тут же выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия и еще несколько раз, потом, безуспешно пробовал лапой ледяную воду, не решаясь ее перейти.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешенный в ожидании того, что еще предпримет не на шутку раздосадованный медведь. О глухаре, который вот-вот должен был начать токование, я уже не помышлял и только непроизвольно вслушивался в отдаленно доносящийся голос кукушки. Размеренно она проповедовала кому-то нескончаемые годы, и, обрадованный ее неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счет.

Потом медведь выбрался из лога и снова возвестил о себе недовольным рыканьем. Силуэт его к этому времени стал отчетливо просматриваться в свете взошедшей луны, и страх от ощущения зверя еще более усилился. Медведь, казалось, вот-вот сметет свою преграду одним броском, и я не знал, что делать... Я сидел на корточках у края просеки, напряженно всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого, но, как ни странно,

манящего!

Вскоре медведь все-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, и я еще долго сидел под елкой, сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу и больше не вернется. Ушел он, как ни странно, почти неслышно. Медведю, наверное, было досадно отказаться от намеченного пути, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же еще долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Как-то так выходило, что чаще мне попадались в лесу медведи-самцы, более отрешенные и замкнутые в сравнении с медведицами. Особенно по весне, когда каждый из них предоставлен только самому себе, тогда как самку занимает забота о медвежатах, и из-за них она оказывается более заметной. Вынужденная то и дело вступаться за своих детенышей, медведица проявляет себя яростным рыком или заламыванием валежника, и встреча с ней не сулит ничего хорошего.

Часто медведицу обвиняют в отсутствии должной заботы о своем потомстве. Дело в том, что медведица, когда ее сильно напугают в берлоге, обычно оставляет медвежат одних и уже не возвращается. Говорит ли это о ее бессердечии, в отличие от других зверей, чьи самки в опасности скорее предпочтут жизнь детей, нежели собственную?

Вероятнее всего, медведица ничего не понимает, просто срабатывает инстинкт самосохранения. Она, как очумелая, выскакивает из берлоги и убегает. До нее, наверное, даже не доходит, что она оставила детей на погибель, вряд ли и то, что медведица об этом вспомнит, поэтому осуждать ее бесполезно.

От зверя, который долгое время пребывал в спячке, когда жизнедеятельность организма приостановлена, невозможно требовать какой-либо преданности потомству. Медведица теряет зверенышей, и в этом почти всегда повинен человек, не способный наладить отношения с лесом. Медведица, находясь в полном сознании, никогда бы не оставила своих детенышей. В этом может убедиться каждый, если он, хотя бы однажды, столкнулся в лесу с медвежьим семейством.

Бродки - вот что всегда удивительно очаровывает меня в нашем лесу, особенно летом, когда рано поутру отправляешься к нему в гости и рад всему, что он великодушно дарит тебе. Это могут быть шишки и грибы, цветы и орехи, ягоды, родниковая вода и ароматный воздух, встречи со зверями. Но охотиться по бродкам — это значит находить следы птиц и зверей на росистой траве и по ним добирать схоронившуюся дичь. Одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на бродки медведицы и медвежат.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок,

напоминающий детскую ступню, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребенок... Откуда бы ему взяться? След убежал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал еще один точно такой же след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыши детьми отправилась рано поутру по ягоды в лес, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей. Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянувшись я вокруг, присел в растерянности на пенек и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе.

Свою нежность по отношению к этому забавному зверю я ощутил впервые не в уральском лесу, а на Сахалине, когда однажды натолкнулся на упавшего со скалы медвежонок, почти у самого моря. Медвежонок поднялся из берлоги голодный и на свой страх и риск попытался забраться в гнездо орлана-белохвоста, который, видимо, напугал неопытного зверя, и медвежонок сорвался. Скала возвышалась метров на восемьдесят недалеко от берега, и медвежонок упал прямо на прибрежную гальку. Вероятно, это был пестун — годовалый зверь, отчаявшийся отыскать себе весной пропитание.

Остров Сахалин, особенно на севере, изобилует медведями, встреча с которыми всегда ожидаема и в то же время сладка. Идешь, бывало, и думаешь: а что, если попадется навстречу этот лесной сахалинский исполин, пользующийся таким уважением среди нивхов (небольшая местная народность)? И ты, конечно, постарайся разговаривать с ним так же неслышно, как с морем, и медведь почувствует твое отношение к себе, и ничего не предпримет. Для того чтобы медведь не тронул, опытные люди на острове советуют подвешивать к рюкзаку котелок с камешком, который мерно побрякивает в такт шагам и мыслям, и таким необычным способом отпугивает находящихся неподалеку медведей. Кто знает, что ждет тебя за открывающимся впереди распадком, и не поведет ли себя медведь агрессивно, когда неожиданно столкнется с тобой нос к носу. Если камешек постукивает за спиной, на душе становится как-то спокойнее.

Часто медведи действительно убежали, когда слышали постукивание моего камешка, и иногда мне удавалось это увидеть. Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и ту поразительную игривость, с которой они передвигаются. Мне всегда было приятно смотреть на их удаляющийся бег, я с радостью сознавал, что оказался с ними рядом, невольно подглядел эту лесную тайну у моря и почему-то не чувствовал в себе страха, оставаясь

благодарным медведям за их обаяние и силу. Но вот этот медвежонок, неудачно сорвавшийся со скалы, может быть, впервые пробудил во мне жалость.

Непристойно распластанный для своего звериного положения, медведь неподвижно лежал на гальке неподалеку от воды и на него не хотелось смотреть. Когти глянцевыми крюками безжизненно впились в золотистый песок, кудлатая голова неестественно вывернута. Только мех чуть заметно колышется от налетающего с моря легкого ветерка. Ты стоишь над медведем и не замечаешь, как тот же ветерок так же ласково ворошит волосы и на твоей голове. А на следующий день кто-то вырезал когти у мишки, и когда я это увидел, сердце мое сжалось и бешено застучало, а потом отпустило и только изредка вздрагивало, как тот бордовый камешек в котелке.

В устье речки Серебряной на материковом побережье Татарского пролива местный лесничий показал мне место на отвесной, поросшей черными елями горе, где лежала в леднике туша взрослого медведя. Как он попал туда — неизвестно. Вероятнее всего, сорвался со скалы, когда полез в гнездо к орлану. Эту гору так и прозвали — Медвежьей.

Взобравшись на нее, я долго смотрел на вмерзшего в лед медведя. Казалось, он забылся и от всего отдыхает. Густой мех топорщился, голова покоилась на лапе, все выглядело таким естественным.

Трудно было поверить, что медведь неживой. Голубоватый лед уже начинал подтаивать, глыба по краям становилась мутноватой и грязной. Почему-то захотелось, чтобы медведь лежал вот так вечно, лед никогда не таял, и грязь не касалась его шкуры. Если бы все это могло исполниться, если бы я знал, что так оно и будет, мне, наверное, легче было бы жить.

...Пожалуй, не вспомнить все встречи с этим удивительным зверем, понять которого до конца также невозможно. Медведь не зря редко показывается человеку на глаза, а очутившись все-таки неподалеку, поначалу только обозначает свое присутствие следом, отпечатавшимся на дороге, рыком или хрустом валежника, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть даже не понятная ему самому. Он тихо изливает ее сквозь глазщелочки и такой же, не понятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоуменных снов, в которые он с головой погружается долгой зимой.

Глухо рывкнув где-нибудь поблизости, он замрет и будет ждать подходящего случая, чтобы напасть, уйти незаметно или переждать то, что его взбудоражило. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от ее неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотепы он может через мгновение превратиться в разъяренного хищника. А ещё тебя привлекает в медведе то, как он с угрюмой мрачноватостью принимает необходимость своей обыденной скитальческой жизни, и его темная душа неторопливо просачивается сквозь маленькие, пронизывающие тебя, глазки и околовывает.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь покажется, мотнет

головой, и его могучая холка сразу оживет, задвигается, и зверя станет много. Присутствие рядом сильного зверя сразу утихомирит твоё воображение. Его утробный дух обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость и сделать, неизвестно зачем, своей. Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни.

И тогда медведь, вероятно, обратит к тебе своё внимание. Повея мордой и чуть слышно пофыркивая, он как-то незаметно развернется и тотчас окажется в нескольких метрах. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнется на дыбы и, настороженно понюхав воздух, дохнёт в лицо.

Уже твоё дикое прошлое всплывет, закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит в тебе это пробуждение. Но так будет только, когда ты его позовешь, и всегда с нетерпением будешь желать этой встречи, незаметно превращаясь при этом в зверя — сильного, загадочного и необыкновенно восприимчивого. Медведь же, несмотря на всё обаяние, навсегда останется самим собой — грозным властелином тайги, её законным архимандритом, освящающим своим присутствием долгие лесные века.

«Красная горка»

Любой зверь или птица с приближением весеннего тепла находит в лесу такое потаенное место, в котором он наиболее радостно и полно встречает свою любовь. Чаще это происходит почему-то на горке или южном склоне крутого лога, словом, на какой-нибудь небольшой возвышенности, представляющей собой иной раз самую обыкновенную кочку, но всегда выгодно приподнятую над окружающей местностью. Птицы и звери словно стремятся произвольно возвыситься, чтобы быть ближе к небу и солнцу в своих восторженных чувствах. В любую другую пору обычно прячась, скрываясь в чаще от чужих глаз, сейчас они странным образом забывают об осторожности и, наоборот, будто норовят, чтобы их заметили и оценили. Лесные обитатели, казалось бы, полностью теряют привычный облик и превращаются в никому не знакомых ранее птиц и зверей, которые наконец-то обретают по весне свою «горку».

В народе такую горку издавна прозвали «красной». «Красная» — значит, прекрасная, лучше которой нет на всем белом свете! Но не внешней красотой славится она, не добрым лесом или поляной, а радостной взаимосвязью с окружающей природой. С горки, пусть даже самой маленькой, все воспринимается гораздо ощутимее и ближе.

Звери и птицы неспроста выбирают именно это место, на том самом холмике, возле того полюбившегося сосняка или болота, под пологом той раскидистой дубравы, потому как оно для них и раздольное житье, и довольство. На «красном» месте и денек становится «красным», а настроение

прекрасным. И как бы сердце ни рвалось весной к недостигаемому горизонту, но успокаивается оно своей, даже не всегда приметной, «красной горкой». На чужой стороне, говорят, и весна не красна!

«Красная горка» — это место встречи весны для птиц и зверей, которые так же, как и люди, выбирают для себя какую-то свою, удивительную и между тем очень простую точку восприятия всего самого доброго в своей жизни. Не гору, а именно горку, чуть выдающуюся над всем окружающим пространством вершинку, может быть, только самую малость, но обязательно виднеющуюся, хорошо угадываемую! Здесь лесным обитателям суждено продлить свой красный род.

На «красной горке» птицы и звери издают такие мелодичные звуки, которые могут родиться только в приподнятости духа, весной. Музыкально и радостно, во имя весны, продолжения рода и как будто заново начинают жить птицы и звери на родной земле, и это торжество чувств важно найти и увидеть в лесу. Но не всегда птицы и звери откликаются на наше внимание, и следует, наверное, самому весной обратиться зверем или птицей, чтобы они тебя приняли. Вернее, чтобы позволили себя обнаружить и допустили, поскольку в человеке весной тоже просыпается желание нахождения своего чувства и места, где оно может быть выражено, и если он связан с природой, постоянно с ней общается, то его «красная горка» соединяется с «красной горкой» зверей и птиц. Человек приходит к тому месту, которое выбрали звери и птицы, и сам вместе с ними как-то более радостно и полно встречает свою весну.

«Красную горку» он всегда отметит в лесу, запомнит ее местонахождение и, обнаружив, возрадуется. Что-то удивительное произойдет в его душе, то, что так неожиданно перевернет ее, даже вознесет и облагородит. Ему захочется слиться с этой душевной приподнятостью птиц и зверей и понять то, чего он раньше не понимал. А еще поверить в какую-то удивительную природную занятость всех в общем жизненном потоке — и птиц, и зверей, и людей. В том потоке, что приносит нас к долгожданному единению с лесным миром.

Для человека такое «красное» место присутствовало раньше в любой деревне. Оно было свято, незыблемо, люди стекались туда только в самые великие праздники, и всегда это было связано с чем-то очень значительным в жизни крестьян: с приходом весны и сжиганием чучела зимы, с началом посевных работ или сбором урожая. «Красное» место и располагалось на виду, о нем знал и стар и млад, и все его, конечно, чтители.

«Красным» местом для людей оказывалось то самое радостное состояние души, к которому они стремились весь год и достигали, обновляясь, только весной.

Весной в природе всегда присутствует приподнятость. Она и в душе, и в каком-то особом отношении леса к жизни животных. Все в нем создано так тщательно и разумно, что следует только прийти туда и увидеть. Но прежде чем обрадоваться обретению, нужно быть к нему готовым. Нужно однажды самому приподняться над своей ленью и равнодушием и отправиться весенним мартовским

утром в дальнюю дорогу, как это случилось однажды со мной, когда я одновременно угадал и время начала глухариного тока, и его место.

Мартовское солнце уже с самого утра слепило нестерпимо, густые синие тени от широких елей убегали вглубь леса, играючи прятались за деревьями и сливались, образуя загадочную затаенность, а крупные крестики от глухариных лап на снегу почему-то удивительным образом зачаровывали. Ни у рябчика, ни у тетерева следы такого воздействия не оказывают. Только глухариные, с палец толщиной, следы манят за собой, будто обещая что-то необычное. Идешь по ним, и не можешь налюбоваться, так же, как и не можешь объяснить, отчего так происходит.

Но еще более загадочно то, что в мартовском утреннем лесу следы глухаря почему-то всегда выводят тебя на какую-либо горку или открытый солнцу угор. Привязанность птицы к такому высокому месту очень интересна и удивительна. Ведь глухарю не приходит на ум усесться на какой-нибудь раскидистой сосне, повыше, подставив перламутровую грудь ласковым солнечным лучам, а хочется потоптаться именно на вершине горки, там, где снег подтаивает в первую очередь.

Снег с каждым мгновением все более вязнет, тяжелый глухарь проваливается, но не покидает свою «красную горку». Раскинув в стороны крылья и раздув шею, он начинает выписывать свои чертежи, что выгнутыми серпами тянутся вдоль следа, указывая приблизительное местонахождение будущего тока. Глухарь, как индюк, как-то косолапо переставляет в зернистом снегу лохматые лапы, время от времени гордо выпячивает грудь и на мгновение замирает, настороженно склонив голову набок, а через секунду вновь, еще более оживленно, наворачивает свои мудреные петли. И все норовит пройти по самому крутому гребню склона, где, кажется, вот-вот скатится или оборвется, но ничего не происходит, и глухарь благополучно минует опасное место, уже через мгновение нацеливаясь на более рискованное. Редко когда удастся подсмотреть это сокровенное лесное таинство, ну а если уж посчастливилось, радости нет предела!

И разве может быть предел в сопереживании с птицей её весны, когда гордый самец торжественно одевается в праздничные одежды?! Наливаются брусничным соком его брови, отливают зеленоватым перламутром выгнутая грудь, распушается и без того роскошный веерообразный хвост, горбятся в любовном напряжении крылья, а карий глаз коси безумным возбуждением, блестит. Всё в глухаре— великая весенняя страсть, словно приподнимающая его над самим собой. Еле сдерживаемая радость со смятением и такое восхитительное нетерпение!

А где-то неподалеку слышится и тетеревиное бормотание, что настойчиво разносится над землей. То затухая, то все сильнее разгораясь, оно, кажется, переливается через край, захлестывает своей самозабвенностью и увлекает за собой. Хочется бросить все и идти на этот призывный звук, позабыв обо всем. Искать ту самую «красную горку» своей долгожданной весны.

Среди частых кочек потаенного лесного болота, что уже почти высохло, происходит весной неведомый многим дупелиный ток. Возбужденные самцы от переполняющего их волнения привстают на цыпочки, гордо выпячивают грудь и как будто тянутся в недостижимые для них выси. При этом они в

возбуждении прихлопывают крыльями, клацают клювами и без устали вертятся на месте, то и дело подскакивая. Все их маленькое птичье существо прорывается наружу в радостной песне.

Радость свою лесные кулики всегда стараются преумножить за счет того, что забираются на какую-нибудь ближайшую кочку и уже с нее с еще большим азартом принимаются провозглашать весну. Порой начинает казаться, что от этого они даже становятся крупнее. Так хочется, наверное, дупелям приподняться выше, причем, не отрываясь от земли, не взлетая.

Такие высыпки удивительно подвижны и действительно вызывают у наблюдающего за ними человека ощущение приподнятости. Будто это стайка диковинных буровато-кремовых бабочек восторженно приплясывает над укромным лесным пространством, а улетать почему-то не желает. Хочется без конца смотреть на них и вместе с ними восторгаться весенним праздником жизни. Весенние брачные игры этих маленьких птиц в нем, может быть, самое удивительное и незабываемое таинство.

Токование лесного кулика — это именно таинство, в отличие от токования тетерева, которое, похоже, скорее, на массовое шумное игрище, когда вокруг все кипит, гудит и катится по округе нескончаемым звуковым шаром. У дупеля же все его движения напоминают ритуальные танцы, загадочные, как сами птицы, волшебные и очень трепетные... Трепещущие нотки их нежных голосов создают тоненькие нити серебристых трелей, что невидимо разносятся в поющей синеве весеннего воздуха и не тают. А очаровательные птички вновь и вновь взбегают на выбранную для себя возвышенность, свою «красную горку», и дарят всем незатухающую нежную песню.

И все же тетерева, несмотря на свою удаль и какую-то неподражаемую весной отрешенность, оказываются не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени устремленными к возвышенности птицами. Все в них по весне нацелено на эту непоколебимую приподнятость, жар их чувств угадывается уже в налившихся алым соком бровях, в устрашающих, но вместе с тем и очень забавных позах, когда самцы, набычившись, наклоняют голову вперед, вытягивают надувшуюся шею и, выгнув веером лирообразный хвост, отчаянно нацеливаются друг на друга. Со стороны такое поведение тетеревов выглядит и угрожающе, и смешно, но птицы всецело охвачены своей «игрой» и без конца кружат по поляне, подпрыгивают и ударяются грудь в грудь, так что летят перья!

Вот какой-то краснобровый красавец в ладно скроенном и сидящем на нем иссиня-черном «сюртучке» вознамерился всех устрашить своим решительным видом и бросился что было мочи в самый крут токующих птиц... Выгнув спину и распушив хвост, он для начала гордо выпятил грудь, отрывисто прочуфыкал и мелким семенящим бегом ринулся вперед. Неожиданно двигаясь «галсами» то вправо, то влево, он ловко оббегал других самцов, надеясь, наверное, таким образом, их запугать, резко останавливался и быстро поворачивался вокруг себя. Невозможно было при этом никого из

птиц не зацепить, и раззадоренные тетерева тотчас переключались на бросившего им вызов обидчика, вскрикивали, бесстрашно налетали на него, так что уж ничего было не разобрать. И тогда ток превращался в сплошной черный ком, бубукающий, чуфыкающий и гремящий на всю округу. Попробовал бы тут какой-нибудь косач спокойно усидеть в стороне!

Но даже охваченные страстью, вроде бы ничего не замечающие тетерева все-таки умудряются двигаться так, чтобы оказаться на каком-либо возвышенном месте. Какая-то неведомая сила исподволь неотступно тянет их сюда, и птицы подчиняются этому скрытому зову, а вернее, не противятся ему. Они в гармонии с окружающей весной и природой, и им нечего выгадывать в своем восторженном чувстве. Заняв возвышенную позицию, они еще более самоотверженно бросаются в священную для себя драку.

«Красная горка» для косачей — это оплот их приподнятых по весне чувств, осуществление заложенного самой природой желания, во что бы то ни стало, добиться любви и продлить свой тетеревиный род. Это счастье вот такого, незаметно просыпающегося весеннего дня, которому каждая птица готова отдать себя без остатка, а назавтра с неутихающей силой все повторится вновь. Пронизывая очищенный апрельскими дождями и крепкими утренниками воздух, тетеревиная песня слышится далеко, но если ток протекает на горе, то, бывает, его отзвуки разносятся даже на несколько километров. Возвращаясь не спеша с глухариного тока и заслышав зачаровывающее тетеревиное бульканье, всегда остановишься, присядешь и, невольно замечтавшись, вдруг радостно отметишь про себя: это косачи непременно облюбовали для себя свою «красную горку», отчего песня их льется весело и без перерыва.

Бестолковые по весне зайцы тоже устремляются с наступлением тепла к чему-то высокому в своей жизни. Правда, получается это у них опять же весело, смешно. Выбрав для себя к вечеру удобную поляну, они потихоньку направляются к ней, незаметно выбирают на опушку и, затаившись, ждут чего-то. Их розовые носы двигаются в такт проистекающих вокруг ароматов, вдыхают долгожданную весну, и зайцы не торопятся что-либо предпринять. Зайцы ждут появления длинноухих красавиц, что взбудоражат в них ту недостающую им резвость, когда они как бы встрепенутся в себе, сбросят приятную сонную одурь и вдруг оживут.

Все в них возжелает только им присущей по весне раскрепощённости, когда они вмиг могут одуреть, и зайцы начинают беситься... Бегают по кругу, прижимаются к земле, восторженно о чем-то лопочут... Могут даже перебежать под самыми ногами, присесть неподалеку и взвизгивать без удержу. Что-то они сообщают друг другу, требуют и не всегда обретают. Сколько подолгу сдерживаемой силы выплескивается из обезумевших от весны зайцев, и их необъяснимо тянет к какой-то высоте.

Может быть, к высоте над собой, а вернее, в себе, что таилась долгое зимнее время, когда зайцу приходилось довольствоваться малым, но в то же время таким приятным. И все же зайцу захотелось взбрыкнуть, выбежать на

открытое пространство и во всеуслышание объявить о своем существовании. Что жив он, радостен и неустрашим, несмотря на подстерегающие его каждый день тревоги. Заяц будто обретает давно забытую смелость, которая никогда не покидала его и только ждала своего пробуждения. Заяц сразу представляется всем очень смелым зверьком, способным, когда этого ему захочется, воспрянуть загнанной заячьей душой и просто, по-весеннему, обрадоваться.

Как и птицы, он почему-то желает отвоевать у своих собратьев хоть небольшую возвышенность, а когда отвоеует — уже ни за что не уступит, остервенело обихаживая понравившуюся ему зайчиху. Горка маленькая, с еле приметной земляной пятачок, но заяц держится за него цепко и ведет себя очень неустрашимо. При этом он может доставить облюбованной зайчихе массу неприятных хлопот, поскольку, видимо, не в силах удержать в себе проснувшуюся страсть. Любя свою подругу, заяц может в порыве чувств вырвать у нее с бока целый клочок, а то и хвост! Нелегко даются озадаченной зайчихе его весенние ласка и тепло!

А другие зайцы, не обращая внимания на счастливца, носятся без задних ног по приподнятой от весеннего настроения поляне, и все норовят достигнуть ее венца. Вот бы взлететь в своем восторженном чувстве над этой поляной, а лучше прямо за густой еловый лес, где им откроется нечто непостижимое, но такое же восторженное, как их теперешняя жизнь! И зайцы носятся как угорелые, куда-то стремятся, и весна не разочаровывает их. Она по-доброму движет отрешенными заячьими душами, не сдерживает их и даже иногда, наверное, обещает то, чего им на деле никогда не достигнуть. Хороши бы были зайцы, если б не верили в невидимую ни для кого, но все-таки возвышенную и легкую заячью судьбу!

Свою своеобразную «красную горку», тщательно скрытую от чужих глаз, выбирают для своих свадеб в весеннем лесу и волки. Где-нибудь на небольшом пригорке, посреди густо заросшей старой вырубке, облюбует себе волчица такую плешинку, маленький островок любви, и держится его с самым какое-то время. В весеннюю пору волки много перемещаются по округе, и, обнаружив какую-либо удобную открытую площадку, чаще почему-то хотя бы немножко приподнятую, волчица обильно метит ее ярко-желтой мочевиной. Всегда случайно натолкнешься на такое место и поразишься его дичью!

Весь снег на такой площадке тщательно вытоптан, тогда как кругом не тронут, и эта четкая грань представляется нереальной. Как можно сохранить подобную четкость для сильного, неудержимого зверя в пору любовной необузданности?! И все же волки не нарушают какую-то условную, понятную только им самим границу, в которой околдовывает именно эта скученность, а вокруг белеют необъятные снежные просторы, остающиеся девственными. Волки, должно быть, так сильно сосредоточены на охватившем их чувстве, что не в силах выскочить за его рамки, хотя бы чуть-чуть в сторону. Звери самозабвенно схватываются в любовном танце, и им достаточно крохотного островка, чтобы насладиться своей близостью. Еле приметный бугорок при

этом, кажется, даже вдавливаются в землю, с такой остервенелостью звери любят друг друга.

А вообще, волкам, как и многим другим животным и птицам, во время свадеб свойственны игры. Звери, уединившись, бегают друг за другом, припадают на передние лапы, и самки прижимаются головой к груди самца. В этой позе они вытягивают хвост и бьют им по снегу, оставляя отчетливые отпечатки, а встречаясь мордой к морде во время прыжков, становятся на задние лапы, упираясь передними в партнера. В таком положении волки часто падают вместе набок и снова начинают гоняться друг за другом. По ночам, в разгар гона, самцы часто садятся на своих маленьких возвышениях и воют так, что услышать их можно очень далеко.

Но все-таки, что же вынуждает волков подыскивать в лесной чаще именно этот, еле приметно возвышающийся бугорок? Кроме, как восторженной приподнятостью чувств от переживаемого ощущения, трудно объяснить происходящее. Зверям точно так же, как и птицам, хочется, по-видимому, быть в это время немножко выше и в себе, и в лесу, и они тянутся к своей горке, что красна их необузданными действиями, чувствами и долгожданной весной!

Когда на такой горке весной происходит радостное возвышение звериных и человеческих душ, всегда светит солнце, а восторженность их чувств создает над ней волшебный венец. Он тоже всегда солнечный, но почти невидимый: его можно угадать только сердцем, равнодушным отношением к себе и природе.

Венец то ярко вспыхивает, то ненадолго меркнет, но при этом никогда не ощущается его отсутствие. Он пик торжества, что совершается весной в сердечной слитности всех с «красной горкой», которая показывается лишь тому, кто любит. Всё зависит от твоего чуткого отношения к жизни, незамутненного ничем любовного чувства.

А чувство это ведет именно к «красной горке», где всегда происходит рождение чего-то нового. Не каждый день, а только в какой-то особый весенний момент, в который надо суметь попасть, почувствовать его, слиться с ним. Чем больше думаешь, чувствуешь и видишь в лесу, тем радостней воспринимается это удивительное весеннее чудо — «красная горка»!

Дневник глухаря

Не знаю почему, но весенние наброды глухаря меня удивительным образом зачаровывают. Бывает, наткнешься на них солнечным мартовским утром, остановишься и засмотришься. Вспомнишь вдруг, что тетеревиные и рябчиковые отпечатки такого интереса никогда не вызывают. Чем, казалось бы, могут привлечь обыкновенные птичьи наброды, пусть и превышающие все остальные по размеру? Тянутся себе непринужденно среди берез, ничем особым не выделяясь, а между тем притягивают. Так бы бросил все да отправился за ними вглубь леса, позабыв про заботы.

Глухаринные наброды — это следы, которые оставляют после себя

взрослые петухи, что в предвкушении скорых токов пока только пробуют свои силы. Уже в феврале они слетаются в места будущих токовищ, и более опытные самцы преподают уроки молодежи. В эту пору сеголетки еще не отгоняются стариками и могут находиться рядом, постигая все степени мастерства.

Если тока еще не начались, следы обычно тянутся однообразной цепочкой вдоль какой-либо опушки или по склону лога, ничем замечательным не выделяясь. Они лишь настраивают знающего человека на необходимый лад ожидания скорого токовища и указывают на его приблизительное нахождение. Именно в начале марта, по насту, следует разыскивать подобные скопища глухарей, определяя по следу их численность.

Как только время для тока подступает, вдоль набродов, по обеим сторонам, появляются короткие чирки от крыльев, которые и являются верным признаком того, что ток всю весну будет проходить именно здесь. Сначала это действительно про-сто коротенькие росчерки, едва различимые и очень неуверенные, через несколько дней росчерки превращаются в крутые дуги, впрочем, еще изредка прерывающиеся, неглубокие, но в конце концов они оборачиваются сплошными бороздами, когда глухарь уже не чертит, а волочит крылья, не отдавая себе отчета в охватившем его весеннем возбуждении... Борозды бывают трех-, четырех- и даже пяти полосные, что зависит от количества маховых перьев на крыльях птицы и, конечно, от ее возраста.

А с середины апреля вдоль отпечатков глухариных лап и крыльев начинают попадаться аккуратные следы копалухи, что свидетельствует о начавшейся любви... Раньше самочки тоже держались неподалеку, радостным «бабаканьем» и «котканьем» то и дело возвещали о своем присутствии, но приблизиться не решались. Они как будто ждали какого-то верного сигнала, по которому можно было броситься без оглядки на зов взбудораженного токовика и, заслышав его, уже не могли с собой совладать. Глухари же с каждым днем все более разжигали себя, матерели, и тока вступали в свою самую жаркую пору.

В это самое время на укромных лесных полянах появляются утоптаннные площадки, к которым с двух сторон ведут наброды взрослых петухов. Здесь глухари оспаривают между собой право на продление глухариного рода именно одного самца, более красивого и сильного, и рядом со следом победителя в скором времени можно будет увидеть трогательный следок копалухи. Даже по отпечаткам ее лап несложно определить, как она ластится к нему и насколько горда его силой. С середины апреля глухарка тоже принимает участие в глухариных заметках, но старается сделать это как можно более ненавязчиво.

Правда, начинается глухариный дневник задолго до весны, в заснеженной утробе декабря. Там, в глубоком и рыхлом снегу, глухари оставляют свои потаенные лунки — снежные домики, в которых проводят две-три морозные ночи. Тогда глухари еще ничего не пишут, а лишь задумывают свои лесные

повести, во снах же, наверное, видят одну весну.

Но когда на самом деле приходит весна, глухарь работает старательно, на совесть, ни дня не пропуская без строчки. Только если вдруг завьюжит последняя апрельская метель, прекращает он своё снеготворчество. Ждет глухарь следующей оттепели, чтобы опять начать отчет о своих душевных секретах.

Спешит глухарь сообщить о них и горке над самым логом, и занесенному снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там всю солнечную опушку, а затем взлетит на любимую сосну и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым пометом. Это тоже его визитка, и по ней можно прочесть о том, где вернее всего встретить глухаря на следующее утро, и как он переполнен охватившим все живое весенним настроением.

При такой приподнятости духа недалеко и до танцев, что тоже становится хорошо заметным на снегу, если не торопиться и быть внимательным. Вот глухарь выгнул шею, вынес тело вперед, издал свое тэканье и побежал, да все быстрее, проворнее. Смешно со стороны наблюдать в этот момент за птицей! И вдруг как выпрыгнет вверх, подавшись чуть вперед, да захлебнется в токовании, а через миг вновь прыжок, распушив перья, с растопыренными крыльями, весь содрогаясь от переживания неподвластного ему чувства. Борода трясется, коричневый глаз осоловело косит в сторону, будто и сам глухарь не понимает, что с ним происходит и зачем он прыгает на месте, изгибает шею и топорщит веером хвост.

Танец любви, казалось бы, не предполагает каких-либо записей, но на языке природы и самого глухаря он предельно лаконично отображается на снегу в виде глубоких, чуть осыпавшихся и съехавших в сторону крестов от лап, когда полупудовая птица приседает на землю. Глухарю не в диковинку просто взлететь, а хочется подпрыгивать, восторженно встречая долгожданную весну. Здесь уж ему не до обстоятельных росчерков-записей, лишь бы не уронить свое древнее глухариное достоинство!

Знаки, которые глухарь оставляет весной на снегу,— это радостная примета, предвестие скорого торжества, чувственное изъяснение своих скрытых с древности устремлений. Обнаружить эти знаки, оставленные глухарем на снегу,— значит причаститься к тайне леса, которую в немалой мере созидает и глухарь. Знаки глухаря на снегу — это еще и своего рода тавро, его фирменное клеймо, без которого этой птице не обойтись весной.

Ни букв, ни слов нет в глухарином письме, только округлые черточки, крестики и линии. Глухарь вычерчивает свои весенние чувства, а снег, как бумажный лист, все запечатлевает и сохраняет до первой метели. Оттого глухарь и ведет дневник лишь по утрам и как можно раньше, когда ночная поземка уже улеглась, дневная же еще не начиналась. Глухарь как будто боится, что кто-то подсмотрит это его вековечное таинство, или просто помешает, и он, не унимаясь, все строчит и строчит, строчит и строчит...

Но азбука в тридцать с лишним букв велика для глухаря, да он ее и не

учит в отличие от детей, что, одолевая грамоту, во всю избу кричат. Точнее даже — он совсем ее не знает, но писать принимается с удовольствием, так же как и ребятишки, провозглашая свое знание во всеуслышание. Поначалу глухарь только кхеркает, изредка пощелкивает, а уж затем точит без устали, чуть не захлебываясь. Азбука у него скорее нотная, чем буквенная, и ее чарующие звуки радостно разносятся по всей округе.

В народе всякое письмо, записку или даже исписанный клочок бумажки звали грамотой, но хотя глухарь и неграмотен, он, бывает, точен в своей снежной звукозаписи: умение писать в нем от природы, которая лучший учитель. Живет глухарь в лесной тиши и пишет нам свои грамматики, будто на память, чтобы мы знали о скрытой в лесу красоте, хранили ее и не забывали. Любознательному человеку глухарина грамота всегда пригодится.

Грамота глухаря тверда на снегу, в особенности по утреннику, да вот язык шепеляв. Шипит глухарь от возбуждения, даже петухом квохчет, и все его слова-нотки сливаются в сплошную какофонию. А поскольку память у глухаря стара, то и грамота его простая мудра. Нет в ней ничего лишнего: только самое главное — любовный порыв, радость и восхищение от переживаемого. Глухарь, должно быть, и сам не ведает, что грамоте горазд.

Глухариные росчерки чем-то сродни восточным иероглифам, мастерству китайской росписи по влажной бумаге. Встающее солнце все сильнее жарит — росчерки оседают, плавятся и постепенно становятся совсем неразличимы. С раннего утра четкие, отражающие малейшее движение крыла, после полудня они почти незаметны. К вечеру же и совсем исчезают. Даже объяснить невозможно, чем завораживают эти росчерки поутру, в ясный мартовский день, когда стоишь, смотришь на них и не можешь понять, куда уводят они тебя и зачем.

И все же это очень приятно: находить глухариные следы, идти вдоль них, наклоняться и разглядывать. Представлять, как глухарь бродил здесь, среди разреженных сосен, горделиво вздрагивая бородой, и тоже, наверное, мучился чем-то. А может быть, и не ведал никаких забот... Так, радовался своей жизни и ничем не томился. Ему было замечательно от того, что вокруг весна, и иного он не желал. Откуда ему было знать, что все близкое и дорогое ему - дорого и близко еще и человеку!

Пишет глухарь своим пером, что китаец кистью, — все любуются и ничего не понимают. При этом глухарь ничуть не сочиняет, а излагает свои чувства, описывая переживаемые им события присущим ему способом. Письмо его совсем не диковинное, вполне обычное для леса и птицы, самой по себе необычной. Просто так глухарю сподручней вести свой рассказ о делах глухариных и лесных, о загадках тайных и явных. Весна лучшее время для творчества!

Иной пишет стихами лучше, чем прозой; многие говорят хорошо, а пишут бестолково; кто-то пишет, словно рождает; у кого-то, аж, перо скрипит... Глухарь же в своем творчестве не торопится, а будто картину рисует. Не спеша, с толком и расстановкою, чтобы по достоинству оценили его весенние

способности. Глухарь по весне, должно быть, чувствует себя поэтом, и ничто ему не может в этом помешать!

Про глухаря бы можно было сказать и такое: пиши не пиши - от этого ничего не прибудет, но разве допустимо подобное о птице, в письме которой ни греха, ни поклепа, только сокровенные лесные чувства? Попробуй-ка добудиться их у других зверей и птиц, когда они ничего после себя не оставляют: ни пера, ни следов, ни помета с погадками... Глухарь же ни о чем не умалчивает, расписывая разными красками в узор то, на что давно никто не обращает внимания. Ему бы писало вместо крыла получше — он бы настроил историю какую хочешь!

Глухарь — словно мудрый писец, что пишет по обязанности, званию и должности, дарованным ему природой, а не простой писарь-переписчик, выделяющий причудливые колена. Тот, кто составляет необходимые всем писцовые книги о расцветающей земле,— ее надеждах, снах и совершающихся событиях, способных перевернуть все в душе. Глухарь своими письменами живой дух творит в том, кто себя однажды не упустил и так же, как глухарь, на творческий путь решился.

Крыло у глухаря за место пера, заснеженная поляна — белая страница. Бежит по ней глухариная строка то поперек, то вдоль, может и столбцом вывернуть! Вольное глухариное письмо — не рябчиковая строчка, что незаметно тянется тоненькой стежкой, оно — у всех на виду!

Иной раз петух так раздухарится, что нотную грамоту в пять черт, с диковинными знаками по снегу распишет, и ну по ней без запинки чесать: «тэке, тэке, тэке, тэке-е, тэкерре-тэкерре- тэкерре-тэкерре-цирси-цирси-цирси, чикивря- чикивря-чикив- ря, чек-уо-о-кк!» Всякое, хоть махонькое настроение у него в строчку идет, ничего не пропадает. И пишет глухарь, и тут же поет: только успевай читать да на ус наматывать, а он, знай, строчит!

Настроит глухарь, кажется, целую поэму, места свободного не видно, тогда он на ближнюю ветку подскочит, и давай на ней туда-сюда ходить, уже на память свои сочинения декламировать. Ей-богу, про все на свете позабудешь, если на него в эту пору заглядишься!

Распустив крылья, глухарь не размахивает ими широко, а поводит с изяществом, не разбазаривая себя понапрасну. Принять кого под свои крылья, то есть взять под защиту, глухарь не намерен, но, чуть растопырив их и приспустив, он становится похож на горделивый корабль с парусами, поддуваемый ветром. Вот-вот распустится во всей своей красе и поплывет — только держи! И хоть говорят, что птицу за крылья не хвалят, у глухаря они по весне за место рук: и пишут, и рисуют, и счет любовным победам ведут, и в схватке с чужаками выручают, и, с неиссякаемой бодростью по бокам прихлопывая, лес диковинной музыкой оживляют. Со своими незаменимыми крыльями глухарь выше себя самого и леса вырастает, а потом опять на снег опускается, и все пишет, пишет, пишет.

Пишет глухарь свой весенний дневник, как и любой поэт, по-разному: то с настроением, восторженно, то более сдержанно, с вдумчивой расстановкою,

а иной раз и вовсе как придется, лишь бы чего-нибудь нацарапать! Хулить его за такое слабосильное сочинительство не с руки, потому как силы свои глухарь черпает, как и человек, в природе, а она порой, особенно по весне, бывает достаточно строптива. И на глухаре отзываются порядком затянувшаяся оттепель, студёный северный ветер, нескончаемые холодные дожди или неожиданные снежные бураны. Разве тут до писания!

Дневник свой глухарь любит вести, когда вокруг упоительное тепло, торжество звуков, запахов и света! Глухарь кладет свои кресты на снег как по-писаному, не торопясь, будто поклоны веские бьет. Да все по-ученому, не просто так, скороспелкою, а добротню, с загадкою на всю оставшуюся весну. Не знаю даже, чем привлекают меня его крестообразные следы толщиной в палец, четко отпечатавшиеся в подтаивающем насте? Может быть, своей диковинной величиной, необычностью того, что большая и чуткая птица ходит вот так, открыто, по снегу и не таится?

Как бы там ни было, но глухарь времени зря не теряет: знай, барином между сосен выхаживает, владения свои осматривает, все примечает. Там строчку черканет, тут вензелем распишет, не сразу и разберешь его задумку. Было бы, главное, желание, а о чем писать, у него найдется.

Да вот хотя бы про труды свои праведные, что не дают глухарю покоя ни днем ни ночью в весеннюю пору! Работа, его заветное по весне занятие, требует от глухаря особых усилий, старания и заботы. Напрягаясь телом и своим таинственным духом, глухарь себя не утомляет, а совершает все в радость, с превеликим упоением. Бровью водит, крылом пишет — откуда что берется!

Он рожден на этот весенний труд — просыпаться задолго до зари, потаенно сидеть в сосновых ветках и ждать, когда что-то неуловимое сдвинется в предрассветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоет только с ему присущими свободными росчерками в конце и будет так греметь своей неустойчивой влюбленной волей до самого восхода солнца. Слетев же на снег, пройдет забиякой-франтом, важно выгнув грудь, подскочит раз-другой для остротки невидимого соперника, и вдруг бросится стремглав к краю поляны, где настороженно замрет. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за тот труд, что доверила ему весна.

Без весеннего творческого труда для глухаря нет добра. Труд этот, в первую очередь, ему удовлетворение дарит, затем копалуху восхищает и, наконец, род глухариный продолжает. Длиться ему, как и прежде, века веков!

Но для того чтобы не иссякли силы, глухарь должен сосновой иглы пощипать или с елки, когда же появятся проталины, он слетает на землю и выискивает прошлогоднюю сладкую клюкву. Весенние заботы укрепляют не только дух глухаря, но и тело, и хоть говорят, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, так они ему и ни к чему. Был бы лес да копалуха, а для них — и труд не в труд!

Велики труды глухариные только для лесного бога, который труды эти любит. Бог с трудов глухариных еду и дом птице дает, себе же духовную силу оставляет. Их совместное терпение и труд все перетирают, и получается мука, из которой спеет лесное богатство.

Работает глухарь не покладая крыл и, кажется, знать не знает, что служит не только лесному богу, но и человеку. Человек, разбирая по весне глухариные записи, радость обретает, будто и сам в этом творчестве участвовал. Ему тоже хочется что-нибудь такое написать, чтобы все узнали о его жизни и любви. О том, как он шел к своей весне и не ошибся.

Идет человек вдоль глухариного наброда и думает: глухарь весне радуется и об этом дневник пишет, моя же работа — ходить, всматриваться, познавать и находить то, что звери и птицы не в силах передать человеку. И еще молиться, чтобы лес никогда не кончался, и глухари не переводились, через которых лесной бог дает знание и силы. Дерево доброе и плоды добрые плодит: спасибо Богу за богово, а глухарю за его увлекательный дневник, который он каждый год по-новому набело переписывает, и это никому не надоедает!

Журавли

В тихий вечерний час, когда, кажется, что мир людей исчез, существует лишь глухой лесной уголок и оживленная переключка испаривающихся в еловых ветвях кукушек,— я сидел у выцветшей от времени избушки и вслушивался в предночную птичью кутерьму. Все, что было до этого, кажется, никогда не существовало и позабылось, а сейчас моя душа жадно вбирала, вслушивалась и торжествовала, обретая бессмертие. Неповторимая и единственная жизнь, по многим причинам однажды упущенная, благодаря этому тихому майскому вечеру возвращалась. Когда-то здесь была делянка, но, разработав ее, лесорубы оставили после себя небольшой деревянный балок на санях, с печкой, и он уже третий год служил мне обиталищем на время глухариных токов.

За две недели моего отсутствия перед избушкой открылись моховые кочки, усыпанные щепой и хвойным мусором, отчего все сразу приобрело до непривычного оголенный и какой-то неустроенный вид. Талая вода заполнила пространство, занимаемое старым, каждый год высыхающим болотом, и когда я попробовал осторожно ступить в студенисто-бурую, чавкающую массу, высокие ели, покачиваясь, наклонились в зыбко переливающейся поверхности и стали как будто досягаемыми. Ручьи бесшумно струились по склонам, подтачивая ноздреватые снежные глыбы в глубоких логах, и все вокруг приходило в неопишимо восторженное движение.

За болотом напротив затрубили журавли, а через миг я увидел, как две величественные птицы, неловко, но до удивления в такт друг другу взмахивая сильными крыльями, протянули на фоне огромного закатного солнца,— такого же, как их полет, недосыгаемого и величественного. И в душе что-то

неожиданно перевернулось, как будто всё зимнее, наконец-то, отступило, а новое и жизнеутверждающее пробудилось.

В их больших телах не чувствовалось никакой тяжести, только уверенность прожитых птичьих лет, постоянная готовность к размеренному полету и какая-то нестигаемость. Журавль, как, наверное, и любая другая птица, не копит в себе ничего ненужного. Журавлю требуется лишь плавно взлетать невысоко над землей, чтобы кому-то полет его был хорошо виден, а ему самому можно было бы спастись от чьих-то зубов. Неприхотливое и умиротворяющее парение птицы, не желающей оставлять землю,— вот все, что нужно журавлю в его жизни.

Но иногда кажется, что только не терпящая отлагательств необходимость поднимает журавлей в небо: до того обременительно для них все это выглядит на первый взгляд, со стороны. И все же, преодолев на подъеме свое недовольство по поводу нарушенного кем-либо размеренного покоя, журавли с удовольствием выпрямляются в воздухе и, словно стряхивая с себя нечто надоевшее, успокоено наслаждаются ровным и независимым парением. И тогда уже думается, что птицы живут только во имя вот такого невесомого состояния, в котором благословенная земля до конца никогда не уплывает из-под крыльев и предстоящая жизнь под небесами представляется прекрасной в своей ясности и простоте.

Журавли неторопливо плыли над лесными полянами, как бы не замечая всего, что происходило внизу и вокруг. Время от времени они пронзительно оглашали округу и тут же отрешенно умолкали, так, что слышался лишь вкрадчивый шорох их крыльев. Эти задумчивые, романтические птицы всегда почему-то вселяли в людей добрую надежду, обогащая их души.

Журавлей было двое, и поднялись они в воздух неподалеку от гнезда у старой березы, на которое я наткнулся случайно в прошлую поездку. Гнездо было никем не занято, и я, помнится, долго стоял, всматриваясь в верхушку дерева, пока не услышал тревожащий душу крик, разносящийся над лесом. Обхватив березу руками и прижавшись к ней щекой, я пристально вслушивался и никак не мог понять: кому он принадлежит?

Вечером, за два часа до захода солнца, угнетающий крик утраты вперемешку с жалобной надеждой вновь повторился и будто заглушил все лесные звуки. Начинаясь с торжествующей ноты, он в своем исходе как бы захлебывался в нежности одного живого существа к другому, и даже когда источник его куда-то удалялся, звук изливаемой кем-то горечи, кажется, повисал в воздухе, цепляясь за лохматые ветви елей, и будто не желал просто так раствориться. Он жил во всем, требовал к себе внимания, но при всей своей удрученности не был обременителен.

Поначалу я подумал, что это где-то у самой реки, под ветром, плачет старая береза или рядом растущие деревья трутся друг о друга белой ядерной корой, издавая такой заунывно-пронзительный, завораживающий звук. Стоя как вкопанный, я пристально вслушивался в мерно плывущее над рекой звучание и не мог понять: что меня в нем так очаровывает? Будто бы кто-то

надрывал свою и без того растерзанную душу, изливая ее в неудержимом плаче и тоске. Чья-то неведомая лесная боль рождалась, во всеуслышание заявляла о себе и, не найдя ни в ком отклика, тут же умирала. Но что-то все-таки оставалось, будоражило и не давало покоя, и только позже я догадался, что это горечь оседала в моей душе.

По небу плыли легкие розоватые облака. Подняв голову, я, к своему удивлению, обнаружил на одной из берез большое гнездо. Оно принадлежало цапле и казалось нежилым. И тут меня осенило: уж не журавль ли это подает свой тревожащий душу голос?

Только я об этом подумал, как голос переместился вверх по реке. Он несколько не переменился, был такой же монотонный и жалобный, но не просящий. В нем чувствовалась удивительная проникновенность птицы, ее неиссякаемое терпение.

Еще с полчаса постояв под гнездом, но так никого и не дождавшись, я двинулся вдоль берега вслед за растаявшим над рекой звуком. И тотчас между берез мелькнула большая птица и с трубным призывным криком стала удаляться, все время заметно забирая на восток. То было, конечно, журавлиное курлыканье — большая редкость по нашим временам, тем более вот так открыто, совсем рядом. Застигнутый врасплох охватившей радостью, я не сразу придал значение тому, что птица в такую ответственную пору находится одна...

Только поздно вечером, когда солнце уже опустилось за горизонт, опять послышалось одинокое, мягко терзающее сердце курлыканье. Журавль летел также над рекой, но уже с противоположной стороны, как бы замыкая невидимый для меня круг. Он отсутствовал ровно два с половиной часа, и я впервые подумал о том, что птица кого-то ищет.

Журавль, видимо, разыскивал подругу, надрывно звал ее и не находил. В своих поисках он придерживался одного и того же направления, какому они вместе, должно быть, следовали раньше, и даже не помышлял хотя бы немного отклониться. Журавль будто верил, что самка не могла далеко улететь, она где-то рядом и ее просто нужно поискать.

Подобные полеты журавль совершал и в течение всего следующего дня, четко ограничивая время своего отсутствия тремя часами. Неизменно, с утра до вечера, несмотря ни на что, надеясь отыскать возлюбленную, журавль с надрывом оглашал округу своей болью, и мне начинало порой казаться, что лес несколько замкнулся в себе, не вправе проявлять всю полноту рождающейся в его недрах жизни. Птица почему-то осталась совсем одна в этом пустынном сейчас для нее мире, и это было противоестественно.

Уже возвращаясь на станцию, в деревне я случайно узнал, что кто-то подстрелил самку журавля, и самец, только прилетев, остался один.

В городе я постоянно думал об этом журавле, что остался в весеннюю пору один, и одиночество его мешало мне жить. Я пытался представить, чем он сейчас занимается, и очень надеялся на то, что он все-таки найдет себе пару. Так было горько сознавать, что журавль в одиночестве может погибнуть,

и никто не в состоянии ему помочь.

И вот нашлась новая подруга, — невероятное событие для весны, когда птицы уже разбились между собой! Но, может быть, просто два одиноких сердца отыскивали друг друга и мир охватившего их отчаяния рассеялся, уступив место нежности и надежде?

С особенной радостью встречаем мы весной именно журавлей, возвращающихся на свою родину. Еще не сошел до конца снег, не истек ручьями говорливый апрель, а они уже появляются в высоком небе стройными косяками, изредка вскрикивают в вышине, и, заслышав их голоса, сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилет журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, и стар и млад оставляют все заботы, подолгу всматриваются в небесную высь и не могут оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму и предстоящую нелегкую работу. Своим неспешным полетом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой свободы.

«Журавли! Журавли прилетели!» — обычно кричат вездесущие мальчишки, бегут, спотыкаясь, по раскисшим улицам и машут шапками. Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из теплых стран на свою родину, и будто отогревают застывшие души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли родимого дома, но прежде чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат приветственное «курлы-ы-ы!»

Трудно не любить журавлей за их степенную красоту и какую-то затаенную щемящую боль, которую они всегда несут в себе. Боль эта чувствуется в каждом взмахе их крыльев, крике, неудержимом стремлении к величественному полету. Всегда почему-то кажется, что им самим совсем не хочется его прерывать, насколько это возможно, птицы продляют свой полет, а присаживаются только по неотложной надобности. Так бы всё парили, оживляя воздух и землю теплым дыханием устремляющейся на север весны...

В народе испокон веков замечали, что журавль прилетает и отлетает сообразуясь с теплом. С прилетом журавлей обычно совпадает открытие полевых работ, выгон скота на пастьбу и даже начало весеннего рыболовства: «Когда прилетят журавли, скотину можно выгнать в поле, а в пруду ловить рыбу». И хотя сам журавль, по народному поверью, утверждает, что это он тепло принес, а не весна, люди ему все прощают, потому как любят.

Весной торжественно радостные, проникновенные, под осень голоса птиц становятся печальными. И хоть летят журавли такими же стройными косяками и уже не на север, а на юг, что-то щемящее появляется в их призывной песне, которой они прощаются с людьми до будущей весны. Журавли чуть заметно покачивают им кончиками крыльев, поднимаются все выше и выше, и

прощальные голоса их постепенно растворяются в бескрайнем осеннем небе, так что чудится, будто птицы неслышно произносят: «Прощай, матушка Русь, я к теплу потянусь!» И каждый, уже про себя, так же неслышно повторяет им вслед: «Прощайте, дорогие журавушки, доброго вам пути-дороги! До скорой встречи, до будущей весны!»

В народе примечали, что перед отлетом журавли собираются большими стаями на болотине и долго между собою курлыкают, будто совет держат, каким путем в теплые страны лететь. Еще журавлям под осень одна забота — это угадать время отлета. Существует такая примета, что если журавли в осенний пролет долго кружатся на одном месте, улетают как бы нерешительно, то осень будет продолжительная и теплая. Но вот когда журавли потянутся на юг к третьему Спасу, то на Покров будет мороз, а нет, так зима придет позже. Чем позднее улетают журавли, тем, по народным наблюдениям, и зима позднее наступит.

Отлет журавлей всегда знаменует конец лета и начало скучной осенней поры, когда те же мальчишки, завидя журавлиную стаю, бегут за нею по убранному жнивью и кричат: «Колесом дорога!» В этом пожелании, по-видимому, заложено стремление заставить журавлей вернуться назад или, может быть, просто на время сбить их с пути, чтобы они целый день кружили без толку на одном месте, предвещая тем самым еще долгое время хорошую погоду. Но мешать журавлям в их пролете, однако, не следует, и лучше прокричать им напутственное приветствие: «Путём дорога!»

Осенью, где-нибудь в середине сентября, когда порядком надоели холодные проливные дожди, хмурое небо всей своей тяжестью навалилось на озябшую землю и кажется, что оно никогда не распогодится, слышишь вдруг над полем тревожный крик журавлей и встрепенешься. Все в тебе сразу подымется, заиграет, и ты как будто избавишься от охватившей тебя осенней одури. Мокрое жнивье уже не производит такого мрачного впечатления, почерневшие стожки соломы не вызывают уныния, жизнь, оказывается, не умерла, а только на время затихла, чтобы с новой силой пробудиться. Ее возродили в твоём сердце журавли.

Журавль — птица дикая, осторожная и близко человека не подпускает, но в народе ему уделялось много внимания. В первую очередь отмечали его длинные ноги и походку. Когда журавль чувствует себя в безопасности, он важно разгуливает по полю на своих длинных ногах, землю меряет, как говорили крестьяне, — только ему и дела.

По этому поводу в народе сложили немало метких поговорок. Например: «Перемерял журавль десятину, говорит — верно». Или: «Пошел бы журавль в мерщики, так не берут, а в молотильщики — не хочется». А еще так: «Журавль межи не знает и через нее, знай, ступает».

Крестьяне часто даже надсмехались над манерою журавля передвигаться по болоту: «Шел журавль по болоту — нос завязил; нос вытащил — хвост завязил». Они утверждали, что журавль ходит по болоту, будто нанимается на работу, а на самом деле он корм для птенцов таким размеренным способом

добывает, а если уж замрет на одной ноге, то всякого перестоит! Одним словом, журавль — птица очень приметливая и сторожкая, да к тому же летает высоко и видит далеко.

В отличие от многих пернатых журавли с присущей им цельностью одинаково величественны как на земле, так и в воздухе. Журавля не без оснований ценят за его высокий красивый полет целыми стаями, правильнее — косяком, когда впереди летит старый опытный журавль. Так как передовому журавлю лететь труднее других, то птицы меняются между собой. Даже в самых серьезных ситуациях эта птица никогда не теряет достоинства и уверенного спокойствия, как будто давая всем почувствовать свою скрытую силу.

А что происходит у нас в душе, когда осенью или по весне мы вдруг слышим этот не сравнимый, ни с чем, плач или зов птицы, который переворачивает все внутри и куда-то зовет? Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех весенних и осенних звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла наконец-то долгожданная весна, которая всколыхнула в каждом внутренние силы и надоумила на настоящий душевный подвиг. А еще о том, что лето минуло за чередой непрерывных забот, и скоро грядет лютая зимушка- зима, и вот сейчас на дворе колченогая осень с проливными дождями, слякотной землей под ногами, нескончаемыми темными ночами... Благо, что урожай собран, закрома наполнены, и журавлиное курлыканье в вышине не воспринимается обездоленно, как нечто непоправимое. Скорее, оно свидетельство неугасающей жизни, что просто готовится стать еще более выносливой и сильной.

И великая негибкая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть, все, без чего немислима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку подарок судьбы, которым он должен благоразумно распорядиться, не разбазарив его понапрасну. Птицы напоминают людям, чтобы они не сулили журавля в год, а хоть синичку, да в рот, ибо журавль в небе — не добыча. И хотя встарь журавль почитался лакомством, он, по меткому замечанию народа, не каша, еда не наша, потому, что эта птица тепло нам приносит. Как, говорили, журавль прилетит с моря, так и убавит нам горя.

Кстати, все эти завораживающие крики, похожие на отдаленное звучание труб, издают одни самцы. И крик журавлей, и одновременно их полет имеют в себе что-то необъяснимое и привлекательное. Как осенью, так и весной журавлиные голоса доносятся до нашего слуха не сразу, а постепенно, теряясь в других, не менее приятных звуковых тонах, что порождает в эту пору природа.

Журавли никогда не летят сумбурно, неопределенным скопищем, как многие другие птицы, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого, по большей части, гораздо длиннее. В этом построении журавлей есть нечто простое и в то же время недостижимое, как если бы мы хотели дотянуться взором и мыслями до любимых птиц, но улететь вместе с ними,

при всем желании, не смогли. Журавли как будто угадывают устремления людей и прежде, чем отлететь в теплые края, дают возможность каждому посмотреть на их торжественный полет и неторопливо обо всем подумать. Журавли в своем неспешном прощании с родиной настраивают души людей на такой же неторопливый и вдумчивый лад. Скоро долгая зима, время необходимых раздумий, и кто, как не она, призвана оздоровить и, может быть, даже излечить человеческую душу, а журавли, хотя бы отчасти, помогают ей в этом.

В народе не зря многие названия связаны с их журчащим и каким-то необыкновенно трогательным именем. Журавль — одно из южных созвездий, журавчики — долгоносые щипчики, журавец — рычаг для подъема тяжестей и воды, устраиваемый обычно на колодце. Журой или журкой называлось в старину короткое женское верхнее платье, вроде куртки.

Жура, журка, журанька, журочка, журушка, журавлик — какими только именами не называют у нас журавля! Журавлей на земле становится все меньше и меньше, и только счастливый человек может радостно воскликнуть, что, действительно, хотя бы раз в жизни ему привелось видеть косяк пролетающих птиц или даже подсмотреть их танцы на болоте и кормежку. «Потоп кораблям, песок журавлям!» — говорят о неумолимом для птиц времени, которое безжалостно утекает от них, отнимаемое человеком.

Вообще, журавль — очень общительная птица, и насколько он старательно избегает человека, настолько же сильно привязывается к нему, быстро привыкая к его дому и двору. Он выказывает удивительное понимание порядка, не терпит ссор на птичьем дворе и, оберегая домашних птиц, как собака, в то же время наказывает их окриком или ударом клюва за провинность. К человеку журавль может проявлять удивительную ласку, но очень долго помнит незаслуженные обиды. Журавль хорошо уживается с любыми птицами и животными, но постоянное общество себе, все же, выбирает с разбором.

Журавли очень сторожки, и подойти к стае или семейству птиц, затевающих где-либо поблизости гнездо, очень непросто. Ночевку журавли выбирают, как правило, на открытых местах, во время нее все птицы спят стоя, заложив голову под крылья. К тому же журавли выставляют одного или двух сторожей, которые дремлют чутко, не закладывая голов под крылья, а как только заметят опасность, так тревожным криком будят своих товарищей и тотчас улетают.

В давние времена благодаря этой необычайной восприимчивости журавлей содержали на птичьих дворах. Неспешно разгуливая среди сытой и изрядно отупевшей от изобилия корма домашней птицы, журавли заметно выделялись своей сдержанностью. Отведенное им человеком положение сторожей обязывало их к этому.

Ничто обычно не нарушало воцарившегося довольства и покоя до тех пор, пока в небе не появлялся ястреб. Зоркие журавли первыми замечали хищника и громогласно предупреждали об этом многочисленных обитателей

птичьего двора, предоставляя им тем самым возможность укрыться. Журавли в этом отношении были незаменимы и потому всегда заслуженно почитаемы на Руси.

Но не только в России журавли символизировали бдительность. В трактате о любви и преданности Леонардо да Винчи описывает журавлей, которые, охраняя своего повелителя, держали в поднятой лапе камень. Держали на случай, если на минуту-другую его, пернатого стража, одолеет предательский сон. Тогда камень, падая, мог бы разбудить всех своим шумом. На гербах и гобеленах серого журавля неизменно изображали стоящим на одной ноге, с камнем, зажатым в другой.

Помимо необыкновенной чуткости, журавли обладают таким грозным оружием, как крылья. Природа снабдила их удивительной крепостью и силой, способными нанести серьезное увечье как собаке, так и человеку. Бывали случаи, когда раненый журавль, защищаясь, переламывал руку охотнику, а твердым и острым клювом мог выклевать глаз.

Из-за своих немалых размеров журавль не может подняться в воздух сразу, ему нужна дюжина метров, чтобы разбежаться. Поначалу он только вытягивает шею, наклоняет вперед туловище и, неторопливо передвигая ногами, помогает себе размеренными взмахами крыльев. Так журавль совершает несколько шагов, но когда корпус его слишком наклоняется и он начинает запинаться, крылья уже набирают силу и отрывают птицу от земли. Свесившиеся длинные ноги при этом выглядят несколько смешно, зато мощные крылья и устремленность журавля вызывают восхищение. Летит он всегда ровно и неторопливо, но решительно.

Еще журавль птица очень жизнерадостная, и, несмотря на внушительные размеры и присущие ему грациозность и достоинство, он любит забавляться, когда придет охота. Он обычно весело подпрыгивает и занимает странные позы: то согнет шею и кружится долгое время на одном месте, то распушит крылья и буквально танцует. Играя, журавль подбирает с земли камешки и ветки, бросает их в воздух и ловит клювом, при этом быстро бегает взад и вперед, самыми разнообразными движениями выражая беспредельную радость. Но если в этот момент ему грозит опасность, он замечательно быстро умеет оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки.

Несмотря на величественность поведения и внушительность в размерах, он не такой уж и большой, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Ко всему прочему, журавль очень высок на своих ходулях-ногах, шея его, также, достаточно длинна, а клюв, в довершение всего, как бы составляет их логическое продолжение. Журавль поневоле кажется таким, каким он на самом деле не является, но, так или иначе, пользуется любовью среди людей.

К тому же внешний облик птиц с их стройной шеей, грациозно повернутой головой и важной осанкой, необыкновенно уравновешенные повадки и кроткий нрав вызывают у людей симпатию. Но только так ли безоблачно следует относиться к птицам, которые в своей природе, в этой их

видимой и очаровательной привлекательности, носят, между тем, и истинную силу? Силу, какой бы следовало поучиться порой не в меру восхищаемся журавлиной верностью людям, на самом деле ей не обладающим. Ведь в ней, в этой верности, заключены простота и мудрость жизни, так недостающие человеку.

Самка журавля обычно сносит два яйца, и из двух птенцов один, как правило, погибает. Ученые даже предполагают, что родители, внимательно понаблюдав за птенцами какое-то время, выбирают наиболее сильного, а слабого уводят от гнезда куда-нибудь в сторону и оставляют... Вот как заботятся птицы о здоровье рода, не проявляя ложной доброты в отличие от человека!

Вдобавок журавли — очень предусмотрительные и умные птицы. Они не только с достоинством себя ведут, но также достойно и, главное, очень надежно для будущего потомства думают. В ковыльных степях Казахстана, где открытое пространство тянется до самого горизонта, и сильный ветер может раскатить и разбить отложенные птицами яйца, журавль-красавка обкладывает свою кладку кольцом из гальки. И это при том, что поблизости никаких камушков нет, и журавлю, чтобы раздобыть их, приходится летать за многие километры нареку!

Что и говорить: журавль — птица знаменитая! Недаром он часто упоминается в народных сказках, баснях и пословицах. Журавлю не без оснований приписывали чуткость, простодушие и неприхотливость, которыми он обычно смущал других зверей, пусть даже и страдая за это. Вспомнить хотя бы басню про волка, что подавился костью, а журавль, оказавшийся поблизости, не испугался, вытащил ее и попросил за труд, но волк разгневался и стал грозить благородному журавлю...

Не во всех сказках, конечно, журавль оказывался на высоте, но везде проявлял скромность и великодушие. Как в истории с цаплей, когда они ходили друг к другу свататься, но все безрезультатно. То журавль придет и цапля ему откажет, то цапля передумает и отправляется к журавлю, да тот опять сгоряча не соглашается, а когда успокоится, вновь пробует удачи. С одной стороны, мы видим порядочность, достоинство и основательность журавля, предложившего сердце цапле, с другой — непостоянство, отсутствие твердости и... все же нечто милое, когда несмотря ни на что журавль шел к ней, рассчитывая, что цапля рано или поздно согласится. И ведь отправлялся всегда первым, на что зачастую не могут решиться многие люди!

Простим журавлю эту слабость и, может быть, даже гордость, с которой он однажды стремился стать царем птиц, но не был им избран за то, что рассердился на малую птаху за непослушание! Бог ему судья! Во всем остальном эта птица всегда выказывает удивительно покладистый характер, и если ее не тревожить и не обижать, она попусту никогда и ни перед кем головы не преклонит, в первую очередь, объявит себя с самой выгодной стороны и будет только радовать человека своим присутствием.

Обнаружив неподалеку от избушки небольшую полянку, которую облюбовали для себя мои журавли, прилетая туда неизменно на рассвете и в пору тихих вечерних сумерек, я все последующие дни восхищался, наблюдая из укрытия за тем, как птицы были бережны и нежны друг к другу. Как будто вкрадываясь в лесную тишину и желая вовремя предотвратить малейшую угрозу своему существованию, журавли неспешно выступали на укромной опушке, чутко прислушивались и замирали. В то время как самка была занята поиском корма, самец, изящно приподняв ногу и выгнув шею, застывал, трепетно вслушиваясь в лесные шорохи. Такая предусмотрительность придавала птицам важность, но важность не напыщенную, а какую-то отрешенную, в своей невозмутимости очень мудрую. Наделенные удивительной чуткостью птицы могли ее себе позволить.

Покормившись с утра или вечером, птицы обычно предавались играм: красовались друг перед другом, подпрыгивали, распутив широкие крылья, пощелкивали длинными клювами, задрав головы кверху. Все их движения были грациозны, лишены суеты и исполнены какого-то таинственного смысла. Журавли, словно радуясь возвращению на родную землю, уединялись и начинали свои ритуальные священнодействия, кажется, забывая даже про весну. Вернее, все их движения были проникнуты чувствами, которые она приносила, птицы жили только весной и ей одной поклонялись.

Терпеливо дождавшись, когда самка утолит голод, самец принимался азартно приплясывать вокруг нее, с каждой минутой всё более наращивая темп танца. Журавль, конечно, старался очаровать свою подругу, сопровождая танец поклонами, приседаниями и неожиданными выпадами-прыжками, и это ему, похоже, удавалось. Обычно журавли решаются на такие откровенные ухаживания уже после выбора гнездового участка, когда весна вступает в полную силу, но не забывают при этом выставлять бдительных часовых, невозмутимость которых на фоне безудержного веселья танцующих собратьев невольно вызывает уважение.

Этих птиц было двое, и они так любили друг друга, что не обращали ни на кого внимания. Ведь они нашли друг друга не сразу, а после длительных мучений! Журавли, вероятно, догадывались о моем присутствии и великодушно терпели его, допуская, правда, лишь на безопасное для себя расстояние. И я старался не переступать этой невидимой черты, очень чутко воспринимаемой птицами, но журавли неизменно улетали, когда я пробовал приблизиться. Они не позволяли подобраться к ним вплотную, тактично напоминая о границе, которую переходить человеку все же не стоит.

Что-то во мне как будто обрывалось, когда вспугнутые мной журавли с пронзительным курлыканием поднимались над землей, делали в воздухе плавный разворот и размеренно удалялись в туманной утренней дымке за реку. Никакой неловкости при этом я в своих действиях не чувствовал, она подступала гораздо позже, а в душу вкрадывалась только сладкая неразрешимость от охватывающего вдруг забвения в этом огромном лесном мире и слитности с удивительными птицами, что дарили ощущение

бессмертия. Посещая каждый год глухариные тока, я всегда слышал журавлиное курлыканье, наблюдал из-за ветвей, как они кормятся, играют, и был счастлив.

Дружные тетерева

Обитая годами на какой-то территории, тетерева дружными стайками перемещаются по ней от одного березового перелеска к другому, независимо от того, потревожат их или нет. Временами они куда-то исчезают, так что местные жители о них даже забывают, но затем вновь объявляются в каком-либо колке, пугают грибников с ягодниками своим взрывным взлетом в конце лета и ублажают взор в печальную предзимнюю пору, когда усаживаются на тихие березы и замирают там красивыми черными силуэтами. Оседлая жизнь тетеревов незамысловата и проста, чуточку обаятельна по понятиям увлеченного лесом человека и даже отчасти таинственна, хотя тетерева у него почти всегда на виду.

Видимыми ориентирами для тетеревов всегда служат присадочные березы — наиболее удобные и любимые деревья, где птицам приятно сидеть, кормиться и время от времени поглядывать вокруг: не крадется ли лиса, не парит ли поблизости ястреб, способный камнем упасть на зазевавшихся косачей, не приближаются ли хитрые охотники на саях, которые будто бы едут мимо, а на самом деле норовят незаметно подобраться на выстрел... Ничто не должно миновать внимания тетеревов, которые самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить свое иссиня-черное атласное перо и неподражаемое белое подхвостье. А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Красота для самого тетерева — та необоримая сила, что побуждает самок на самое восторженное дело их жизни: вовремя устремиться на зов расфуфыренного весной петуха, перед которым невозможно устоять, на какой-то миг быть повергнутой его красочным платьем и любовным порывом, и затем понести в себе несколько будущих, таких же красноброво-синих жизней, призванных очаровывать всех своим весенним обаянием, продолжая тетеревиный род... В своей любовной игре петухи, кажется, трудятся даже больше самок, растрачивая всю энергию на поединки и стремление понравиться, тогда как тетерки, незаметно зачав, так же неприметно куда-то вскоре исчезают и появляются уже под осень. Но велик и благороден их невидимый труд по выведению потомства, которому предстоит когда-то украсить жизнь.

И осенью, и зимой, и в благодатное весеннее время тетерева украшают наши березовые колки, что выглядели бы без них безжизненными, немymi. Стоит хотя бы раз увидеть, как косачи взрываются в этих березовых крепях, тугими черными мячами стремительно удаляясь над макушками деревьев, и все в тебе встрепенется. Что-то такое же неведомое и стремительное проснется в твоей душе, яростно рванется за исчезающими птицами и словно

остолбенееет. Разве угнаться человеку за таким сокрушительным великолепием, слепленным природой из двух килограммов мышц, перьев и какой-то невообразимой нацеленности на бросок себя в пространство, а не полет?!

Но главная красота тетеревов — в их сплоченности, пусть небольшом табунке, но только чтобы вместе. А еще лучше в многоголовой, повергающей в сладостное оцепенение стае, вырывающейся из-под самых лыж, что заночевала еще с вечера в снегу, и ты ее неожиданно-негаданно разбудил. Стая взорвалась, осыпав тебя золотистыми искорками снега, взмыла в выстуженную синеву, но не улетела, рассевшись по березам, и лес сразу преобразился. Его оживила красота чудесных птиц, их удивительно приятная на вид тяжесть, как будто невиданные зимние плоды по мановению волшебной палочки украсили замершие деревья — и те очнулись ото сна.

Поздней осенью и ранней зимою охотники используют эту черту тетеревов — дружно подлетать на опушившиеся снегом березы, устраивают под ними удобные шалаши и прикрепляют к ветвям длинные шесты с суконными чучелами птиц, набитыми соломой. Тетерева один за другим присаживаются к такой нехитрой, но очень правдоподобной приманке и оказываются их легкой добычей. Даже зоркий ястреб-тетеревятник, не в силах разобрать подвоха, часто камнем бросается на неподвижно сидящих птиц и, зацепившись за грубую материю острыми когтями, повисает в бессилии вниз головой... Всегда непривычно наблюдать эту грозную птицу в таком поверженном и жалком состоянии!

Когда тетерева дружно переживают зиму под снегом, она — им за ночь. Перед самыми сумерками птицы, словно по чьему-то сигналу, валятся с берез в сугробы, и уже через мгновение кажется, будто их и не было. Лунка от лунки обычно отделена какими-нибудь полутора-двумя метрами, и независимо от количества голов в стае птицы ложатся очень кучно. Могут они разделиться при этом и на небольшие табунки, но все равно держатся одной потаенной просеки или полянки.

Однотонное шипение снега под лыжами всегда настраивает на определенный успокоенный ритм, и потому косачи, дружно взрывающие тишину полусонного зимнего дня, воспринимаются с холодящим душу восхитительным испугом. Птицы и укладываются на ночлег одновременно, и поднимаются на крыло тоже вместе. Такова их неистребимая тетеревиная суть, благодаря которой они еще живы и до сих пор радуют нас своим обаянием и силой.

Однажды мне попалась по-настоящему дружная стая, насчитывающая около сотни голов, и по теперешним временам ее можно было назвать огромной. Первый вспугнутый десяток, оторопело прорвавшись сквозь корку снега, с будоражающим шелестом крыльев взмыл в золотистый от солнца воздух, поначалу как-то недружно рассеялся, но уже через мгновение сбился в черный ком и, преодолев какие-нибудь полторы сотни метров, расселся на березах. Пользуясь маскхалатом, я решил тотчас подобраться к ним на

максимально допустимое расстояние, но не успел преодолеть и десяти шагов, как из-под снега, с таким же очумелым хрустом, поднялось уже две дюжины птиц. Эти тетерева, в отличие от первых, совершили в воздухе большую вытянутую петлю, пока уселись на те же деревья, что и их приятели. Они как бы оживленно переговаривались между собой, но быстро успокоились.

Очарованный увиденным и ощущая приятный трепет от нетерпения подкрасться к птицам поближе, я совершенно исключил возможность нахождения под снегом других птиц, полагая и такой табун вполне достаточным, и даже более того — поразительным, поскольку за последние годы не встречал более десятка тетеревов за один раз... И тут вновь тишину разорвал отчаянный треск крыльев, который смешался со стоящим в ушах шумом ранее сорвавшихся птиц, и вместе все это совсем сбило с толку, бросило в какое-то оцепенение созерцающего, а из-под аккуратных елочек, взметая радужные облачка мельчайшего инея, все поднимались и поднимались необыкновенные, ни с чем не сравнимые тетерева, мелькая в солнечных лучах чудесным белоснежным подхвостьем, как бы поддразнивая и изводя душу охотника своей недоступностью. И еще я непроизвольно отметил, что даже напуганные, со сна, тетерева не разлетаются в разные стороны, а устремляются от опасности одной дружной стаей.

Находясь в каком-то необъяснимом возбуждении и не в силах сдерживать себя, я выстрелил в воздух. Сухой протяжный треск прокатился над поляной, завязался где-то за дальним еловым бором, а тетерева тотчас снялись с берез и темной тучей, неторопливо, потянули в размытую зимним солнечным светом голубизну, вскоре окончательно слившись с ней. И стало немножко грустно.

Подобные встречи с тетеревами всегда очень приятны, случаются довольно редко и запоминаются на всю жизнь, но к ним нужно быть готовым, зная наверняка место ночевки, присадочные березы птиц или пути их перелетов с ночлега на жировку. Лучше всего подходить к тетеревам в сумерки, когда они уже спят, наверное, против ветра, желательно в глубокий снег, в котором птицы чувствуют себя более безопасно, и, наконец, в пасмурные дни, как ничто другое располагающие тетеревов к некоей заторможенности, замедленной реакции на шум. Если же птицы сидят на березах — лучше приближаться к ним с груди или сбоку, но ни в коем случае не с хвоста.

Переполненный радостным ощущением, как бы желая продлить удовольствие и удостовериться в истинности только что произошедшего, я тогда вернулся к лункам. Оставленные птицами, они в беспорядке темнели между елями своей уютной синевой. Ясные отпечатки крыльев по краям лунок создавали видимость полета, и ни на секунду не покидало впечатление от какой-то сокрушительной стремительности птиц. К каждой ямке тянулись, словно вылепленные, узоры нехитрых тетеревиных набродов. Уже порядком заметенные, они свидетельствовали о том, что тетерева провели под снегом после оттепели несколько дней.

Сабанеев в своем «Календаре природы» упоминает о реальной

возможности для тетеревиной стаи иметь два-три, а то и более излюбленных мест ночлега, где птицы обыкновенно ночуют из года в год. В каждом месте, по его мнению, тетерева проводят от двух до десяти ночей, смотря по тому, будут ли на нем потревожены. Самому мне никогда не приходилось в течение зимы или нескольких лет подряд поднимать птиц с ночлега примерно в одном и том же месте, и потому ясности в этом вопросе я для себя не обрел.

Вероятно, фактор участвовавшего беспокойства оказывает известное воздействие на образ жизни тетеревов, и они сами не представляют, что им принесет новый день, поэтому и место ночевки они выбирают как придется, вернее всего там, где их застигнет необходимость. К концу зимы, с началом постоянных оттепелей, а значит, и неминуемым затвердением снежного покрова ночами, тетерева начинают садиться в снег по чащам, где снег рыхлее, или прячутся под коряги и кусты. Но если снег в феврале мягкий, глубокий, тогда тетерева, как и прежде, ложатся спать на открытых пространствах, делают это по привычке рано, что можно использовать, побывав в гостях у птиц, и не раз, засветло.

Отбившиеся по каким-либо причинам от табуна тетерева ночуют в самых неожиданных местах, а потому всегда несколько ошарашивают, стронутые с ночлега, и ты начинаешь постепенно сомневаться в истинности их повадок. После таких столкновений всегда держишь себя настороже, и проходит долгое время, пока до тебя дойдет, что это всего лишь рядовое исключение из правил. И все-таки, в следующий раз ты вновь поддаешься на подложенный тебе природой подвох, веришь в то, что птицы выбрали своим временным убежищем именно эту опушку или край лесной дороги, что они вот-вот затрещат прямо перед тобой сильными крыльями по мерзлым березовым ветвям, удаляясь в только им ведомую даль, и сердце твое учащенно забьется... От тетеревов можно ожидать чего угодно.

Вообще тетерева, в силу того, что держатся дружными многочисленными стаями, склонны к обширным полянам с глубоким и мягким снежным покровом, с разбросанными по их краям густыми елочками, возле которых особенно любят устраивать свои домики. Словом, птицы предпочитают пространство в достаточной степени открытое и удобное к немедленному отлету в случае внезапной тревоги. За то, что тетерева чаще обитают в поле, а не в лесу, их и называют полевиками.

Вот и токуют тетерева, в отличие от тех же глухарей или рябчиков, вместе, на одной полянке, как будто боятся что-то утратить в себе, разделясь. Тетерева распускают веером лирообразные хвосты, волоча по земле широко распушенные крылья, устремляются навстречу друг другу и, вытянув надувшиеся шеи, пригибают головы к самой земле. Их алые брови, кажется, разгораются ярче зари, что незаметно подымается над лесом, бормотание то надвигается, то удаляется, а охваченные страстью птицы зачарованно кружат в преддверии яростной схватки.

И вот хлопанье сильных крыльев будто выводит птиц из этого оцепенения, тетерева приподнимаются, выпятив грудь, на мгновение

замирают, и в следующий момент начинает казаться, будто все это восхитительное видение с косачами, поляной и маленькими березками вокруг нее неудержимо отрывается от земли и летит. Тетерева вроде бы и мешают друг другу, сгрудившись на какой-либо делянке или старом покосе, но без этой дружной слитности нет тетеревов, нет тока, нет весны. Только в равном поединке с себе подобными птицами проявляется бойцовский, слаженный характер тетеревов, которые, на короткий миг превозносясь над своими собратьями, все-таки не в силах с ними разъединиться. Да и происходит это лишь весной, в остальную пору птицы дружны и неразлучны.

Дружным эхом разносится надо всей округой тетеревиное бормотание. Музыка, переливающаяся из одного колодца жизни в другой, а вместе они составляют гармонию, ту радость, что проявляется и наполняет тебя только весной. Дружная весна — один колодец, взбудораженные ей тетерева — не менее важное вместилище красоты, таланта и силы, сопутствующее ей. А еще есть высокие облака, безжизненное от апрельской нежности небо, сиреневые кустарники бузины и малины, только что открывшиеся от снега и оттого какие-то напружинившиеся, колючие. Дружно все, что составляет по весне пробуждающуюся жизнь, опять вознамерившуюся, кажется, перевернуть само свое существование.

И опять ты в лесу. Как будто не было долгого года, полного тревог и волнений. Опять будоражат твою душу замечательные птицы тетерева — красивые, чудесные, с трудом достижимые человеком в своей сплоченной устремленности и любви. Только счастья желаешь птицам, доброго потомства и завидуешь их неистребимому желанию находиться всегда вместе.

Правда, попадается порой какой-нибудь закоренелый одиночка и каждый год токует на одном и том же поле в гордом уединении. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки почему-то не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, как будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день — это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится знакомое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль...» Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев как будто забывается порой, или отвлекается на что-то не менее важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись — опять продолжает.

Одиночество, кажется, никак не влияет на него, и часто такой петух ведет себя очень своеобразно: бегает по полю, припрыгивает, выбирая самые диковинные позы, будто соревнуется с невидимым соперником. Но происходит подобное редко, и в основном тетерева держатся по весне целыми стаями или веселыми табунками. Тетерева — осторожные птицы, но в одиночку им не выжить. Рано или поздно такого отбившегося косача настигает коварная рысь или хищная лисица, поскольку никто не предупредит его в случае приближающейся беды. Один в поле не воин, и стоять всем за

одного и одному за всех гораздо сподручнее.

К концу августа тетерева обычно сосредотачиваются в березово-еловых колках, тяготеющих к старым лесным дорогам, как-то незаметно соединяющим собой большие лесные массивы. В это время птицы подпускают к себе близко, неожиданно взмывают свечой вверх и, преодолев верхушки невысоких березок, мгновенно ложатся на крыло, с шумом исчезая над лесом. Причем тетерева поднимаются в воздух не все скопом, как осенью или зимой, а поодиночке, в разделенной короткими паузами последовательности, и паузы эти иногда кажутся нескончаемыми.

Нужно стоять тихо, не шевелиться, и только тогда среагируешь на неожиданный взлет птицы, почувствовав его в полной мере. Сердце неудержимо стучит от ожидания следующего тетерева, который вот-вот сорвется, и эта разорванность, неожиданная разъединенность в поведении птиц представляется странной, несмотря на то, что они находятся вместе. Скорее всего, тетерева еще молоды, оттого и разобщены, но это не мешает выводкам упорно держаться в таких местах по многу лет, и покидать их без особой причины дружные птицы не собираются.

Тетерева пока не обрели свое исконное темно-синее платье, не сбросили рыжеватопегие и какие-то не настоящие сюртуки, и оттого разглядеть птиц на фоне еще не опавшей листвы довольно трудно. Хвосты их не до конца загнулись в лирообразные косицы, не почернели и, отливая шоколадной густотой, совершенно неразличимы среди побуревшей черемухи, липы и березы. Отправившись по грибы, неожиданно для себя вспугнешь, бывало, пару каких-то необыкновенно раскрашенных птиц и не сразу угадаешь в них молодых тетеревов... В дополнение к необычному оперению молоденькие петушки еще и ведут себя несколько необычно, и это тоже поначалу сбивает с толку, когда пытаешься определить, косачи- сеголетки потревожили грибной августовский покой, юные глухарята или, может быть, куропатки.

Быстро минует ранняя осенняя пора, листва срывается ветром, и тетерева становятся хорошо заметны... Теперь они почернели, округлились и увесистыми грушами висят на березах. Тетерева прилетают на них только затем, чтобы поживиться березовыми почками и, склевывая их, неспешно коротают тягучее осеннее время. Нет для них в эту пору корма слаще!

Прибывают тетерева на кормежку неизменно с одной и той же стороны, тотчас, как окончательно наступает рассвет, и могут просидеть на деревьях целый день, если их никто не потревожит. Время от времени птицы настороженно поглядывают по сторонам и опять неторопливо принимаются за свою нехитрую трапезу. Вся забота для тетерева сейчас — себя сохранить, чтобы весной своими песнями жизнь прославлять, потому, как за зиму он столько снов под снегом насмотрится, что впечатлений на весь год с избытком хватает!

Но пока зима не укрепилась и снегу еще нападало мало, тетерева живут оседлой успокоенной жизнью вблизи полей и перелесков, где в обилии произрастает береза — любимое дерево тетеревов, несмотря на то, что они не

прочь поклевать перед зимой оставшихся на стерне зерен. Их не увидишь на сосне или пихте, редко — на ели и осине, а за обычай тетеревам именно березовые леса.

Даже среди людей береза всегда подразумевала согласие, тогда как сосна, ель и дуб — отказ. Что уж говорить о птицах, которым береза никогда не была угрозой: где она стоит, там и шумит, да еще кормит тетеревов всю холодную пору — с поздней осени до первого весеннего тепла.

Тетерева подлетают на березы всегда внезапно и почти бесшумно. Вдруг что-то неуловимое заставит тебя поднять голову и удивиться той стремительности, с которой появляются эти ладно скроенные природой птицы. Тетерева летят наподобие утки, часто взмахивая легкими и упругими крыльями, обычно невысоко над землей и очень целеустремленно.

В полете птицы всегда кажутся несколько взбудораженными, но стоит им обсесться, да осмотреться на березе, и они опять становятся самими собой. Шелестящие ветви берез, их вкусные почки дают тетеревам силу, которую слагает и крепкий лес, и обильные ягодники, и родниковая вода. Но без березы, укромно замершей на краю какого-нибудь перелеска, вдающегося мягким клином в убранное поле, а затем и вовсе присмирившей с появлением снега, трудно представить себе тетеревов.

Сидят тетерева шеей против ветра, всегда на слуху, будто чутко подстерегая кого-то, и, завидев издали приближающиеся сани или идущего к ним человека, особенно настораживаются. К ним не подобраться даже очень опытному охотнику, и требуется отменное знание данной местности, поведения птиц и какая-то особенная природная изощренность, чтобы усыпить внимание тетеревов. Тетеревам ничего не стоит в любой момент дружно сорваться и так же дружно переместиться туда, где им будет спокойней. Там они вновь усядутся на березы, осмотрятся и начнут клевать свои любимые березовые почки. Сидячий стоячего всегда перетянет.

Ближе к зиме тетерева хорошо различимы на холодно-сиреновом фоне сливающихся веток, и они очень оживляют застывший предзимний пейзаж. Какой безликой казалась без них совсем недавно заснеженная пустыня, каким беспросветно одиноким представляется собственное нахождение среди примолкших березок и черных недвижимых елочек! И вот, в одно мгновение, все может перемениться: задышит, задвигается, затрепещет... Или это в тебе самом закипает примолкшая было жизнь, разбуженная неподражаемыми и удивительными птицами.

Замечено, что когда снег на деревьях заиндевет, а происходит это обычно в начале ноября, тетерева всегда подпускают ближе обыкновенного. К ним можно подойти на верный выстрел, как это позволяет, к примеру, рябчик. Тетерева сидят невысоко над землей, так что их сразу и не увидишь, и когда срываются, у тебя возникает ощущение, будто поднялись птицы, разбуженные на лунках.

Вот и эти семь черно-бурых косачей, встреченные мною под утро, также незаметно снялись с берез и, плавно развернувшись в перламутровом

недвижимом воздухе, уверенной вереницей потянули над лесом. Вскоре, на значительном расстоянии от них, промелькнул среди застывших верхушек еще один косач и куда-то исчез. Поначалу я не обратил на него внимания и только удивился про себя: что он мог делать там, на таком удалении от других тетеревов, один, и куда самым неожиданным образом пропал?

По опыту зная, что часть тетеревов может оставаться где-то неподалеку, я снял на дороге лыжи и, стараясь ступать по глубокому снегу как можно мягче, направился к тому месту, откуда только что сорвались птицы. Но, не сделав и пяти шагов, вынужден был замереть от очередного замешательства: с приятно похрустывающим шелестом вспороли застоявшуюся за ночь тишину еще восемь косачей и, в точности повторив маршрут предыдущих птиц, быстро исчезли из виду.

Вернувшись на дорогу и продвинувшись по ней полсотни метров, я неожиданно выяснил причину странного появления, а затем и исчезновения одинокого тетерева. Толстый и круглый, он сидел по левую сторону дороги на самой высокой березе, возбужденно покачиваясь и что-то бормоча себе под нос. По всей вероятности, это был тетерев-сторожевик, во время кормления птиц внимательно наблюдавший со стороны за всей округой, и, когда сорвалась первая партия, он незамедлительно переменил свой наблюдательный пункт, перелетев и усевшись поближе. Даже вторая группа поднявшихся косачей не испугнула его, так как, следуя своему долгу, этот тетерев должен был выявить и проследить причину возникшей тревоги до самого конца, а уже потом переместиться за остальными.

Маскхалат надежно скрывал меня среди заснеженного пространства, что позволяло свободно наблюдать за поведением дотошной птицы. Тетерев никак не мог понять, что же на самом деле взбудоражило кормящуюся стаю, и, не в силах одолеть это свое непонимание, выглядел со стороны очень забавно. Наконец, удостоверившись, что ничего серьезного его собратьям вроде бы не грозит, тетерев, сложив крылья, сорвался с верхушки дерева вниз и, прочертив над поляной плавную линию, скрылся за глубоким логом, спускающимся к замерзшей речке.

После того как тетерева улетели, он просидел на березе не менее двух минут, и я подумал о не предполагаемом ранее чувстве ответственности у этих птиц, которая рождается, наверное, из переживания ими своей беспредельной свободы, призванной между тем пристально себя оберегать. Мне вдруг стало грустно и в то же время хорошо от того, что в лесу живут замечательные птицы, которые равнодушны и с такой преданностью умеют заботиться друг о друге. Это было удивительно, но вместе с исчезнувшими из тихого зимнего утра тетеревами пропало что-то очень надежное и трепетное, без чего обходятся не менее замечательные рябчики и глухари. А вот тетерева не могут, поскольку, где потеснее, там и подружнее.

Тетеревов дружат согласное восприятие опасности, их не хитрый быт и еще какое-то неуловимое состояние дарованной от природы спаянности, без которого, наверное, они не в силах представить себя отдельно. Впрочем,

птицы всегда так слитны, что о какой-либо разъединённости даже не помышляется. Вместе спят, вместе кормятся и вместе с самозабвением встречаются весну, несмотря на свой боевой дух.

Тетерева дружны с весной так же, как и с зимнею порой, их не напугаешь осеннею непогодицей и мучительной сменой пера в летнюю пору, которая на время разъединяет птиц, но ненадолго. Стоит только первому зазимку прихватить березовый лист и подрумянить клюкву с брусникой, как тетерева дружно семьей высыпают на ягодники. Нравится птицам, когда им и так хорошо, ощущать еще и присутствие своих собратьев: золотисто-пегим курочкам — иссиня-бархатных петухов, горделиво-осторожным самцам — чутких самочек. Держатся дружно бок о бок, друг за другом приглядывают и наслаждаются благодатным осенним покоем.

Ведь только в дружбе правда и для людей, и для зверей, и для таких замечательных птиц, как тетерева. И они, конечно, понимают, что кому счастье дружить, тому и долго жить, и какову дружбу заведешь, такову и жизнь поведешь. А она у тетеревов еще как дружна, ибо дружно — не грузно, а врозь — хоть брось.

Ночной гость

Лес находился в предутренней глухой дреме. Не было слышно ни звука. Вязкий сон не отпускал до конца и меня: не верилось, что в этой мертвой тишине могут возникнуть какие-либо голоса, тем более пение такой таинственной птицы, как глухарь. В какой-то миг показалось, что утро даже может не наступить: безжизненность воздуха притупляла восприятие, не давая воли воображению, сковывала.

Именно поэтому мягко прохрустевший и тотчас растаявший где-то в глубине леса звук показался неестественным,стораживающим. Сознание все еще не могло опомниться от сладкого забытья весеннего дня, но, тем не менее, чутье было обострено, впитывая любые шорохи. Изредка потрескивая, кто-то неторопливо приближался к опушке, и вместе с приближением этого неведомого ночного гостя возрастало неясное напряжение.

Застоявшийся воздух был до предела насыщен смутной тревогой. Казалось, в следующее мгновение должно что-то произойти, и ожидание этого неведомого подступающего, уже совсем близкого, приятно завораживало.

И вот на дальнем конце поляны зароились просачивающиеся сквозь ветви сумерки, навстречу плавно заколебалось и поплыло все более увеличивающееся темное пятно. Зловеще-отрешенной, мерно раскачивающейся походкой вышел на опушку крупный медведь, кажущийся в этот ранний час ядовито-черным. Пагубность его неспешной походи заключалась в том, что весь облик медведя напоминал большую мохнатую гусеницу, которая, словно вынужденная, не зная зачем, все время двигаться, успела приобрести неприятную изошренность. Вот именно она и околдовала меня в медведе.

Зверь еще какое-то время не воспринимался серьезно, был нереален в

своем неожиданном появлении, как приснившийся среди ночи дивный сон, удающийся при жизни, может быть, только раз. Осторожно ступая по прошлогодней щепе и сучьям, медведь вразвалку направился к осиновой поленнице в противоположном конце делянки. Брел он к ней равнодушно, как бы желая лишь удостовериться в ее прежнем нахождении, и мимолетом поразила мысль, что медведь почему-то не чувствует меня, а если и угадывает присутствие чужого, то никак не обращает внимания. Все это было удивительно.

У поленницы медведь, низко опустив голову, начал нехотя принюхиваться. И тут я вспомнил, что прошлым вечером, придя со станции и разбирая рюкзак, я выбросил в ту сторону испортившуюся ливерную колбасу, запах которой, видимо, и привлек зверя. Поводя мордой и чуть слышно пофыркивая, он быстро разделался с ней, а затем как-то неприметно и ловко развернулся, так что сразу оказался в каких-нибудь десяти—пятнадцати шагах от избушки. Вновь низко прижав голову к земле, медведь остановился и настороженно повел носом в мою сторону.

Темный мех его мягко колыхнулся при этом, и на какое-то затяжное мгновение почудилось, будто зверь совершил прыжок. Я обмер от одного осознания возможности подобного, и тут же в нос ударил его крепкий утробный дух. Меня вдруг охватило чудное ощущение близости к звериной жизни и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь разбудил во мне что-то очень глубинное, почти неизведанное. Так остро человек нуждается в нем и как редко оно приоткрывается ему...

А медведь не уходил, он только повернулся ко мне широким чернеющим боком, который, конечно, не было возможности разглядеть: все внимание, очарование и исступление от близости зверя сосредоточились на самом его присутствии, оголенной реальности происходящего. Вероятность гибельности этого присутствия витала перед избушкой, копошилась холодящим восхищением в душе, сердце сладостно и робко замирало.

Медведь, кажется, что-то почувал, но был, словно усыпленный предутренней тишиной, развалист и дремуч. Ему незачем и некуда было спешить, все необходимое он мог без труда отыскать для себя в возвращающемся к жизни лесу. Не избалованное обилием летних запахов восприятие зверя было притуплено, оно еще дремало, и требовалось, по-видимому, какое-то осязаемое раздражение, чтобы растревожить его. В эту пору медведю будто суждено бродить отрешенным лесным путником по глухим потаенным отрогам, изредка выбираясь вот на такие молчаливые поляны, и его неведомая звериная душа была загадочно темна.

Я сидел не шелохнувшись: в нескольких метрах от меня замер лесной исполин, а вокруг незаметно рождалось многообещающее весеннее утро. Сонно роящиеся сумерки — самые гибельные и затяжные перед тем, как уступить открытому чистому свету, в этот час еще надежно скрывали зверя, и он не чувствовал никакой тревоги. Судьба благосклонно дарила мне лесное утро с медведем, и это казалось таким неожиданным, что я даже не успел

толком ощутить своего счастья. Лишь восхитительно щемящее оцепенение, неловкая боль в груди и таинственное забытие от этого маленького кусочка лесной жизни, застигнутого мною врасплох.

Так, с обмершим и удивленным сердцем, смутно помня себя, вбирал я душой увиденное, не зная, что становлюсь умнее и терпеливее. Неожиданно насторожившись, видимо что-то почувствовав, вполоборота повернувшись в мою сторону, медведь выражал собой частицу той таинственной и желанной жизни, что постепенно обретала для меня очень важное назначение. Тем более обидно было вспугнуть это приключившееся лесное откровение, не оставив ему никакого завершения.

Неловко подавшись плечом к старому дверному косяку и еле уловимым звуком разверзнув затаившуюся тишину, я, кажется, безвозвратно обделил себя чем-то большим и нужным, напрочь сокрушив воцарившуюся было гармонию.

Как я позволил себе шевельнуться в эту сокровенную минуту?! Отчего не набрался воли и должного трепета в своем потаенном наблюдении?.. Может, это ночь, уходя, вспугнула мое сердце, в предрассветном последнем движении гулко и отчаянно толкнула его, так что волнение передалось зверю, и хлынул между деревьев серый свет, и пробудились в их кронах птицы.

Медведь вмиг пришел в себя от привольного ночного покоя, размашисто вскинувшись, ринулся в глухой кустарник, но не нашумел, а проскочил сквозь него на удивление легко. Беспрепятственно преодолев сухие заросли малинника, зверь угодил в топкое болото и прошел его так же бесшумно, только пару раз чмокнув при этом застоявшейся тяжелой водой.

Почти не оставив после себя никаких звуков, медведь растворился в ускользающей темноте — как будто его и не было. Придя в себя, я вдруг ощутил неизъяснимую утрату, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося сновидения.

В народе утверждают, будто увиденный во сне медведь — грубое, злое и страшное предзнаменование. Ну, а если зверь приходит к тебе наяву?!

Весенние шарманки

Еще до конца не истек снеговой водою молодой братец- апрель, не прилетели с юга наши любимые птицы и только-только выклюнулись в редких проталинах долгожданные подснежники, а все болотца, озеринки и лужицы уже до отказа забиты лягушачьим студнем-икрой. Стояла бы влажная весна, да было бы доброе болото, а лягушки никогда не переведутся!

Лягушка встречается везде, и всем она хорошо знакома, но в разных местностях ее зовут по-разному: лягуха, лягуша, ляготка, лягва, скакуха, квакуша... А иной раз просто: болотное четвероногое земноводное, что передвигается прыжками. В народе лягвой прозвали неуклюжую и плоскую рыбу-чёрта, лягливую лошадь и еще род потешного огня, пускаемого на воду, навроде шутихи. Даже непросушенная лужа, обычная колдобина, яма с водой

или мочажина с лывами,— словом, менее топкое болото, чем тот же кочкарник, заваленный перегнившим сором, называлось не иначе как ляга. Нечто очень близкое самой лягушке, обитающей в подобной среде.

Весь весенний вечер напролет, а затем и всю ночь квохчут лягушки на луну, глаза свои немигающие таращат, пыжятся, и вид этих животных при лунном свете самый завораживающий. Ни дать ни взять таинственное лесное чудище! Но как ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

В народе отчего-то издавна ходило поверье, будто лягушка квохчет, когда свой недуг тешит, но какой у лягушки недуг, кроме отсутствия тепла и влаги? И того и другого у нее по весне в достатке. Лягушка всегда в свое время голос подает, если родное болото под боком, а самец находит себе самку. Странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер дружного квохтания лягушек.

Молчание лягушек послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Ежели в который год лягушка не квакает, поучали старики, то будет голод. Да вот и в холерный год лягушкам не пелось: они обычно в худую пору немели.

Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-а, сеять, пор-ра, ква-а-ква-а, сеять...» В народе про это говорили так: «Лягушка квачет — овес скачет». Покуда лягушка с голосом — успевай сеять овес.

С кваканьем лягушек даже связывались удоиность коров и урожайность хлеба. Если весною лягушки заквакали в скоромные дни, летом коровы будут давать много молока. Коли же лягушки заквакают и опять замолкнут — от холодов, то выйдет такая же помеха и хлебу. А вот когда лягушки «затурлычут» по лужам, это значит, что в самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая вальдшнепиная тяга.

Еще лягушки квакают к дождю, но к сильному ненастью сидят на дне, а к вечеру поднимаются на поверхность. До первой грозы лягушка обычно не квакает, потому, как жизнь ее по весне связана с громом. Ударил гром, и лягушки ожили, уже спаренные, возбужденно запрыгали, посверкивая скользкими спинками. Во множестве сидят они теперь по берегам и дорогам, с любопытством высовываются из воды... Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего его угадать по нашим лягушкам.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает невероятной силой... Это тем более неправдоподобно, поскольку тела у них небольшие, тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удастся сомкнуть глаз. Виной тому мощные резонаторы лягушек, которые усиливают звучание их брачных песен.

Когда лягушки кричат, пленка, которая выстилает ротовую полость, выпячивается в углах рта наружу и по бокам головы вздуваются два полупрозрачных пузыря. Их стенки резонируют, и звук, возникающий в

голосовой щели, усиливается. Когда же брачная трель завершается, голосовые мешочки сдуваются, и лягушка снова принимает обычный облик. По-настоящему, в полную силу, голос у лягушек начинает звучать лишь по достижении ими половой зрелости, то есть в свою первую весну.

Но самая громогласная лягушка живет не у нас, а в Северной Америке, и зовут ее лягушка-бык. Мало того, что она громко квакает, так она еще и настоящий гигант среди лягушек и достигает сорока сантиметров в длину. По утверждению очевидцев, голос ее слышен аж на несколько миль! С удовольствием выказывая таким образом все свои музыкальные таланты, лягушки эти квакают всю ночь без перерыва и, наверное, могут довести до отчаяния слабонервного человека, живущего поблизости от их местонахождения. А вот в тропической Америке водится лягушка под названием глазастый свистун, которая испускает очень короткий и высокий звук, будто кто-то и в самом деле зовет свистом собаку или человека. Среди же жаб, в обилии проживающих по берегам водоемов, встречаются и такие, голос которых отчасти похож на скрип двери...

Несмотря на то, что жабы крупнее лягушек, они обладают довольно нежным стонущим голосом. Знатки уверяют, будто жабы выводят вот такие мелодичные трели: «уоэк-уоэк-уоэк, урррррр-урррррр-урррррр». Жабьи трели и кваканье звучат лишь в период размножения, в остальное же время они не тратят силы на пустое сотрясение воздуха. Скромное жабье урчание несравнимо с бурными лягушачьими концертами.

Отойдешь вечером от костра к болоту, остановишься на его берегу и тотчас отовсюду, будто из-под земли, послышится уже не урчание, а отчетливое клокотание: «кло-кло-кло-о-акс-с! кло- кло-кло-о-акс!» Замерев, хочешь отыскать источник этих небывалых звуков, сразу не подумав на лягушек, то и дело оборачиваешься, но чем пристальнее вслушиваешься, тем более теряешься: вот клокотание доносится откуда-то издали, а через мгновение совсем рядом, спереди, сзади, прямо у тебя под ногами. Делаешь шаг навстречу — и звуки будто отодвигаются в сторону или совсем прекращаются, пройдешь несколько шагов вперед — и за спиной вновь возобновляется необычная звуковая дорожка. Это — лягушки.

Лягушки так ловко прячутся в болотной траве, что доискаться их невозможно, а тем более увидеть. Даже увлеченные своей брачной музыкой, они улавливают шаги человека издали, тут же замолкают и как сквозь землю проваливаются. Все проточные болота с мелководьями в это время забиты студенистой икрой: повсюду разносящаяся первозданная музыка есть результат лягушачьего жизнетворчества.

Клокочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце заходит, а гул над болотом только еще более ширится, растет и к ночи уже течет над землей сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещеголять даже тетеревов.

Весна и лето для лягушки — это веселая и шумная жизнь, полная удовольствий, зима же — непробудная спячка на дне, в холодном иле. Весенним вечером, куда бы ты ни обернулся, ото- всюду доносится: «ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк-к...» Тысячи лягушек сидят по берегам, плавают, ныряют, — словом, ликуя, приветствуют долгожданное время, когда можно вдосталь наслаждаться жизнью. «Брекеке! Брекеке! Брекеке! Коакс-туук! Коакс-туук! Коакс-туук! Брекеке- коакс! Ква-а-а, ква-а-а, ква-а-а...» — все более учащаются их переливчатые трели, вслушиваясь в которые, только умиляешься от утверждающейся повсюду весны. Эти забавные животные не могут не нравиться, и потому кваканье лягушек так же уместно для весеннего вечера, как и пение соловья.

Если до наступления сумерек лягушки ведут свои «партии» вразнобой, то с темнотой начинается общее, повальное кваканье. В течение всей ночи кваканье нарастает и завершается порой под самое утро. Но даже потом какая-нибудь из лягушек нет-нет, да и произнесет свое вибрирующее «ква-ар-ква-ар-ква-ар...», не в силах, должно быть, дотерпеть до вечера. Весенняя ночь благодаря такому активному лягушачьему присутствию становится только богаче.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же бляение долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкое пересвистывание мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и призывающих самок, — остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, еще по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, слышится пощелкивание глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное побулькивание, которое, между тем, никому не досаждало и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня — это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

От переживаемых эмоций некоторые из них, например, американские жабы, умудряются издавать звуки наподобие свирели, тогда как японская веслоногая лягушка поет даже как птица и ее специально держат дома для услаждения слуха. Не то что наша прудовая квакуша, которая способна лишь громогласно призывать своего возлюбленного, метить территорию, давать сигнал о высвобождении икры и просто кричать от ужаса, когда ее хватят цапля или барсук.

«Не поет, так свищет, не пляшет, так прищелкивает», — лучше и не скажешь о лягушках, которые, кажется, обижены Богом во всех отношениях,

но не желают с этим мириться. Конечно, лягушка поет, что нищего за суму тянет, но, как говорится: голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, потому как они не в силах сдерживать своих чувств. Все, что дано лягушкам, — это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?

Правда и то, что лягушки поют каждая на свой лад: одна — басом, другая — баритоном, а третья — дискантом. Вместе получается настоящий лягушачий концерт. А лучше — шарманки, веселые, милые, хоть немножко и надоедливые, что не прекращают своего звучания в течение всей весенней ночи. Лягушки одаренными музыкантами никогда и не были, в природе встречаются исполнители куда более талантливые, но, все же, лягушкам следует отдать должное почитание, ибо у каждого певца, даже если голосу нет, душа поет, и у лягушки она в эту пору, кажется, просто разрывается.

Именно шарманка, как никакой другой инструмент, напоминает звуки, издаваемые по весне лягушками. Есть в ней нечто схожее с неприхотливой музыкальностью лягушачьего кваканья. Некая, присущая и лягушкам и шарманке, ненадоедливая монотонность.

К тому же на валике шарманки можно было «записать» только одну пьесу, из всех же качеств звучания передавались лишь звуковысотность и ритм, что и сообщало нежному и мягкому звуку шарманки некоторую «застылость», — отсюда заунывное пиликанье, не лишённое, впрочем, обаяния. Так и лягушки что-то бормочут весь вечер напропалую, а затем еще и ночь, и их терпение, должно быть, объясняется неудовлетворенностью от собственной незначительности — ведь лягушку никто всерьез не воспринимает, исключая только тех, кому она идет на обед.

Но до чего же хорошо, наверное, быть по весне обыкновенной лягушкой! Сидеть по самые глаза в теплой воде, вожаделенно взирать на окружающий и очень желанный для себя мир и пускать пузыри. Утробно уркая, пузыри растут, медленно отрываются от лягушки и постепенно сбиваются в целые гирлянды, напоминающие ее икру. А поскольку лягушек много, то все болото или лужица покрывается мутноватой пузырящейся массой, которая то и дело лопается, и от этого чудится, будто шелестит прибрежный камыш. Лягушки же, чуть высунувшись из воды, упорно продолжают нагонять свою воздушную пену и сквозь нее представляются какими-то нереальными земноводными, появляющимися только в весну.

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится: «ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур- ур-ур-р...» Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат — словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через нее воздух: воздух превращается там в большие пузыри, которые с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение — будто неведомо кто сердится или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

А то чудится, будто где-то вода переливается через край... Весенняя, она обильна, шумна и звуки ее доносятся отовсюду, как и ворчание лягушки. Впрочем, нельзя сказать, что лягушка ворчит, потому что ворчат обычно невнятно и всегда себе под нос, а лягушка больше воркует, чем ворчит. Она издает ненавязчивые, вкрадчивые и нежные звуки. И правда, разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоедливо?! Нет, скорее оно приятно слуху и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как бы ненастоящая, а радость неполная.

Весна бывает разная, и в зависимости от того, какая она, и лягушки подают свой голос по-разному. Порой случается весна, когда лягушек вроде бы и не слышно, но уж если они разворкуются, то не уймешь. Причем лягушки издают не сердитый, а вкрадчивый голос, свойственный лишь благостному настроению, расположенному к удовольствию и беспрепятственному размножению. Они не брюзжат, а превозносят и болото, и весну, и собственное незамысловатое существование, не требующее ничего, кроме возможности просто быть. И если говорят, что худое молчанье лучше доброго ворчания, то это не о лягушках. Звуки, издаваемые разными лягушками, а их в нашей стране насчитывается более двадцати видов, невозможно ни запомнить, ни с достаточной точностью воспроизвести: они удивительно многообразны. Даже у одной жерлянки или какой-нибудь чесночницы их несколько, к тому же лягушки издают звуки с учетом той обстановки, которая их окружает. В пору размножения, например, брачные крики самцов — это средство распознавания своих собратьев и привлечения самок. В свою очередь у самок существует особый сигнал облегчения, когда они выметывают последнюю икру.

Вполне допустимо, что лягушки могут квакать от испуга или даже кричать, испытывая смертельный ужас. Когда журавль схватит лягушку, она верещит скрипучим голосом до тех пор, пока он ее не заглотит.

В отличие от многих птиц и зверей, которые регулируют плотность своего населения и строго следят за облюбованной для себя территорией, лягушки стремятся быть во время тока вместе. Причем чем больше их соберется на каком-нибудь болоте, тем больше самок они привлекут. В брачный период, то есть в конце апреля — начале мая, на некоторых лесных водоемах можно наблюдать сотни самцов, и в этом случае их голоса сливаются в сплошной булькающий гул, разносящийся по всей округе. Одним словом, лягушки предпочитают петь хором, а не солировать в одиночку, и потому весенние брачные крики помогают им сосредоточиться, что благоприятствует развитию икры.

Икра должна попасть в стоячую и хорошо прогреваемую воду, для чего лягушки собираются не только на болотах, но и в канавах, в прудах и в заводях рек. Места их тока, как и у глухарей, бывают постоянны, и, если благоприятные условия не меняются, лягушки посещают их из года в год, каждую весну. К местам размножения они перемещаются обычно ночью,

выбирая для этого еще не просохшие лесные дороги.

Со всех сторон устремляются к клокочущим самцам рыжеватые самки. Они прибывают на ток позднее и ориентируются по призывным голосам самцов. Самцы же все время перемещаются, то направляясь друг к другу, то расплываясь. По всему видно, что лягушки ищут встречи.

Бывает, еще по темноте отправишься за дорогими сердцу глухарями, спросонья спотыкаешься о смерзшиеся земляные комья, ноги то и дело поскользываются, и, вконец вымотавшись, засветишь прихваченный с собою фонарь. Желтовато- расплывчатый в весеннем роящемся воздухе луч тотчас выхватит из темноты одну буроватую спинку, другую, третью, и так целый шлейф, до бесконечности, в своей замершей лягушачьей сосредоточенности. Лягушки попадаются почти на каждом шагу и, освещенные, будто окаменевают.

В своих замерших позах лягушки напоминают непроницаемых восточных божков, и их вечно раздувающиеся подбородки сейчас почему-то не вздрагивают. Лягушки даже не мигают, когда начинаешь рассматривать их вблизи, и с ними можно делать что угодно. Им, видно, очень сладостно переживать происходящее в природе торжество, и они, со всеми своими лягушачьими потрохами, погружаются в умопомрачительное весеннее блаженство.

При приближении к лягушкам они резко перестают урчать и остекленелым взглядом долго провожают твои шаги, а когда ты достаточно удалишься, вновь продолжают свое утробное бормотание. Не надрывное, не недовольное, вроде бы даже равнодушное ко всему, оно между тем полно жизни. Только проснувшись, но еще до конца не осознавшая себя жизнь уже достаточно настырна и в этой своей туповатой устремленности даже несколько неприятна. Неприятна тем, что большинство лягушек сидят попарно, будто сросшиеся в любовном экстазе, а некоторые и по трое. Хочется поскорее миновать это бородавчатое мокрое сплетение, и почему-то с недоумением вспоминается, как в деревнях хозяйки, чтобы не скисло молоко, опускают в него на ночь такую склизкую, неприятную на вид лягушку.

В народе говорят, что весной лягуха на лягухе ездит, а то и по две на одну усядутся. Это — самцы, которые обжимают самку для быстрее освобождения ее от икры. Объятия бывают такими пламенными, что нередко самка околевает. Стремление же самцов к спариванию неистребимо, и они возбужденно призывают самок, ищут их, а обнаружив, уже не отпускают. Неисповедимы пути любви, тем более лягушачьей...

Очень скоро лягушки надоедают, и ты уже только стараешься не наступить на какую-либо из них, отчего начинаешь сбиваться с шага, и это понемногу раздражает. Ужасно не хочется именно раздавить безобидную и в общем-то беззащитную лягушку, суеверно связывая с ней возможное невезение в будущем. Вездесущие лягушки отвлекают твое внимание, сбивают дыхание, и ты просто стараешься забыть о них, сворачивая на сырую

обочину. Еще пройдет немало времени, прежде чем неутомимые земноводные преодолеют свой нелегкий путь, не окажутся при этом добычей какого-нибудь зверя и не попадут под колеса мотоцикла, а все же достигнут ближайшего болота или канавы и дадут свое многочисленное потомство. Только затем, в полном лягушачьем удовлетворении от сотворенного, они успокоятся.

Но это все потом, когда отшумит весенняя вода, растопят оставшийся снег чистые апрельские дожди, отгремят первые майские грозы... А пока всеобщая лягушачья какофония! По логам, по борам, по болотам — везде можно в эту пору встретить обыкновенную лягуху, как ее часто называют в народе. Кроме чертей и водяного, только лягухи еще водятся в тихом болоте.

«Святи не святи, а оно все в болото лезет», — говорят обычно про поросля, но кто еще так любит грязь, как лягушка!

«Купили воз болота» — это про лягушачье семейство в народе замечено, что облюбовало болото весной и уже не покидает его до самой осени. «Тут такое болотище, что и не вылезешь!» — с удовольствием заявили бы лягушки, если бы умели говорить.

Кстати, лягушке желательна не просыхающая грязь, то есть низкое место, постоянно заливаемое водою, чаще — родниками, отчего и образуется болотистая растительность и кислая почва, — словом, болото. Болото бывает твердое, если близкая подпочва тверда; топь — глубокое и вязкое; кочкарник — с нарощими, часто плавающими кочками; моховина — если мох глушит иную растительность; окончатое — с глубокими окнами, разводьями-озерками; торфяное — толсто, глубоко заросшее тиной, постепенно образующей торф; трясина — если зыбучая жижа заросла наплавным слоем, коркой, а еще тростниковое — покрытое кустарником и камышом, и чистое — болото обыкновенное, без зарослей... С зарослями, или с лягушачьей травой, называемой брылена, болото для лягушек самое что ни на есть отменное.

Иной раз привольным майским вечером взбормочет, кажется, всё болото и воздух задвигается, забулькает на разные тона, загундит... Не скоро различишь, что это: вкрадчивое бормотание, вожденная воркотня, утробное урканье или голое турлыкание?! Вслушиваешься пристально, даже к самому болоту подойдешь, а водяной гул только усиливается: пуще прежнего перекликаются между собой лягушки, ничего вокруг не замечая. Только они, весна и родное болото.

...Весенняя ночь тепла, укромна, все в ней ненадолго угомонилось и замерло, — не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-уррр, ур-ур-уррр, ур-ур-уррр-рр---» — это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как бы волнами, удивительно органично сочетаясь и взаимодополняя иные весенние звучания. Например, отдаленное клокотание тетеревов, которое тоже наплывает отдельными, причем неравномерными, потоками. То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки и, кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землей и унести в неведомые весенние дали: так

безоглядно отдаемся мы их околдовывающему звучанию!

Земля же вся парит, благоухает пряной сыростью скрытых в темноте овражков, и запах этот до боли ударяет в нос, после чего выступают слезы. На душе становится жарко, как-то даже неопратно, и ты несколько теряешься в переполняющих тебя чувствах. Но лишь на мгновение забывается душа, пока тревожащий ночной холодок не обдаст лицо и руки и не поманит за собой. Куда-то он приведет, если отдаться на его волю беспрекословно, не сдерживая себя, а как придется?! Должно быть, к чему-то замечательному, такому же восторженному и проникновенному, как незабываемые трели лягушек, что умудрились своим настойчивым и вольным существованием однажды допроситься у богов самого царя!

Да, лягушка по-своему замечательна и, как сказал о ней один знаменитый биолог: она гораздо больше, чем лягушка. Во-первых, лягушка — самое удобное лабораторное животное, признанная царица эксперимента, заслуженно заработавшая это звание миллионами жертв своих собратьев, принесенных на алтарь науки. Во-вторых, если заглянуть вдаль времен, можно прийти к неожиданному выводу: первыми живыми звуками, некогда раздававшимися на континентах, были концерты лягушачьих предков и, возможно, наша речь — это кропотливо измененное и отшлифованное эволюцией кваканье древних земноводных. В-третьих, на Западе в большой цене задние лягушачьи лапки, из которых изготавливают соответствующие консервы, для чего даже специально разводят лягушек. В-четвертых, одна лягушка за лето съедает в среднем более тысячи вредных насекомых, а некоторые из них закусывают как раз теми вредителями, которых не трогают даже птицы. И, в-пятых, благодаря слизи, которая не дает развиваться микробам на влажной коже, лягушка поддерживает в чистоте свое платье, и именно из-за этого родился деревенский обычай — пускать лягушек в молоко, чтоб не скисло: слизь мешает молочнокислым бактериям делать свое дело. И еще: слизь страшна не только микробам, она способна вызвать паралич задних конечностей у крыс, обморок у птиц, временное отравление у собак, то есть является для лягушек успешным средством защиты.

К слову сказать, у каждого животного существуют какие-то приемы, которые служат ему для защиты от врагов. У одних это острые, как бритва, когти, огромные сильные крылья, мощный загнутый клюв, у других — схожая с местом обитания окраска или быстрые ноги. В Колумбии же обитает крохотная, в длину менее пяти сантиметров, лягушка, яд которой, возможно, самый сильный из всех ядов лягушачьего царства. Индейцы брали иногда эту лягушку на охоту, укладывая ее в особый футлярчик, и, перед тем как пустить стрелу, охотник чуть прикасался ею к лягушке. Яда, попавшего на кончик, было достаточно для того, чтобы убить человека, а не только зверька или птицу.

Спрашивается, зачем такой неприметной амфибии иметь столь грозное оружие, тогда как остальные лягушки спасаются от врага, обжигая его полость рта своей слизью, достаточной лишь для того, чтобы оказаться изрыгнутым, а

значит, целым и невредимым? В чем причина необыкновенного природного дара, данного, казалось бы, ничем не примечательному существу? Может быть, виною тому чрезвычайная доступность лягушки для многих птиц и зверей, ее повышенная уязвимость, и природа изо всех сил старается предупредить исчезновение вида, который, несмотря на опасность, во всеуслышание заявляет о себе в долгожданные весенние дни?!

Как бы там ни было, песня лягушек по весне — еще одно их достоинство, которое привносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек, несомненно, была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то не доставало, и вот с появлением лягушек она, наконец, успокоилась, облегченно вздохнула и с удовольствием пробормотала: «ква-ква-а...»

Ночной переполох

Пришла мне однажды нужда отмахать весенней ночью дорогою до станции верст двенадцать с гаком. Дорога ухоженная, наезженная, удобно ложилась под ногами серой лентой в брезжущих майских сумерках, а поодаль, по обеим ее сторонам, почти невидимыми темными гривами тянулся замерший лес. Скучно как-то идти душной майской ночью по такой безжизненной дороге и, привыкнув к ней, кажется, что ничего интересного впереди не предвидится.

Идешь, вдали, за холмом, прыгают разноцветные огоньки поселка: то покажутся, то надолго исчезнут. Там светло, огни поселка притягивают, манят, но сколько я ни шагаю, поселок все кажется недостижимым. А вокруг меня темнота, и хоть глаза давно привыкли к ней, все равно ничего не видно, кроме верхушек телеграфных столбов, слабо вырисовывающихся на фоне неба.

Шаги гулко отдаются в этой темноте, и насыщенный ею воздух будто сотрясается, на мгновение оживает и тут же опять затаивается. По-настоящему его смогут пробудить только рассвет да птичьи трели, но пока темно, и лишь у горизонта еле розовеет узкая полоска. Насыщенный пробудившимися запахами воздух окутывает с головы до ног и словно замедляет движение.

Летом вокруг дороги стрекочут кузнечики, волнуется невысокая трава вперемешку с васильками и ромашками, захлебываются в вышине жаворонки, а сейчас тихо, темно и только изредка проносится над равниной упругий прохладный ветерок, после чего опять все стихает. Еле различимые на фоне темнеющего неба шеренги телеграфных столбов по-прежнему неспешно ползут вдоль дороги, и отчего-то чудится, что им не будет конца. И все же, несмотря на наскучившее однообразие дороги, легко идти, дышать, и ни о чем не думать. Легко вообще быть наедине с ночью, что призвана успокаивать очарованием своих запахов, тайн и ощущений.

Я шел, чутко ловя в тишине каждый незначительный звук, вслушивался в

себя и никак не мог соразмерить свое приподнятое настроение с укромностью затаившейся ночи. Что-то в этой околдовывающей темноте все же настораживало меня, какое-то неясное присутствие, и я неожиданно останавливался и, задержав дыхание, пристально вслушивался в ночную тишину. Тишина отвечала мне еще большей настороженностью.

Наконец мне удалось различить еле угадываемое цоканье коготков об асфальт. Я резко обернулся и увидел метнувшийся на обочине силуэт, что тотчас прижался к щебенке и замер. Это была лиса. Кормится она преимущественно вокруг людского жилья, но логовище свое старается устроить подальше, в уединенном месте, и эта кумушка, по-видимому, как раз отправилась из такого логова на охоту. А если учесть, что близ норы лиса на промыслы не ходит, то моя рыжая попутчица, судя по позднему часу, порядком убежала от своего убежища и возвращаться еще не спешила.

Лиса, кажется, не замечала не только время, но и меня, бежала неторопливо в такт человеческим шагам и собственным устремлениям и сразу замирала, когда я останавливался, продолжая путь только вместе со мной, чтобы оставаться незамеченной. Я бы ни за что не расслышал ее шагов, если бы не цоканье коготков об асфальт. Этого хитрая Патрикеевна, при всем своем желании, предотвратить не могла и почему-то не стремилась сойти с трассы на обочину. Позднее до меня дошло, что не делает она этого только из-за опаски замочить лапы в разлившейся вокруг талой воде.

Лиса часто пускается на такую хитрость: она использует шоссе и даже железнодорожное полотно, чтобы сбить людей или гончих собак со своего следа. Опьяненные погоней, собаки рыскают по дороге, невзирая на транспорт, и попадают под поезд или автомашину. К тому же их отвлекают многочисленные запахи, которыми изобилует любая транспортная линия. Так лиса чужими заботами избавляет себя от преследования. Да и бежать по проложенной дороге намного легче, чем преодолевать препятствия в лесу или в залитом вешними водами поле... Кстати, в народе всегда бытовало убеждение, что встреча с лисой на дороге предвещает удачу.

Так мы и шли в ночи вдвоем, и мне становилось приятным это необычное соседство. Лиса не отставала, держалась позади, шагах в тридцати, и чутко реагировала, когда я замедлял шаг, а потом опять продолжала преследование. Поначалу поведение лисы меня даже очень удивляло, но через некоторое время несколько надоело, и вскоре я уже воспринимал происходящее как вполне обычное для майской ночи событие. Занимала лишь одна мысль: почему лиса, как всякое осторожное животное, все же не бежит лощинами или не скрывается за торфяными буграми вдоль дороги, а передвигается открытой местностью, даже по асфальту?

Что-то, видимо, привлекало лису, представляя для нее желанный интерес, и лиса, затаив дыхание, терпеливо пережидала, когда я вновь двинусь по дороге, чтобы невидимой тенью последовать вслед за мной, вернее, в том же направлении. Я шел и никак не мог сообразить: что именно привлекало зверя там, куда он не боялся идти рядом с человеком?! Конечно, это могла быть

только добыча, потому как для человека в ночи — сплошная темь, хоть глаз выткни, а лиса в ней все видит.

Еще днем, когда я ехал в автобусе, на горизонте появилась неясная гусиная стая. Развернувшись строгим крылом, стая налетала из-под солнца шеренга за шеренгой и казалась бесконечной. Гуси неторопливо тянули очень низко над полем, прямо вдоль дороги, и люди в салоне указывали на них руками, что-то радостно восклицали. Всем было легко и хорошо от того, что птицы летели совсем рядом, преодолев невообразимо дальнюю для них дорогу, и каждый, наверное, думал о чем-то своем, давно наболевшем, а вот сейчас, может быть, вмиг разрешившимся благодаря неутомимым птицам. По лицам людей было видно, что, заметив в небе гусей, они будто окончательно поверили в пришедшую весну, встрепенулись душой и улыбнулись.

Упитанные широкогрудые птицы с оранжевой перевязью на темных клювах всегда вызывали у меня уважение своей целеустремленностью, а увиденная в весеннем небе строго выстроенная стая надолго сохранялась в памяти. Она была олицетворением незыблемости жизни, преодолевающей любые препятствия. Может быть, именно этими препятствиями был жив гусиный род, так же как и утиный, и журавлиный, и лебединый... Птицы не только были преданы родной земле, но, несмотря на тяжести пути, оставались еще и красивы.

Именно с гусиным гоготом и журавлиным кличем окончательно встречаем мы весну, что уж, кажется, не принесет никаких сюрпризов. Эти большие птицы как бы утверждают своим появлением недостающие покой и размеренность в происходящих вокруг бурных событиях. Если они прилетели, весна полностью вступила в свои права. И хоть еще не один день тянутся в небе гусиные косяки и журавлиные клинья, что-то самое главное в природе произошло.

Гуси летят гнездиться на север, в тундру, причем по десять— пятнадцать часов непрерывно, покрывая за это время до тысячи километров. Присаживаются покормиться или переждать непогоду там, где облюбуют себе сверху место, и могут даже пожить на нем какой-либо период, пока неумолимый зов вновь не повлечет их в дорогу. Если что-то спугивает чутких птиц, они просто перелетают чуть поодаль и опять неспешно пасутся. Такие «присадки» для диких гусей, наверное, в радость, поскольку не доставляют им никаких хлопот: птицы ещё не сидят на гнездах, не обременены выводением птенцов и могут позволить себе расслабиться. Но однажды, в один миг, вся стая вдруг поднимается на крыло и, выстроившись строгим косяком, устремляется на север.

Теперь на дороге было пусто, прохладная ночь объела окружающие поля, столбы, разливные луга и мелкий, полузатопленный кустарник, а я шел и вспоминал, как гуси летели днем, светило солнце и все вокруг было пронизано весенним оживлением. Изредка в темноте поднималась какая-то возня, слышались звериные и птичьи вскрикивания, шум затерявшегося ветра, и опять наступала настороженная тишина. Но затишье это не страшило, если

только самую малость, потому как таинственная жизнь ночного леса необыкновенно захватывает.

Видеть ночь, слышать ее — огромное удовольствие, и его лишены многие люди. Я всегда радовался всему, что она в себе несет. Ведь за ночью, что за годом, не знаешь, что будет, но не на век она темна, в особенности весной, когда все в ней отражает незабываемое светлое время. Иногда мне даже казалось, что ночь благосклонна к человеку, не побоявшемуся ее, она чувствует его душевные устремления и отчего-то согласует с ними свое дыхание. Ночью, как известно, все дороги гладки.

А лиса, должно быть, еще с вечера заметила, как гуси присаживались у дороги, запомнила их местонахождение и под покровом темноты устремилась к ним. Она без труда, конечно, могла бы сцапать задремавшего гуся, используя этот способ охоты во все время полета птиц, когда они присаживаются на отдых. Вдобавок взлетающие гуси могли побиться о металлические провода, и раненые вновь становились ее легкой добычей... Лиса бесшумно семенила вдоль обочины, вынюхивала дичь и, обнаружив, стремительно нападала. Нелегко было спастись ночной порой от ее цепких зубов!

Но сейчас я не подозревал о нахождении рядом гусей и от однообразия пути решил напугать лису, желая посмотреть, что она будет делать. Лиса, по-видимому, тоже привыкла к соседству со мной и, ошарашенная моим выпадом, рванулась в сторону от дороги, где возле самого кювета, под проводами, оказывается, сидели гуси... А тут еще заяц куцехвостый, будто чумовой, прыснул из-под придорожного валуна, да как шарахнется прямо лисе в ноги! Что после этого началось!

Вообще, издаваемые гусем звуки очень характерны, и потому его легко отличить даже при ночном перелете, когда птиц не видно. Гуси обычно гогочут в отличие от утки, которая такает, а журавль курлычет. К тому же у гусей очень развито стадное чувство: что делает один, то и все другие, один гусь не гогочет. А как птицы соберутся вместе, так что бабы: гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка; ну, а уж если ватага — целый переполох!

Вот и сейчас вместе с пронзительным гогогом послышался сначала глухой шум, как от сильного водопада, затем звон, бесперебойное лязганье и опять шум, пробивающийся сквозь металлическое дребезжание, — это испугнутые гуси бросились с придорожных луж вверх и угодили прямо в провода... Птицы, видимо, отдыхали от утомительного перелета, кормились на невысоких гривках посреди разлившейся воды и под вечер, незаметно, перебрались к телеграфным опорам, где и уснули.

Я сразу представил, как взбудораженно сорвались в воздух десятки и сотни гусей, напряженно вытянули шеи, мешая друг другу, захлопали крыльями... Вырвавшиеся вперед ударились с грохотом, остальные налетали на них и падали на только что поднимающихся... Получался невообразимый кавардак, и первой возникшей мыслью было только одно: чтобы гуси не побились и не переломали себе крылья.

Беспокойство гусей в мгновение обернулось вынужденной толкотней, в которой лишь немногие бросались в сторону, основная же масса рвалась кверху и натыкалась на провисшие металлические дуги. Дуги перехлестывались между собой, превращаясь в гигантские струны, и издавали невообразимую какофонию. Лишь немногие гуси, быть может, самые опытные, с отчаянной решимостью и чутьем бросались в промежуток между проводами и, угадав его, с торжественным хлопаньем удалялись в ночь. У гусей был только один выход — вверх, и они упорно пробивались навстречу своей свободе. К тому же рядом находились лиса и человек — главные виновники случившегося переполоха, и птицы стремились как можно скорее избавиться от этого опасного соседства.

Я почувствовал, как, ощерившись, замерла рыжая хищница, и ее зеленые глаза остро блеснули в темноте, заструились внутренним алчным светом. А может быть, лиса не на шутку перепугалась от приключившегося гама и неслышно юркнула с дороги в сторону леса. Сотворенный нами переполох явно испортил ей охоту, и лиса, наверное, озлобленно озиралась, удаляясь восвояси. Поначалу добрая ночь неожиданно обернулась зверю в убыток.

Но более всего поразило то, что всё это происходило молча, и только редкие из птиц взволнованно вскрикивали и тотчас замолкали. Казалось, будто они пытаются пробиться, не привлекая к себе внимания, и эта скованная нацеленность тоже удивила. Гуси по характеру выглядели настоящими бойцами, готовыми ко всему во имя спасения. В их поведении, несмотря на охватившую тревогу, чувствовался организованный ум, и это в мгновение успокоило.

Но сначала все-таки обуял страх, так что я даже растерялся: поджилки дрожат, ноги подкосились, а во рту все пересохло. Казалось, неопиcуемый ужас взрывается в ночи невидимой жуткой птицей, что есть силы молотит рукавами-крыльями, будто норовит коснуться души и околдовать. Ночь вроде бы даже вспыхивает какими-то неясными зарницами, и эти всполохи действительно околдовывают и парализуют. Стоишь как вкопанный и ощущаешь внутри себя липкий страх. Недаром говорят: у страха глаза велики, да ничего не видят.

Ночь потеряла свой покой, все задвигалось в ней, зашумело, и сердце мое, взбудораженное весной и зверьми, тоже заухало в груди, не в силах успокоиться. Оно вместе с зайцем, лисой и гусями устроило майской ночью маленький переполох, и я, опомнившись и прислушавшись к установившейся тишине, уже весело зашагал дальше по дороге. Больше я не считал ее скучной, втайне про себя вспоминая все случившееся и улыбаясь в предрассветных сумерках.

И вот уже остался за спиной пугающий шум, гуси, лиса, — спало первое оцепенение. Гулко и холодно обдала опять лицо ночь, чуть заметно повеяла какими-то новыми, скрытыми сомнениями. Все встало в ней на свои места, и она с неясным вздохом улеглась над землей утомленной за день охотничьей собакой... Но сон весной всегда тревожен, потому, что весна полна жизни.

Почему зайчиху плохой матерью зовут?

Не повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет еще мартовское солнышко, как следует, сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у нее уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными ночами приходится, неуютно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведется и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали, потому что свои первые прыжочки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как бы опробывая ее на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, гораздо превышающим по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Маминого молока зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесной кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании ее первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышкой вновь и вскоре опять их покидает. На сей раз, зайчата ведут себя смелей, и разбегаются неподалеку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они еще остаются малоподвижными и все больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засеивать рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помет — яровиков, которые затаиваются уже в траве и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата в ожидании матери не разбегаются далеко, а выедают зелень плешинками, вокруг себя, не оставляя следа. Двух-, трехнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бежит, ловко увертывается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого ее, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не все так просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать.

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и потому сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует: ни волк, ни рысь, ни лисица. След зайца, только что вскочившего с лежки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей малых несмышленьшей, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детенышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть еще и травники, появляющиеся в пору летнего изобилия и

довольства!

Так все лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних провожает, других — встречает, третьих — обхаживает, и не видать конца ее усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последышей, ласково прозванных листопадниками. Непутевые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их, неторопливо ковыляющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь веселое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже — без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

Спящие лебеди

Все люди спят одинаково, а птицы и звери — по-разному. Одни из них остаются в своем таинстве недоступными, но кого-то можно и подсмотреть, если проявить немножко находчивости и терпения. Ведь терпеть — не беда, было бы чего ждать, а неутомимое ожидание в природе всегда вознаграждается.

Однажды весной охотились мы с товарищем в пойме разлившейся реки и чего там только не увидели! На лодке можно было подобраться к кому угодно, не привлекая особого внимания, и так мы оказались вблизи хохлатых чомг, редких черных крачек, обнаружили курочку-пастушка на маленьком островке, наблюдали черного коршуна, величественно кружащего над множеством утиных, облюбовавших тихие заводи среди затопленного леса. А еще видели бесчисленные стаи гусей, то и дело проносящиеся в переполненном звуками весеннем воздухе, огромных судаков, поднимающихся из глубины к самой поверхности, и подмочившего «штаны» зайца, волею случая оказавшегося на плавающей кочке. Но больше всего нас поразили спящие лебеди...

Маленькая стая лебедей, возвращающаяся на север с далекого юга, остановилась на несколько дней в этом залитом вешней водой участке леса и, как ни странно, не выделялась среди многочисленных птиц широко распахнутыми белоснежными крыльями, длинными вытянутыми шеями, не похожими на других птиц голосами, а держалась как-то незаметно, даже скромно. Присутствие лебедей не захватывало дух до тех пор, пока мы не выехали в разлив на лодке и не приблизились к птицам вплотную. Я был поражен и полностью захвачен тем волшебным впечатлением, которого никогда ранее не испытывал.

Издали лебедей можно было принять за большие куски сахарной пены или оторвавшегося из-под крутого берега и чудом сохранившегося снега. Еще на ум приходили чудесные женские боа из меха и перьев, и именно они своей зачаровывающей снежностью окрылили на радостное озарение: да ведь это

лебеди! Но где же у них шея и голова, и почему они остаются долгое время недвижимы?!

А птицы, оказывается, спали... Изящно изогнув длинные шеи и ловко спрятав головы под крыло, лебеди уснули, отдавшись на волю течения. Разумеется, мы забыли о ружьях и только любовались удивительным зрелищем. Нас интересовало лишь сонное царство божественных птиц, случайно подсмотренное у природы, и мы были счастливы, так же как и лебеди, отдаться охватившей на свободе.

Легкое течение и ненавязчивый весенний ветерок подталкивали воздушные тела птиц, и лебеди волшебными кувшинками незаметно скользили по поверхности воды, завораживая своим сказочным видом. Позабылись и редкие крачки, и смешной заяц, и пританцовывающие на воде чомги. Все, что окружало нас в этот радостный весенний день, отошло на задний план. Остались лишь лебеди...

Лебеди превосходно плавают, но никогда не ныряют, что, наверное, происходит по причине их величавой и трогательной натуры, которая не позволяет им вести себя раскованно,— так же, как неприхотливым уткам. Лебеди только погружают в воду голову и шею, но даже эти движения совершают, не теряя себя, с достоинством. Они очень горделивые птицы, шея у них поставлена вертикально, голова устремлена вперед, а клюв держится всегда чуть приподнятым.

Лебеди обычно неторопливы, грациозны, но, будучи преследуемы, плывут быстро, и догнать их, даже на лодке, можно лишь с большим трудом. Вода, как и воздух,— стихия этих удивительных птиц. Хотя взлетают они тяжело, долго разбегаются, шлепая по воде лапами, и лишь постепенно набирают скорость и высоту. К тому же лебеди сильные и храбрые птицы, самоотверженно защищающие своих птенцов, а удар их крыла может переломить детскую руку.

Лебедь весьма осторожен, по прилете выбирает открытое со всех сторон место и почти всегда держится на самой середине озера или реки, где его не застанет никакой хищник и откуда далеко слышен его мелодичный голос с оригинальным гоготаньем. Голос этой птицы, как и ее движения, тоже необыкновенно деликатен и грациозен, в особенности у самцов, когда они ухаживают за самками. Лебедь то обовьет подругу своей длинной тонкой шеей, то припадет к ней нежно своей головкой и, ни на минуту не оставляя свою избранницу, что-то переливчато и чуть гортанно ей наговаривает.

Изредка лебеди приходят в себя, как бы одумываясь, нежно выгибают шею и, приподняв голову, издают уже более громогласный звук, напоминающий зов трубы и несколько схожий с журавлиным криком, правда, слегка приглушенный. Птицы будто напоминают своим сородичам, что они живы, довольны всем происходящим, но не стоит забывать об осторожности. Более обычно для лебедей только сильное шипение или глухое гоготанье, что, впрочем, не мешает некоторым людям слышать в нем звон серебряного колокола или даже скрипки...

Думается, именно по причине необычности и благородной величавости лебедей, что будто бы свидетельствовало о их приближенности к Богу и, уж конечно, ко двору, в древние времена птиц часто и употребляли в пищу, и они обыкновенно фигурировали за царским столом, о чем упоминается в описаниях старинных пиршеств. Теперь же лебедей едят исключительно редко, а в большинстве мест это даже считается грехом. В Англии существовал обычай клеймения всех лебедей, живущих в оседлом состоянии на Темзе и составляющих собственность королевы, которая их боготворила.

Эта необычная операция осуществлялась каждый год. Дело заключалось в том, что право воспитывать лебедей было некогда привилегией, которой англичане очень гордились. Строгие наказания налагались на тех, кто присваивал этих драгоценных птиц.

При Генрихе VIII лицо, похитившее лебединое яйцо, наказывалось годичным тюремным заключением. Королевским декретом назначались особые лебединые стражи, которые должны были начинать клеймение лишь в присутствии представителя, посланного монархом. Они вели списки всех королевских лебедей с описанием их признаков. Простолюдины не имели права даже лицезреть великолепных птиц.

Клеймение лебедей производилось каждое лето, продолжалось несколько дней и заканчивалось большим банкетом в честь стражей в Виндзоре. Для этой цели на Темзе, между Лондоном и Чепле, разъезжали лодки, перехватывая всех лебедей, которые затем крепко перевязывались. На королевских лебедях ставился знак, состоящий из трех ромбов на верхней части клюва. У них выщипывались или подрезались большие перья крыльев, дабы помешать им улететь с дикими лебедями.

Если, с одной стороны, в нраве лебедей заметно осознание собственного достоинства и довольство собой, то с другой — лебеди очень вздорны и неуживчивы с другими пернатыми. Их привилегированное положение проявляется в какой-то злой наклонности к дракам и жажде господства над птицами более слабыми. Даже заблудившийся лебедь предпочитает плавать одиноко, нежели присоединяться к своим соплеменникам.

Напротив, самец и самка одной пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и однажды заключенный союз уже не разрывается всю жизнь. Обе птицы нежно любят друг друга, часто милуются — обвиваются своими шеями, трутся клювами, не замечая никого, а в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, и хотя самец обыкновенно не разделяет трудов по высидыванию яиц, но все же не перестает самым преданным образом оберегать самку, помогает доставлять гнездовой материал и все время остается поблизости, предупреждая о какой-либо опасности.

На земле вряд ли есть птицы красивее лебедей, и испокон веков они служили символом красоты, любви и нежности. Существует даже старинная легенда о лебединой песне, которую эта прекрасная птица якобы поет перед своей гибелью, а лебединая верность стала притчей во языцех. Если случайно

погибает один из пары, другой лебедь, высоко поднявшись в небо, камнем падает вниз и разбивается о землю. Лебеди прекрасны, и недаром молодую пригожую женщину на Руси называли не иначе как лебедушка... Сколько утка ни бодрись, замечали меж людей, а лебедем не быть!

Огромные белые птицы в синем апрельском небе — это незабываемо, но еще красивее кажется лебедь на уединенной глади реки или озера. Лебедь плывет легко и бесшумно, и вода под ним, от его сказочной белизны, принимает нежный перламутровый оттенок. Лебедь неповторим в малейшем своем движении: при крутом развороте на воде, в случае опасности, при купании, когда радостно расплескивает солнечные брызги, и при подъеме на крылья.

Но особенно незабываемы птицы во время сна, когда легкий ветерок сносит потихоньку их воздушные тела, а они как будто ничего не замечают. Этот же ветерок нежно ворошит лебяжье перо и так, постепенно, становится вроде добротной бабки, которая напевает им свою усыпляющую колыбельную и нежно освежает. Под этот легкий приятный шумок лебедям спится еще слаще.

Кто больше спит, говорят в народе, тот меньше грешит. Но разве помыслишь подобное об этих царственных птицах, что живут на воле, а потому и спят боле?! Лебеди покормились, почистили перья и опять погружаются в благодный сон: чем им еще на перелете заняться, пока они достаточно не подкрепили свои силы? Сон птиц не тревожен, он легок, как весеннее облачко, что висает над землей в неуловимом мареве, подымающемся к ясному небу. Лебеди плывут отрешенно и спокойно, а птичье счастье находят в возможности жить не зависящей ни от кого жизнью, в которой так приятно просто забыться.

Спят лебеди, и грезится им, наверное, чистая гладь озера, такое же светлое небо над ним и их неограниченная свобода. Сны лебедей вроде самих птиц — белые, воздушные и неуловимые. Лебеди ходят белоснежными корабликами по озерной и речной воде и, кажется, зачаровывают всех своим сном. Но хоть лебеди и спят, а все видят.

Среди людей за неоспоримую истину принято, что крайняя осторожность — это робость и нерешительность, лебеди же очень чутки. Птицы спят — не спят, чуть дремлют, и при малейшей опасности предупреждают друг друга вкрадчивым гоготом, молниеносно оживая. Им не требуется при этом охорашиваться — они и без того прекрасны: такие же милостивые, привлекательные, с невинной прелестью своей возвышенно-волшебной жизни. И когда спят, сносимые легким течением, и когда вострепнут, еще более преображаясь.

Уснувших лебедей медленно сносит течение, и они кажутся невесомыми, сосредоточенными в себе: будто не спят и думают какую-то неведомую птичью думу. Такую легкую, неуловимую, что даже самому становится как-то воздушно и празднично. И хочется плыть с ними долго, пока они не проснутся, а когда пробудятся — подняться вместе с птицами на крыло и

устремиться в головокружительные выси.

...Лебеди, плавно покачиваясь на еле приметных волнах, удалялись от нас все дальше и дальше, а мы догоняли их на лодке, чуть подгребая веслами, и, любуясь, опять на какое-то время отпускали. Порой удавалось приблизиться к ним на несколько десятков метров, и лебеди вдруг подымали головы, с легким недовольством вскрикивали что-то со сна и вновь укладывались спать. Видно, им было очень приятно отдыхать, таким образом, и птицы не боялись, что кто-то может их потревожить. Головы они ловко прятали под крыло, длинные шеи мягко свисали набок, до самой воды, и все это начинало казаться удивительным сном, в котором лебеди не улетали, а навсегда оставались с нами, затопленным лесом и долгожданной весной.

Кукушкины слезы

Кому не приходилось слышать негромкий, вкрадчивый голос кукушки! Еще не успеет сойти по оврагам и темным ельникам снег, а уже слышно ее однотонное, поначалу всегда как будто восторженное «ку-ку, ку-ку, ку-ку»...

Без кукушки весна не весна. Пока не услышишь близкого сердцу кукования, чего-то не хватает в природе. И только подаст голос кукушка, как радость охватывает без предела: наконец-то и к нам весна пришла!

Относились к кукушке в народе по-разному и, конечно, связывали с ней много примет и поверий. «Сколько раз кукушка натошак кого окукует, столько лет жить»,— обнадеживали особо сердобольные. «При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились»,— лукавили другие. «Кукушка закуковала — пора лен сеять»,— не без оснований наставляли всезнающие старики.

«Много лет кукушка бабе накуковала, да и обманула»,— беззлобно урезонивали размечтавшихся острословы. А то и без обиняков, по-свойски: «За кукушку бьют в макушку!»

Первые дни после прилета самцы обычно, бывают, скрытны и совсем не подают голоса, но затем постепенно расппеваются, привлекая к себе самку. Подлетевшая на призывную песню самца кукушка издает громкую кликающую трель, а в минуты особого возбуждения — глухой крик, похожий на какой-то утробный, слышный только с близкого расстояния хохот. Куковать самки не умеют.

Громко вскрикивая, чуть ли не кудахча, перелетают в еловых ветвях охваченные весенним азартом кукушки, суматошно всхлapyивают крыльями, друг на друга насаждают, и до того у них вся эта кутерьма по-семеиному получается, открыто, что даже не веришь глазам: кукушки ли это в самом деле или какие другие птицы?

Места для своих брачных игр осторожные кукушки выбирают глухие, порядком удаленные от человеческого жилья. Где-нибудь на окраине старой заброшенной делянки, окруженной дремучими елями, обоснуются птицы на время и, охваченные весенним восторгом, беснуются, без удержу, несколько

дней кряду, забывая обо всем. Но переменчивы необычные птицы в своем настроении, и, натешившись вволю, самцы под вечер чинно рассаживаются по верхушкам еще не опушившихся деревьев, потихоньку налаживаясь на свою проникновенную песню. Не подсмотревший хотя бы однажды их отрешенных игр никогда не узнает о кукушке того, чего она по-настоящему стоит.

Кукушку не спутаешь ни с какой другой птицей. Ее веретенообразное юркое тело с изящным хвостом хорошо различимо в ветвях любого дерева. Имея дымчато-пегий, бросающийся в глаза своей нежностью окрас, чуть схожий только лишь с ястребом-перепелятником, кукушка словно подчеркивает его ярко-желтой окантовкой вокруг глаз и оранжевыми лапками. Завидев в листве ее покачивающийся в такт песне силуэт, отчего-то сразу обрадуешься и долго смотришь, никак не выдавая себя и не уставая, словно ожидая от птицы чего-то несбыточного, но для нее самой такого привычного и обыкновенного.

А кукушка как будто чувствует оказываемое ей внимание и ждет этого,— еще громче разносится над лесом ее звучное кукование. И дразнит, и манит к себе голос недостижимой, замечательной птицы, так что про себя ты думаешь: никогда не выменять тебе кукушку даже на ястреба!

Давно известно, что кукушки сами не высидывают свои яйца. Немалое количество их способна отложить одна птица, и слишком длительны бывают промежутки между кладками, чтобы успешно вывести ей здоровое потомство. Первое яйцо успеет высохнуть и испортиться, пока кукушка отложит последнее. Ответственность за высидывание, выкармливание и воспитание кукушонка ложится на ту неудачницу-птичку, в гнездо к которой кукушке посчастливится подкинуть яйцо.

Обычно, завидев кукушку у своего гнезда, большинство мелких птиц поднимают шум, стараясь отогнать ее прочь. Озабоченным выведением собственных детенышей крохотным птахам незачем знать, отчего кукушка совершает свой подлог. В попытке подбросить яйцо в чужое гнездо они усматривают только наглость и всеми силами пытаются противостоять ей.

На подложенное в гнездо яйцо кукушки разные птицы реагируют по-своему. Одни, в захватившем их отчаянии, бросают гнезда даже с полными кладками и потом, наверное, долгое время еще находятся в никому не ведомой пустой суете, покуда новые детки не успокоят их взбудораженное навалившейся бедой сердечко. Другие тут же иступленно свивают новую подстилку, кропотливо прикрывая кладку с яйцом кукушки, и приступают к откладыванию яиц заново. Кто-то просто выбрасывает чужое яйцо из гнезда: куковала б ты, кукушка, на свою голову! А отдельные птички, особенно одаренные, способны даже отличать кукушкины яйца по окраске. Тогда кукушка стала откладывать яйца, удивительно похожие на яйца птиц, к которым она их подбрасывала.

«Не диво, что кукушка по чужим гнездам лазит,— говорят в народе,— а вот бы диво, кабы свое завела!» Да, видно, не суждено этому случиться, и определила природа кукушке и впредь нести множество яиц, не успевая

высиживать, выкармливать и воспитывать кукушат только потому, что обладают они непревзойденным аппетитом, съедая столько насекомых, сколько осиливают за день пять или даже шесть подросших птенцов белой трясогузки, дрозда-белобровика и сорокопуга-жулана. В изобилии поедая мошек и жучков, кукушата вынуждают птиц быть более активными в отыскании необходимого корма, а значит, сокращают наносимый ими ущерб. Став уже взрослыми, они начинают употреблять в пищу страшных мохнатых гусениц, к которым не решаются подступиться никакие другие птицы.

Прожорливость кукушки — ее безрадостная судьба и достойный удел, по которому она вынуждена отказываться от своих птенцов. Возможно, поэтому так скрытна она, что не показывается никому на глаза, не поет и переживает свою скорбь в одиночку. Нескончаемую песню несет над лесом лишь самец, как бы выплакивая за себя и самку общую боль бесконечно вопрошающим кукуканьем, будто окликает потерявшихся деток, просит их отозваться истосковавшимся по ним родителям, обреченным на одиночество...

Так и не отыскав детей, взрослые самец и самка рано отлетают на юг, не обнаружив для себя какого-либо применения в наших лесах, а молодые птицы, еще не обремененные этим знанием, трудятся без устали в течение всего лета, исполняя возложенную на них природой заботу. Нелегка их доля, ведь им на следующий год предстоит так же, как и их родителям, безрезультатно оплакивать своих детей и не находить их. «Не кукушка кукует,— обычно примечали среди людей,— а жена горюет».

Кукушкины слезы невидимы и сухи, и, не обрета своих детей, кукушка накуковывает им долгие годы жизни. Человек однажды подслушал ее и, не восприняв в песне тоскливой жалобной птицы, отнес ее прорицание на свой счет, а маленькие лиловые растения в лесу, расцветающие в пору, когда птица остается одна, назвал «кукушкины слезы». Вот она какая, кукушечка: всем от нее польза, да только никому до ее горя дела нет.

Чувства-птицы

Что-то необъяснимое остановило меня однажды посреди майской дороги. Заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а сперва почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чибиса, с напряженной суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: еще один чибис с тоскливым криком, как бы ниоткуда, взмыл над землей и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой ее обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, забавно переваливаясь, перебежала подальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, издавая всхлипывающие попискивания. Она была само отчаяние.

Не без муки представляя, как бьется сейчас в маленькой груди бесстрашное сердечко, я все же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и все это время две птицы не переставая кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надрывать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась легкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбужденные скорым выводением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы по-своему разрядили свою озабоченность и вскоре забыли о моем существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я все же по неосторожности разогнал. И тогда уже мои непутевые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно вьются в отрешенно замершей синеве и тоскливо плачут: «Чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Лесные усы

Ночь, только начинает светать, и туман еще с оглядкой опускается в низины, а некоторые звери уже возвращаются с охоты. Всю ночь они провели в поисках добычи, и теперь крадутся кто с чем, чтобы накормить детенышей или, жадно утолив голод, припрятать оставшееся на черный день. Близкое утро подсказывает им их чутье, и звери спешат вернуться в укромное логово, где будут терпеливо переждать опасное светлое время, пока темнота вновь не накроет своим покрывалом засыпающую землю.

Незаметно открывается зеркало лесного озера. Как будто легло на него парное дыхание ночи и все еще не рассеялось: вода в озере кажется молочной. Зубцы самых высоких старых елей словно стесаны туманной дымкой, безжизненно завязшей между невидимыми кронами. Лес еще спит, но уже

ощущает зарождающееся вокруг движение.

Ощущает его и твое растревоженное ночными запахами и звуками сердце. Восторженным страхом вторит оно им, то захолонет вдруг, то забьется часто-часто. Стук его так внятен, что кажется: бьется оно и внутри, и где-то рядом, как будто это сердце всей ночной природы, что увидит любую лесную тайну — и она разом ему открывается. Да не понять так скоро этой тайны, знай, смотри вокруг, как зверь, вдыхай, впитывай, вслушивайся.

Тишина с каждой минутой нарастает, и все еще слышится далекое кукование кукушки, перебиваемое монотонными посвистываниями сыча: два этих протяжных звука, как будто стремящихся неспешно друг к другу, создают в предрассветном лесу удивительный и странный дуэт. Нет еще красок, полных радостного беспокойства, но восход уже ощущается по дрогнувшему и зашевелившемуся воздуху. Небо стало похоже на сине-зеленый колокол, который вскоре наполнится малиновым звоном зари. Все лесные звуки становятся выпуклыми и очень отчетливыми.

Вот еле ощутимым силуэтом продвигается вдоль опушки леса волчица: время от времени останавливается, пристально вслушивается, замирает. В зубах она несет задавленного зайчонка, который безжизненно болтается у нее на груди. Похрустывает под волчьими лапами слежавшийся снег, вспархивают испугнутые со сна птицы, и опять все замолкает.

Настораживаясь, волчица чуть заметно трогает ушами, поджимает хвост и холодным взглядом смотрит прямо перед собой. По-видимому, сейчас, в темноте, она руководится более осязанием, чем слухом и зрением, очень недоверчиво относясь ко всем незнакомым ей предметам. То, что она не видит, улавливает ее отменное чутье. Нужно быть предельно осторожной, не на шуметь и не оставить после себя каких-либо следов, которые бы могли привести к логову ее врагов.

В случае любого шума волчица тотчас прижимается к земле и крадучись устремляется к ожидающим ее волчатам. Словно тень, продвигается волчица своим ночным путем, в особенности весной, в мае, когда на уже вытаявшую землю часто выпадает последний снег. Охотники ждут этого события и по следам кормящего волка отыскивают нору. Сколько бы зверь ни запутывал свой след, тот все равно приведет в его логово.

Даже близкие к природе люди нередко думают, что дикие животные, пользуясь неограниченной свободой, бродят, где им вздумается. Однако, если присмотреться к жизни таких лесных обитателей, как лось и барсук, заяц или лиса, нетрудно убедиться в обратном. Нахоженные звериные тропы не так уж тяжело разглядеть, если ты достаточно часто ходишь в лес, а острый глаз бывалого охотника приметит тропу зверя даже по нескольким перевернутым сухим листьям на земле и примятым травинкам, с которых сбиты капельки росы, или по легким царапинкам от когтей на коре деревьев и камнях.

Выйдешь на такую тропу, остановишься на миг как зачарованный и задумаешься о чем-то, глядя на нее, а она все дальше в лес забирается. Вьется узкой канавкой во мху, пахнет горько листом и грибами, и всё не кончается. И уж когда устанешь по ней идти, она выведет к рассохшемуся осиновому корыту. Это солонец, куда лоси время от времени захаживают в надежде полизать недостающую им соль, а ее уже давным-давно никто не подсыпает. Попался бы хоть один лось навстречу!

Целое лето пробивает тропку к роднику на дне глубокого лога неутомимый барсук. Ведя ночной образ жизни, он как никто вынужден остерегаться, быть внимательным, и в этом ему помогает его удивительная предусмотрительность; короткое приземистое туловище с узкой головой и весьма подвижной шеей, обладающее к тому же широкой спиной и толстым круглым задом, замечательно способствует беспрепятственному продвижению ночной порой в густом лесу. Благодаря такому своеобразному строению тела да еще жесткой, плотно прилегающей к нему шерсти барсук свободно проникает в самые захламленные участки чащи, а в норе чувствует себя, как поршень в цилиндре.

Тропы зверей — это хроника их перемещений с места на место. Обнаруживая такие пути животных, всегда усомнишься в той «безграничной свободе», которой они пользуются. Многие звери на протяжении какого-то времени держатся на одной территории, где у них имеются места для сна и отдыха, кормежки или испражнений. Здесь могут встречаться выходы соли, урочища, пригодные для купания, водопоя или грязевой ванны, и все эти участки зверей регулярно ими посещаются. Раз проложенный путь с завидным постоянством используется даже последующими поколениями зверя, несмотря на то, что со временем обстоятельства меняются и на нем могут возникнуть препятствия, например завалы деревьев или буйные заросли.

Благодаря постоянному использованию почва на такой тропе уплотняется, и растительность постепенно исчезает. Чем тяжелее и крупнее хозяин тропы, тем глубже врежется она в землю, тем шире расступаются вдоль тропы ветви, но вот раньше, когда тропы только прокладывались, зверю было нелегко миновать преграды. А если учесть, что зверь пробирается по лесу чаще всего ночью, то становится странным, как он мог пробраться бесшумно, оставаясь для всех незамеченным, да к тому же не поранившись о колкие сучки и ветви...

Звери, как и люди, воспринимают мир при помощи органов чувств: глаза видят, нос улавливает запахи, язык узнает вкусы, кожа и шерсть ощущают прикосновения, уши слышат. Говорят, что уши в лесу — первое дело, глаза и все прочее — потом. А вот для многих животных и не то, и не другое, и не третье. Главное для них — усы...

Усы, эти длинные волоски, животным просто необходимы. Ими они распознают предметы «на ощупь», так же, как мы, люди, пальцами. Усы эти необыкновенно чутки: слегка коснулись чего-либо — и зверь сразу чувствует: тут дерево, ветка или трава.

Хотя мы про волка, лису или рысь говорим «усатые», представляя себе их симпатичные морды, на самом деле никаких усов у этих зверей нет.

Чувствительные волоски только по виду напоминают усы, и ученые называют их вибриссами. Название это произошло от латинского слова «вибрацио» — «дрожание», «колебание». Растут вибриссы у зверей возле носа и в ушах, на подбородке, над бровями и даже на брюхе, а щеголяют ими не только самцы, но и самки.

...Вот в темноте рысь насторожил запах спящего рябчика, она потянулась мордой в кусты, но никогда не наткнется зверь на острую ветку или сучок, потому как только дотронутся вибриссы до невидимой преграды, то сразу предупредят зверя об опасности. Вибриссы такие чувствительные, что могут даже не коснуться предмета, лишь приблизятся к нему, а животное всё равно почувствует его. Так, отворачивая от каждой веточки, ствола или камня, зверь уверенно лавирует в любой темноте, даже когда спешит и спасается бегством от погони. Природа наделила зверей очень чувствительным органом помимо других, которые они имеют. Не будь его — и не помогли бы зоркие глаза и чуткие уши!

Вибриссы у некоторых животных растут и на ногах... Они помогают им пробираться по опасным каменистым кручам, в непроходимой для человека чащобе, позволяют среагировать на неожиданно возникшее препятствие при беге. Для меня было полной неожиданностью обнаружить у зайца подобные волосы на передних лапах, сбоку, почти у самого их основания. Ранее не замечаемые, даже после удачной охоты, когда зайца всегда тщательно и с удовольствием рассматриваешь со всех сторон, они удивили своей необыкновенной длиной.

Без таких усов зайцу не обойтись в темную пору, если он выходит на жировку. Этими вибриссами он нащупывает себе дорогу. Заяц разыскивает пропитание по ночам, и длинные вибриссы для него, словно палочка для слепого человека. Но слепые люди передвигаются медленно, осторожно, зайца же, благодаря удивительным усам, не догнать!

Такие же длинные, утолщенные волосы выступают на лапках, животике и ушках белки, чем резко увеличивают ее осязательные возможности. Вспугнутая во сне кровожадной куницей, которая обычно передвигается в поисках добычи верхом, белка безбоязненно перепрыгивает в темноте с ветки на ветку, скрываясь от преследования. Вибриссы ее очень подвижны, и зверек может двигаться по самым замысловатым траекториям.

Барсуку даже в кромешной темноте помогают вибриссы на его голове. Барсук не ошибется и сразу обнаружит вход в узкую нору, когда будет возвращаться домой с охоты. Вибриссы обязательно выручат лису, и она без промедления нырнет в неприметное для глаз логово, спасая от собак свой драгоценный хвост.

Вибриссы совсем незаметны, если даже смотреть на них в самой близости... Но если, зная об их существовании, рассматривать вибриссы как продолжение тела животного, учитывая его скрытый образ жизни, то тогда можно неожиданно открыть для себя, что они есть нечто большее, чем просто органы чувств. Они — стремление зверя заглянуть за горизонт своих способностей, желание красться в ночи, впитывать ее до мельчайших подробностей и каким-

то шестым чувством дотягиваться до еще более неведомого в себе и этой лесной жизни...

Всем хороши такие «лесные усы» — и красотой, и выгодой, и приятной для каждого зверя уверенностью, что он имеет в своем арсенале эти удивительные возможности, но самое главное — звери, как и мы, люди, наверное, пытаются порой дотянуться до чего-то несбыточного в своей жизни, и усы помогают им в этом. Человек — с бородой, а они — сами с усами, потому как если вьется у зверя усок — будет ему и мяса кусок!

Трясогузкины причуды

Весь июльский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промерз, а до следующего поезда еще два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна стационарного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на теплых потоках воздуха вверх, то и дело переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыркаясь, влетали через несколько секунд обратно в окно. Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, которые просто собирали материал для гнезд.

С равным интервалом выпархивая из стационарного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться, по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалеку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на которых, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались верткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как бы чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы сломя голову броситься за ними в очередное преследование. Выделявая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, но иногда отвечали трясогузкам легким уколом, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто еще более распяляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли в глазах наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак

не мог понять: играют трясогузки с ласточками или попросту задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было неясно, почему трясогузки никак не донимают воробьев, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения теплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам не доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, может быть, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с которой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнезда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всем, отрешенно следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?..

Сердобольная птица

Ходишь, бывало, по весеннему лесу, и тишина вокруг становится все напряженнее, как будто она сейчас взорвется и напугает. И вот ни с того ни с сего вдруг застрекочат в елочках сороки, затрещат что есть мочи, и ты весь подберешься, наостришь свой слух в ожидании чего-нибудь интересного, потому как сороки эту перекличку просто так не заводят, все происходящее в лесу им любопытно, и пропустить его они никак не могут.

Выбрав удобное место под вальдшнепиную тягу, замрешь и, пока не потянули птицы, прислушаешься. Может быть, покажется на опушке встревоженная неугомонными птицами лиса, выкатит из густого осинника медведица с медвежатами или взметнется с лежки напуганный заяц. А сороки кружат почти над самой головой, стрекочут, без умолку, на все лады охрипшими весенними голосами. Нелегко им приходится в эту пору, когда лес наиболее оживлен, полон разных занятных событий, и сороки, подмечающие каждую мелочь, обязаны на все в этом многоликом и меняющемся мире по-своему реагировать. Сорокам весной становится как никогда хлопотно и радостно жить.

Трудно бывает разобрать и догадаться, что вынуждает беспокойных птиц поднимать такой шум. То ли эта сорочья тревога предназначена для собственных собратьев, то ли сороки действительно уж такие законченные сплетницы, что не могут не предупредить лесных жителей об увиденных новостях. А может быть, эти необычные птицы попросту вздорны? Иначе чего им бояться, не подпуская никого на довольно близкое расстояние, чем дорогим рисковать? Не чудесным же оперением, на которое стоит только лишь залюбоваться одно мгновение, или длинный сорочий хвост может кого-то серьезно заинтриговать?

Просто сорока может быть всякой: и до невыносимости непоседливой,

невероятно приметливой, наблюдательной, порой как-то отрешенно нахохлившейся, притаившейся в самой себе и даже по непонятной причине остервенелой.

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неутомимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, как бы предупреждая всех о происходящем. По стрекоту сороки можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось или метнулся перепуганный заяц... Невероятно досаждают эта птица лесным обитателям, и они, наверное, сильно ее недолюбливают.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлеченно шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Но сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего ее волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так низко, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и чуть ли не захлеб оглашала округу возбужденным стрекотом. Сорока была так увлечена своим занятием, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня. Вернее, её поразительно точное подобие с переходами, непередаваемым пощёлкиванием и самозабвенным течением. Сорока, охваченная страстью преследования, непроизвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, выдавала когда-то уже слышанные в лесу звуки. Причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках, так что в какой-то мин показалось, будто сам глухарь огласил округу своей неподражаемой трелью. Холод куда-то постепенно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Сорока – птица очень самобытная, недаром отмеченная вниманием во множестве сказаний, пословиц и поговорок. В самом облике сороки угадывается нечто сказочное. «Бела как снег, зелена как лук, черна как жук, повёртка в лес, а поёт как бес» - с любовью загадывали о ней. Но хоть эта птица и хороша собой, сорока от сороки в одно перо родится.

В русском народе, метком на верное слово, за сорокой твёрдо укрепилась репутация птицы вечно озабоченной и неутомимой и любопытной: »Сорока известие на хвосте принесла», «Фому да Якова и сорока знает», «Знает сорока, с кем зиму зимовать», «Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу».

В народе очень широко были распространены разные суеверия, связанные с сорокой. В некоторых местностях сороку называли чёртовой птицей и уверяли, что у неё на языке капля чёртовой крови, и если она удалит её, то обретёт дар речи. Крестьяне верили, что сороки на Преображение свой шабаш справляют: их в этот день почти не видно, они отправляются помогать

чёрту сено убирать и служат ему вместо лошади.

Принято было думать, что в сороке сидит душа колдуньи, поскольку она жадна, и если попадается бесхвостая сорока, то это непременно суший черт. Оттого, мол, птица падка до блестящих вещей, которые в невероятном количестве тащит к себе в гнездо. А ее длинный хвост — это метла, на которой обычно летает нечистая сила.

С сорокой связывали разные приметы... Сорока скачет по дому больного — к его выздоровлению. Если сорока забирается под стреху — это означает скорую вьюгу. Увидать одну сороку — к несчастью, две — к удаче, три — к свадьбе, а четыре птицы предвещают рождение ребенка.

Люди верили, будто бы сорочьими мозгами хорошо в бане натираться, они как никакое другое средство помогают от ревматизма... В воскресенье на Масленицу, когда пекут блины, один блин подносили сороке, за что она хозяев криком от волка предостерегала. Подвешенная на скотном дворе, будь она живая или мертвая, сорока спасала от шалостей домового, предохраняла лошадей от гоньбы по ночам нечистой силой и отпугивала от скота мух и болезни. Считалось, что если убить сороку между Рождеством и Крещеньем, сжечь ее, истолочь и съесть, будет человеку счастье на весь год.

Душа радуется, когда увидишь на заборе эту птицу. Длинный хвост вздрагивает, голова с лаковым клювом то и дело крутится по сторонам, и стрекотание льется нескончаемым потоком. Почему-то при этом не думаешь, что она ворует яйца, цыплят и всякие ценные вещи, которые пропадают благодаря ей именно тогда, когда они больше всего необходимы. Воспринимается только красота птицы, её необыкновенная ухоженность, а желание любоваться сорокой, кажется, никогда не иссякнет.

В сороке преобладают всего лишь два цвета — чёрный и белый, но природа так умело ими распорядилась, что птица не перестаёт удивлять. Чёрный — ночь, белый — день или снег. Кажется, ничего нового, но вот зеленовато-перламутровые оттенки, отливающие на груди и хвосте сороки волшебным сиянием, делают её неотразимой. Вдобавок её щеголеватая походка и осанка, озорной блеск выпуклых глаз, напоминающих какие-то чарующие и неизвестные ягоды, удивительная лёгкость прыжков!

Уж, кажется, сколько я наблюдал за сорокой и в лесу, и в деревне, а всё равно подмечаешь в ней что-то новое. Однажды весной я услышал, как кто-то стонет за ближайшими ёлками, и стал осторожно подкрадываться... Удивлению моему не было предела, когда я увидел на ветке огромную надутую сороку... Сорока была круглой, как мяч, и надсадно издавала стонущие-шипящие звуки... Это была брачная песня самца, который в порыве любви совершенно преобразился!

Сорока чаще других птиц вертится поблизости от человеческого жилья и потому выдаёт себя с головой. Присядет, бывало, оглянется и, вскочив на ближайшее дерево, начинает цеплять клювом ветки. Ветки не поддаются, но

сорока упирается изо всех сил и в конце концов отламывает, а затем ... бросает на землю, и всё в точности повторяется.

У меня хватает терпения наблюдать этот спектакль сколько угодно, но у него нет завершения: обломленные ветки калины, ирги, сирени и черёмухи валяются на землю, а сорока, не обращая на них никакого внимания, продолжает с остервенением обламывать следующие. Она так и не подымает упавшие, даже впоследствии, и не прячет их, а только вновь и вновь теребит, ломает и роняет. Что означает такое поведение – известно одному Богу!

Сорока — это лисица среди пернатых, тварь невероятно хитрая,мышленная и осторожная. Чутье ее так велико, что иной раз создается впечатление, что она угадывает происходящее на расстоянии.

Как-то в конце ноября, уже по снегу, рубил я в ограде мясо, а мелкие крошки, оставшиеся на полу, вымел на свежевыпавшую порошу к дровянику, где их и видно не было: красное крошево надежно скрывал глубокий снег. Все это время сороки не прилетали на деревья, что располагались прямо у дома, и не рассаживались на старый забор, с которого можно было следить за моими действиями. Сама же ограда находилась вместе с конюшней под крышей, что тоже не позволяло вездесущим птицам наблюдать за происходящим. Тем не менее сороки, пока я на минуту заходил в дом, незамедлительно появились у того места, где хоронились в снегу мясные крошки. Что заставило прозорливых птиц молниеносно появиться у подвернувшейся поживы на этот раз — для меня до сих пор остается полной загадкой!

Есть одно обстоятельство, из-за которого мы перестаем замечать красоту птицы: сорока примелькалась, поскольку каждый день попадает на глаза, и все чаще люди просто не обращают на нее внимания. Так же, как и на все другое, что они незаслуженно пропускают мимо, не обладая хотя бы долей той любознательности, которой обладает неутомимая птица. Что вынуждает ее оказываться на месте происшествия прежде других и громкогласно оповещать всех своим стрекотанием? Только ли ее вздорный характер?

Поначалу неутомное стрекотание сороки воспринимается как взбалмошное желание хоть с кем-либо да поссориться. А если сорока не хочет встречать серьезно, она готова растрезвонить об увиденном по всему свету. Ей, кажется, ничего не стоит в один миг разбередить себя и через минуту как ни в чем не бывало расхаживать барыней. Только достаточно приглядевшись к сороке, длительное время наблюдая за ней и в лесу, и в деревне, понимаешь: шум, который эта птица постоянно вокруг себя создает,— ее удивительная суть, без которой человеку было бы очень скучно.

Замечательно, что сорочье стрекотание воспринимается всеми людьми по-разному, и каждый волен слышать в нем то, что ему хочется. Сорока возбужденно стрекочет, усевшись на выцветшем заборе, а у одного это рождает музыку в душе, желание встречи со сказкой, у другого же — раздражение. Но сорока ни в чем не виновата, она никому не угождает и хороша уже тем, что есть. Когда над округой разносится ее возбужденный

гомон, это значит, что жизнь полна красоты, и сорока вносит в нее свою замечательную лепту: возбуждая себя, сердобольная птица способна расшевелить всю деревню!

Усердие сороки в выражении ее чувств — скорее, приятные хлопоты, нежели пустое беспокойство. О ком, о чем — неважно, главное, что сорочье стрекотание — радостное дополнение любому дню, независимо от времени года. А поскольку всякому дню подобает его забота, то уж сорока никак не может без нее обойтись. Ей, наверное, невыносимо жить без постоянных забот, так же как и человеку — без доброго слова. Как говорится, не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет!

Восторг сороки — это какое-то сладостное иступление, самозабвенное забытье самой себя, временное отрешение сорочьего духа от мира, а вернее — проникновение в его суть благодаря такому восторженному самозабвению. В сороке происходит воспарение ее духа, насколько это возможно, и в этом черно-белом, исторгнутом из себя восхождении птица достигает, казалось бы, недостижимого, а удовольствие ее не знает границ. Как сладостно, наверное, быть в такие моменты сорокой, которая в своей неутомности, с одной стороны, отрывается от мира, а с другой — удивительным образом сочетается с ним.

В народе всегда отмечалось это неподражаемое свойство сороки — сокотать: «Когда у сороки все перья побелеют, тогда и сокотать перестает», «Сорока-посвистуха, деревенская баба-лепетуха», «Знать сороку по языку...» А еще о ней говорили как о вещи птице, которая даром не стрекочет. По сорочьему сокотанию находят и ее гнездо, и до нее самой добираются, ибо сама сорока скажет, где гнездо свила. Иной раз даже кажется, что своим сокотанием сорока думает соловья перещеголять—«кабы на сороку да не свой язычок».

Из-за своего языка сорока, конечно, представляется только женщиной, что болтает без умолку. По-бабьи трещит, лото- шит,— словом, знатная говорунья. Мужчина-сорока — это что-то невиданное и невообразимое. Кажется, все сороки — только женского рода, и как их язычок хочет, так они и сокочут.

Что знает сорока, все скажет, и чего не знает — и то скажет: обо всем у нее речь. Невелик сорочий язык — одно, казалось бы, надоедливое стрекотание, но какая музыка разливается над лесом, полем или деревней, когда она подаст свой голос! И хоть говорят, что всякая птица от своего языка погибает и что язык до добра не доведет, а еще — не спеша языком, да не ленись делом,— у сороки их и вправду невпроворот!

Прежде, чем что-либо начать, она обязательно об этом всем поведает и только затем примется за свою немудреную работу. Веток для строительства собственного дома наломать, глины натаскать, все ближайшие гнезда мелких птиц проверить, в курятник заглянуть, если дверь оставили открытой, уволочь, что плохо лежит, и еще многое-многое другое, чего ни за что не успеть другой птице. Собравшись же целой ватагой и заприметив дремавшую на припеке

неясыть, сороки полдня не дают ей покоя, пока она не переберется от надоедливых птиц куда-нибудь подальше, в гущу леса, а то и вообще гнездо ее разграбят, если, разумеется, обнаружат его. Это лишь малый перечень того, без чего сорока не была бы собой. Одетая, как говорится, просто, но на уме забот со сто!

Сорока вообще более приземленная птица, чем отдающаяся воздушной стихии, и находится преимущественно там, где ей удобнее быть самой собой. Даже в присаживании ее на землю, в том, как она тормозит и прихлопывает при этом крыльями, угадывается еле сдерживаемое удовлетворение от того, что она опять в своей обители. Преисполненная довольства, она гордо вышагивает по земле, то и дело поднимая длинный хвост и покачивая им, но во всем ее облике ощущается нетерпеливое желание побыстрее себя показать, хоть в чем-нибудь выразить, чтобы ее непременно заметили.

Иногда сорока подымается в воздух очень высоко, но полет у нее тяжелый, требующий частых взмахов крыльев, и при сильном ветре становится неверным и медленным. Сорока употребляет крылья только по нужде, никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст и лишь зимою совершает более далекие путешествия. Неугомонная птица не в силах надолго отрывать себя от земли, лишая возможности быть сердобольной.

Но ведь сердоболие, как известно, не пустая беспечность, а сердечное участие, сострадание и старание о помощи. Старается ли для кого-то сорока — трудно сказать, а то, что она до чужой беды или какого-нибудь беспорядка охоча, так это у нее не отнять. Спит и видит, наверно, как царствие сорочье наступило, где она — самая заметная и важнее ее никого не сыскать. Вот чтобы посвятить себя кому-либо по-настоящему — это вряд ли! Сердце у сороки, что вырезка из серой бумаги,— пустое и бесчувственное, для которого одна только боль — о себе. Береги, сорока, свой хвост!

Кстати, длинный хвост очень помогает сороке вернуться на землю, когда она, завидев для себя что-либо интересное, тотчас отвесно пикирует с высоты. На такой скорости да без надежного руля короткокрылая фигура птицы просто закувыркалась бы в воздухе, а взбалмошность сороки не позволяет ей сохранять терпение. Сороке необходимо как можно скорее, именно сейчас, оказаться рядом с тем, что так ее разволновало, и длинный хвост помогает птице в этом стремлении.

Одним словом, возня, суэта и беспокойные дела — неотъемлемая обязанность сорочьего рода. Уж такие это птицы, что хлопот у них полон рот. Но, оказывается, дело этих хлопот не стоит, потому как сорока хлопочет — только себе добра хочет. В народе говорят: «В живых больше корысти»,— и это именно про сороку, потому как покуда сорока жива, голодной смертью она помирать не станет!

Проснувшись однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания, я сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями, причем без малейшего перерыва... Слушаешь и удивляешься, сколько же их у

нее?! А новостей у сороки действительно хватает, и обо всех надо успеть рассказать!

Чувствительная ко всему, сорока начинает озабоченно сокотать, предупреждая хозяев о приближении гостей. На этот счет в народе сложили известное поверье, что «сорока сокочет — гостей пророчит». И действительно, завидя на дороге движущиеся сани или повозку, сорока неистово оповещает всех об этом, скачет, перелетает с дерева на забор и, не в силах сдержать своего возбуждения, захлебывается в стрекоте. Вот-вот лопнет от переполняющих ее чувств!

Диву даешься в такие моменты этой птице: как близко для себя воспринимает она людскую озабоченность, в то же время не в силах избавиться от своей. Язык сороки отчасти помогает ей в этом, и она, кажется, готова выплеснуть себя без остатка, чтобы хоть ненадолго утомиться!

Ну, а о том, как хитры и вороваты сороки, можно рассказывать бесконечно. Ко множеству известных всем историй лишь добавлю, что у себя в деревенском доме я недосчитался зеркальца, украденного с подоконника, куска мыла, привлекшего сороку, по-видимому, своим ярко-зеленым цветом, и целой газеты аж в шестнадцать страниц! Самое удивительное, что всего этого сороке действительно зачем-то не хватает, и чего бы птица ни нашла, все норовит утащить и спрятать. Охоча сорока до находки, и даже про человека, который нечист на руку, говорят: «Ворует, как сорока».

Но возможно ли объяснить такую странность сороки, как воровство ею различных блестящих предметов? Желание сороки, во что бы то ни стало, завладеть красивой блестящей вещью — вероятнее всего, обычная потребность, тяга живого существа к прекрасному. У птиц это лишь зачаток чувства, заставляющий их покушаться на все, что сверкает и как-то выделяется. Золотые часы, кольца, вилки и ложки, браслеты, пуговицы, запонки — вот неполный перечень предметов, которые в первую очередь бросаются в глаза вездесущим сорокам.

Обычно «тяга к прекрасному» проявляется только у тех представителей животного мира, кто меньше заботится о корме, которого в избытке, и у него высвобождается время для игры. Живя бок о бок с человеком и пользуясь его дарами, сороки более чем кто-либо из пернатых преуспели в этом, превратив забаву в смысл всей своей жизни. «Не учи сороку вприсядку плясать!» — не без зависти замечают об этой птице, когда остаются бессильны против ее невероятной изворотливости...

Но, несмотря на свое игривое лукавство, сорока, в отличие от ворона, вызывающего у некоторых людей злое мысли, все же сумела снискать к себе благодушное отношение. Даже прозвище «сорока-воровка» произносится о ней без всякой злобы, а просто как великодушное примирение с необходимым злом. В народе сороку больше любят, чем недолюбливают, ей прощают многие прегрешения.

Ни в период гнездования, ни после его окончания сороки, как ни странно, не собираются в большие стаи, а это значит, что они не могут причинять

ощутимый ущерб хозяйству человека. Правда, сороки нередко держатся по двое, по трое и даже более, но такое бывает крайне редко. Скорее, им необходимо время от времени обмениваться впечатлениями, немножко рисоваться собой, и, быстро надоев друг другу или вспугнутые чем-либо, они опять разлетаются. Сорокам достаточно короткого общения между собой, и, вдобавок, они не против соседства ворон, галок или вездесущих воробьев.

Что же касается непрекращающихся налетов сорок на сады и огороды, то тут они действуют больше поодиночке, крадучись, их не сравнишь с проказниками дроздами. Птицы, конечно, обклеивают спелые вишни, очень усердно выискивают в густой траве клубнику и выбирают самые сладкие яблоки, но получается это у сорок так обаятельно и весело, что почти не сердисься на них. Сороки, кажется, только украшают наши огороды и не живут без озорства и своего белого бока. За что же на них обижаться?

Пожалуй, за что сороку действительно стоит не любить, так это за ее разбойничье отношение к маленьким певчим птицам. В весенние месяцы сорока разоряет и уничтожает множество птичьих гнезд, выпивая яйца, а также поедая уже выведенных птенцов. Одно семейство сорок может в короткое время уничтожить все пернатое население какого-либо садика или леска, и вскоре вместо радостных голосов певчих птиц здесь будет раздаваться одно надменное стрекотание.

За это, конечно, сороку не любят. Кому понравится, если воруют твои яйца, а то и живых детей?! Но сороке почему-то ее воровство удивительным образом сходит с рук, в отличие, скажем, от вороны. Может быть, тому виной ее красивое платье, более симпатичные повадки и не такой вороватый вид?

Если сорока только приноравливается совершить какое-либо злодеяние, то ворона, обычно недолго думая, уже его осуществляет. Сороке, видимо, не хватает какой-то безжалостной твердости, присущей серой вороне, и она за это даже более любима. Пока сорока-белобока взмахнет своим зеленым хвостом, поведет долгим носком,— вороны и след простыл, и вот эта настороженная медлительность, наверное, и спасает сороку, более чем ворону, от худой славы.

Благодаря своей ловкости, смекалке и неунывающему характеру, а также роскошному убранству сорока немало способствует украшению и оживлению нашей природы, особенно зимой. Какой восторг переполняет сердце, когда сорока купается в снегу в скурых лучах зимнего солнца или озабоченно стряхивает снег с опушившихся берез! Впрочем, хороша она в любое время года, и стоит ей только появиться рядом с человеком, в нетерпении прострекотать, взмахнув хвостом, и вновь вокруг воцаряются уют и порядок!

Сороки всегда на виду, и этим необыкновенно радуют нас, но вот летом они стараются меньше попадаться на глаза, потому как высидывают в эту пору птенцов и имеют обыкновение прятать свои массивные гнезда в частых кустарниках невысоко от земли. В жизни сорок наступает, пожалуй, тот самый момент, когда птицы, казалось бы, вопреки своей природе не проявляют уже известную им неугомность. Они как бы затихают, стараются стать

незаметными.

Круглое сорочье гнездо не сразу заметишь, и находится оно в самой гуще веток, так что до него при всём желании незаметно не подобраться. Для хищных птиц, кошек с куницами и тем более человека гнездо сороки остается недоступным. К тому же сорока как птица сообразительная устраивает одновременно несколько гнезд: одно — настоящее, где выводится потомство, а другие — подставные. Сорока очень умело располагает их и маскирует точно так же, как и основные. Она даже изредка посещает эти пустые гнезда, чтобы обмануть недоброжелателей.

Вместительное гнездо сооружается очень тщательно и надежно из крупных сучьев, переплетенных стеблями травы. Внутренняя часть гнезда выстилается тонкими ветками, входное отверстие и пол обмазаны глиной, а сверху возводится крыша. Самка откладывает в нем полдюжины зеленоватых с бурыми крапинками яиц, насиживает их около трех недель, а самец кормит ее, не стрекочет и ведет скрытный образ жизни. Птицы в эту пору как будто исчезают, и несведущие люди искренне недоумевают: куда подевались неугомонные сороки?

Неугомонность - вот, пожалуй, основная черта сороки. Само ее имя, содержащее в себе сорок дел, которые надо непременно переделать и везде успеть, включает в то же время и способность быть разной. Где-то проявить настырную наблюдательность, сноровку или стащить, что плохо лежит, а затем, быть может, попасть впросак и, чуть оправившись от испуга, уже стремиться к новым заботам, без которых сорока просто не была бы собой. Сороке в лесу, кажется, всё дозволено, обитателям леса она хорошо известна, и чтобы избавиться от неприятностей, многие из них не случайно прислушиваются к ее нетерпеливому стрекоту, далеко разносящемуся над лесными опушками. Ведь он для зверей в большинстве случаев может означать лишь своеобразный сигнал — предупреждение об опасности, и они, конечно, отмечают эту птицу.

Сороке же от того большое удовлетворение. Ей, может быть, больше ничего и не нужно. Знай, летай над лесом, не пропускай мимо внимания ни единой мелочи, да успевай первой растрезвонить всем об увиденном. Именно в этом удовлетворении и заключена, наверное, суть птицы, которой до всего и всех есть дело, она одна такая создана Богом и тем жива, а надоедливая своим однообразием песня — лишь подтверждение ее неизменной сердобольности. Когда я наблюдаю за сорокой, мне всегда почему-то кажется, что сердобольная птица доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

Зяблик-интеллигент

В редком лесу не услышишь звонкой, задорной песенки с характерным «росчерком» в конце. Песенка звенит с самой ранней весны и до конца лета. Даже когда умолкают все птицы, эта продолжает петь, напоминая веселые

весенние переливы. Природа всегда оставляет какого-нибудь одного певца, когда другие уже умолкли и просто не имеют возможности подать свой голос.

Увидеть птичку нетрудно, хотя она величиной немного меньше воробья. Запомнить ее тоже легко: окрашена птичка достаточно ярко. Самца можно узнать по красивому оперению — бордовым щечкам и грудке, синевато-пепельной головке, спинке и двум поперечным белым полоскам на крыльях. Лоб его совершенно черный, а глаза светло-карие. Самка окрашена скромнее, она зеленовато-серая, почти невзрачная. Конечно же, это зяблик — самая распространенная и многочисленная птица наших лесов.

Именно его, а не овсянок, зеленушек и коньков, встречаем мы тогда, когда отправляемся в сад, парк или загородный лес. Темно-бордовые изящные птички снуют под ногами, в траве, как мыши, их можно увидеть перелетающими с ветки на ветку, их звонкие голоса сливаются в сплошной переливающийся шум, который всегда сопутствует хорошему, приподнятому настроению.

Весной самцы прилетают раньше самок на несколько дней и к их прилету осваивают гнездовые участки. Но вот конкретное место самка выбирает сама, и там, где, по ее мнению, находится наиболее удобная развилка дерева, она и помещает свое искусно построенное и замаскированное гнездо. С этой целью птички применяют лишайник и тонкие плёночки бересты, а иногда, что удивительно, бумагу. Для прочности гнезда стенки его опутываются паутиной, изнутри же лоток выстилается конским волосом, шерстью, перьями и пухом.

В кладке зяблика всегда находится полдюжины яиц, которые очень быстро насиживаются, и через пару недель уже появляются птенцы. В этой незамедлительности проявляется не пустая торопливость, как может показаться на первый взгляд, а тщательно продуманная природой сущность, вернее, ничем непоколебимая потребность птичек как можно быстрее огласить лесную округу радостной трелью, будто от этого зависит, раньше придет весна или запоздает.

Зяблик вообще очень живая и проворная птичка. Он находится в движении почти весь день и несколько успокаивается лишь во время сильной жары. По земле он то скачет, то бегает, на сучьях охотно подвигается бочком, а во время полета быстро и красиво описывает волнообразные линии и, прежде чем сесть, парит некоторое время, распутив крылья.

Зяблики, в противоположность чижам, щеглам и многим другим птицам, плохо переносят неволю, они с большим трудом привыкают к клетке, никогда не делаясь вполне ручными. В маленьком зяблике, не в пример другим птицам, очень много воли, которая выражается в его свободно льющейся песне.

Даже долго сидящий в клетке зяблик непременно начинает биться и метаться при приближении к нему человека, часто разбивая себе при этом крылья, клюв и лоб. Зато как спокойно ведут себя эти птицы в природе, когда мы подходим к ним почти вплотную, а они, кажется, становятся от этого еще

более восторженными, отлетая немного и вновь принимаясь напевать свою радостную песенку. В клетке зяблики поют не в полную силу, чаще только бормочут что-то себе под нос, так что и разобрать их бывает трудно. Для выражения своих чувств им нужны девственный лес и свобода...

К слову сказать, зяблики избегают темных густых боров, но очень охотно поселяются в светлых лиственных лесах, в речных рощах, в старых фруктовых садах сел и деревень, в парках и скверах городов, там, где воздух проникнут солнечным светом, где есть возможность обзора и свободного перелета. Белый свет зябликам на волю дан, и только его они превозносят в своих песнях.

Самое выразительное в песенке зяблика — это лихой «росчерк» в самом ее конце. Будто музыкант вложил все свое умение в завершающий аккорд и виртуозно оборвал его, вынуждая слушателей замереть в восхищении. После чего зяблик делает короткую паузу, как бы наслаждаясь произведенным эффектом, и все повторяется.

В первую очередь песня его означает, что зяблик собрался гнездиться. В лесу птицам легче слышать друг друга, чем видеть, и песни помогают им заявить о себе, в то же время узнавая своих соседей. Затем песня, конечно, адресуется пока неизвестной зябличихе, которая возвращается на родину чуть позже. Как это и полагается, ей предстоит выбрать лишь одного певца из целого хора голосов, а потому самцы изо всех сил стараются произвести наивыгодное впечатление. Они успевают в течение одного часа исполнить свою песню несколько сот раз!

Порой самцы так увлекаются, что, пренебрегая опасностью, поют в полный голос у самого гнезда и при этом еще танцуют, приседают и кланяются, расправляя и складывая крылышки. Но зяблик не был бы самим собой, если бы позволил себе подобное, когда самка начинает откладывать яйца. Он, конечно, продолжает петь при появлении в гнезде кладки, но теперь у него уже хватает благоразумия делать это в достаточном удалении от своего гнезда.

Многие птицы — чудесные синоптики, потому что воздух — их стихия, и они очень чутко реагируют на все происходящие в нем изменения: скачки давления, которые еще не ощутимы для человека, незначительное уменьшение освещенности, скопление наэлектризованных частиц перед грозой... И, что особенно важно, птицы реагируют на них заранее. Это находит отражение в их пении, криках, поведении и ежегодных сроках прилета и отлета.

Наверное, каждый по весне слышал вездесущего зяблика. Обычно его пение звучит так: «Пиньк... пиньк... витти-ти-ти, витти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу...» Но вот в другой раз слышишь его песню и не узнаешь... Что же случилось с зябликом? Сидит на ветке присмиревший, уже не такой восторженный, и совсем по-другому, без своего мелодичного раската, монотонно цедит: «Рю-пинь-пинь-пинь, рю-пинь-пинь-пинь, тррю-рю-рю-рюм!» Знатоки говорят: «Зяблик рюмит — к дождю». Зяблик не обманывает, предсказывая непогоду за полдня, а то и за сутки.

Что ж тут поделать, любит зяблик хорошую солнечную погоду и будто

прославляет ее в своей чистой и радостной песенке, но если на лес надвигаются тучи, он нахохливается и сидит слегка насуспенный. Его легкий характер не позволяет ему по-настоящему сердиться, но только вместо его веселой песенки «витт-ти-ти-ти, ви-чу!» мы слышим несколько унылое «трр-ррю, трр-ррю, тррююм!» Голосок дрожащий, вроде как надломленный, да и в самом деле: что возьмешь с крохотной птички, которую в лесу и не каждый заметит! Ей по нраву ясный день, солнце, и тогда все зяблика видят и отмечают его чудесную песню.

Трудно сказать, отчего зяблика так называли. Может быть, оттого, что он зябнет при самом незначительном похолодании, когда начинает накрапывать дождик, но ведь и прилетает зяблик раньше других птиц, в трескучие морозы. Осенью, бывает, держится до первого снега, а то и на зиму остается, если она теплая и достаточно корма. Значит, неверно ему причисляют такую повадку, как боязнь самой малейшей тени и постоянное дрожание: «трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рюм». Скорее, у зяблика просто немножко портится настроение, когда солнышко прячется и другие начинают зябнуть. Вот потому, что он не боится холодов и появляется у нас по весне именно в эту пору, он и получил такое имя.

Нет, зяблик — замечательная птичка, вызывающая только восхищение, и не страшны ей холода ни весной, ни осенью, потому что она добрая по нраву и, наверное, самая интеллигентная среди мелких птиц. Зяблик обходится малым и при этом не обижается на свою судьбу, а больше радуется, распевая повсюду свои чистые песенки. Заслышав их, любой человек незаметно для себя возрадуется.

Птицеловы пение зяблика называют боем, потому что поет зяблик звонко, задорно и мелодично. Песня начинается с нескольких повторяющихся друг за другом свистов, называемых, в свою очередь, «россыпью» и «стукотней», а заканчивается красивой трелью — «росчерком» или «раскатом»... У зябликов наряду с посредственными исполнителями встречаются поистине замечательные певцы, заслышав которых, обо всем позабудешь и вспомнишь соловья. Только у соловья, несмотря на его блестящее исполнение, песня какая-то уж больно правильная, а у зяблика она до удивления неподражаемая и легкая. Не покидает ощущение, что зяблику ничего не стоит излить эти волшебные, под стать самой весне звуки и он без труда разносит по лесу свои чудесные трели с утра до вечера. Он как талантливый мальчишка среди других певчих птиц, что вознамерился с озорством, но без бахвальства передразнить саму весну с ее капелью, и это ему с легкостью удастся!

С зябликами однажды был даже связан для меня приход весны! С одной стороны, радостный, потому что они сновали всюду по траве, в проталинах и оживляли отходящую от снегов землю, а с другой — я никак не мог тогда отыскать свой первый глухариный ток, сидел на крыльце лесной избушки и, вопреки происходящему вокруг торжеству, был несколько опечален. Весна идет, все гремит и радуется, тогда как я пропускаю день за днем впустую: не даются мне глухари. Но вот снующих повсюду бордовых птичек я запомнил

хорошо, и они, нужно сказать, очень мне помогли. Почему-то именно зяблики олицетворили для меня в тот год приход весны, и я надолго запомнил ее вместе с оживленными, красивыми птичками.

В тот весенний день, помнится, все как-то прямым, сразу открылось и хлынуло. До этого весна будто разгонялась, набиралась духу, а с утра вот что-то произошло... Может быть, даже с ночи уже повеял иной ветер, воздух запах по-особенному, хоть уже и ударяло в голову оттаявшим на полянке корьем и щепой, и как бы прогремело где-то вдали.

К полудню небо совсем растянуло, тяжелый и пряный воздух тронулся и побежал за легкими перистыми облаками, а солнце брызнуло сквозь ветви в самые потаенные таежные уголки. И разом заиграли ручьи, завертелись над ожившей землей первые бабочки, и стало как-то нестерпимо дышать: мешала ватная телогрейка. Грудь требовала иного духу, жадно вбирала обступающие ароматы, рука невольно расстегнула все пуговицы...

Огромной живой волной тронулось над землей нечто неуловимое, только что пробудившееся, и вместе с ним зашелестели по вылинявшей прошлогодней траве симпатичные птахи: туда-сюда, туда-сюда... В красных рубашках — бравые женихи, в оливково-сереньких платьицах — скромные невесты, откуда что взялось! Самчики, конечно, более нарядные — ведь весна на дворе, и только, знай, снуют под ногами, что-то важное для себя разыскивают!

Прислонился я тогда к косяку, двери — нараспашку, и слушаю лес, а больше — этих самых красногрудых птах, что, кажется, одни только и вносят в него оживление. Песни у всех зябликов похожие, но исполняются по-разному... У одного — задорная, у другого — вовсе беззаботная, с веселым «росчерком», третий — будто бисер по стеклу рассыпает. Но ни у кого не чувствуется грусти, только радость. Ну, может быть, лишь с нежным замиранием в конце...

Но это, скорее, бывает у самочки, песня же зяблика — чисто мужская, уж больно много в ней нескрываемого ухарства, воли. У самочки — тихая, с загадкой на более серьезное и ответственное существование. Одним словом, зяблик просто радуется жизни, самочка и радуется, и грустит, и чего-то будто остерегается.

Зяблик... Веселая маленькая птичка... Вот уж и не помышляешь о холоде, произнося его имя! Скорее представишь некоего неустрашимого забияку, что только раззадоривает всех своим призывным пением. Вернее, неустрашимого и милого певца, что не хорохорится, когда ему холодно, а просто радостно и без остатка изливает маленькую душу, которая, судя по песне, не так уж мала.

Еще с именем зяблика связано много веселого перезвона, который разносится по лесу, перекачивается невидимыми звуковыми горошинами и, отскакивая от ветвей и стволов, разлетается во все стороны: «уюить-тиньк, уюить-тиньк, тиньк, тиньк-к, тиньк-к-к...» Мелодичная переливчатая дробь льется ненадоедливой музыкой, и становится не зябко, а приподнято. Век бы не уставал тянуться за ней, не замечая ни весны, ни лета, ни осени. Зяблик —

провозвестник какой-то лучшей жизни, что стоит за временами года и ждет своего часа, когда можно будет объединить все живое единым потоком радости.

Только что зимой не поет зяблик, уж больно он для нее жизнелюбивый, а она не терпит непокорных. В народе про него даже замечали: «Зябнул зяблик и не так, это ему не в новинку!» Но все же зима — не его время, зато лето для зяблика — истинное наслаждение!

В середине августа на большом лесном пруду, открытом солнцу, я наблюдал, как зяблики купаются. Даже это они умудрялись проделывать с каким-то приподнятым настроением, в отличие от других птиц. Я сначала и не разобрал, что это зяблики, а только замороженно смотрел, как какие-то птахи со всего разлету окунались грудками в воду и тут же взмывали, подымая фонтан брызг.

Солнце светило в глаза, и я никак не мог разглядеть, что это за птицы. Пришлось обойти пруд по берегу, и только с подсолнечной стороны я наконец-то разглядел в озорных птичках зябликов. Помнится, я даже не удивился, а только в который раз отметил их необыкновенно приподнятый характер и опять порадовался за птичек, что устраивали себе душ из радужных капелек недостающей для них прохлады.

Зяблики порхали над прудом целой стайкой, но не мешали друг другу, несмотря на то, что день был жарким и каждому, наверное, не терпелось охладиться. Они почему-то выбирали для своих ванн именно середину пруда, соблюдая при этом строгую очередность. Как только один из них выскакивал из воды и оставлял за собой в воздухе мириады поблескивающих брызг, другой, уже разогнавшись, пикировал на переливающуюся поверхность воды, восторженно окатывал грудку, животик и лапки и так же восторженно взмывал в умиротворенное августовское небо. Радости их не было предела!

Совсем неподалеку, поближе к камышам, держался утиный выводок. Полтора десятка отъевшихся за лето кряковых уток плавали степенно, изредка покрякивая и настороженно взглядывая в сторону резвящихся зябликов, и, по всему, не одобряли их веселья. Они, наверное, даже осуждали этих вездесущих птичек, но были великодушны и впрямую никак не выказывали своего недовольства. Ведь вокруг стояло такое раздольное лето, полное чистой воды, теплого воздуха и обильного корма, и разве можно было в эту пору оставаться недовольным?!

А зяблики все порхали над переливающейся водной поверхностью, устраивая фейерверки брызг, заливисто перекликались между собой и были неподражаемы в своем восторженном восприятии окружающей их жизни. Я же смотрел на этих замечательных птиц, слушал их задорное щебетание и не верил, что когда-нибудь смогу стать таким же вдохновенно чистым и свободным, как они.

Наблюдая за тем, как со всего разгона зяблики бросаются в воду, как волнующе переливаются их радостные голоса, я в который раз убеждался в том, что эти птички очень решительны. Недаром они одни из первых, кто

прилетает к нам по весне. Еще снег покрывает землю, а зяблики тут как тут: ни крутой утренник им нипочем, ни злющая заметь. Не зябнет крохотная птаха — знай, развесёлые весенние трели разводит! В народе издавна оттого и сложилось, что зяблик — птица отважная.

Но во всякой птице своя отвага, как и свое сомнение. Так и в зяблике — все больше какой-то примерности поведения. Верно, что зяблик знатен своей необыкновенной призывной песенкой, именно ею он больше всего выделяется среди других мелких птиц, да только поет он не вызывающе, с вывертом, а очень трепетно и изящно. Зяблик как бы и прославляет лесную жизнь, и в то же время никому не хочет мешать. Он удивительно трогателен в своем вечно припархивающем и звонком существовании.

Выдастся тебе знойной летней порой остановиться на отдых у края какой-нибудь вырубki с незаметно стелющейся поблизости тропинкой, и присядешь ты, разгоряченный ходьбой, в хвойный холодок, на лысый высохший пенек поосмотреться, перекусить да июльскую тишь послушать. Все в ней дурман и сказка, непреходящее стремление заглянуть в самую глубь. Сидишь так, словно зачарованный, и боишься пошевелиться: охочему до леса человеку в этой хвойной чащобе — чистое наслаждение!

Тут и подвернется тебе аккуратная птичка. Припорхнет неожиданным, чем-то озабоченным гостем, пробежит у самых ног и, быстро повернув головку, прошьет черным глазком-бусинкой... Сизовато-серая шапочка шлемиком задорно воздета на самой макушке, подклювье бархатисто-черненькое, яркое, спинка с грудкой румянятся, как солнышко восходное. Лапки же тонюсенькие, будто иголочки, семят, переступают, а хвостик, наподобие трясогузкиного, вздрагивает при каждом шажке... Одно слово — удалец!

Не шевелясь, наблюдаешь за занятной птичкой и про себя отметишь: зяблик более застенчив, нежели настырен, в отличие от воробья, и есть в нем какая-то еле приметная аккуратность. Зяблик ведет себя так, будто примеривается ко всему, что его окружает, тихонечко прикидывает, понимает, и это никому не приносит вреда. Он тактичен в выборе поведения, может быть, даже внутренне опрятен, а его ласковый и мелодичный голосок тонкой лесной дудочкой возвещает всем о чистых помыслах:

«Витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, ви-чу, ви- чу, ви-чу!» Хвостик при этом чуть вздрагивает, и, глядя на эту замечательную птичку, невольно улыбнешься и про себя подумаешь: «Ну чистый ангел!»

Зяблик-интеллигент... Даже и не знаю, отчего я так назвал этот рассказ. Обычно все определяет первое впечатление, чувство, без которого трудно написать что-либо стоящее, тем более, правдивое, а зяблик всем своим видом вызывает улыбку, вернее всего, солнечное настроение, и как тут не посчитать его за счастливого небожителя, дарящего своим незатейливым существованием только тепло и радость!

Зябликов на своем веку я насмотрелся вдосталь, а также наслушался их, ибо ходить постоянно в лес и не встречать этих птиц невозможно, но вот

разглядел по-настоящему лишь однажды, когда сидел в ожидании электрички за станционным домиком, в березовой роще и к моим ногам подбежала маленькая птичка. Птичка была невзрачной, какой-то худенькой, и даже расцветку ее я разобрал не сразу, до того она выглядела изможденной. Наконец я узнал в ней зяблика...

Зяблик не вздрагивал и не перелетал при каждом моем движении, а спокойно припрыгивал рядышком и даже норовил приблизиться, будто прося защиты. Было похоже, что он совсем меня не боится, и только позже я заметил, что правый глаз у него отсутствует. Первое, что пришло мне тогда в голову, — это рассказать о маленькой симпатичной птичке, как она того заслуживает, и еще я вдруг почувствовал в зяблике какое-то трогательное достоинство, с которым он и тянулся ко мне, и в то же время не переходил допустимую черту.

И ведь такой маленький, думал я, многими не замечаемый, если рассудить по-простому — так себе, кроха, а хочется назвать его не иначе как интеллигентом! Почему? В чем тут дело?

Дело в том, что зяблик из себя представляет... Во-первых, в достоинстве, что он всегда в себе держит, но никому не навязывает. Во-вторых, в замечательной песенке, где нет ничего лишнего, напускного. В-третьих, в привлекательном внешнем облике, неизменно ухоженном, аккуратном. Конечно, многие птицы притягивают наше внимание, но среди маленьких — он единственный, самый заметный и яркий, хотя и не бросается в глаза, потому как скромный!

Зяблик — одна из немногих птиц, кто без опаски относится к человеку в любой обстановке. Поющий самец позволяет смотреть на себя с расстояния трех метров, не проявляя никаких признаков беспокойства. Самка разрешает наблюдать за строительством гнезда почти с такого же расстояния. А слетков родители могут кормить буквально под ногами, прямо на тропинке. Зяблики только радуют всех своей песней, и потому у них нет повода кого-либо остерегаться, тем более — человека.

Очень симпатична в зяблике неустранимость, с которой он прилетает к нам раньше всех, чтобы порадовать своей песней и растопить замерзшие за зиму сердца. К тому же делает он это все лето, то есть поет, когда другие птицы умолкают, занятые выводением потомства, а между тем самка зяблика совершает две кладки, и птицы заняты ничуть не меньше остальных пернатых. И еще зяблик улетает в числе самых последних, до первого снега оставаясь с нами и жертвуя, таким образом, собой, потому что отлетать ему приходится в более невыгодных условиях. Почему же зяблики решаются на подобное вопреки своей выгоде?

Опять же только оттого, что действительно интеллигентны в своем отношении к жизни, не требуют того, чего им не полагается, не обрекают других на голод и прозябание, стремятся всегда к солнцу, свету, а если их нет, они смешно, но ненадождливо для всех дуются какое-то время, правда, недолго... Зяблики — утонченные существа, хоть и такие маленькие, и

природе потребовалось долго оттачивать их прелестное многообразие.

И вот они однажды появились такими — милыми, веселыми, не вызывающими ничего, чем бы можно было повергнуть кого-то в переживания. Достойные себя, солнечные птички, способные на то, что не под силу даже многим крупным животным. Но не тело определяет суть, а душа, которая у зябликов, судя по их песне, необыкновенно возвышенная.

Трум-трум

Всем хорошо известен такой симпатичный зверь, как бурундук, и хотя он довольно маленький и далеко не каждый видел его в лесу, зверек этот оживляет лесную глушь. Бурундук, или, как его еще называют, полосатая земляная белка, значительно меньше обыкновенной белки. В лазании по деревьям бурундуки уступают белкам, делают это более неуклюже и забираются на них исключительно для того, чтобы погреться на солнышке или, спасаясь от погони. Но зато они проворнее бегают по земле, то и дело шмыгают между кустами, несясь по прямому направлению, ежеминутно меняя его, и трудно предугадать, что бурундук может выкинуть в следующий момент. Кажется, порой, что он ничего и никого не боится, а просто играет, и вся эта беготня доставляет ему немалое удовольствие.

Напоминая по облику белку, бурундук сильно отличается от нее образом жизни. Он предпочитает селиться на земле, выкапывая норы или занимая дупла в поваленных деревьях. Норы его незатейливы и просты, сообщаются с одной стороны с гнездом, с другой — с двумя или тремя кладовыми для зимних запасов, а отдельный длинный изогнутый выход ведет на поверхность. Все норы бурундука сравнительно мелки, поскольку влажность почвы не позволяет рыть их на значительную глубину.

В заготовке корма бурундук, бывает, неутомим и натаскивает к себе в норку запасы, во многом превосходящие его потребности. В этом ему помогают защечные мешочки, в которых он прячет и переносит пищу. Это и хлебные зерна, и молодые шишки с орехами, а еще ягоды, грибы и сладкие весенние всходы. Кабаны и медведи часто пользуются ими, раскапывая кладовые бурундука и поедая весь его запас.

В сибирских сказках о бурундуке рассказывается как об очень запасливом хозяине. Он заготавливает с осени порой до десяти килограммов кедровых орехов, желудей и семечек, так что спит беспробудно в своей норке до самой весны. Когда первые весенние лучи пригревают его жилище, зверек пробуждается, но не бродит в поисках пищи по лесу, а вскрывает свою кладовую и питается заготовленными лесными продуктами.

Если бурундука все-таки потревожить зимой в его норке, он тотчас проснется и начнет огрызаться. Не то что ежик, который впадает в полное забытие, а температура тела его понижается до минус полутора градусов. Бурундук не покидает своего жилища во время зимы, но вход в него зачем-то держит открытым.

Весной, в пору размножения, и летом, когда высокая и густая трава скрывает все происходящее на земле, бурундуки почти не показываются на глаза. Они очень быстро бегают, ловко шмыгают между корней деревьев и кустов, и их сложно разглядеть. Чаще их можно увидеть в конце лета или в начале осени, когда кладовые у зверьков заполнены и они позволяют себе погреться где-нибудь на солнышке, наслаждаясь последним теплом перед долгой зимней спячкой.

В такие осенние дни бурундуки особенно оживлены, они бегают повсюду, лихо задрвав хвост, и то и дело шуршат опавшей листвой. Именно в это время чаще всего можно слышать их звучный крик или свист, напоминающий жалобный стон хищной птицы. Если за бурундуком погонится какой-либо зверь, не способный достать его на дереве, бурундук возбужденно вертится на суку, улюлюкает и пронзительно свистит. В такие моменты он даже напоминает хищника, который просто дает о себе знать для острастки, а на самом деле не испытывает никаких злых намерений.

Но смешно представлять бурундука зверьком, способным кого-либо обидеть. Он очень мил, непосредствен, и нужно постараться, чтобы его рассердить. Впрочем, однажды мне это удалось, за что я впоследствии заслуженно поплатился.

Теплыми осенними днями бурундучки очень любят забираться на вершинки невысоких и уже почти облетевших деревьев, замирают там и отрешенно греются на солнышке. В эти моменты весь вид бурундучка свидетельствует о том, что целое лето он трудился, заготавливал пропитание на холодную пору, а теперь, перед тем как окунуться в долгое забытие, решил напоследок поблаженствовать под ласковыми лучами. Бурундучку, наверное, хочется унести с собой в долгие зимние сны воспоминание о последнем тепле, и он, прикрыв глаза, как будто на самом деле засыпает.

Вот в таком полуотрешенном состоянии я и застал однажды бурундучка на одиноко стоящей осинке, когда брел с ружьем по краю просеки, пытаясь подманить рябчиков. Бурундучок меня не заметил, потому что сидел с закрытыми глазами и, обхватив передними лапками тоненький ствол, чуть-чуть раскачивался. Вернее, ласковый ветерок слегка поддувал, гнул верхушки деревьев, и бурундучок, наверное, испытывал от всего этого немалое удовольствие. Было занятно стоять прямо под деревцем и наблюдать, с каким умильным видом раскачивается на нем ничего не замечающий зверек.

Я решил вывести бурундучка из этого самозабвенного состояния, желая понаблюдать, как поведет себя зверек, и не придумал ничего лучше, как взять и ударить ногой в нижнюю часть ствола. Результат был неожиданным. Моя опорная нога поскользнулась на влажной осенней дорожке и очень неловко вывернулась, отчего я сразу потерял равновесие, другая же уперлась обратно в ствол, и тот, спружинив, отбросил меня прямо в лужу. Ничего не подозревающий бурундук, запущенный выпрямившимся деревцем в обратную сторону, истошно взвизгнул, судорожно растопырил лапки и, кажется, замер в воздухе на какое-то мгновение.

Стоит представить себе погожий сентябрьский день, голубое небо без единого облачка и нас с бурундуком, одновременно летящих в разные стороны... Правда, если я оказался в луже молча, не произнося ни звука, то бурундук не прекращал своего визга во время полета и замолк только тогда, когда брякнулся о землю в молодых елочках, опять душераздирающе вскрикнув. Мне было горько, поскольку одежда моя совершенно вымокла, но в то же время и смешно, так как я увидел себя и бурундучка со стороны. Зверек был уже далеко, а я все лежал в луже мокрый и смеялся. Мне почему-то было удивительно приятно лежать вот так в этот осенний солнечный полдень и думать о моем бурундуке, которого я, наверное, совершенно напрасно напугал. Его душераздирающий вопль до сих пор стоит у меня в ушах.

К слову сказать, бурундук издает самые разные звуки, что зависит, по-видимому, от его настроения. Помимо пронзительного и частого посвистывания, которое бывает у него обычно при крайнем возбуждении или испуге, бурундук резко цыкает, стрекочет и даже булькает. А однажды охотники заметили, что этот подвижный и игривый зверек удивительно чутко реагирует голосом на изменения погоды.

Иногда в ясный солнечный день он вдруг начинает волноваться и резко посвистывать, затем садится на камень или пенек, закрывает уши лапками и жалобно кричит: «Трум-трум-трум, трум-трум-трум, трум-трум-трум!» Это означает, что скоро подымется ветер, небо затянется тучами и пойдет дождь. И это точно — прогнозы бурундука безошибочны: если уж «кузьма», как его почему-то называют в Сибири, начинает посвистывать утром, то к вечеру погода обязательно ухудшится.

Непогода наводит на забавного зверька хандру, и он кричит свое «трум-трум» печально и мелодично. В такую пору бурундук по непонятной причине становится каким-то неприкаянным (охотники называют это состояние «хворым») и отрешенно сидит на каком-нибудь пенке, взъерошив шерсть. Выглядит он в эти моменты очень занятно, и подойти к нему тогда вплотную не составляет труда.

А вот самка бурундука начинает кричать только по весне и не прекращает крика, даже когда кормится. Самцы десятками устремляются на этот призывный крик, а охотники легко ловят их удилицем с волосяной петлей на конце, набрасывая ее на шею возбужденных и ничего не замечающих бурундучков. Во время спаривания инициатива полностью принадлежит самке, и если ее что-то не устраивает, она даже может загрызть самца.

Увлекая его за собой, самка вдруг перестает убежать и отбиваться от его ухаживаний, выбирает приподнятое место и начинает усиленно чистить свою шкурку. Всем своим видом самочка дает понять, что делает большое одолжение самцу, если отвечает на его внимание. Но уже на следующий день после спаривания она не подпускает к себе самца, перед рождением детенышей становится еще более агрессивной, и самец, опасаясь хорошей взбучки, даже перестает заглядывать в ее гнездо.

Вообще, судя по характерному поведению, несложно отличить самочку от самца, если к тому же проявить терпение и наблюдательность. Самцы, несмотря на лидерство самки, выглядят более забавными, и именно они вернее всего создают образ этого необыкновенного зверька, с присущим ему обаянием, вызывающим только улыбку. Симпатичный с виду зверек так же симпатично двигается, разыскивает и запасаает корм, ухаживает за своей возлюбленной, пусть даже она его и держит в ежовых рукавицах.

Но главное достоинство бурундучка — в его нежно-золотистом цвете, наподобие спелых орешков, и пяти темных полосках, расположенных вдоль спинки. Еще у бурундучка очень милая мордашка, схожая с беличьей, но только с короткими ушками, и черные бусинки озорных глаз. Ловкое тельце со светлым животиком, который всегда хочется осторожно потрогать, продолжает мило вздернутый хвост, которым может выражаться озабоченность, боязнь или приподнятое настроение.

Количество полосок объясняется, наверное, тем, что больше их просто не уместится на его маленьком теле, и то, что их пять,— замечательное стечение природных обстоятельств. Пять полосок — это не много и не мало, как раз столько, чтобы быть привлекательным, а в какой-то ситуации оставаться незаметным. И без того юркому зверьку полоски вдоль всего тела придают еще необыкновенную гибкость и грацию.

Мелькнет что-то во мху или между корней, а ты сразу и не разберешь,мышь ли это пробежала, метнулась к добыче ласка или юркнул в норку ловкий бурундук. В движении полоски зверька сливаются с окружающей окраской, и при сравнительно одинаковых размерах зверей обычно трудно разглядеть, кто это был. Но вот если день солнечный, бурундук никуда не торопится и ему ничего не угрожает, можно спокойно рассмотреть забавного зверька, полюбовавшись на его полоски.

Теплым сентябрьским полднем возвращался я однажды с охоты и уже на подходе к деревне заметил бурундучка, сидящего на корнях одинокой сосны. Сосна росла метрах в тридцати от опушки, и бурундуку трудно было скрыться от меня незамеченным. Подойдя к нему со стороны леса почти вплотную, я наклонился над зверьком и осторожно протянул руку, попытавшись до него дотронуться, но бурундук взвизгнул, издал утробный звук «трум-трум» и молнией взлетел по стволу, застыв в напряженной позе.

Весь он был сама настороженность, внимание и в то же время желание остаться незамеченным. Распластавшись по шероховатому стволу, он действительно сливался с его охристо-оранжевым фоном, и только бусинки глаз озорно блестели. Бурундучку, наверное, казалось, что он совсем невидим, но когда я слегка прикоснулся к нему пальцем, он даже не вздрогнул, продолжая сидеть так же спокойно. В общем, зверек оставался невозмутимым, и я еще несколько раз погладил его по золотистой шкурке.

Зверьку некуда было сбежать, он сидел смирно, и я с удовольствием его разглядел. Бурундук раздувал щеки, вскидывал хвост, при этом вновь забавно трумкал, вызывая только улыбку, и все же не двигался с места. Такое

поведение бурундука почему-то совсем не удивило меня, а только порадовало, и я попытался поиграть с ним, подражая его голосу.

Бурундук тревожно застрекотал, взметнулся по сосне метра на два и, усевшись на обломанном сучке, посмотрел на меня сверху. «Трум-трум, трум-трум-трум», — опять возбужденно произнес он и тотчас спрятался за стволом. Удивительно приятно было общаться с этим маленьким лесным существом. Я обо всем позабыл и думал только о том, чтобы он не исчезал совсем, солнечный день продолжался, а лес по-прежнему дарил мне свою улыбку в виде маленького занятого зверька. Это была именно улыбка, и я был благодарен за неё лесу.

Кстати, бурундучки на самом деле обладают очень забавной потребностью подражать друг другу или все делать вместе. Стоит только одному из зверьков сесть на пенек и начать умываться, как к нему присоединяются второй, третий, и часто весь выводок собирается вместе, изображая необыкновенную озабоченность, если даже за несколько секунд до этого они самозабвенно играли. Когда какой-нибудь бурундучок находит корм, другие тут же бросаются его отнимать. Причем, отнимают как друг у друга, так и у родителей, и чем быстрее распадется выводок, тем лучше будет для всех бурундучков.

Заведя собственный домик, каждый бурундук сразу начинает делать в нем запасы и самоотверженно охраняет его, прогоняя своих собратьев. При этом зверьки редко на самом деле набрасываются и кусают друг друга, а чаще просто преследуют нарушителя спокойствия, как будто и не стремясь догнать его. Зверьки делают, таким образом, по несколько кругов, держа между собой постоянную дистанцию, но стоит только одному остановиться, как останавливается другой. Потом преследование может возобновиться, а могут они и разойтись по своим делам. В этом проявляется еще одна забавная черта зверьков — самая обыкновенная непосредственность, которая, кстати, больше присуща именно маленьким обитателям леса.

Так уж повелось в природе, что если она не наделит какого-либо зверя внушительным ростом и размерами, то обязательно вдохнет в него неунывающий характер и неприхотливость. Бурундуки в полной мере обладают и тем и другим, и ты даже порадуешься за обаятельных зверьков, что им нужно совсем немного для своего маленького счастья: возможность быть, не докучая никому, занимать часть отведенного им внизу полога леса и радоваться, как на это способны только бурундучки — вездесущие и милые зверьки. Само слово «бурундук» неминуемо вызывает улыбку, потому как сразу представляется нечто в высшей степени занятое и смешное. Чего стоят одни только набитые щеки бурундучка, которые мне всегда напоминают очень забавный случай.

...Мы работали на полуострове Шмидта, что составляет северную оконечность острова Сахалин, в устье речки Пиль, впадающей в Татарский пролив, и жили в большой палатке вместе с рыбаками, которые добывали симу, идущую на нерест. Необъятные заросли кедрового стланика подступали

к самому морю и изобиловали множеством бурундучков, что то и дело сновали под ногами, забирались в наше жилище, словом, не давали никакого покоя. И хотя мы к ним достаточно привыкли и иногда они нас даже развлекали, зверьки все же порядком надоели. Терпение наше лопнуло, когда бурундуки за одну ночь перетаскали из нашего ледника почти все сливочное масло, которое хранилось там в большой картонной коробке.

Ледник мы выкопали в кустах стланика прямо за палаткой, положили туда, помимо масла, недавно подстреленного оленя, попавшую в сети калугу и ведро ее черной икры, но бурундуки из всего этого богатства выбрали именно масло, которое, по-видимому, легко было откусывать и прятать в защечные мешочки. А поскольку зверьков в прибрежных лесах обитало невероятное количество, им не составляло особого труда довольно быстро разделаться со всеми нашими запасами, если бы мы вовремя не спохватились. Масло бурундучки старательно припрятали в свои норы, вернуть его уже не представлялось возможным, и, таким образом, на два ближайших месяца наш завтрак значительно оскудел.

Но бурундуки на этом не успокоились. У входа в палатку стоял здоровенный мешок с горохом. Как-то после обеда, когда мы отдыхали, бурундук показался перед отдернутым пологом очень осторожно, как будто оценивая обстановку, и, удостоверившись, что все спокойно, ловко нырнул в мешок. Пошурудив в нем какое-то время и набив полные щеки, бурундук незаметно выскользнул, но вскоре опять появился.

Утащив определенную порцию, он тщательно умывался на улице, охорашивался и после небольшой паузы отправлялся к нам в палатку за новой порцией. По тому, как часто появлялся зверек, можно было предположить, что у нас под боком орудовало целое семейство. Все бурундучки были очень похожи и одинаково мило вели себя, думая, что их никто не видит... Но однажды мы решили изловить хотя бы одного, и у нас это по-лучилось.

По всей вероятности, бурундук привык, что он никому не докучает, никто его не преследует, и он может преспокойно заниматься своим делом. Забравшись в мешок через прогрызенное им отверстие, бурундук на короткое время притих, а потом зашебуршал, тихо затрумкал, и, когда он стал выбираться, мы его уже ждали. Прихватив бурундучка за задницу, я попытался вытянуть зверька наружу, но он так набил свои защечные мешки, что голова его застряла в маленькой дырке. Больше всего насмешило то, что в дырке застряли щеки бурундука, до отказа набитые горохом...

Раньше я не встречал в наших лесах этого зверька, но в последние годы бурундук стал попадаться довольно часто, и хотя местные жители привыкли к нему, меня не переставало удивлять его появление. На Сахалине мне довелось наблюдать этих милых зверьков в огромных количествах, и я, по-видимому, привык связывать место их обитания с кедровым стлаником, который на Урале отсутствовал. Каждый раз, когда бурундук попадался мне в нашем уральском лесу, я вспоминал Сахалин. Здесь, на Урале, бурундук возникал для меня в лесу радостным откровением, а в связи с Сахалином вызывал приятные

воспоминания.

В Сибири и на Дальнем Востоке охотники обычно сбывали шкурки бурундуков в Китай, где они шли главным образом на опушку шуб. Якутские мальчишки охотятся на бурундучков, приманивая их дудочкой, сделанной из березовой коры, подражая призывному крику самки. Мальчишек не интересуют шкурки зверей, и ловят они их для того, чтобы поиграть. Бурундучки при этом будто понимают, что с ними происходит, и очень сильно возбуждаются.

Вообще, бурундук — зверек непритязательный, живет достаточно скромно, можно даже сказать, незаметно. По характеру он скорее кроток, чем злобен, и очень быстро привыкает к человеку. Если держать бурундуков в постоянном доверии к себе и не обижать их, то они, как правило, перестают бояться людей. Да и сами зверьки по своей природе нередко показывают себя до отчаяния смелыми и независимыми, несмотря на свою покладистость.

Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его зверьком, которого охотно держат в домах. Впрочем, их не удается приручить вполне, они все-таки остаются робкими и нелюдимыми, хотя и проявляют немалую игривость и привязчивость. К тому же, как и все белки, они несносны своей страстью грызть решительно все, что им попадается, поэтому их не особенно охотно оставляют дома на долгое время.

Бурундуки хороши в этом смысле там, где присутствует свобода, возможность не быть оторванными от природы и доброжелательное отношение к ним людей. Тогда зверьки как будто еще более оживляются, своим звериным чутьем угадывая, что они нужны и им ничто не угрожает. Когда встречаешь подобное в природе, то радуешься вместе с ними и на какой-то миг представляешь и себя неугомонным бурундучком, который, переделывая прорву работы, не перестает оставаться веселым и славным зверьком.

Что же касается Сахалина, то своеобразие его проявлялось именно в людях, живших в лесу у моря и именующих себя нивхами, а также в их отношении к таким забавным и, казалось бы, совершенно не пригодным для чего-либо зверькам, как бурундуки. Но взрослые, все же, нашли им мудрое применение и превратили их в воспитательную игру для своих детей.

Приручение бурундуков нивхами основано на имитации их спасения. Зверьков вначале топят, несколько раз окуная в воду, а затем пристраивают за пазуху, согревая своим теплом, обещая тем самым в последующих взаимоотношениях заботу и ласку. После этой весьма неприятной для бурундучков процедуры они становятся искренне, насколько это возможно, привязанными к своему спасителю.

Зверьки без устали снуют по карманам, лушат кедровые орешки прямо на плече, забираются под рубашку, словом, чувствуют себя совершенно свободно, не собираясь покидать нового прибежища, вполне их устраивающего. Даря, таким образом, своим детям маленьких забавных друзей, нивхи подвергают их души испытанию, и это очень правильно: друга,

пусть даже такого маленького и беззащитного, обретаешь, только согрев своим теплом, к тому же ты за него теперь в ответе, а потому обязан заботиться и оберегать. Впрочем, бурундуку палец в рот не клади, поскольку он сам кого угодно прихватить может, ну а если зверька все-таки кто-нибудь обидит, то тот поднимет невообразимый крик, от которого впору ретироваться и более сильному сопернику.

В маленьком бурундуке поражают в первую очередь свобода и грация движений. Он как будто ничего и никого не боится, живет и не тужит. Вся его прелесть в ловком передвижении там, где он почти неуловим.

При всем том, что бурундук очень подвижный зверек, он может быть порой совершенно неугомонным! Бурундук редко бывает занят какой-то деятельностью долгое время, и даже кормиться на одном месте он не в состоянии. Чаще всего бурундук быстро собирает корм в защечные мешочки и потом понемногу ест, доставая из них по кусочку и присаживаясь для этого то тут, то там, как будто его кто-то преследует. Наблюдая за зверьком, легко подумать, что ему чего-то не хватает, и он пробует отыскать для себя то положение, которое будет наиболее удобно.

Резвость зверька и непредсказуемость его поведения создают впечатление удивительной сообразительности, которой он обладает. Даже молодой, только что начинающий выбегать из гнезда бурундучок с первого раза запоминает дорогу, по которой он прошел, и легко возвращается по ней. Когда же бурундук пожелает освоить свой домик, который ему по душе, он так же осмысленно и бесстрашно примется действовать на новом участке.

Если бурундук не пуган и почуял поживу, он, не смущаясь, без оглядки подбегает к человеку, когда тот оказывается рядом с его жилищем, будто выпрашивая, подобно бездомной собаке, подачку. Правда, делает он это более забавно, чем собака, но не менее настырно, и, не получая желаемого, начинает издавать взвизгивающее бульканье, будто угрожая. Хвост его в такие моменты становится столбиком, сам он весь как-то приподнимается, даже чуть-чуть подпрыгивает, и порой кажется, что бурундук вот-вот бросится на тебя.

Сидя однажды у костра и неспешно заканчивая чаепитие после бессонной ночи на глухарином току, я поставил на пенек пустую банку из-под сгущенного молока, и тут же рядом с ней очутился бурундучок. Вздрагивая всем телом от нетерпения, он стал быстро приближаться к банке странными зигзагами, то и дело присаживался на все лапки и опять вскидывался, будто пытаюсь рассмотреть, что в ней. Я сидел не шелохнувшись, но все равно было понятно, что бурундучок меня уже увидел, и тем не менее он продвигался к желанному лакомству. В мое отсутствие он, конечно, повел бы себя смелее, а так все же немножко опасался.

Добравшись, наконец, до банки и еще раз мельком взглянув на меня, бурундучок ловко приподнялся, оперся лапками о ее верхние края и заглянул внутрь. Высунувшись, он опять посмотрел в мою сторону, взвизгнул и восторженно прокричал свое «трум-трум». Все это, по моему понятию, должно было означать лишь одно: «К великой радости, я здесь, и пока это

богатство не будет спрятано — покоя мне не видать!»

Бурундук возбужденно застрекотал, забегал вокруг банки и вдруг бросился на нее всем своим маленьким телом, так что она с грохотом полетела. Но зверек не испугался, а, догнав ее, вновь наподдал, успевая слизывать драгоценную сладость. Ни разу в жизни, не пробуя притягательного молочка и, конечно, не ведая его вкуса, он каким-то образом угадал, что это действительно вкусно, и не побоялся утащить банку прямо из-под моего носа. Бурундук не успокоился до тех пор, пока не затолкал ее под корягу.

А вот о каком забавном способе охоты на бурундучков рассказал мне знакомый охотник. Для начала надо заметить, что звуки в жизни занятых зверьков играют не последнюю роль, а может быть — основную, если даже названием этому рассказу послужил один из них — наиболее запоминающийся и характерный: «трум-трум». Но речь пойдет о еще более своеобразном звуко сочетании, которое сам бурундук не произносит, оно лишь необыкновенным образом притягивает зверька. Когда тот слышит его в лесу, то уже ничего не может с собой поделать. Все существо бурундука стремится тогда быть, во что бы то ни стало, рядом с этим звуком, звук невероятно гипнотизирует его, и бурундук обо всем забывает. Дело происходит так.

В той местности, где бурундуки попадают особенно часто, на суку дерева подвешивается бутылка с водой горлышком книзу, причем оно плотно перебинтовывается марлей. Под бутылкой ставится железная банка с таким расчетом, чтобы капли попадали именно в нее и при определенном наполнении издавали булькающий, вернее даже, тенькающий, со всхлюпываньем, звук. Заслышав его, бурундуки тотчас все бросают, потому, что звук производит на них какое-то магическое воздействие, и они совершенно шалеют.

Бурундуки молниеносно устремляются к бутылке, а приблизившись, сразу замирают, замороженно всматриваясь в банку. Бутылку зверьки, видимо, не замечают, их интересует только банка, вернее, звук, который она издает. Затем бурундуки рассаживаются вокруг на деревьях и тихо смотрят в одну точку, наострив ушки. Весь облик их при этом выражает лишь рабскую покорность и готовность идти за чарующим звуком хоть на край света. К тому же они ничего не замечают, полностью поглощенные звуком, и охотник с помощью волосяной петли на длинной палке легко вылавливает зверьков.

По словам моего знакомого, он таким образом поймал однажды одиннадцать бурундучков. Все они, пока капала вода, как будто не замечали друг друга, каждый для себя оставаясь один на один с неведомым звуком. Странно, что зверьки не кричали, не бегали, задрав хвосты, как они обычно это делают, а сидели и молчали. Чем-то их необыкновенно завлекло хлюпающий звук, можно даже сказать — повергал, так что они становились совершенно непохожими на самих себя.

Что может означать подобное поведение, сказать сложно, но несомненно то, что бурундуки украшают своим присутствием наш лес. Отчего-то их привлекает звук падающей в банку капли, а люди подсмотрели своеобразную

склонность зверьков и долгое время использовали ее против них. Может быть, падающая вода напоминает зверькам о длительной непогоде, которая ввергает их в странное оцепенение?

Бурундуки сидят в каком-нибудь укрытии и тоскливо взирают на бесконечные потоки дождя, — ни порезвиться тебе толком, ни поиграть в догонялки! Капли же капают — «буль-теньк, буль-теньк, буль-теньк», иногда замирают, и бурундучкам, наверное, кажется, будто непогода вот-вот прекратится. Ведь вездесущие зверьки больше всего в жизни предпочитают движение, и им, должно быть, скучно долгое время находиться без него. И они терпеливо сидят и ждут, когда выглянет солнце и неугомонные зверьки бросятся сломя голову в свою умопомрачительную беготню! Огромный лес без нее, наверное, заскучал бы и, конечно, не был бы уже никогда таким неповторимым и мудрым.

Птичий гений

Баши обыкновенные серые вороны — птицы ни на кого не похожие, но поскольку они встречаются на каждом шагу, никто на них не обращает внимания, а если и смотрят, то, как на нечто самое обычное, порядком надоевшее и примелькавшееся. Это, конечно, недалеко от истины, и все-таки вороны незаслуженно обойдены симпатиями, да, ко всему прочему, несмотря на их доступность и общеизвестность, птиц постоянно путают с вороном, грачами и галками. Многие вообще думают, что название «ворона» дано женской особи в птичьей паре, где отец, соответственно, называется «вороном». А между тем это разные виды, отличные друг от друга размерами, окрасом и образом жизни.

Образ жизни обыкновенной серой вороны прост и неприхотлив. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, птицы оживлены и очень деятельны. В основном все их заботы связаны с поиском пищи. Они летают над полями, держатся в лесу, а надоест — отправляются ближе к деревне, где следят за человеком и, как только он оставит что-нибудь без внимания, тут же пользуются его оплошностью. Вороны не гнушаются ничем. Разоряя птичьи гнезда, обыскивая берега рек и ручьев, нападая на более слабых, они еще караулят мышиные норы, часто посещают помойки, словом, толкаются всюду...

Если случается что-нибудь особенное, птицы первыми это заметят и сообщат другим. И уж тут подымается такой гвалт, что если не ретироваться, вороны могут и напасть. Они вообще удивительно организованные птицы, умеющие обделывать свои дела самостоятельно, но в случае опасности действуют очень сплоченно, всем своим черно-серым сообществом.

Только к полудню вороны обычно слетаются на какое-нибудь большое дерево и, поудобнее рассевшись в его густой верхушке, некоторое время отдыхают, чтобы вскоре вновь отправиться на поиски корма. Собираются они вместе лишь поздним вечером, когда отправляются на ночлег. Происходит это, как правило, в густой части леса и после наступления темноты, когда их

никто уже не может потревожить. Скупно обменявшись впечатлениями дня, вороны быстро замолкают. Совсем недавно крикливые и взбалмошные, сейчас птицы не похожи на себя, они внимательны и осторожны. Так незамысловато протекает в течение дня жизнь вороньего племени.

Кстати, гнездо вороны очень крепкое и сплетено из жестких ветвей, а на дно его укладываются кусочки коры, корни и пучки травы. Все это связывается слоем глинистой земли и выстилается волосом, мхом, разными тряпками и перьями. Относясь с пренебрежением к чужому труду, ворона очень серьезно подходит к собственным заботам.

Вороны очень терпеливы, необыкновенно изобретательны и умны. Они могут часами караулить тот момент, когда кто-нибудь вспугнет птицу с ее гнезда, и ворона тотчас воспользуется этим. Если подобный способ не приносит удачи, пара ворон сама осуществляет свою затею: одна из птиц дразнит обладательницу яиц, а другая подкарауливает вблизи, и как только раздосадованная наседка, не в силах терпеть такого нахальства, сорвется с насиженного места, вороны молниеносно опустошают гнездо. И это происходит с птицами, которые внушительны по размерам и могут за себя постоять, а с теми, кто послабей, вороны вообще не церемонятся: нагло сгоняют их с гнезда и тут же обворовывают, нападая при этом на самих родителей, порой даже убивая их.

Чувствуя свою безнаказанность в отведенной ей природой нише, ворона проявляет сверхизобретательность и настырность в удовлетворении своих потребностей. Способная разорить любое гнездо, она даже умудряется проникать в скворечники, срывая с них клювом крышки. Вороны устраивают облавы на зайцев и без устали терроризируют озерных и речных чаек, пока те не выпустят изо рта добытую рыбешку... Но сказать о воронах, что они бесстрашные, нельзя, в них только куда-то смещено понятие дозволенности, а вернее, оно просто отсутствует.

Именно по этой причине ворону очень трудно взять на испуг даже человеку, у которого она, кстати, больше всего ворует. Человек, конечно, старается не провоцировать ворону и прячет от нее подальше все, что может хоть как-либо заинтересовать птицу. Но ворона на то и ворона, что ни перед чем не остановится. На подоконнике остался без присмотра пакет со сливками она его стянет, с утра забыли у умывальника в огороде убрать мыло — и оно пропадет, а о блестящих предметах уж и речи нет! Ворона, как завзятая старьевщица, тянет в свое гнездо все, что придется, ну, а если украденное не входит, то на стороне прячет. Даром что не человек, который, знай, только разбрасывает, ворона же за ним все подбирает, самым тщательным образом прячет и зачем-то бережно хранит.

То, что ворона тянется к человеческому жилью, объясняется довольно просто: птица она бездомная! После того, как выведены птенцы, птицы гнездо покидают и даже в непогоду прячутся под стреху или, на худой конец, усядутся на дерево, головой на ветер, чтобы перо не задиралось и не выдувало тепло.

Самым надежным способом, с помощью которого вороне удастся перетерпеть холод, является умение взъерошивать перья. Дело в том, что под настоящими, контурными, как их называют, перьями прячутся тоненькие нитевидные пушинки, обеспечивающие птице добавочное тепло. Такие пуховые ниточки растут у вороны на крыльях, бедрах, шее и груди, да к тому же они обвивают каждое перо, и ей гораздо легче переносить суровые морозы.

Но, несмотря на нелегкое житье-бытье, ворона никогда не теряет присутствия духа и даже находит время для развлечений. Используя восходящие воздушные вихри в непогоду, птицы бесстрашно поднимаются на огромную высоту. С распростертыми крыльями, словно танцуя, вороны катаются на воздушных потоках, пока они не иссякнут, а время от времени, видимо, от удовольствия оглашают округу гортанными выкриками, похожими на возгласы восторга. Вороны в такие моменты, наверное, забывают все свои горести и только безоглядно радуются вольной жизни и возможности - вот так, свободно, парить высоко над землей.

В отличие от ворона, у которого подобная воздушная эквилибристика — священный брачный ритуал, начинающийся уже с середины января, у ворон — просто игры. Причем, игры эти у них всегда происходят парами, очень редко в одиночку. По всей видимости, птицам больше нравится затевать игру с ветром, чем соревноваться со своими собратьями, и держатся они вместе только из солидарности, желая поделиться хоть с кем-нибудь переполняющими их чувствами.

На первый взгляд человеку может показаться, что ветер играет с птицами, как кошка с мышкой, но постепенно он с изумлением убеждается в обратном: это вороны используют стихию для собственного наслаждения. Они останавливаются в воздухе почти против ветра и, небрежно качнув крыльями, бесстрашно ныряют в воздушную пучину с умопомрачительным ускорением. Затем еще один едва заметный взмах, и птицы возвращаются в свое обычное положение. Все это проделывается играючи и без всяких усилий.

В таком свободном парении вороны любят иногда переворачиваться на спину, издавая при этом необычный звук «крум- крум». Его не услышишь, когда птицы находятся в спокойном состоянии. Может быть, так вороны выражают свое восхищение от возможности покататься на потоках воздуха, а ведь для этого требуется определенное настроение!

У вороны всегда такой вид, будто ей просто нравится радостно проделывать обычные птичьи дела рядом с человеком, немножко беспокоить его своими проказами, но чаще все-таки веселить. Словом, воронам приятно жить и быть самими собой, что, несомненно, отражается в их внешнем облике: птицы — сама приподнятость, ежеминутная готовность сорваться и все переменить, лететь хоть на край света — лишь бы ничего не пропустить!

Ворона как бы переполнена знаниями об окружающей жизни и, кажется, еле сдерживает себя от нетерпения во всеуслышание заявить: «Я очень умная, да, я самая умная, нет меня находчивей и хитрей!» Эта несдержанность, на которую все-таки решается ворона, часто и губит птицу. Помните известную

басню про лисицу и сыр? Прозорливая лиса все-таки поймала ворону на ее хвастливости и добилась своего, ворона же осталась с носом. Наблюдая за этой необыкновенной птицей, всегда ловишь себя на мысли, что она как будто остановилась в развитии совсем неподалеку от пика своих возможностей, но дальше почему-то идти не решается и оттого часто попадает впросак.

Хоть и достаточно смысленной, вороне все же недостает определенной доли хитрости, присущей ее черным собратьям — ворону и сороке. Порой создается впечатление, что ворона как бы силится постичь недоступное ей и у нее так ничего и не выходит. Она хорохорится, переживает и тем не менее не может понять причины своего неведения. Все эти ее попытки бывают очень забавны. Наблюдая за ними, заметишь: слышит ворона звон, да не знает, где он. Что-то мешает дотошливой птице в последний момент дотянуться до правды.

Может быть, из-за этой непонятной растерянности, так не схожей с присущей птице нахрапистостью, нерасторопного и вялого человека в народе зовут вороной. Отсюда и многочисленные поговорки, метко изобличающие птичий изъяс: «Пуганая ворона и куста боится», «Сокол с лету хватает, а ворона и сидячего не поймает», «Ласточка — вестница весны, ворона — вестница зимы», «Первые детки — соколятки, последние — воронятки», «Ворона за море летала, да вороной и вернулась». Про ротозея говорят, что он ворон считает, а о том, кто сидит разинув рот: «Смотри, как бы ворона не влетела».

Так уж повелось, что с вороной мы скорее связываем коварство, нежели пользу. Идет ли это от вздорности ее характера, жадности или ненасытности — непонятно. Может быть, давным-давно ворона была кем-то незаслуженно обижена и теперь изливает свое раздражение на всех и вся, но выходит это у нее как бы попусту, напрасно. Слишком великой представляется та сила, что по какой-то причине обошла птицу вниманием.

Отношение к вороне всегда было презрительное, ее даже и птицей настоящей считать не желали: «Из-за куста и ворона востра», «Как ни вертись ворона — и спереди карга, и сзади карга», «Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость». Связанные с ней в народе пословицы говорили больше о худом: «Ворона каркает к несчастью или ненастью»,

«Всякому б ворону на свою голову каркать», «Подстреленного сокола и ворона носом долбит», «Была бы падаль, а воронье налетит», «Метил в ворону, а угодил в корову...» Во всем, что касается вороны, как видно, царит пренебрежение: мол, хуже ее птицы нет, в нее в первую угораздит прицелиться и выпустить заряд.

Та же мысль присутствует в другой поговорке, советующей стрелку птиц не разбирать, бить все, что под руку попадет, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошего, и в первую очередь опять выстрел приходится по сороке и вороне: «Стреляй сороку да ворону, попадешь и в ясного сокола!» Словом, во многих поговорках ворона берется как образец непристойного поведения и изворотливости, а точнее — как средоточие всех возможных пороков. Даже во

время крестных страданий Христа ворона вела себя будто бы совершенно не так, как ласточки, снегирь и клест, и хотела, в отличие от них, пить кровь, которая капала из ран Спасителя, за что Бог ее и проклял.

Некоторая неуклюжесть и неловкий полет, кажется, тоже нарочно даны вороне природой, потому как ей незачем быстро и далеко летать. А точнее — вороне не от кого спастись, у нее нет врагов. Все, что ей нужно, это высматривать и подкрадываться, перелетать украдкой, громогласно вскрикивать от возбуждения и недовольства, постоянно следовать бочком за человеком и ненавязчиво вторгаться в его жизнь.

В природе ворона, как ни странно, довольно скрытна, а в городе или деревне, где ей, казалось бы, следует вести себя более осмотрительно, чем в лесу, она неожиданно открывает человеку уклад своей жизни и становится для него чрезвычайно интересна, если, конечно, человек любознателен и неравнодушен. В этом случае он будет находить в поведении вороны все новые и новые черты, даже несмотря на давнишнее знакомство с этой птицей, и многое из открытого покажется ему не только невероятно забавным, но и поучительным. Не прав тот человек, который надсмехается над вороной.

Вороны, например, с невероятной быстротой связывают следствие с причиной, то есть делают выводы и никогда не повторяют ошибок. Ворона, конечно, по большому счету, никакой не гений, но среди птиц она единственная птица, которая понимает человека и окружающий ее мир настолько, насколько ей это необходимо, и ведет себя так, что впору воскликнуть: «Ай да ворона, ай да молодец!»

Часто можно видеть, как некоторые птицы, скажем, куры или голуби, решают спор с помощью силы, то есть вступают между собой в драку, у ворон же это исключено. Одна из заповедей вороньей стаи гласит: своих не бить! Конечно, угрожать для острастки можно, но вот драться, как дерутся воробьи, у ворон запрещено. «Ворон ворону глаз не выклюет» — гласит известная поговорка, так вот ворона вороне тоже.

Бывает, все-таки вороны повздорят в холодный зимний день из-за желанного куска, но у них есть такое правило: если корма достаточно, им пользуются все, кто успеет. Если же его мало, то он принадлежит той птице, которая его нашла, и ее никто не преследует. При этом у ворон в особой цене решительность: ты даже можешь не обладать крупными размерами и не быть старше, но если успел раньше других, проявил напористость и смекалку — добыча твоя. Иной раз вороны даже уступают друг другу поживу, как будто проявляя великодушие, и это очень выгодно отличает их от других пернатых.

Правда, есть у вороньей породы, как, впрочем, и у некоторых других птиц, своего рода «общественный суд». По-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остается на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, тербя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и

крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если проштрафившаяся ворона ведет себя неправильно или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на нее и заклевают до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев.

Особая одаренность вороны проявляется и в ее чутком зрении, с помощью которого она черпает информацию об окружающем мире. Ворона безошибочно распознает ружья, никогда не путая их с палкой, и ни за что не подпускает к себе на расстояние выстрела. Она уже издали замечает человека, причем хорошо различает количество людей, и в этом ее совершенно невозможно запутать. Если хотя бы один из тех, кто попал в поле ее зрения, спрячется, а другие пройдут мимо, ворона не успокоится, пока его не увидит.

К тому же вороны очень памятьливы... Стоит им увидеть мальчишку, который бросал в них камни, и они тотчас улетают. Птицы будут сторожиться его даже по прошествии времени и никогда не приблизятся на небезопасное для себя расстояние.

Ворона первой в лесу подмечает малейшие события, связанные с его жизнью. Еще никто ничего и не ведает, но ворона уже в курсе всех дел. Выберется по весне из своей норы полусонный барсук и отправится, оставляя грязные следы на снегу, к первой проталине покопать личинок или жуков, а ворона уже тут как тут, разнесет по всей округе об этом весть; старый лось, спасаясь от надоедливых оводов, забредет по самое горло в укромную мочажину, вороны и здесь окажутся раньше всех. Вороны — всюду, даже там, где их, кажется, совсем не ждут, и куда птицы летят, туда они и глядят.

Никто так не солидарен в беде, как вороны. Их девиз: один за всех и все за одного. Часто им очень досаждают филины: он убивает ворон ночью, во время сна. Обнаружив днем убежище врага, они не успокоятся, пока не прикончат его, и поднимут такой крик, что привлекут на помощь всю округу.

Однажды мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливыми казались они, досаждая неприятным кружением над самой головой и вскрикиванием. Но это, как ни странно, не испугнуло птиц, а только еще более раззадорило. К тому же одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая тем самым своих собратьев.

Ворона остервенело хлопала крыльями, шипела, и через минуту над мной образовалась огромная черная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко. Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Но, несмотря на присущую воронам изощренность, им не откажешь в трезвом уме. В морозные зимы птицы разогревают заледеневшие отбросы на

котельной трубе, если же не могут разбить яйцо или ракушку, бросают их с высоты. А какую удивительную сообразительность проявляют они при постройке гнезд! Весной в деревне часто приходится наблюдать, как вороны собирают для этого ветки. Причем, выбирают только хорошо цепляющиеся друг за друга листовенницу и крыжовник, ловко отламывая клювом.

Необычность вороны бросается в глаза особенно в пору ее весенних свадеб. Как только припечет в феврале ласковое солнышко, приглянувшиеся друг другу вороны забираются на какой-нибудь высокий сук и степенно там рассаживаются. Свое знакомство они начинают с раскачивания, когда одна птица, по всей видимости, самец, приподнимается на цыпочках, вытягивается в струнку и, как бы оступившись, переворачивается всем телом вниз, совершая подобные движения неоднократно. Порой начинает казаться, что раскачивающаяся птица вот-вот свалится с ветки. Другая же, как будто отрешаясь от всего окружающего, самозабвенно наблюдает за происходящим и ждет своей очереди.

Пощелкав и поклонявшись, первая ворона замирает в выжидательной позе, а вторая полностью повторяет ее действия. Постепенно сближаясь, влюбленная парочка кланяется все более неистово, издавая очень забавные звуки, и вскоре доводит свое ухаживание до какого-то безумства. Настроив себя таким образом на необходимый лирический лад, пара отделяется от стаи и удаляется к лесу. В этом необычном любовном ритуале, с замысловатостью поведения и красотой позы, очень хорошо проявляется изощренный ум вороны.

Теперь, после уединения, вороны будут заняты подыскиванием подходящего жилья. Вороны очень привязаны к старым местам и потому прежде всего летят к прошлогодним гнездам. Если гнездо растрепалось, птицы тщательно его подправляют, а когда гнездо занято каким-либо хищником, перебираются на новые места.

Вообще, большинство птиц предпочитают облетать стороной воронье гнездо, потому как вороны — очень ревнивые родители, способные наброситься на вдвое превосходящего их по силе канюка или ястреба, которые, как ни странно, почти всегда отступают. В этой несгибаемости ворон тоже хорошо виден их очень твердый характер, который они проявляют до победного конца, что бы там ни случилось. Вороны — птицы не сильные, но трусами никогда не были, и если уж появится сокол, вороны непременно налетят, а случается, что каркает ворона и на беркута.

Вороны всегда были интересны тем, что принадлежали к числу наиболее одаренных в птичьем мире, исключая, пожалуй, только талант пения, которым природа эту птичью семью, напроць, обделила. К сожалению, и вороны, и сороки употребляют свои прекрасные возможности преимущественно на дурные дела, свидетелями которых были многие из нас. Но как скучно, наверное, было бы нам без этих проказ, которыми зачастую устаивают нас прозорливые птицы!

И серая ворона, и ворон, и сорока — словом, вся эта черная семья — вор

на воре! Да и общение их с человеком складывается так, как будто они чувствуют за собой грехи. Держатся обособленно, воровато, не прерывая все же тесного соседства, благодаря которому и имеют некий недостаток. Впрочем, грехи эти в сравнении с приносимой птицами пользой необременительны.

Ведь вороны — незаменимые санитары: вирус холеры перерабатывается в их желудках всего лишь за сутки. Да и чего только они не едят: очищают железнодорожное полотно от мусора, городские помойки притягивают их словно магнитом, глотают мышей и лягушек, поедают птиц и их яйца, и никогда не пропустят падаль. Вороны пресекают множество болезней в лесу, а также избавляют от них и людей.

Вороны уничтожают вредителей, например личинок майского жука. Смешно притоптывая лапами, они не менее забавно прислушиваются, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Так вороны точно обнаруживают их под землей и ловко выкапывают оттуда с помощью клюва.

Ворона не брезгует ничем, что хоть сколько-нибудь съедобно, и все то, что употребляет в пищу человек, ей годится. Ворона в этом отношении совершенно непривередлива и, мало того, еще подбирает за человеком отбросы, не особо докучая ему своим присутствием. Она благоразумно исполняет за него то, чего он сам никогда не удосуживается сделать.

Да и вообще, не стоит какую-либо птицу или животное, как это часто заведено у нас, рассматривать только с точки зрения пользы, которую они приносят. Достаточно уже того, что природа сама позаботилась о существовании этой, несомненно, любопытной и нужной птицы, а от человека требуется только иногда регулировать ее распространение. Там, где ее развелось более, чем необходимо, человек сделает хорошо, если будет держать ворон подальше от угодий с охраняемыми или разводимыми им птицами. Также следует держать ее на расстоянии и от птичьего двора, если ворона повадится таскать цыплят. Само существование вороны уже замечательно, и любая ее черта, даже, на чей-то взгляд, не красящая птицу, интересна.

Сорока, например, домашним птицам вреда не делает, но зато ужасно любит блестящие и металлические вещицы, которые прячет в укромное место. А вот уж серая ворона — настоящая ворюга! Она крадет все, что плохо лежит: и блестящее, и съедобное, и даже вовсе непонятное, но приглянувшееся птице. Еще ворона — большая мастерица отыскивать место, куда куры кладут яйца. Обнаружив его, ворона разбивает яйцо клювом, пропускает внутрь его нижнюю половинку и летит куда-нибудь подальше позавтракать.

Что и говорить, ворона живет ожиданием поживы и кратковременной радостью от ее получения. Стоит только понаблюдать, как она целыми днями терпеливо высидивает на столбах, коньках домов, верхушках деревьев якобы в каких-то думах... На самом деле все ее существо нацелено на одно: чем бы поживиться? И даже находясь на значительном удалении от своего потенциального объекта добычи и не имея возможности визуально наблюдать будущую трапезу, она каким-то сверхчутьём, совершенно необъяснимым для человека, угадывает ее приближение и загодя приводит себя в необычайное

возбуждение. Между воронами, несомненно, существует какая-то связь, свой «телефон», по которому они прекрасно понимают друг друга и молниеносно узнают о месте и времени готовящейся ими расправы.

Порой вороны очень необычно ведут себя и в лесу, особенно осенью. Идешь, бывало, по укромной дорожке, с обочины то и дело вспархивают рябчики, на оранжевых листовенницах степенно щиплют иглу глухари, гулко ударяет по дереву дятел, и вдруг в глубине леса будто заплачут дети... А то вдруг кто-то заскулит, так что становится жутко и в то же время интересно, кто это.

Начнешь подкрадываться и, к невероятному сожалению, обнаружишь ворон... А вороны неожиданно приостановят свою игру, взметнутся в небо и начнут гарцевать там, как ни в чем не бывало, да опять с вывертом, ни на кого не похоже!

Надоест им дурачиться — вороны ведут себя более достойно, когда нет нужды куражиться и представлять из себя нечто невиданное в лесной чаще. Там, в вышине, вороны, вероятно, обретают то возвышенное, чего лишены на бренной земле, а в лесу, благодаря своей изобретательности, они окружают себя тайной. Впрочем, так ли худо живется вороне в наших селениях и на дорогах, где она чаще всего остается самой собой, без присущих ей прикрас?

Правда, иногда вороны, как и ворон, олицетворяют собой нечистую силу. По-татарски, например, «ворона» означает «карга» — так добродушно бранили пожилых женщин. Не зря и в сказках ведьмы оборачивались в ворон, чьи крылья грязной окраской напоминали тряпье страшной старухи...

Раньше утверждали, что во время кончины колдуна или ведьмы демоны в виде ворон садились на крышу дома, проникали в дымовую трубу и со странным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносили грешную, продавшуюся черту душу прямо в ад. Но не пристало вороне рядиться в павлиньи перья, потому как она имеет свое лицо, чем и знаменита. Чей бы то ни было убор ей не к лицу, да и вообще в таком наряде вороне недолго красоваться, потому как всякий без труда распознает воронью суть! Даже про человека, который хочет казаться не тем, кто он есть, и которому это не удастся, в народе говорят: ни пава, ни ворона, от вороны отстал, а к павам не пристал, словом, отщеголяла ворона в павлиньих перьях!

И все же не случайно, как замечали в народе, ворона называет своего вороненка беленьким, а еж своего ежонка — мягоньким, поскольку всем хорошо известный наряд вороны по-своему замечателен: черные крылья, голова, шея и хвост при дымчато-серой окраске остальных частей тела. Если судить об одежке вороны, то она имеет цвет затухающего костра: пепел и уголь. В зимние оттепели вороны будто рисуют собой во влажном воздухе свои незамысловатые гравюры-пируэты...

Окрас самцов и самок вороны одинаков. Но, несмотря на неброский вид, ворона горда им и при всяком случае не преминет щегольнуть, гордо разгуливая под носом у человека. Все ее существо как будто кричит: «Обратите на меня внимание, пусть даже я вам не по нраву!»

Раскачивающаяся походка у птицы — от невероятного самодовольства и той важности, которую ворона на себя напускает. Но ходить иначе ворона просто не может: ее пальцы сближены, а не растопырены, как у многих птиц. Когда ворона ковыляет вразвалочку вдоль обочины, то и дело покручивая головой в разные стороны, она вызывает улыбку.

При всей своей проворности ворона имеет фигуру скорее неуклюжую, чем ловкую. Наблюдая в окно за неторопливо расхаживающей по огороду птицей и так и кажется, будто она хочет напустить на себя как можно больше значительности, при каждом шаге напыщенно распуская на груди перья и самодовольно покачивая головой. Но ей это не удастся, и ворона выглядит скорее смешной, нежели величественной. Вероятно, именно это ее стремление выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, и составляет воронью суть.

Ей как будто чего-то недостает, какой-то важной малости, чтобы она почувствовала себя по-настоящему уверенной в себе. Но тогда бы пропала ее замечательная вороватая изощренность, которая приходится ей как нельзя кстати, и ворона бы несомненно потеряла свою притягательность. Ворона словно застряла на перепутье между очень способной птицей и попросту гениальной, ей не хватает сделать только один шаг, и, зная это, она почему-то не желает его совершать. Может быть, она еще хитрей, чем о ней принято думать, и ее все устраивает в собственной жизни?

Ворона водится по всей нашей необъятной стране, и повсюду она многочисленна и узнаваема. Своеобразие птицы проявляется еще и в ее способности к диалектам: язык ворон бывает разный в зависимости от местности, в которой они проживают. Вероятно, это зависит от климата, на который влияют высокие горы, дремучие леса и журчащие реки. Работая одно время на Сахалине, я встретил абсолютно черную ворону, родственницу нашей уральской кумушки, которая, помимо цвета, отличалась еще и голосом.

Купаясь в почти никогда не прекращающихся ветровых потоках, задувающих над островом, ворона благодаря этой постоянной сопротивляемости воздуха приобрела и своеобразное произношение своего небезызвестного «карр»... Знакомое всем звукосочетание вырывалось из горла птицы с французским прононсом, как будто она перекачивала в клюве виноградинку:

«Ка-а-рэ-рэ-рэ-р, ка-а-рэ-рэ-рэ-р...» К этому ворону, несомненно, располагало вольное воздушное пространство на краю земли.

Что и говорить, ворона — птица необыкновенная. Нельзя ее оставлять без внимания. Будешь бить сороку да ворону, замечали мудрые люди, рано или поздно добьешься и до белого лебедя. А если какое дело вздумаешь начать, то оно само собой не сдвинется, пока ворона не каркнет. Вот потому ее в народе птичьим гением и величают.

Созданная Богом скорее во благо человеку, чем во вред, ворона хороша просто уже тем, что она есть. Что бы мы делали без этой забавной птицы, без которой не обходится, кажется, ни одно происшествие! Ворона всюду присутствует, оценивающе наблюдает за происходящим и тотчас высказывает

мнение своим неизменным «ка-а-рр!»), означающим согласие, недовольство или абсолютное неприятие.

Иной раз ворона так за день накаркается, что, кажется, охрипнуть впору, но поутру вновь, как ни в чем не бывало, оглашает округу своим раскатистым голосом. Вышибить ворону из ее жизненного седла очень непросто, и по жизнелюбию она любой восторженной птахе даст сто очков вперед, да еще прибавит. Вроде бы творит больше зла, чем радости, вроде бы больше надоедает, чем помогает, но как без нее было бы пусто! Сколько бы мы все от этого потеряли!

Нет, как ни крути, а ворона — замечательная птица, пусть хоть и жуткая сплетница, и дружбу водит с нечистой силой, и имеет нехороший глаз. Она — душа всех русских сказок, без ее суетни невозможно вообразить самую заурядную историю. Была бы, как говорится, копна, а ворона сядет!

Работая в огороде, мне, например, всегда приятно ощущать рядом этих носатых «чертей», то и дело разрезающих вокруг воздух упругими и ловкими крыльями. Вороны как бы чувствуют свою нужность и радуются этому. Птицам хорошо жить, когда все, что им нужно — воздух, незатейливая кормежка и возможность оставаться свободными, — в наличии, и человек не преследует их.

День за днем вороны проводят свое время рядом с человеком, ничего путного, кажется, не совершая: ведут самый обыкновенный для птиц образ жизни. Просыпаются ни свет, ни заря и с громким карканьем слетаются со всей округи на какое-нибудь облюбованное дерево или крышу, чтобы затем отправиться на все четыре стороны за пищей. Но, между тем, именно этой своей непритязательностью вороны и служат человеку напоминанием о том, как быстротечна жизнь и как важно быть в ней внимательным к собственным силам. Прежде чем сбиться в дружные стаи для совместного созидательного труда, ему следует научиться самостоятельности в творчестве, оценивая свой труд как наиважнейший, не забывая при этом: где птицы редки, там и воронье карканье по нраву, а на чужой сторонushке рад и своей воронushке.

«Пя-ять, пя-ять, п-ять тетеревей!»

Конец сентября. Еще не рассеялся промозглый утренний туман, а мы с отцом уже идем на охоту. На душе и во всем теле так сонно, что не верится, что когда-нибудь выглянет солнце. Туман подымается из глубокого оврага, струится над землей леденящим дыханием, и мне кажется, будто там, внизу, живет какой-то могущественный лесной дух, от которого зависят в лесу и ночь, и звери, и птицы, и деревья. Почему-то совсем не страшно ощущать его таинственное присутствие, и я, еле сдерживая в колотящемся сердце сбивчивое восхищение, робко вдыхаю вяжущий аромат опавших листьев и не перестаю думать о рябчиках.

Отец шагает быстро, а я, не желая отставать, все время спешу и оступаюсь. Тогда отец поворачивается ко мне и, сердито вздернув брови, дает

понять, чтобы я шел осторожнее. От его взгляда я чувствую себя неловко, стараюсь ступать как можно тише, но от этого еще чаще запинаюсь. Отец впервые взял меня на охоту, и мне очень не хочется его расстраивать.

Туман незаметно стелется между шероховатых стволов, холодными струями забирается в вытертые рукава моего пальто и как-то неестественно затаивается. Уже становятся видны маленькие пушистые елочки, сырые пни и белые лишайники на них. Еще не слышно ни одной птицы, и я то и дело вслушиваюсь, не раздастся ли долгожданный рябчиковый свист. Но тихо вокруг, осенний лес пробуждается медленно, с неохотой.

Отец вдруг останавливается и показывает рукой, что нужно замереть. Из всех сил пытаюсь я быть похожим на него: так же внимательно всматриваюсь в замерший лес, поворачиваю голову то вправо, то влево... Мне никогда еще не приходилось слышать, как поет рябчик, но я почему-то уверен: стоит только петушку подать голос, и я его тотчас узнаю.

Рябчиков я видел только дома, когда отец приносил их с охоты, неспешно выкладывая из ягдташа. В основном это были самцы с ярко-красными бровями, черными горлышками и хохолками на головках, аккуратно спрятанных под крыло. Всегда было приятно подержать рябчика в руке, ощущая его теплую затвердевшую грудку, разглядывать, поглаживая пальцем серенькие перышки, и представлять птицу живой. Какое-нибудь перышко при этом обязательно отрывалось, на мгновение повисало в воздухе, а затем начинало весело кувыркаться. Иногда в оперении птицы застревал осиновый листок, ярко-желтый в коричневую крапинку, и сразу хотелось попасть в осенний лес с его запахами, красками и неведомым рябчиковым свистом.

Отец часто показывал мне, как нужно подзывать рябчика на манок. При этом птица, охваченная страстью, стремглав бросается на зов и усаживается совсем рядом, почти в нескольких шагах от охотника. Подлетев вплотную, петушок обычно произносит трюкающий звук и в возбуждении начинает прохаживаться по ветке. Все его внимание сосредоточено на воображаемом сопернике, рябчик то и дело замирает, настороженно вытягивает голову и прислушивается. Вероятно, он надеется обрести себе подружку и очень волнуется.

Манок звучит тоненько, словно это какая-то загадочная лесная дудочка, но на самом деле он выточен из кусочка эбонита или, на худой конец, из обыкновенной глухаринной косточки. Для того, чтобы рябчик поверил тебе и прилетел, надо иметь достаточно хороший музыкальный слух. Нужно быть своего рода виртуозом, изображая все переливы замысловатой рябчиковой песенки, и не допустить ни малейшей фальши, потому как рябчик тотчас определит ее и замолкнет. Легче подойти к другому петушку и начать все сначала, чем пытаться подманить старого.

Песенка рябчика восторженная, чистая и звенит всегда высоко и звонко. Начинаясь с радостной нотки, песенка то падает, то опять весело взмывается, под конец щедро рассыпаясь переливчатым драгоценным бисером. И так много раз, лишь с коротенькой паузой между одинаковыми птичьими

трелями, но ненадоедливо, задорно. Как передать ее обыкновенными человеческими словами, я не знал.

Чтобы отец согласился изобразить манком песню рябчика, он должен был находиться в добром настроении после удачной охоты, и еще нужно было хорошо себя вести. Прежде чем произвести этот редкий свист, отец садился на табуретку, делал глубокий вдох и, осторожно взяв в рот пищик, на полном выдохе пропевал всю коротенькую мелодию, залихватски вибрируя таким чудесным, обворожительным звуком. Получалось нечто вроде изящного призыва, легко повиснувшего под потолком, живого, так что хотелось взвиться вместе с ним и не падать. А на полу, у наших ног, воздушно белели дымчатыми грудками уже недвижимые, замечательные птицы.

Отец счастливо улыбался, глаза его блестели, и он не произносил ни слова. Только зачарованно смотрел перед собой, уносясь, наверное, в мечтах в бесконечные лесные дали, и улыбка долго не сходила с его губ. Ему, конечно, было что вспомнить, а мне не терпелось все это увидеть.

И вот мы стоим, почти утопая в вязком тумане, который обильно оседает на нашей одежде. Она от этого тяжелеет, становится прохладной, а в нос ударяет резкий запах опавшего листа с корой, так что глаза сильно слезятся. В воздухе как будто что-то копится, быстро нарастает, и все же ничего не происходит. Отец многозначительно вздергивает брови, подносит к губам пищик, и лес оглашает пронзительная трель, которая не теряется, как в комнате, а медленно проистекает в замершем пространстве, мягко пронизывает его, и все вокруг постепенно пробуждается.

Сначала за логом послышался восторженный ответ, который будто расколол воздух на звонкие кусочки. Кусочки вздрогнули, покатались во все стороны, и вот уже справа подал голос второй рябчик, через минуту — третий, потом — за спиной и еще в самом логоу... И лес сразу зазвенел, радостно ожил, в мгновение стряхнув сонную одурь, а рябчики бодро перекликались на все лады, не давая друг другу передохнуть, то и дело перелетали на фоне еловых ветвей вытянутыми пегими силуэтами, и повсюду разносилось их пугающее «пыр-р-р-р, пыр-р-р-р, пыр-р-р-р», так что сердце поначалу замирало и тотчас обрывалось в сладкой истоме.

Один из них уселся прямо напротив нас на голую березовую ветку, пробежал несколько шажков и настороженно наклонил головку, будто удивленно вопрошая: кто же это меня побеспокоил? Вышло это у него так забавно, что я чуть было не расхохотался, но отец нахмурил брови, медленно прицелился, и оглушительный грохот расколол ожившую тишину. Рябчик глухо тукнулся в мох, забился, и, когда я к нему подбежал, он уже лежал, безжизненно распластавшись, хвостиком кверху.

— Хочешь попробовать? — спросил отец и протянул мне пищик на верёвочке. Чтобы вышло похоже, нужно сначала пропеть про себя эту мелодию словами: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!», а потом уже попытаться переложить песенку на свист. Давай попробуй. У тебя обязательно получится.

Вот, оказывается, подумал я тогда, те самые слова и какие простые: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Кто-то ведь их услышал, подметил! Они именно лесные, по-своему обаятельные и так удивительно подходят к задорному рябчиковому свисту, к этой незамысловатой музыкальной гамме, что их хочется непрестанно повторять. Если быть внимательным, можно, наверное, разгадать и другие птичьи песни, наполнив их близким человеку смыслом.

Не сразу получилась у меня рябчиковая песенка на костяном отцовском пищике. Долго я не мог добиться той самой мелодичности, что отличает в лесу только рябчика. Поначалу рябчик вроде бы охотно откликнулся на мои настойчивые призывы, и я, помнится, страшно радовался этой достигнутой схожести, но постепенно он переставал подавать голос. Все мои старания оказывались безуспешны: птицы, видимо, почувствовав какую-то фальшь, очень скоро замолкали, и когда я, потеряв всякое терпение, пытался подойти к ним, они в мгновение с шумом улетали. Чего-то я не учитывал в своих попытках обмануть их, и прошло немало лет, прежде чем я овладел секретом рябчиковой песни.

Зато, уж, когда освоил все премудрости песни рябчика и даже научился подманивать петушков голосом самочки, то получил истинное наслаждение, однажды осенью наблюдая, как подбирается ко мне охотник, переговариваясь со мной с помощью своего манка и принимая меня за рябчика! Причем охотник был опытный, деревенский, но и он все-таки поддался на мою уловку! Мы посмеялись, разговорились, и оказалось, что этот охотник может точно копировать бормотание тетерева и вскрикивания зайца весной, утиное кряканье и карканье вороны, глухариное пощелкивание с точением... Вообще, именно в народе издавна и очень умело охарактеризовали голоса и пение самых разнообразных птиц, подмечая, что соловей свищет, жаворонок заливается, чижик чирикает, тетерев бормочет, сорока сокочет, журавль курлыкает, сойка тарантит, выпь кричит, голубь воркует, канарейка поет, ворона каркает, щегол и ласточка щебечут...

Может быть, только из деревни и пошли все эти удивительные птичьи восклицания: «Как? Как?», «Худо тут, худо тут...», «Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!», «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Ка-чу! Ка-чу!», «Витю видел? Витю видел?», «Мечи-мечи в печи калачи!»

В рассказах знатоков леса, особенно среди деревенского люда, часто встречаются попытки изобразить песни наиболее известных и любимых в народе птиц словами. Конечно, эти звукоподражания каждым из птицеведов могут восприниматься по-разному, но у многих пернатых песни и вскрикивания, переложённые на буквы, удивительно совпадают с человеческой речью, волшебным образом преобразуясь в занятные восклицания и даже в целые фразы. Голоса птиц ничего не говорят только людям непосвященным и нелюбознательным. Для любителей же природы они весьма интересны, понятны и полны скрытой поэзии.

Поклонники лесной таинственной жизни легко восстанавливают по птичьим трелям, как музыканты по нотам, человеческие достоинства, слабости

и надежды, забавные черты самих птиц и зверей, отголоски древних поверий и поговорок, дуновения ветра, шорохи трав и листья. Таким образом, постепенно в народе создается словарь птичьего языка на человеческий лад — то, что народ по-своему слышит в пении окружающих его представителей пернатого царства.

Вот туманным декабрьским утром на заснеженной рябине сбились в тесную стайку дружные свиристели, устроились головками по ветру, нахохлились и, под стать еле слышно стелющейся над землей поземке, так же тихонечко задули в свои тонкие дудочки: «Свири... свири... стель, свири... свири... стель, свири... свири... стель...» Нежным голоском провозглашая свое имя, они как будто скромно выпрашивают в эту холодную пору хоть какой-либо уют, и метель заботливо надувает им мягкую снежную постель. Красивые птички оживленно сыплют мороженой ягодой, смело бросаются за ней в пушистый снег и, отмывая в нем свои бордовые грудки, становятся еще красивей.

«Свири-свири, свири-свири, свири-свири», — разносится повсюду их ненавязчивая песенка, и в душах людей, несмотря на то, что колючая поземка высвистывает свою неугомонно-надоедливую мелодию, как-то незаметно воцаряются покой и радость. Их принесли на разноцветных крылышках очаровательные хохлатые птички, которым суждено своим присутствием развеять суровую зимнюю печаль.

Когда зима еще не наступила, а только раздумывает, как бы ей половчее исхитриться и огорошить своим появлением лесных обитателей, старый тетерев-косач, уютившись на вершине одинокой березы, заводит свое недовольное бормотание: «Бу-бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу-бу... Бу-бу-бу-бу-бу-у!..» Будто обидевшись на весь белый свет, раздувшись от собственного недовольства и подступающего холода, тетерев выглядит очень забавным, и его совсем не надоедливые жалобы не могут восприниматься без улыбки. Поглядывая на незадачливого косача, так и хочется поскорее не продать, а подарить ему теплую шубу, чтобы тетереву было не лихо зимовать в суровую пору, и чтобы он не забывал в своих снах желанную весну, когда можно радостно провозгласить на всю округу: «Продам шубу, куплю балахон!

Продам шубу, куплю балахон! Продам... Бу-бу-бу-бу-бу-у!..»

Шуба эта с самого детства представлялась мне почему-то с бобровым стоячим воротником, плотно приталенная, и косач сидел в ней на дереве, лихо подбоченясь, на яркие же брови удалецки сдвинута меховая ермолка с пером... А вот балахон виделся длиннющим, каким-то неказистым, будто с плеча незатейливого сельского агронома, так что в заднюю прореху сиротливо выглядывали лирообразные косы, да и сам тетерев казался в нем смешным. Но как удивительно подходило ему это недовольное осеннее и восторженное весеннее бубуканье, приписываемое тетереву людьми, когда он становился похож на человека!

Всю осеннюю ночь напролет из самой глуши таинственного леса

доносится чуточку монотонное, но какое-то милое «сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-ю...» Это сова-сплюшка пытается всех убедить в том, что она спит, хотя ни на секунду не смыкает глаз и только беспрестанно хлопает длинными веками. Сова эта маленькая, неприметная, и кажется странным, что она так невыгодно для себя заявляет о своем существовании. А может быть, сплюшке обидно ее незаметное положение, и она изо всех сил старается напомнить: вот я про- сто сплю-сплю-сплю, но никто меня не видит, а я стану спать- спать-спать и всем об этом рассказывать, и тогда каждый обо мне знать будет?! «Сплю-сплю-сплю»,— еженощно вещает неугомонная сова, и так к ней, наверное, все звери с птицами и привыкли, что она их своей лесной колыбельной усыпляет, а сама, изрядно намаевшись за ночь, спит днем, пока другие бодрствуют. Сплюшка спит и мечтает, чтобы ее не только слышали, но еще и видели!

Для того чтобы угадать в пении птиц нечто родное и близкое, человеку совсем не обязательно покидать город, непременно обращаясь к лесу, достаточно присмотреться более пристально к тому, что давно его окружает. Прямо под окном на карнизе сидит нахохлившийся воробей и кричит в мороз: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив; чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив!» Но мы ничего не видим и не слышим, и уж тем более не обращаем внимания на то, какой он неунывающий, храбрый и при этом совершенно обыкновенный. Правда, в оттепель воробей вдруг теряет всякую скромность и что было сил чирикает: «Я большой, я большой, я большой», но происходит это от радости, что перетерпел он трескучие морозы, и этой своей радостью неунывающий воробей просто и весело делится со всеми, а вовсе не превозносит себя.

Вообще воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, то, распростерши крылья, он в отчаянии вскрикивает: «Царь, царь, царь!», а спасшись от беды, вновь восторженно провозглашает:

«Жив, еще жив, еще жив...» Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы удивительно скучно жить.

Ну, а у нашей самой вздорной и вороватой птицы — серой вороны — и возгласы оказываются вздорные. Ворона кричит:

«Урода, урода! Капейка, капейка! Украл, украл!» Что за «урода», какая «капейка» и кто ее «украл», остается непонятным. Но ворона с присущей ей настырной настойчивостью не унимается:

«Ур-ро-о-да , ур-ро-о-да, ур-ро-о-да , ур-ро-о-да, кар-р-р!» Так, должно быть, она дразнит свою соплеменницу, сидящую напротив, не замечая при этом своего невзрачного вида, и по вздорности характера никак не в силах угомониться. Все в ее бесшабашной голове перепутано: наглость с вороватостью, трусость с жадностью, невероятная неугомонность с изворотливостью. Целый день по всей округе без умолку разносится ее наскучившее «гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р! гра- а-а, кар-р-р!», и вороне эта

кутерьма, по-видимому, очень нравится. Она готова, наверное, охрипнуть или совсем потерять голос, лишь бы только о ней не забывали.

Морозная ли зима на дворе, раздольное ли лето — вороне все едино. Даже с наступлением ясных мартовских дней, когда солнце припекает особенно жарко и на дорогах показываются кучки еще не оттаявшего навоза, ворона усаживается на них и жалуется: «Калач, калач! Не Ук-калупишь!» В любое время года она не оставляет своих скверных привычек: то хорохорится, вечно всем недовольная, то норовит подцепить, что плохо лежит. Загомозится на дереве и во всю свою ненасытную глотку провозглашает: «Капейка, капейка, оггр-ра-а-били! Капейка, капейка, оггр-ра-а-били!» Всякий знает, что она, скорее, сама кого хочешь ограбит, но ворона пытается выставить себя в лучшем свете, жалуется во всеуслышание, приbedняется и не вызывает в душе человека ничего, кроме беззлойной усмешки или, на худой конец, крепкого словца. Что греха таить, без этой неподражаемой птицы было бы скучно, и, несмотря на ее жуткий характер, все ворону примечают, что ей, в конце концов, и надобно! «Ук-к-ра-а-ли, ук-к-ра-а-ли», — надсадно продолжает хрипеть серая разбойница и так себя распалает, что чуть не сваливается с ветки. И ведь оставишь дела и обратишь-таки на нее внимание, а ворона от того еще пуще надрывается, но лишь повеет малейшей тревогой, и она тотчас срывается, вскрикивая: «Кар-р-раул, кар-р-р! Кар-р-раул!»

Еще не миновали жгучие крещенские морозы, далеко до самых суровых афанасьевских, и неизвестно, покажут ли себя сретенские, а неунывающая синица уже запинькала весело под окном, и на душе сразу стало как-то повесенному привольно и радостно. Несмотря на суровую пору, синички беспрестанно находятся в движении, залетают в раскрытые форточки между рамами и расклевывают хранящиеся там продукты. Невероятно сообразительные и шустрые, они могут снимать крышки, сделанные из фольги, с молочных бутылок или же продырявливать их и клевать сливки.

Зима ли на дворе или дело идет к весне — песня у синицы всегда короткая, множество раз повторяющаяся, но не лишенная приятного своеобразия. Причем постоянно в течение весны синица меняет голос и песню, будто боясь надоесть. В своих восторженных вскрикиваниях маленькая птичка выражает маленькие заботы, радости и, кажется, довольна всем: и первой капелью, и морозными утренниками, и даже нередкой апрельской заметью. Только та угомонится, а синичка опять тут как тут: звонко, будто в несколько хрустальных колокольчиков, ударяет своим тоненьким клювиком и не может нарадоваться!

В начале марта обычно устанавливаются ослепительные синие дни, и синица не устает превозносить в песне это высокое синее небо и ясные дали. «Синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь!» — с раннего утра слышится за окном, и от этих радостных птичьих возгласов на сердце становится еще более приподнято. Синее небо, синий воздух и синие тени от деревьев и домов переливаются в солнечных лучах и манят в беспредельную высь. Там, сиюминутно пронзая бесконечную синеву, копится вместе с

солнечным блеском восторженное синьканье наших крохотных соседей, и почти не верится, что зима вернется.

В конце марта синица поет уже иначе, в зависимости от происходящих в природе перемен. Будто торопливые капли, перегоняя друг друга, скатываются с крыши её проникновенные «дзинь, дзинь, дзинь!» Когда побегут ручьи, песня синицы и вовсе изменится, напоминая всем о том, что можно без усталости пить чудодейственную весеннюю влагу, сколько бы ее ни натекло: «Пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви...» Так зачарованно переговариваются между собой прозрачные тонкие льдинки и студёные струйки, щедро играет разбуженное весной солнце.

А вот ближе к маю, когда незаметно минует самое восторженное весеннее время, синица будто успокаивается, переходя на более деловой лад: «Куй, мужик, лемеш; куй, мужик, лемеш... Си-си-ши, си-си-ши, си-си-ши...» Земля оттаяла, возрождается под паром, и синица озабоченно советует мужику готовиться к долгожданной пахоте. Ей и самой пора заняться выведением потомства, и она на какое-то время пропадает из поля зрения человека, чтобы вскоре вновь нести ему тихую и ласковую радость.

Всю зиму, бывает, про зимуешь, а так и не встретишь обыкновенную овсянку: птичка эта бывает только там, где просыпан овес. Держится она у дорог, скотных дворов, зернохранилищ. Да и куда ей больше деваться? Овсянка и сама словно спелым овсом обсыпана: маленькая, кругленькая, на нежно-солнечной грудке темно-коричневые мазочки, будто отборные зернышки. Птичка с виду аппетитная, аккуратная, оброненные людьми семена подбирает и тихо поет свою скромную песенку: «Фись- фись-фись, светись, фись-фись-фись, светись».

По-настоящему овсянка запекает только весной, и всегда ее песенка тиха и незаметна. Заплутаешь в поисках глухариных токов, выберешься на какой-нибудь залитый солнцем санный зимник, тут тебе и попадется эта маленькая, обаятельная птичка. Будто и не замечая ничего, перелетает с места на место, собирает зернышки, и кажется, что она никого не боится. Спокойна, мила, каждому доступна.

Только уже ближе к апрелю, на такой же вот дороге, порядком раскисшей, приметит она возчика и давай ему вослед насвистывать: «Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з!» При этом совсем не насмехается, а словно ненавязчиво учит. Возчик поначалу ничего понять не может, то и дело оглядывается, кто это его дразнит, но, догадавшись, только в усы себе улыбается да приговаривает: «Сменю, матушка, сменю, касатушка!»

В мае овсянка и вовсе оживляется, становясь еще более озабоченной. Все ее в эту пору беспокоит, и ничто не минует ее самого пристального внимания. Увидит птичка, что скотник сено коровам несет, и поет: «Неси, неси, неси, не тру-си-и! Неси, неси, неси, не тру-си-и!» Скотник только диву дается: как это она узнала, что сено последнее?! А сердобольная овсяночка уже к мужикам

обращается: «Мужики, мужики, точите сошники, пахать пора!» И тут же: «Старые старушечки, чистите черепашечки...» Никому не дает покоя вездесущая птичка в эту веселую пору, и в народе ее за это всегда примечают и любят.

Довольно рано, когда повсюду еще лежит снег, прилетают к нам с юга удивительно красивые кулички — чибисы — и сразу располагаются на мокрых, вспаханных с осени полях. Чаще всего чибисы начинают гнеститься именно на них, и поскольку в лесу в эту пору появляются только зяблики, всегда обратишь внимание на резкие, даже, можно сказать, взвизгивающие вскрикивания чибисов.

Чибисы вообще очень живые птицы с довольно неуравновешенным характером, и когда ты бредешь ясным мартовским полднем мимо них с лыжами через плечо, они обязательно привяжутся, и будут сопровождать долгое время.

Если хорошенько прислушаться, то иногда можно разобрать в этом плачущем, о чем-то вопрошающем крике имя беспокойной птицы. «Чи-бис, чи-бис, чи-бис!» - проникновенно распевает кулик свое имя и то устремляется кругами вверх, то вихляет в стороны, а то камнем падает вниз, чуть не до самой земли. Добрался наконец-то чибис до своего родного края, — и нет предела его восторгу!

Вскоре после прилета у птиц начинаются брачные игры, которые тоже сопровождаются радостными возгласами. Чибисы разбиваются на пары, принимаются выводить птенцов и становятся еще более осмотрительными, с любопытством облетая всякого, кто забрел в их владения. «Чи вы, чи вы, чи вы?» — как будто спрашивают у кого-то не на шутку растревоженные птицы, переживая за свое молодое потомство и с тревогой наворачивая в небе бесконечные круги... Так ведут себя в основном обеспокоенные самцы, самки же бегают по земле, уводя нарушителя их спокойствия подальше от гнезда. Вовсе раздосадованный кулик иногда может даже презрительно и насмешливо браниться: «Вшивик, вшивик, чъив-чи-вык, чъив-чи- вык... Вшивик, вшивик, чъив-чи-вык...» Чего только не услышишь в этом удивительном мире природы!

Глубокой мартовской ночью возвращаются с далеких зимовок самцы певчих дроздов и тотчас заявляют о своем праве на избранный гнездовой участок далеко разносящимися голосами. Когда заслышишь морозным утренником их звонкую песню, всегда становится радостно от ощущения близости весны. Поют дрозды, сидя на высоких ветвях еще голых деревьев, и потому видны отовсюду.

В народе примечали: если дрозды поют на верхушках деревьев, значит, весна на пороге, а когда между ветвями, то наступит она не скоро. Еще, глядя по тому, как дрозд располагается на деревьях, судят о том, каков будет год. Если дрозд сидит на самых нижних сучках елки — год хороший, на середине дерева — цены на хлеб будут средние, на макушке — высокие, и сам мужик от того запоет, заскуляет, как тот дрозд.

Поют дрозды почти все светлое время дня, но особенно энергично — на утренних и вечерних зорях. Песня у них звонкая, громкая и довольно продолжительная, состоящая из разнообразных свистовых слогов. В хоре поющих в апрельском лесу птиц она, пожалуй, самая долгая и замысловатая. По продолжительности и сложности песня дрозда уступит, может быть, только песне соловья, недаром певчего дрозда в народе иной раз называют соловьём леса.

Весенняя песня дрозда никогда не прекращается: если один замолкает, тотчас подхватывает пение другой, и так до бесконечности. Именно песня дрозда создает в весеннем лесу тот общий музыкальный фон, на котором и разворачивается бесподобный по звучанию спектакль. Разноголосый птичий хор, главные дирижеры в котором дрозды, не умолкает до полуночи, и только когда потухает на западе розовый закат, все краски леса стираются, а на небе зажигаются зеленые звезды, хор незаметно утихает, и все живое погружается в непродолжительный, тревожный сон.

Иногда в чистый апрельский дождь дрозды не смолкают даже ночью, и в преддверии скорого глухариного тока, стоя без движения в промозглом сыром лесу, всегда с интересом прислушиваешься, какие звуки они издадут. В особо холодные утра дрозд с не присущим для себя хрипом вдруг, бывает, выдаст: «Свинина, псина, ужась холодина... Досыть бы солонина... Свинина, псина, холодина, тек-тек-тек, витью-витью-витью, цин-н...» Пораженный, еще более пристально вслушиваешься в пробуждающуюся темноту и с нетерпением ждешь рассвета, а когда туман рассеется, и на коричневых веточках заблестят капли, над лесом наконец-то разнесется радостное:

«Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром, с сахаром!» И еще: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем, выпьем!» Все бы, кажется, бросил и пошел с неведомым кумом Филиппом в гости к дроздам утро весны встречать!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу по прилете занимает густые поросли по опушкам и берегам рек, потому что петь начинает лишь тогда, когда покроются листвой деревья и кустарники. В основном это буровато-серая, маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, только спинка у него слегка оливково-бурая да чуть рыжеватый хвостик. Поет соловей всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения — и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Пение его очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в которых с удивительной прелестью нежные звуки сменяются громкими, восторженные — печальными... Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует еще более очаровывающая... Причем, все торжество издаваемых звуков льется неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом неповторимость соловьиной песни, которая всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой. Соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике весны.

Соловей поет, сидя на какой-нибудь ветке невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен — и как тут не забыть, почти весь день провозглашая весну! Бывает, соловьи не прекращают свои песни до середины июня, когда все другие птицы уже давно успокоились.

Хороший соловей поет всегда с толком: после сильного, страстного колена выставит вдруг легкое, нежное, затем пустит переливчатое и вновь его повысит. Получается нечто чарующее, и среди знатоков соловьиной песни определенные колена даже получили свои названия: «пленканье», «почин», «лешева дудка», «кукушкин перелет», «водопойная россыпь»... Но как бы ни была неповторима соловьиная мелодия, человек подметил в ней еще и близкие своей речи созвучия. Ввиду сложности соловьиных трелей воспроизвести их словами довольно трудно, и потому пение соловья выглядит примерно так: «Мужик, мужик, мужик, сало пек, пек, пек, пек, пек, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течет, течет, ешь, ешь, горячо, горячо-о!» И опять: «Мужик, мужик, мужик, сало пек, пек, пек, пек, пек, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течет, течет, ешь, ешь, горячо, горячо, горячо-о!..»

Песня соловья, в отличие от всех наших лучших пернатых певцов, хороша еще тем, что в ней нет ничего заимствованного, а только свое неподражаемое и вдохновенное творчество.

Радостно все, что появляется в природе с приходом весны, и особенно восторженные журавлиные вскрикивания, которые так торжественно разносятся в высоком апрельском небе... Люди задирают головы и в восхищенном молчании провожают птиц взглядом, а журавли поют свою красивую трубную песню, и в душе каждого человека просыпается что-то новое. Весной журавлиный клин приносит с собой чувство радости и обновления, осенью — грусти и печали о чем-то добром и сказочном, что птицы уносят на своих крыльях в дальние края, а возвращают только в следующем году, когда это добро становится более желанным.

Вернувшись с юга, домой, журавли всегда устраивают незабываемые танцы. Прежде чем начать танцевать, птицы издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и важно прохаживаются, с каждой минутой убыстряя темп. Время от времени они неожиданно замирают с приподнятой ногой, как будто к чему-то прислушиваются, и, высоко вытянув голову, принимаются бить поклоны, кружась на месте. Иногда журавли замирают один против другого, а затем вновь пускаются в свой неподражаемый танец.

Еще часто можно наблюдать, как журавли подсакивают, и порой очень высоко. В этом коротком парении они почти прижимаются друг к другу и, медленно планируя, опускаются на землю. Повторившись несколько раз, таким образом, танец прекращается, но может возобновиться снова, и партнеры опять кружат, подсакивают, неожиданно замирают, устремив

клювы вверх. При этом все движения птиц исполнены изящества и грации, они напоминают ритуальные древние таинства, присущие всему живому.

Крик журавлей в весеннем небе — это, наверное, олицетворение бескрайности наших российских просторов, их красота и легкая печаль от неизъяснимой любви к родному краю. В особенности, когда ты надолго его покидаешь, а затем вновь возвращаешься. Но вот осенью красивые, немного грустные голоса птиц не похожи на те, которыми они переговаривались в весеннее время.

Журавли — птицы разговорчивые и криками часто выдают свое настроение. По осени их трубные голоса напоминают всем о том, как удивительно прожили они рядом с людьми весну и лето, просят их не забывать о чем-то дорогом и сокровенном, даже ненавязчиво советуют...

Перед самым отлетом птицы обычно отправляются на поиски полей, с которых скосили овес и где можно найти просыпанное зерно, чтобы набраться сил на дальнюю дорогу. Пролетая над пахарем, обрабатывающим землю под озимые, журавли

«критикуют» своим курлыканьем его работу: «Мужик скривил, мужик скривил, курлы-курла, курла-курлы... Мужик, спрями, мужик, спрями, курлы-курла, курлы-курлы...» И люди опять, как и весной, с улыбкой обращают к ним свои взоры и желают доброго пути, а птицы машут им на прощание крыльями и забирают с собой все печали, оставляя только неугасающую надежду.

Одной из самых последних, когда весна уже полностью вступила в свои права и деревья покрылись листвой, прилетает к нам иволга, золотисто-желтая птица величиной с горлинку. Для гнезда она устраивает высоко над землей уютный гамачок, который висит, чуть покачиваясь на ветру, как бы в такт ее песне... Песня у иволги довольно длинная и состоит из набора тихих скрипучих и щебечущих звуков, а заканчивается неожиданно мелодичным свистом...

Иволга — очень скрытная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит. Если же опасность угрожает ей непосредственно, она смело налетает на врага, издавая что-то наподобие боевого клича, и тем самым открывает себя, поражая яркостью своей окраски.

С первых чисел мая из густой кроны деревьев разносится ее красивая песня, и чудится, будто кто-то играет на флейте. И тут же раздраженный кошачий крик: можно подумать, что кошка забралась за кем-то на дерево и никак не может достать или ей просто прищемили хвост. Оказывается, когда звучит «флейта» — птица в хорошем настроении, а если кричит «кошкой» — значит, она испугана или рассержена.

Иволга обычно поет все лето, когда многие птицы уже замолкают, и, заслышав солнечным июльским утром ее сочный переливчатый свист, сразу выделишь его среди окружающих звуков и остановишься, заслушавшись. Прохладная тень, затаившаяся внизу высоких сосен, добавляет таинственного

изящества звукам ее песни, которая очаровывает и незаметно усыпляет. Хочется лечь где-нибудь на тенистой полянке, закрыть глаза и с наслаждением от всего отрешиться. Или представить себя этой красивой птицей, что так замечательно неугомонна, и загадочно хороша!

Не каждую весну удастся посмотреть на удивительную птицу, и ее чистый флейтовый свист словно что-то переворачивает в душе. Душа начинает думать и чувствовать по-летнему, с присущей этой поро роскошью красок, среди которой золотисто-желтая птица — ее чудесное дополнение. В крике иволги уже не услышишь резкого «вж-ж-жела, кш-ш-ш!», а только нежное «фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу», что почему-то напоминает вроде бы не подходящие ей слова: «Удил, да вынул, удил, да вынул, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу». И дальше, словно кого-то допрашивая: «Ты видел, видел, видел, фью-тиу-лиу?» При этом всегда непроизвольно оглянешься, но, никого не приметив, улыбнешься и радостно прокричишь птице в ответ: «Видел, видел, видел!»

Нередко уже со второй половины марта в лесу раздается вроде бы монотонная, состоящая сплошь из повторов песня пеночки-теньковки. С ней можно встретиться повсюду, если быть внимательным, потому что пеночка — это маленький лесной невидимка. То она легко перелетает рядом, ненавязчиво напоминая о себе тонким попискиванием, то надолго теряется, и пройдет немало времени, прежде чем птичка вновь появится в кронах деревьев. Легче услышать ее, чем увидеть! Только после того, как остановишься и внимательно всмотришься, заметишь, наконец, нечто трогательное и нежное оливково-дымчатого цвета, еле приметный пегонький росчерк в ветвях, и на душе сразу станет радостно.

Пеночка-теньковка — незаметная радость леса, которая всегда с нами. С нами ее неуловимая нежность, изящество и сила. Эта небольшая, скромно окрашенная птичка, размером меньше воробья, несмотря ни на что живет и никуда не исчезает, перелетает в ветвях, тихо тенькает и как будто ничего не ждет от жизни. Ей просто и хорошо в этой своей лесной незаметности, и она радуется всем таким неприхотливым и скромным присутствиям.

Песня ее будто звон капель воды, падающих с высоты. Начало песни сухое, потрескивающее «тр-трр, тр-трр, тр-трр», которое слышно только вблизи. Но затем в том же ритме птица исполняет свое «тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь», меняя тональность почти на каждом слоге, и именно из-за этого она и получила, наверное, свое имя.

Теньковка — один из самых неутомимых певцов: она поет и рано утром, и днем, и вечером. Усевшись на верхней еловой ветке, птичка будто тянется головкой к солнышку, и с клювика ее срываются восторженные звуки: «Тень-тинь-тень, тень-тинь-тень, тё-тень, тё-тень, тё-тень...» Прислушавшись хорошенько, вдруг различаешь, что она не только радуется ясному дню, но и зовет какую-то «тетеньку», а та никак не откликается, и пеночка вновь принимается настойчиво повторять: «Тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь, тё-тень, тё-тень, тё-тень, кап-п, кап-п, кап-п... Тетенька, тетенька,

тетенька!» Ничто так в весеннем лесу не отогревает сердце после долгой зимы, как тоненький голосок этой маленькой и неутомимой птички!

С приходом лета разнообразных птичьих голосов в лесу несколько не убавляется. На берегах рек и озер, совсем недавно покрывшихся растительностью, часто можно встретить небольшую, неброского цвета птичку — болотную камышовку. Но красивой ей быть и ни к чему, поскольку большей частью она держится в самой гуще прибрежных кустарников и тростников. Камышовка мало видна, но очень подвижна и, наверное, не желает ничего иного, кроме как жить в густых камышах, не чувствуя себя потерянной.

Песня камышовки спокойна и необыкновенно мелодична, состоит из смешения многих чужих и собственных звуков, быстро сменяющих друг друга высоких посвистов, трескучих и визгливых выкриков с постоянно повторяемым «чип-чип, чек-чек», из которых постепенно, по мере спада нотки озабоченности птички, выслушивается: «Цири-цири, тере-тере, чип-чип, чек-чек, тр-тр-тр-р... Крак-крак, кли-лилили, кли-лилили... чи... чи... тере!» Обычно довольно скрытная, во время пения камышовка взбирается на верхние ветки куста, как бы стремясь показать себя. Иногда камышовка даже взлетает кверху, но песня ее при этом не прекращается.

Чаще она сидит на тростнике, залитом водой, и от этой близости водной поверхности, полной загадок и жизни, песня ее убыстряется, звуки становятся крякающими и постепенно повышаются: «Кэре-каре, кэре-каре, кру-кру-кирикири-кики... Крак-крак-крак, клин-клин-клин, чек...» Наблюдая из прибрежных кустов за птичкой и видя, как она то и дело склоняет голову набок и заглядывает в воду, будто высматривая там кого-то, чудится, что камышовка быстро произносит: «Карась, карась, рак, рак, линь, линь! Карась, карась, рак, рак, линь, линь!», и ты почему-то начинаешь верить, что птица видит этих рыб и, не в силах сдержать себя, сообщает всем об этом!

И вот становится совсем тепло, воздух наполняется насекомыми, и однажды утром под мостом появляются очень изящные и юркие птички. Блестяще-черное оперение спинки, бело-охристое брюшко и длинный вилообразный хвост позволяют безошибочно различить в них долгожданных ласточек. Их элегантное одеяние в сочетании с вытянутой, легкой фигуркой создает ощущение, будто все птички зачем-то переоделись во фраки, а их длинные хвостовые косички напоминают свободно ниспадающие фалды... Переполненные восторгом возвращения в родные края, но еле сдерживаемые своим аристократическим видом, ласточки схожи с волнующимися оркестрантами, преисполненными важностью предстоящего: ведь им надлежит за короткий срок исполнить так много!

Ласточки любимы в народе, и всегда было принято думать, что они приносят счастье. Их оберегали, старались не обижать и помнили: ласточка — святая птица, к ней был неравнодушен сам Всевышний, и оттого, наверное, ласточки под Троицын день поют высоко в воздухе еле улавливаемую молитву: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас».

Может быть, конечно, это и не ласточки поют, но кроме них в небе никого нет, и люди всегда думают о святости близких их сердцу касаточек.

Ласточки, видимо, чувствуя к себе такое отношение человека, всегда держатся к нему поближе. Однажды они даже сменили места своего постоянного обитания — скалистые берега речных долин и пещеры — и стали вить гнезда на стенах жилых домов и сараев, под балконами, карнизами и в конюшнях, образуя целые колонии. И повсюду слышится их щебечущее и радостное «тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч...»

Но вот иногда у ласточки пробивается и настоящая песня, особенно заметная в пору прилета, когда первые стайки этих птичек появляются над полями и деревнями или сидят на крышах и телеграфных проводах. Песня эта — торопливое щебетанье скороговоркой, с отдельными, более звучными выкриками и с тихой трелькой, большей частью перед самым концом. Призывный крик звучит как «твид-твид» и «тлюи-тлюи», потом вдруг, завидя выехавших в поле на работу мужиков, ласточки сочувственно им напевают: «Мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яишню».

Вот уж что действительно подходит к ласточкам, так эта самая яишня, и невозможно объяснить, почему. Только крутится все время на языке это простое деревенское лакомство, как и ласточка, что неотступно кружится над людьми и все за ними подмечает. Задрав голову, следишь отрешенно за ее стремительным полетом и не помышляешь ни о чем, кроме лета.

Когда трава поднимается достаточно высоко, наконец-то прилетает с юга и перепел. Увидеть перепела, когда он бежит по земле, нелегко, потому что окраска хорошо маскирует птицу. При этом перепел бежит так быстро, что его даже трудно разглядеть.

Птицы эти любят открытые пространства, в особенности заливные луга с посевами, а если селятся в самом лесу, то на широких полянах. Часто они держатся на хлебных полях, и их много гибнет во время косьбы. Взлетают перепела лишь в крайнем случае, но, вспугнутые, летят недолго, как правило, низко над землей, и быстро присаживаются, всегда готовые надежно укрыться в бескрайних просторах золотых колосьев.

Спустя несколько дней после прилета, сперва только на утренних и вечерних зорях, а затем и круглые сутки можно слышать «бой» самцов. В народе еще говорят, что перепел не поет, а вавакает и уже потом кричит,— все это и называют «боем». Бега по траве, самцы перепела «бьют» и разыскивают таким образом перепелок, издающих в ответ хрипловатый свист.

Но не все перепела поют одинаково. У огромного большинства птиц все колена «боя» обычно сливаются в один поспешный, несколько свистящий удар, который можно передать звуками вроде «фвать-вальват, ва-ва-ва, фвать»или «фвить- фвить-фвить!» Такие перепела называются чистохватами, и только у редкого перепела песня состоит из трех особых колен — подъема, проволочки и отлива, благодаря которым и слышится нам, будто птица...разговаривает.

Вот повел пастух коров на пастбище, а перепел уже тут как тут, и из

травы у дороги доносится: «Вот ведет, вот ведет, вот ведет!» Или еще какой-нибудь самец, оказавшись поутру у самой околицы, зарядит до того настойчиво и бесперебойно, что отчетливо слышится: «Полно спать, полно спать, полно спать!» Когда же бабы забудутся за домашней работой, перепел так дает о себе знать: «Досыть, бабы, шить, надо полоть: под полоть, под полоть, шить, полоть, шить, полоть...» Ну, а уж если засидятся бабы за полночь, перепел им заботливо напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» Попробуй тут не послушать такую серьезную птицу, которая с вкрадчивого «разговора» возьмет да перейдет на однообразное вава-канье, и тогда, по народным приметам, горе бабам — лен будет плохой!

В поле перепел кричит, а над болотом кулик заунывную песню заводит: всякий кулик, говорят, свое болото хвалит. Пришло и его время родину посетить, поэтому, когда спрашивают его: «Где живешь, кулик?», он отвечает: «На болоте!» К нему опять: «Кулик, иди к нам в поле! Здесь сухо», а кулик в болоте плачет, но из болота нейдет. Всяк кулик на своей кочке велик.

Но на самом деле кулик в болото, наверное, не по своей воле бежит, а затем, что голову там бережет. Ему в болоте спокойнее и радостнее, чем в открытом поле.

Весной к нам прибывает множество разных куликов, но большинство из них долгоносы, имеют длинные ноги и оттого любят бродить по мелкой воде у берегов рек, ручьев и топких болот, выискивая для себя лакомый корм. Они часто летают над водой, привлекая внимание своими воздушными играми и громким токовым криком, состоящим из растянутых, как бы с ударением повторяемых «стонущих» звуков «кююйи... куулик... куулик, кююйи... куулик...» Когда же зацветает гречка и поле за болотом покрывается белым ковром, кулик принимается носиться над ним и в отчаянии кричит: «По-о-о-гиб, по-о-о-гиб, по-о-о-гиб», думая, что пришла зима и выпал снег. Но вокруг лето, и кулик скоро в этом убеждается. И вновь разносится над болотом его жизнеутверждающее: «Кююйи... куулик, кююйи... куулик, кююйи... куулик-к!»

Бывает, сенокос уже в разгаре, копны растут как грибы, но вдруг ни с того ни с сего возьмут и зарядят обложные дожди, так что мокрое сено начинает гнить... Зато быстро подрастают новые травы, свежие и сочные, и тогда озабоченный кулик мечется в воздухе и без устали то и дело кого-то призывает: «Жгите сено! Жгите сено! Новое поспело!»

А лето в самом расцвете, и только и слышится отовсюду: «Как? Как?», «Тпрусь, тпрусь!», «Ка-чу! Ка-чу!», «Мечи-мечи в печи калачи!» И опять: «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Худо тут, худо тут, худо тут!», «Под полоть, под полоть, под полоть!..» Этому птичьему многоголосью вторит хорошенькая горихвостка, только что выведшая на свет птенцов: «Я у Питере была, Питер видела... Я у Питере была, Питер видела...» Ей не уступает красавец щегол, что старательно, не обращая ни на кого внимания, щеголевато выговаривает: «Пили кофе, пили чааай... Пили кофе, пили чааай... Пили-пили, пили-пили, пили- пили...»

Ширится многоликое лето, набирается сил и красок, и вместе с ним наполняется жадной жизни разбуженное весной сердце, что, как и птицы, поет на разные голоса, переживая ко всему любовь, и с неизъяснимой радостью взмывает в бескрайнее небо!

Уже много лет хожу я по лесу и разгадал немало птичьих песен, но до сих пор не могу забыть первую: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Вспоминаю ее, а из далекого детства всплывает в памяти то туманное сентябрьское утро, когда лес впервые дохнул на меня своей тайной, но не напугал, а лишь предстал во всей своей силе. Огромные ели за логом, утопая по грудь в тумане, глядели серьезно и внимательно, как будто оценивая, чего ждать от этого маленького человека. Несмотря на их возраст и видимую неприступность, они не казались зловещими, а лишь молчаливо наставляли на что-то очень значительное, что недопустимо было пропустить мимо своего внимания.

Вспоминаются и замершая осенняя тишина, наполненная последними отзвуками уходящей поры, и вскрикивания птиц, собирающихся в беспокойные стаи, и доводящий до слез запах прелого листа вперемешку с сырой корой, и, конечно, тот самый отцовский пищик, который я берегу до сих пор и нет-нет, да достану, чтобы насладиться знакомой мелодией... И тогда как будто оживает окружающий воздух, до того пронзительно разносится в нем рябчиковое пение, и хочется вновь отправиться в осенний лес, чтобы, остановившись у опушки, услышать восторженно-приподнятое признание птицы в любви к замечательному туманному утру и возможности просто жить и петь: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

Темная звериная душа

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных.

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытая, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает ее сквозь глаза- щелочки и такой же не понятый никем бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоуменных снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от ее неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотёпы он может через мгновение превратиться в разъяренного хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нем душа теплится и не дает ему покоя. Гонимый не изведанным им природным смыслом, волк неутомимо преодолевает бескрайние снега и вновь оупелело зарывается в них. Ему, конечно, не до бессмысленных размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной мудростью принимает только необходимость обыденной

скитальческой жизни.

Независимо от оболочки душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не сыскать...

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее неприступное, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то непонятным и очень строгим.

И все же темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из нее однажды родилось начало всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, которую звери, ни о чем не ведая, несут в себе всю жизнь.

Милые лоси

Из всех крупных зверей лось наиболее часто встречается людям в лесу. А ведь, казалось бы, он должен быть осторожен ничуть не менее кабана, медведя или волка. Не повинна ли в этом медлительность, отчасти даже леность, в которой нередко обвиняют это животное, так как поспешает лось действительно медленно, в основном шагом?

С одной стороны, упрекнуть лося в таком «грехе» легко, потому что мы знаем зверей большего веса, которые передвигаются очень быстро. Но, с другой стороны, зачем лося при достаточно значительном весе быть слишком подвижным, пусть даже кто-то из крупных зверей ведет себя более активно?

Случается, что за сутки сохатый не проходит и километра и выглядит каким-то неповоротливым, даже понурым, но стоит только показаться ему на глаза, как лось в момент утратит эту милую растерянность, обретя устремленность, дремавшую внутреннюю силу. Лосю, видимо, незачем ее лишней раз демонстрировать, и он больше воспринимается спокойным и совершенно невозмутимым. Может быть, из-за этого мы и приписываем ему не присущую на самом деле склонность к какому-то отрешенному покою.

Увидеть лося как зверя, далекого от неприкаянной праздности, будет несложно, если представить у себя на голове огромные разветвленные рога, с которыми необходимо передвигаться между часто растущими деревьями, либо преодолевать при общей массе тела в две сотни килограммов беспредельные заснеженные поля, ближе к весне покрывающиеся острым, изрезающим ноги настом. В мороз лося также лихо: если тело его остынет, то, чтобы отогреться, он ложится в снег. В летнюю пору из-за плохо испаряющегося густого жира, благодаря которому животное спасается от комаров и слепней, лось плохо отдает тепло, что грозит ему неминуемым тепловым ударом, и, естественно, в знойный день его не увидишь скачущим по лесу галопом. А если еще к тому же учесть, что держится лось поближе к вырубкам, где растет его излюбленная пища — молодая лиственная поросль, всегда достаточно обильная, то станет вполне очевидным: много передвигаться сохатому вовсе не обязательно.

Однако корой лоси могут питаться только до наступления сильных морозов, так как, примерзнув, она плохо отделяется от ствола. Для того чтобы утолить голод, огромному лосю приходится съесть чуть ли не до пуда этого грубого корма, а в сильные морозы и того больше. При скудном питании, да еще в холод, лоси вынуждены экономить энергию, и вот поэтому они стараются двигаться как можно меньше. Имея от природы большую силу, которая зимой почти не востребована, животные, тем не менее, держат себя всегда с достоинством, и получается это у них довольно мило.

По следам мне не раз приходилось видеть, что могучий лесной великан, забредя в заросли кустарника, на вырубку, подолгу стоит на одном месте, стараясь дотянуться до побегов, и только когда все побеги окажутся объединенными, он делает один шаг, чтобы снова, не двигаясь дальше, объедать новое дерево или куст. В молодых сосняках, где звери могут стоять всю зиму, они начисто обглаживают верхушки сосновых посадок, их концевые побеги, и каким-то невероятным чутьем угадывают в лесу поваленные осины, объедая их мощные стволы до сахарной белизны, как зайцы.

Там, где лось кормится, он обычно и ночует. Бурая толстая шкура, хотя и не пушистая, надежно защищает сохатого от мороза. К тому же лоси прекрасно научились пользоваться для защиты от холода снегом, устраивая в нем свои удобные лежки. Лежка лося — это продолговатая яма в снегу, с заледеневшими стенками, подтаявшими от тепла его большого тела, и по форме напоминает обыкновенное большое корыто. По бокам лежка окружена снегом так, что наружу выглядывает только спина, покрытая длинным жестким волосом, и даже если ты стоишь неподалеку, то можешь не разглядеть зверя. Поземка быстро накручивает вокруг него снежные заструги, что надежно укрывают лося от пронизывающего ветра.

Но все это хорошо только до тех пор, пока в лесу не выпадает глубокий снег. Вот тогда-то для сохатых начинаются трудные дни, поскольку они уже не в силах передвигаться легко и бродить всюду, где им вздумается. Лоси ходят только гуськом, след в след, и тропы их с каждым днем становятся все короче и короче. Наконец они прекращают всякое передвижение и выбирают подходящее место для стойбища.

Такое укромное место в лесу, где лоси обычно держатся всю зиму, называется «двором» или «лосиным островом». Там всегда покой и сплошное благолепие для ограниченных в движении зверей. Лоси выбирают его, конечно, неслучайно.

Никто лучше их не найдет этот остров в глубоком логу, с уютным сумраком потаенных густых ельников, покрывающих его склоны. В нем бывает меньше снега, который оседает на густых еловых лапах, и не дуют сильные ветры. Наст не режет зверям ноги, когда им приходится идти на водопой, на дне лога неизменно струится ручей, а по его бережкам полно молодого черемушника, ольхи и рябины, вполне пригодных для корма. К тому же лоси здесь могут надежно укрыться от одолевающих всю зиму серых хищников, если будут держаться вместе и не оставят за собой длинного следа.

Мне посчастливилось найти лосиный остров лишь однажды, в начале апреля, и когда мы с приятелем обнаружили его, то были сильно удивлены. В небольшом ложке, представляющем из себя своеобразную чашу, зимовало, похоже, стадо лосей, а лежек мы насчитали более сотни. Невозможно было не ступить в бесчисленные горки помета, шоколадными драже громоздившиеся повсюду: продолговатые, чуть разбросанные — принадлежали самцам, более округлые, в кучке — лосихам. В таком лесном лосином доме чувствовался вольный дух зверей, их постоянное присутствие, и вот переживать именно это было радостнее всего.

Ни с кем из крупных зверей не находился я так часто в непосредственной близости, как с лосями. Объясняется подобное поведение животных, наверное, какой-то таинственной задумчивостью, в которой они оказываются временами по непостижимой для человека причине. Лоси или подпускают тебя к себе, или проходят мимо, порой на расстоянии вытянутой руки, а ты замираешь и с восхищением разглядываешь их. Простота восприятия жизни зверьми, их необъяснимая незащищенность в ее отдельные моменты поражают.

Обычно зверь стоит на вырубке, среди розовых султанов кипрея, время от времени вытягивая задние ноги и величественно поводя огромной головой, либо бредет в шумящем листвою лесу по самой опушке и как будто вслушивается в окружающую его жизнь, а человека не замечает. Голова его опущена, во всем облике только безрадостная принужденность двигаться в поисках корма. Не потерпел ли он поражение в борьбе за телку с каким-нибудь более могучим самцом?

Если не бояться и замереть, когда лось проходит рядом, то можно иной раз разглядеть его глаза — отрешенные и таинственные. В них тоже проглядывает какая-то зачарованность и тайна, которую, похоже, лоси и сами не в силах разгадать. Не разъединенные с лесом, они его дети, что впитывают вкусы, запахи, звуки и не очень заботятся о будущем. Будущее для них представляется неизменным и никогда нескончаемым настоящим, в котором они, из поколения в поколение, покойно живут и никому не причиняют вреда.

Но чаще всего лось попадался мне поздней осенью, в ноябре, неторопливо переходившим просеку или замиравшим на каком-либо заснеженном взгорке. В эту пору он был наиболее заметен и появлялся всегда неожиданно и бесшумно. Что-нибудь понятное только ему привлекало его на открытой просеке или склоне лога, и зверь как будто на время забывался, отрешенно вглядываясь в необъятные лесные пространства.

Иногда лось настороженно поворачивал морду в мою сторону, но проходили томительные мгновения, и зверь переносил свой интерес на что-либо другое. Потом он отчего-то напряженно вздрагивал и, неловко мотнув мощно вылепленной головой, так же неслышно исчезал в черном лесу, как и появился. Какое-то время я еще представлял его себе на ослепительно белом фоне, и снег от этого всегда оживал, будто являясь продолжением лося.

Оживляли его и глубокие оконца лосиных следов, заманчиво голубеющие в подмороженном с утра снегу. Их близость, совсем не кажущаяся

доступность были очень приятны. Хотелось брести по ним вглубь леса, всматриваться в чащу и утопать в ней. Следы неосознанно влекли к какой-то другой, неведомой и совершенно недоступной для тебя жизни.

Еще в лосиных следах виделось неторопливое понимание лосями происходящего с ними в лесу, какой-то неловкий интерес к своим нехитрым заботам, которые они никому не передоверяют, несмотря на природную доверчивость. Длинные, как палки, сухие ноги с узловатыми коленками, разъезжающиеся в стороны в осеннюю слякотную пору, но между тем устойчивые и крепкие, теперь голенасто перемахивают через синие сугробы, вызывая только улыбку. Хотя из лесных жителей лоси — самые крупные животные, они в то же время и очень трогательные.

Природа как будто сознательно хранит милую доверчивость именно в самых крупных животных, наиболее доступных людям, а они бессовестно используют ее при охоте на них. Ведь лоси не зря в голодные годы часто подходят прямо к городам и, наверное, просят поддержки, когда оказываются совершенно беспомощными, но люди их не понимают, поскольку просто к этому не готовы.

Кстати, опасными лоси бывают только в период осеннего гона, когда устраивают между собой отчаянные поединки. Рев их при этом разносится далеко над лесом, он необычен и будит в душе что-то неизъяснимое. Тревога с легкой печалью одновременно ложатся тогда на сердце и как бы замирают.

Тебе хочется идти на этот рев, видеть все самому и жадно впитывать неустранимость зверей. И еще поражаться, и запоминать, чтобы потом, глядя на спокойных лосей в течение всего года, удивляться, как тихие и милые звери могли выйти из себя и стать такими коварными.

Именно об этой поре в их жизни говорят: «На медведя идешь — постель стели, на сохатого идешь — гроб теши». Станным представляется существование такой поговорки, но, может быть, виной тому были еще и дедовские способы охоты, накоротке, когда лось мог не на шутку разъяриться. Страшным и неудержимым становился тогда зверь, ни следа от былой умиротворенности и покоя.

Конечно, никогда нельзя забывать, что лось — дикий зверь и миролюбие его имеет свои границы. Но как существо разумное человек может научиться определять настроение животного, достаточно полно разбираясь в его жизни. Он должен хорошо представлять, когда допустимо подойти к зверю поближе, а когда делать этого не стоит. Если, скажем, лось прижал уши и шерсть у него на загривке встала дыбом, то лучше держаться подальше. Самое же мудрое — вообще никак не вмешиваться в жизнь зверя и наблюдать за ним с расстояния. Лось обязательно почувствует такое отношение человека и останется ему благодарным. Ведь давно известно, что насильно мил не будешь, а вот лось именно мил в своей доступности и простоте.

Милый — значит достойный, дорогой и привлекательный, располагающий к любви. Вернее, вынуждающий к этому даже против своей воли просто потому, что он таков. А еще приятный на вид, кроткий по нраву и

обаятельный в поведении... Все это в полной мере относится к лосю, который у многих людей вызывает страх и уважение из-за своих внушительных размеров, но тем не менее любим человеком.

Несмотря на величественный рост и агрессивность, которую лось иногда проявляет во время гона, он действительно мил во всем, что составляет его суть. Лось всегда скромен, он никогда по-пустому не бросается в глаза. Недвижно стоящего в лесу зверя трудно разглядеть, в этом ему помогают темно-коричневый «сюртук», сливающийся с верхушками молоденьких деревьев, и белые «чулки» на ногах, которые неопытному глазу легко принять за березки. Только облачка пара изредка выдают лося, и так спокойно, как-то даже очень мило, спасается он от опасности.

Чрезвычайно подвижная, сильная верхняя губа, свисающая с рогатой морды, так же мила, как и длинющие ноги. Стоит застать лося, когда он неспешно пережевывает осиновые веточки,— и мягкость его толстых губ, кажущихся несколько неловкими, очарует. Про себя пожелаешь лосю поскорей разделаться с неподатливыми и жесткими ветками, но зачем зверю куда-то спешить?

Ему хорошо и привольно стоять вот так, по грудь в молоденьком подросте, и, ощущая на себе ласковые лучи восходящего солнца, наслаждаться окружающим его довольством. Все, что лось желает,— рядом, и зверя не обуревают жажда постижения, он с удовольствием воспринимает такое размеренное существование и, наверное, не просит у леса большей милости. Лось доволен своей жизнью, тих и никому не мешает.

У лося большие и очень милые уши, которыми он слышит скрип снега за целый километр. Достаточно увидеть хоть раз, как лось трогательно шевелит ими, улегшись на снег в густом чапыжнике, и сразу проникнешься добрым чувством к зверю.

Несмотря на мощное тело, грозные рога и копыта, хочется потрогать его за толстые уши, кажущиеся плюшевыми, погладить ворсистый загривок, чтобы лось всхрапнул и потянулся к руке теплой мордой. Много в лесу хороших зверей, но из крупных самый милый — лось!

Глядя на чудесные уши лося, не могу вспоминать без улыбки одного охотника, который был помешан на охоте, особенно глухаринной, и однажды удивил всех своей выходкой. Имея дома лосиную голову на медальоне, он в точности скопировал с нее уши и вырезал их из толстого картона. Затем приспособил к этим «ушам» тесемки, а весной на глухаринном току надевал их, что, по его мнению, значительно облегчало слышимость подлета птицы на токовище и, конечно, саму песню, которую он теперь будто бы угадывал аж за три сотни шагов... Понятно, что, подкрадываясь в таком виде к поющему глухарю, выглядел он очень уморительно и доводил своих товарищей от смеха до слез. У лося-то уши непрерывно двигаются, улавливая малейшие шорохи, а наш герой то и дело шевелил их руками, поворачивая голову в разные стороны, и это окончательно лишало охотников возможности сосредоточиться. Причем, умелец действовал на полном серьезе и очень

обижался, что его не понимают.

Еще одна особенность, которой, кстати, у другого зверья не бывает,— это волосы на брюхе сохатого, обращенные вперед. У всех назад, что вполне естественно и во многих случаях удобно, а у лося — наоборот, казалось бы, вопреки здравому смыслу. Но ничего в природе не происходит впустую, просто так, и небывалый лосиный зачес, который опять же своеобразен и мил, может быть, поддерживает у зверя необходимый для жизни теплообмен, когда тот подолгу лежит в снегу. Зачем-то он лосю непременно нужен, и можно только порадоваться тому, что в нашем лесу обитает такой необыкновенный зверь.

Прежде, чем выйти на открытое пространство, лось всегда сначала высунет голову, осмотрится и уж затем отправится дальше. Порой он стоит так очень долго, и, наблюдая за ним издали, ты даже подумаешь, что тебе померещилось и это вовсе не голова осторожного животного, а старая валёжина. Сохатый терпелив в своей предусмотрительности, потому как, обладая внушительными габаритами, опасается быть замеченным. Лосю, наверное, кажется, что, высунув голову, он остается невидимым, и такое незамысловатое поведение лесного великана выявляет в нем очевидное обаяние, которое у маленького зверя воспринималось бы как нечто обыденное.

Когда лось бредет по брюхо в снегу, то кажется, будто он плывет. От него веет неведомой для него самой милой допотопностью. Лось действительно древен, вполне возможно, что он ровесник глухаря, и в то же время зверь остается обычным лесным великаном, который всегда постоит за себя, и плохо придется его обидчикам, хотя сам он первым никогда не нападет. Он скорее пойдет на уступку, чем проявит силу. Лось тих, славен в своем неспешном поведении, и нет в нем ничего постылого, а только милое!

Иногда лоси кажутся замкнутыми в себе, будто их все же обуревают тоска от своего неприкаянного существования. А может быть, они просто становятся такими ненадолго, сами не зная отчего? Бредут неторопливо по лесу и ни на кого не обращают внимания. Могут пройти совсем рядом и не заметить.

Неожиданно обнаружишь такого зверя и замрешь, слившись с лесом. Кажется, что зверь не минует тебя и произойдет что-то невообразимое. Дыхание замирает, ноги коченеют, и только звериный интерес не утихает в тебе, ты жадно впитываешь все происходящее и боишься, что оно вот-вот прекратится.

А зверь живет своей неприкаянной жизнью, и эта его открытость ошарашивает. Как просто, кажется, можно добиться близости леса,— лишь только прийти и застигнуть. Но, может быть, это кажущаяся простота, и лось не замечает тебя благодаря накопленному тобой знанию, неутомимости и воле, если ты был достаточно осторожным и вдумчивым?

Необъяснимая неприкаянность, с какой лось иной раз бредет по лесу, вызывает больше улыбку, чем озабоченность. Он будто забыл что-то и не в силах вспомнить: вот вроде бы на секунду его озарило, так что лось остановился как вкопанный, даже слегка всхрапнул, но в тот же миг все

исчезло, и зверь опять неспешно трогается, изредка хлопая ушами, и ничего не замечает. Смутны его воспоминания, зато легки тревоги, и как только зверь повстречает поваленную осинку, все для него встает на свое место: лось превращается в того лесного обитателя, которому не чужды самые обыденные и милые привязанности.

Большие печальные глаза с длинными ресницами тоже отображают в звере его трогательную, никем не замечаемую открытость. Он и не просит никого о помощи, но определенно нуждается в ней, порой, видимо, не зная, куда себя деть. В каком-то отрешенном беспамятстве застывает зверь где-нибудь на границе поля и леса и, не придя ни к чему, что могло бы внести в его жизнь перемены, вскоре приходит в себя, как будто из милости своей принимаясь обдирать свисающие перед мордой листочки. Так ли уж темна его неприкаянная звериная душа?

Застанешь лося на водопое или у солонцов,— а зверь смотрит на тебя, никуда не убегает и только прядет ушами. Милое, славное существо,— разве поднимется рука на эту никому не причиняющую вреда жизнь? Про себя улыбнешься, но погладить лося между рогов не пожелаешь. Настоящее в лесу чувствуется всегда на удалении; попытавшись его приблизить, рискуешь отпугнуть.

Лосиное обаяние слагает, конечно, сама природа, однажды обрешая зверя на вынужденное терпение и скромность. Терпение удивительное, присущее только этому зверю. Надо видеть, как стойко преодолевают лоси непроходимые топи, болота или переплывают широкие реки, как нелегко им спастись в суровую зиму от хищных волков или уходить от погони неутомимых охотников, обагрив снег кровью. Их спокойствие и выдержка при этом поражают, и ты еще больше начинаешь уважать милых зверей.

В последнее время увидеть лося проще, чем зайца. Особенно летом, когда лось любит принимать ванны. Большие неприятности доставляют зверю насекомые — оводы и слепни, заедающие его все лето. Даже почуяв человека, лоси с неохотой прекращают свои спасительные водные процедуры и неторопливо уходят прочь, но чаще остаются, надеясь на его благоразумие. Зная о присутствии человека, они делают вид, будто ничего не замечают, только отведут морду, фыркнут и, как ни в чем не бывало, продолжают наслаждаться. Выглядит это со стороны очень мило.

Любой зверь сам по себе самобытен, но лосю присуща еще одна индивидуальная особенность: кожаный вырост-«серьга», загадочно болтающийся на шее. Вместе со стройными ногами, которые в сравнении с небольшим туловищем кажутся удивительно длинными, чрезвычайно подвижной и сильной верхней губой, волосами на брюхе, всегда обращенными вперед, эта деталь, должно быть, обаятельное дыхание далекого прошлого, то, что роднит лося с загадочной древностью. У прочих лесных обитателей таких бросающихся в глаза странностей не наблюдается. Впрочем, странностей опять же милых, других зверей ни к чему не обязывающих и не отпугивающих.

Особенность лосей сказывается и в любви, которая тревожит их осенью, а не весной, как всех остальных животных. Лоси весной в лесу совсем неприметны, и ты забываешь о них за своими глухариными и тетеревиными заботами. Эта способность любить не как все тоже, наверное, проистекает из милого стремления зверей не выделяться. Очень не хочется лосям докучать и без того перенасыщенному жизнью лесу, и они тихо переживают пору всеобщего торжества, чтобы испить свою чашу любви осенью, никому не мешая.

Лось — деликатный кавалер, который всегда ведет себя с достоинством. Он никогда не подходит к лежащей лосихе, а если мы заметим медленно приближающегося к стоящей самке рогача, то кажется, что он ступает на носках, как балерина. До того он предупредителен, выдержан и мил. Лося не сравнить с оленем, что часто держится с самками заносчиво и гордо, обслуживая целый гарем. Сердце сохатого принадлежит одной даме, и он скорее выйдет из себя в поединке с другим рогачом, чем доставит ей какие-либо переживания.

А лосята! В результате такого необычного осеннего слияния двух влюбленных зверей они рождаются милые-премилые! Нескладные, то и дело разъезжающиеся ноги у них еще не одеты в белые чулки, как у родителей, а сами лосята рыжие и лопухие.

Всю первую неделю малыши коротают под кустиком, а потом вышагивают за мамашей и учатся объедать листочки молодых осинки и берез. Голенастых детей, родившихся в конце весны, лосихи почти четыре месяца кормят превосходным молоком, в котором жира и белков в несколько раз больше, чем в коровьем. Выпивая в день по литру такого чудесного молока, малыш к осени набирает в весе не меньше центнера. Холодной зимой, когда для лосей начинается голодная жизнь и рост приостанавливается, эти запасы еще как пригодятся!

Лосята очень долго сохраняют свою милую сущность и даже двухгодовалыми ходят за матерью как привязанные. Они, совсем еще дети, не в силах расстаться с ней, и лосиха не отгоняет их, долгое время проявляя заботу. Даже во взрослом лосе порой проглядывает эта детскость, и оттого, наверное, лоси всегда кажутся милыми и послушными. Из всех зверей именно они используются людьми в своем хозяйстве, в основном как тягловая сила, и уже есть целые лосиные фермы.

...Что же за черта в лосе определяет его таинственную неменяемость, эту покойную простоту, неспешность, какое-то древнее обаяние? Может быть, ощущение своей дикой свободы, когда никуда не надо торопиться, а только жить своими неприхотливыми заботами, оставаясь при этом незаметным?..

Наверное, красота лосиного существования — в его неприхотливом отношении к жизни, в том, каким слитным чувствует он себя с лесом. Не однажды встреченный человеком в лесу и не понятый им, лось когда-нибудь все же повернет к нему массивную голову, печально посмотрит своими бездонными глазами, и человек почувствует в них невыразимую мудрость

зверя, которая всегда проста и всем доступна.

Так, неотступно думая о лосях и изредка встречаясь с ними в лесу, ты постепенно понимаешь: принимать зверей возможно только такими, какие они есть. Может быть, чуточку непутевыми, порой даже грозными, но все равно очень милыми. Ведь милее всего лоси тогда, когда их никто не трогает, и они остаются самими собой.

Отчего волки воют?

Отчего волки воют? Наверное, не оттого что им страшно и одиноко, а по той же вековой причине, из-за которой мучается над смыслом своей жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое волков голос своих предков, собственным голосом вступает в нелегкую звериную жизнь.

Вой - это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, кажущейся людям совершенно неустроенной, но для самого волка остающейся единственно доступной и по-звериному святой.

Протяжно отзываясь в бесконечность ушедших времен, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем свой постоянный непокой, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

Серый помещик

Если в медведе все кажется соизмеримым, несмотря на его противоречия, и даже при всей темноте могучего зверя как-то без страха воспринимаешь его существование и вероятность столкновения с ним, то этого нельзя сказать о волке. Силен, говорят, медведь, да воли в нем нет, она выкована в сером разбойнике, который хищник по природе, а не по зависти. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не меняет: овца так не укусит, как волк слизнет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, целую тропу волчья стая за зиму набьет, но с пути своего не своротит, если добыча ей дорога. За одну ночь преодолет десятки верст, а желаемого достигнет.

По волчьему следу никогда не определишь, сколько в стае зверей, и только когда волки разойдутся перед каким-нибудь препятствием, одиноким пнем или бугорком, можно будет их перечесть. Звери, каждый по-своему, как будто приноравливаются к преграде, осторожно обходят ее, на какое-то время забывая о своей сплоченности, а убедившись, что им ничто не грозит, опять продолжают путь вместе.

Про волка и изречений гораздо больше, чем про медведя, и изучен он вдоль и поперек, а отношение к нему другое, почти не сулящее добрых слов. Но вот что странно: перебежавший дорогу волк, считали старики, должен был принести удачу, тогда как даже на сто волков, по тому же народному мнению, ни одного хорошего волка не находится. Чем объяснить такие различные суждения об этом звере?

Пожалуй, главное в понимании волчьей сути - двусмысленное поведение самого зверя. Не двуличность, безукоризненно вымеренная природой во имя обретения зверем желаемого, а именно сочетание кровожадной нацеленности и обособленности с обезоруживающей открытостью, доходящей порой до невероятной наглости или даже глупости. И все это уживается в волке, не доставляя ему, кажется, никаких неудобств.

С одной стороны, волчья натура гонит зверя в лес, приручить его почти невозможно: сколько волка ни корми, он все в лес глядит. Но и то правда, что волки есть везде, не только в лесах, а иногда и поблизости от жилья. Порой звери ютятся в маленьких рощах неподалеку от деревни, несмотря на то, что их везде преследуют. Не было, наверное, на Руси селения, где бы в сердцах не посетовали: «Есть волки и в нашем колке!»

Тем не менее, волк очень редок, не всякий охотник его за всю свою жизнь хотя бы раз увидит. Слышал, бывалые люди рассказывали, будто бивали лютого зверя, много читал о нем в охотничьих книгах, как-то даже довелось натолкнуться на следы хищника величиною с большой кулак, а вот самого волка не встречал. Но ведь случалось и такое, что волк нападал на чело- века, среди бела дня забегал в деревню, прилюдно задирая собачонку и утаскивая ее в лес, и однажды даже заскочил поутру во двор, где хозяйке удалось поймать зверя за язык и, затащив его за собой в сени, огреть по голове валком для стирки белья, удачно подвернувшимся под руку! Как тут не озадачишься необыкновенной волчьей смекалкой и чутьем?!

И все же одинокому путнику, особенно зимою, встреча с волком не сулит ничего хорошего. Благо, если выскочивший перед тобой зверь напугался еще больше, тогда все случившееся обретает радостный смысл, но ничто не сравнимо с тем состоянием потерянности, когда ненароком оказываешься в лесу один на один с волком и от этой жути обмякаешь... Если вокруг залегла зима, ты понимаешь, как восприимчив становится волк. Зима торит ему тропку наглуую, нахрапистую, и зверь сразу замечает, как человек относится к нему. В отличие от собаки, волк более выдержан и умен: он точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Если ты дал слабину, взгляд зверя холодеет, растворяется в тебе тоненькой струйкой страха и отбрасывает к чему-то давно забытому, дикому. Правда, когда волк один, он обычно избегает человека, но беда встретиться со стаей волков, особенно в то время, когда они играют свои волчьи свадьбы: человеку, да еще безоружному, тогда несдобровать. Люди, как говорится, — дорогой, а волк — стороной, которая у него всегда темна и коварна.

Но это только с точки зрения человека, если он мнит свое существование

выше волчьего, не предполагая у зверя ума и переживаний. На самом деле волк необыкновенно одарен от природы и если выглядит непутевым, то только в сказках. В жизни этот зверь проявляет поразительную выдержку в скрадывании жертвы, стремительный натиск и хладнокровную расправу. Волк тавра не разбирает, но толк в своей принадлежности лесному богу знает и неукоснительно блюдет его.

Сколько людей, говорят, столько и мнений. Так и у волков: всякий зверь устроен на свой, никому не ведомый лад, и, наряду с ярко выраженной трусостью многих волков по отношению к человеку, попадаются иной раз звери, которые не зря проявляют к нему явную агрессию. Все зависит от времени встречи волка с человеком, от поведения человека при столкновении со зверем и от воспитания прибылых, когда ненависть к людям становится у зверей семейной традицией, поддерживаемой в стае одним из матерых волков. На намерение волка напасть могут повлиять даже его собственные страхи, врожденное оборонительное поведение и длительная изоляция, а также отсутствие корма. И там, где какой-либо обессиленный волк спасует, другой на его месте попытается перегрызть человеку горло.

Волки опасаются далеко не всякого человека. Больше всего они боятся мужчин, меньше — женщин и почти не боятся детей, которых часто утаскивают, закинув за спину. Очень большую роль играет и суть самого человека, что столкнулся нос к носу со зверем. Если человек вдруг начинает убегать от зверя, вести себя нерешительно, то у последнего ослабевает чувство боязни и возможно пробуждение агрессии.

Люди издавна примечали, что волк боится колокольного звона и огня, а ямщики в старину верили, что звон поддужных колокольцев отгоняет волков напрочь. По стародавнему поверью, от нападения волков можно защититься именем святого Георгия Победоносца, но это только в том случае, когда тот, на кого нападают волки, не обречен на растерзание за грехи. Старинное же малорусское поверье дает скотоводу совет класть в печку кусок железа в случае, если отобьется от стада, забредет в лес животное, — ни за что не тронет тогда ее лютый зверь.

В некоторых местах для защиты скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к задворкам, было в обычае обегать деревни с колокольчиком в руках, приговаривая под звон: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не попал ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек!» А верящие в силу колдовства люди говорили, что если навстречу свадебному поезду бросить высушенное волчье сердце, то молодые будут жить несчастливо. Волчья шерсть считалась в старину одной из злых сил в руках чародеев.

С зимнего Николы, говорит народ, начинают волки рыскать стаями по лесам и полям, осмеливаясь нападать даже на целые обозы. С этого дня, вплоть до Крещенья, — волчьи праздники, и только после крещенского водосвятия пропадает будто бы их смелость. Если в эту пору волк нападет, то уйти от него труднее, нежели от медведя, хотя бывает и так, что от волка

уйдешь да медведю в лапы попадешься.

Но так ли страшен медведь в сравнении с обезумевшей от крови волчьей стаей, которая в один из февральских вечеров вдруг взалкала целую свадьбу! Сначала голодные волки почуяли последнюю пристяжную с подвыпившим ямщиком и гостями, что угодила на повороте в сугроб, а сани перевернулись. Волки будто ждали этого момента, и всей оравой бросились из ближайшего елового колка на долгожданную поживу...

Рвали без разбору лошадей, людей, и пока одни пировали на горячей крови, другие, вконец обезумев, уже догоняли следующую пару. Лошади, обуреваемые страхом, запутались, сбились на поле и вскоре тоже оказались добычей разъяренных зверей. Такая же участь постигла ближайших родственников молодых, следующих за ними во второй кибитке. Весь свадебный кортеж направлялся из одной деревни, откуда была родом невеста, в другую на венчанье, и в самой голове его на тройке ехали невеста с женихом, а на вожжах сидел брат жениха.

Волки, расправившись со всеми и толком не отведав парного мяса, бросились в пылу погони за ними, и жених с братом, чтобы спастись самим, выкинули молодую. Но это не остановило зверей, лишь задержало их на мгновение, и между мужчинами завязалась борьба — кто кого, в которой победил старший брат, возница. В деревню он въехал седой, был затем проклят всеми и изгнан из округи. Воистину сказано: волк только по утробе вор да разбойник, а человек — по зависти и злобе!

В волке, более чем в других животных, проявляется его кровожадность, но кровожадность не грязная, а заданная природой. Волки и рвут, и смотрят проникающим взглядом: не переходи нам путь, если не хочешь пропасть за полушку. Но вот именно это состояние приближенности к диким зверям, нахождение с волками на границе дозволенного, и притягивает к ним. Волки будто зачаровывают человека, посверкивая из чащи своими аметистовыми глазами.

Недаром именно волка, как бы кощунственно или странно это ни выглядело, сравнивали в народе со счастьем: счастье — что волк: обманет и в лес уйдет, и потому нерезонно полагаться на серого, тем более, верить волчьим слезам. Скорее, человеку прочили самому попытаться определить свою судьбу, но незадавшегося отпрыска, все же, наставляли: нашему б теляти волка поймати! Что и говорить, без волка, понимания его замечательного назначения человеку никак не прожить и оттого ему надлежит смолоду усвоить, что мало иметь только лисий хвост, надо бы еще и волчий зуб!

Но волков у нас, все же, никогда не любили и опасались настолько, что местами даже называть избегали, дабы не накликасть беду. Волком на Руси прозывали вконец посрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек этот навек был опозорен.

Волков преследовали и истребляли всеми возможными способами из-за того вреда, который они приносят домашнему скоту. Волк издавна был

воплощением злобного хищничества. Самая выразительная поговорка о нем звучала так: «Из-под кустика хватыш!»

Хорошо знакома волчья повадка русскому крестьянину, то и дело приходится ему сталкиваться лицом к лицу с этим хищником: то зарежет волк корову, забредшую из стада в лес, то дерзко ворвется в самую середину стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберется темной ночью прямо на двор, если очень голоден. «Волка ноги кормят!» — говорят в народе и тут же приговаривают: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел!» Волк, по народным сказаниям, являлся олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце: «Пришел волк — весь народ умолк!»

А все потому, что у волка утроба ненасытная, сколько ни таскает овец и ни жрёт, все ему мало: видит волк козу, забывает и грозу. Всю свою жизнь волк только и делает, что рыщет, хлеба себе ищет, и если хозяину унесенного волком жаль, то волку — того, что осталось. Поэтому в народе сложилось твердое убеждение: каким волк уродился, таким и издохнет, нрава своего не переменит. К тому же чем волк старше, тем он злее, осторожнее да хитрее, и только старый волк знает такой толк, по которому его в тенёта сразу не загонишь.

В древние времена религиозные люди признавали, что волки якобы поедают чертей, но, тем не менее, везде, где есть волки, приходится терпеть от них горькую долю. Один волк гоняет целый овечий полк и при этом не глядит на хозяйскую заботу, тащит овец без счету, а если и сжалится над той же овцой, то наперед лишь голову отъест. Где волк удачно хоть раз добычей поживился, туда он опять назад вернется, и тогда поднимай городьбу выше. Полагаться на волка никак нельзя, хоть бы он и овцой прикинулся, ибо волк добра не помнит: дешево волк в пастухи нанимается, да деревня с ним намается, и в овечьей шубе он не укроется, а смирен только в капкане бывает. Даже голодный волк сильнее двух сытых собак, и потому не клади ему пальца в рот.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимости волчьей сути народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь — оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, он возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю и совесть. Неумоимо и нестигаемо преодолевая бескрайние снега, он нес для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца — волку корысть», — всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал, который является хозяином-повелителем волков. Впрочем, не одни только волки ему подвластны, но и все животные. И без Георгиева наказа серый волк сыт не бывает, лесной святой держит зверя впроголодь, а то бы и вовсе к нему скота не води.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становиться равнодушным к жизни. Собаке не ступать на волчий след: оглянется, ан тут ее и нет! Человеку не ставить недруга овцою, представлять его самим собою. Не в меру прыткому да непутевому всегда заметят: «Не суйся в волки, когда хвост тёлкин!»

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклеп идет, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?! Ведь нередко волку приходится и за чужие грехи отвечать, и человеку легче всего валить на серого: серый все снесет. А еще всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, и только волка понесли — сразу углядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мертвого, а не живого волка предпочитал видеть человек, и не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: «Где про волка дума и речь, там он тебе и на- встречу».

Но несподручно волку сеном брюхо набивать,— так уж он устроен. Боятся же его, особенно зимой, потому что он больше голодом ее проживает, в отличие от лисы. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, которые проливает он под ясным морозным небом?!

Зима для волка, как, впрочем, и для всякого зверя, самая трудная пора, тем более что он не ложится в спячку, как медведь, а всю зиму рыщет, добывая себе пищу с гораздо большим трудом, нежели летом: трудно волку зиму переголодать, а там — опять пан. Однако, как ни тяжело достается волку зима, он к ней привык и от холода, по-видимому, не так страдает, если только найдет, чем поживиться: не первую зиму волку зимовать, потому как зима ему за обычай. В народе не случайно повелось такое поверье, что зимой следует бояться именно волка, а летом — мухи.

Часто волка сравнивают с лисой, которая в сказках и поверьях над ним своим умом верх берет, что не всегда на деле справедливо. Лисе, при ее образе жизни и маленьких размерах, бывает легче перезимовать, тогда как волк не уступает ей в хитрости и может быть еще изворотливее, умнее и коварнее. И если говорят, что волк — голодай, лиса — лакомка, то это не по причине недалекости серого, а из-за его довольно внушительной величины тела, в отличие от лисы. Чтобы преодолеть необъятные зимние сугробы, он вынужден затрачивать гораздо большие усилия, чем лиса, и оттого рыжая кумушка всегда сытнее волка живет.

Но твердо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечет их какое-то не ясное им самим беспокойство.

Ни ненасытности в том нет, ни спеси, только терпение, достоинство и воля, от которой впору умереть! Так ее у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда ее девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может, благодаря ей, и спастись... Манит неудержимо волчья тропа и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе — шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он в лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя, ни россомахи. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти, да в лесу рождена: гордо и независимо несет он свое звериное звание.

Следы у волка, как и у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка прямолинейен, собран. Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка — большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими заячьими, беличьими и глухариными заботами начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же, как-то обомлеешь и глядишь на него заворуженно... Сразу готов все бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать. Ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей: волки прекрасные ходоки. Вся жизнь зверей проходит в непрекращающемся движении, и в этом заключен смысл их жизни. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой присущую только им борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми телами,— так волки в своем зверином стремлении сильны и свободны.

Внешний облик волка и строение его тела доведены природой до совершенства и всегда нацелены на бросок. В подготовке к нему протекает все время зверя, а осуществление его — лишь молниеносный росчерк, пик никогда не угасающего охотничьего инстинкта, после которого волк опять, только более успокоенно, проживает в ожидании своего очередного устремления. Волк каждую минуту готов к броску, с детства обучается этому и никогда не упустит возможности решить все раз и навсегда. Причем расправляется с добычей в два счета, поскольку зверь совершает нападение скрытно, метров с двадцати, а именно это расстояние он преодолевает за пару секунд.

Спина зверя почти прямая, круп слегка опущен, ноги же высокие и стройные, с хорошо развитыми пальцами, которые, в сравнении с собакой, значительно усиливают толчок и дают возможность зверю преодолевать небольшие препятствия, не меняя темпа движения. Грудная клетка широкая, но в передней части сжатая с боков, так что, когда зверь выносит вперед передние конечности, его грудь кажется очень узкой, а следы обеих передних лап располагаются почти по одной прямой линии, что обеспечивает

молниеносность. Голова у волка крупная, с подвижными ушами, которые всегда стоят и направлены вперед, шея сильная, морда вытянутая, и если зверь опустит голову к земле, то почти касается ее кончиком носа, схватывая множество важных для себя запахов. Глаза слегка раскосые, со светлой радужиной, но чаще всего желтые, объемлющие лес, поля, глухие буераки и отложки — всю вековую чащобу и, конечно, мир человека, без которого волк как зверь существовать не может.

Волк очень расчетливо пользуется особенностями местности. Не меняя темпа движения, зверь даже на открытых местах использует малейшую возможность укрыться в небольших низинах, куртинах высокотравья, колках и перелесках. Волка беспрестанно преследуют, но, уходя от погони, он всегда хорошо знает возможности охотников и пути своего следования, а все только для того, чтобы, укрывшись, в скором времени опять совершить нападение.

Ум волка хорошо проявляется в том, как он использует дороги в снежные зимы: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть, отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройти и по лыжне. Понимает серый свою выгоду так, что даже страх не помеха: ведь уплотненный снег не только его самого выдерживает, но и зайцам помогает, которыми при случае можно поживиться.

При всей своей скрытности волк немало интересного на снегу оставляет, что можно увидеть, если ты, подобно ему, неумолим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает ее так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как все это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном декабре упрешься вдруг во взбитую стаей тропу, и войдет она в тебя осиновым колом. Тотчас перехватит дыхание и заохладит сердце, так что не в силах охватить увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синеющим у лога ельничком...

Впереди — волчица, за ней — прибылые, а замыкает цепь матерый зверь. И будто замер он у самой кромки, и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая поземка замечает волчий след.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнет синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдаешься ему с головой и все забываешь. Без памяти окунаешься в пьянящее царство света: все живое сейчас живет по его законам, и волки оставляют в нем свои следы. Это вытопанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешенно предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остается на снегу. Лес, кажется, расступается от возбужденного присутствия животных. Снег у кустов окроплен мочой волчицы, и желтизна ее сливается с солнцем и слепит. Все увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью — так же страстно и отрешенно.

В конце весны по последнему снегу, обычно выпадающему в эту пору, находят логово волков, которое в другое время обнаружить случается крайне сложно. Старый снег уже давно сошел, может быть затаился только еще в укромных ложках, у зверей уже появилось потомство, а выцветшая прошлогодняя трава не оставляет никаких следов. И вдруг где-нибудь в начале мая землю устилает белоснежная пелена...

Волк сейчас постоянно таскает волчице с волчатами пищу и, конечно, не может миновать нехоти появившуюся весеннюю порошу, которую с нетерпением поджидают охотники. Майский снег лежит день, от силы два, к тому же выпадает не всегда, но если такое случилось, следует тотчас отправляться в район, где обычно обитают звери. Зная местность, повадки волков и будучи достаточно наблюдательным, не составит особого труда обнаружить след матерого зверя, и он непременно приведет к волчьей норе. Волк веселей, когда он не слышит за собой собачью и человеческую гонку, но этот предательский снег по весне буквально режет его.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытываешь незабываемые чувства, и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная негибаемость будет ощущаться в поведении волка, каким бы он ни был голодным или усталым. И еще он всегда без обиняков даст понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк — воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу — это его незамерзающая душа. В них он бредет неустрашимо через всю осень, зиму и весну, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как бы забывается в себе, и его уже ничто не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Порой гонимый и незаслуженно, волк по натуре своей все же не является самым злобным хищником, и в народе к нему относятся с пониманием: «Говори на волка, рассуди и по нему»,

«Не все на волка, иногда и за волка», «На волка помолвка, а пастух овец скрал». Иной раз крестьяне вообще оправдывают зверя, мол, ворует волк по нужде, из-за голода. Особо сердобольные, жалея волка, убеждают, что он потому овец крадет, что купить их не может.

Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями. Быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу, златогривого коня и всем красавицам красавицу Царь-девицу... Да, только в сказке волку на самом деле праздник!

Видно, вовек не сыскать ему в лесу своей правды, а у человека — тем более! Вынужден волк любить за то долгую зимнюю темноту: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воет он от голода и холода на луну бледнолицую, так что жуть берет. И только Богом береженный при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Когда зажигается на небе первая звезда, люди не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелегкий ночной путь.

Зимние ночи захлаживают сердце, тревожат, они мучительны для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На черном, скованном звездами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом луна. Кажется, что мороз от нее становится еще крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным, и он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем теле и мысли тепле. В лучшем случае, видит в тревожных и сладостных снах, как протекает зимою звериная жизнь. Как до жути просто и замечательно берегут ее покой волки.

Тем временем под отрешенно мерцающей луной выходит к своей ночной жизни из глухих буераков волчья стая. Лесные обитатели живут не по-нашему: днем таятся, обедают же по ночам. Каждый зверь в лютую пору хоть как-то устроен, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от нужды к нужде.

Но силу волку дает голод, и потому, кажущийся понурим, он бредет пробитой в глубоком снегу тропой негибаемо. Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

Их не страшит блуждающий лунный свет, что зачарованно манит к себе и не дает спать. Глаза волков открыты и меньше всего хотят рассвета. Звери не умеют думать и только стремятся утолить неотступно наступающее под утро чувство голода.

Можно постоянно бывать в лесу, довольно часто натываясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь, в отличие от лисы, лося и медведя, которых хоть изредка, да посчастливится наблюдать. Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность и тотчас исчезая. В этой удивительной способности проявляется ум зверя, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

Порой годами ходишь каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как рябчиковое или беличье, на худой конец — грибное, но никак не волчье.

И вот однажды каким-нибудь глухим ноябрьским вечером или под утро наткнешься у давно знакомого покоса на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта разбередит и напугает.

Встречи с волками всегда волнуют человека, потому, что его завораживают мудрость их дикой жизни и естественность существования. Волки свободны, они могут быть самими собой, а значит — красивы.

Человека же поражает одна мысль, что его чувства станут кому-то доступны, и он тщательно скрывает свою личину, еще при жизни возводя вокруг себя клетку. Несвободный, он не в силах кого-либо по-настоящему прельстить и оттого существует никчемно, а исчезает бесследно.

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас? К примеру, того же волка?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем придуманное принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну а если зверь случайно проявляет агрессию, то мы воспринимаем ее за основу его дикого нрава...

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы волка, тогда как должны были оставаться для себя и для него высшим мериллом блага, сохраняя за собой право проявлять в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

Волки, как никакие другие звери, удивляют человека именно своей простотой. Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естеством всего сущего. В отсутствие извращенного разума, то есть разума с расчетом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надежнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой ее недостает для поддержания жизни.

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, которым, после боев, остается самый сильный. Каждый волк в меру сил и возможностей старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа и, когда он настанет, так же надежно, не теряя достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не лишают себя права быть свободными, сильными, независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не дает ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более легкий путь следования, а если свободу в себе вообще не ограничивать, она теряет всякий смысл. При этом человек еще посягает и на свободу других, не имея на то никакого права, и часто этими другими оказываются именно волки, на которых человек сваливает собственные грехи.

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в каком его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность — наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей. Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это их замечательная тайна. Все же темное порождено социальной природой человека — ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует, и все-таки в каждом из нас живет ее частица... В одном — неудержимым волчьим воем, в другом — трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то — таинственной глухаринной песней. Счастлив тот, кто отгадал ее в себе и принял, и потому человеку должно вернуть зверей на видимое расстояние и с этой точки начать свое открытие их до сих пор не познанной жизни.

Но чего на самом деле можно ожидать от встречи с волками в

заснеженном поле, когда звери голодны и терять им нечего?

Вспоминается один затерявшийся в бесконечных зимах день, когда светило яркое солнце, а вддали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют и вот-вот прекратят. Но задавили, как это обычно делается, хрустнули позвонки, брызнула на снег кровь...

И навалилась вдруг тягостная безысходность, так что трудно было жить весь день и еще всю ночь, и только под утро забылся я в рваном полусне, не в силах преодолеть в не успокаивающемся сердце странную тоску.

И все же не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни, которая для волка так насущна, что он порой убивает столько, сколько может убить. Вот и угодившие в капкан волки-самцы или хилые волчата обычно бывают съедены своими оголодавшими соплеменниками, почуявшими кровь. Когда же в капкане оказывается волчица, особенно в течке, волки кормят ее и этим долго поддерживают в ней силы. Много звери никогда не возьмут, если на то нет серьезных причин, а люди, истребляя кажущееся зло; уничтожают вместе с ним так называемое добро.

Даже обычный отпечаток волчьей лапы на снегу порой поражает воображение своим размером, и уж совсем трудно поверить в то, что однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчий глаз отражает в себе все звездное небо, темноту, лес, и вместе с ними - мою обыденную растерянность, а ещё убежденность, что такой ночи уже никогда не будет, и волки самые замечательные на свете звери, с которыми втайне всегда ждешь встречи. Ждешь, представляешь, как это может произойти, но на самом деле случается все неожиданно и очень быстро, так что не успеваешь оценить близкое присутствие зверя и только по прошествии всего, успокоившись, не без основания укоришь себя: следовало быть осторожнее, внимательнее, ведь рядом находился волк!

Но многие люди не ценят этого соседства и не понимают, что всякий зверь, в особенности волк, жаждет не расправы, а покоя. Чтобы его никто не тревожил, не охотился на него и зверь бы сам определял для себя норму своей добычи. Но человек нарушает вековые волчьи устои, вторгается в его жизнь, не думая ни о чем, и в конце концов винит во всем волка.

Волк забрался в охотничью избушку, располосовал все мешки с мукой и макаронами, даже подушки разодрал и, выломив окно, растворился в лесу. Когда люди пришли в сторожку, увидели все это, то, несомненно, поклялись отомстить зверю, но за что?! Не сам ли человек все это однажды предопределил, и бесчисленные стада зарезанной волками скотины, может быть, лишь расплата за его бездумность? Всего этого могло и не быть, распорядись человек мудро своей жизнью, и еще нужно помнить, что живой волк — это воплощение всей силы лесной чащи, призванной не утрачивать, а нести в себе вековечный и мудрый знак постижения.

Кому доводилось видеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится. Так не без гордости заявляет человек после того, как ему

довелось хотя бы прикоснуться к волчьей тайне, но приходит весна, и он все же не преминет заглянуть вечерком на облюбованные зайцами поляны, чтобы потешиться игрой забавных зверьков. И, тем не менее, зайцы — не волки, которые живут в тебе во все времена года и подспудно влияют на поступки. Именно серые разбойники, как ни странно, помогают тебе стать еще более неутомимым и нежным. Ведь волчьи законы — это не только строгая иерархия и жесткая дисциплина в стае, но и... преданность.

Часто люди выражают негодование по поводу «бессердечности» волководителей, которые будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достает из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, которая скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы звери, на самом деле являющиеся нежными и мудрыми воспитателями?

Именно потому, что волк исключительно умен и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных без родителей человеком. Когда волк заподозрил, что логово обнаружено, и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место. Но если поздно, никак себя не выявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить, значит, быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и начать все сначала — будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой недостает порой даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, а уж никак не осуждение.

Матерый волк, который замыкает стаю и внимательно стережет ее тылы, давно забыл жалость к самому себе и потому не знает жалости ни к прибылым, ни к перерякам, ни к самой волчице, идущей впереди. Он живет устремлениями, которые, наверное, не присущи никакому другому зверю, и неутомимо воспитывает их в своих детях. Волк уже скорее не чувствует, а догадывается о предстоящих событиях в жизни стаи, цепко всматривается в то, что его окружает, и готов преодолевать что угодно, только бы быть ко всему готовым.

В особо лютые зимы волки могут даже выгнать медведя из берлоги и загрызть. Но, как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а свойственно человеку, который не хочет с ним расставаться и может проявить в самый неожиданный момент. Волк же без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, пройдет лишние десятки верст и воспримет все это как должное.

Три дня жили мы с товарищем в укромной лесной избушке, исходили всю округу, и каждый день хотя бы раз натыкались на волчий след. Волк, по видимому, самец, был очень крупный, потому как в четко отпечатанный на снегу след укладывался добрый кулак, и казалось странным, что зверь держится в эту ноябрьскую пору один. Волк охотился там же, где и мы, выбирая самые лучшие места, и поэтому наши пути то и дело пересекались.

Видно, было, что это один и тот же зверь, поскольку район обитания у волка в отдельно взятый период неизменен, да и размер лапы везде был одинаков.

Местность мы знали хорошо и, не обращая внимания на присутствие волка, выискивали тетеревиные табунки, набредая изредка на глухарей, и только на четвертый день чуть не столкнулись со зверем. Спускаясь по глухой просеке к логу, в котором тихо струилась потаенная харюзовая речушка, мы и не предполагали, что волк в это же самое время бежит вдоль лога по его склону прямо нам навстречу. Легкий ветерок задувал из-под зверя, и он не мог нас почуять. Но когда мы выбрались на открытое пространство и заговорили, зверь, услышав человеческую речь, тотчас ринулся в сторону. Это стало видно по следам, резко перешедшим на галоп, тогда как чуть ранее волк передвигался неспешно, он вообще никуда не торопился, и в сердцах мы посетовали, что не вовремя нарушили тишину...

Так, по собственной оплошности, мы упустили возможность столкнуться со зверем лоб в лоб, и я, помнится, долго еще воображал после этого, как бы волк трусил, чуть пригнувшись к земле, уже одетый в зимнюю светло-серую с черными подпалинами шубу, без всякого усилия выбрасывая мощные лапы, и если бы глаза наши тогда на мгновение встретились, я, наверное, почувствовал бы себя неизмеримо счастливым...

Однажды счастье все же улыбнулось мне: я встретил исхудавшую волчицу, которая, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги прямо мне навстречу. Казалось, ее ничто не тревожило. В каких-нибудь двадцати метрах от меня, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла. Я стоял, опешив от ощущения близости такого редкого зверя, и почему-то был уверен, что еще увижу его.

И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль и заглянула мне в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту пристально смотрела прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

Ни у кого из зверей не таятся в глазах такой сдерживаемой дикой воли и холодного безразличия ко всему, как у волка. Особая тишина воцаряется в природе, когда волк смотрит на тебя, не мигая, и молчит. Когда же ты сам вглядываешься в застывшие волчьи глаза, что случается крайне редко, они открывают тебе бесконечные тысячелетия перевоплощений человека в обличье зверя и беспристрастие самого зверя по отношению к людям; попытки людей во что бы то ни стало постичь его дикую природу. Но, может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого его обитателя истинное лицо, тем более у такого удивительного зверя, как волк.

Через одного моего знакомого волк даже перепрыгнул, на мгновение опершись о него передними лапами, будто это было нечто неживое — взгорок или земляной холм, оказавшийся на пути зверя. Будучи еще парнишкой, как мне рассказывал этот человек, он пас овец. Стоял обычный августовский полдень, и все было тихо, но вдруг из лесу на пригорке показались волки. Их было двое, по-видимому, матерый с волчицей, и двигались они без затей,

прямиком к краю стада, в расчете ухватить одну-другую зазевавшуюся овцу.

Волки шли стремительным наметом вверх по склону и не могли видеть пастушка, расположившегося в маленькой ложбинке. Наскочив же на него, звери, как ни странно, не опешили, а перепрыгнули через полулежавшего человека, оттолкнувшись при этом от него лапами, в нескольких метрах замерли, обернувшись, и спокойно потрусили к нижнему леску, как будто и не намеревались только что пожить. Волков словно подменили после мгновенного столкновения с человеком, и они стали похожи на обычных домашних псов, охраняющих пасущееся стадо.

Редко когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детенышей, и они вырастают с присущей только им лунной мастью, предвосхищающей в них небывалую силу и чуткость. Вот и завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, утверждая, что волчий вой и разбойный свист бури родились в единой утробе. Но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией? Иной августовской ночью с полной светлой луной кажется, что волки не воют, а поют...

Нет, волки - замечательные существа, будто занесенные в нашу жизнь из волшебной сказки. Они необыкновенно украшают ее, оставаясь больше в тени, и когда холодной сентябрьской ночью взвояет где-то волк, на душе становится тепло и покойно. А отправившись однажды в лес без ружья, пусть даже с невеселыми, но чистыми мыслями, вдруг захочется и самому стать волком.

Постоянно бывая в лесу, я часто думал: вот бы целый день, может быть, даже неделю, пробыть в волчьей шкуре, неважно кем: матерым самцом, умудренной опытом волчицей, только что народившимся волчонком, значащимся в стае прибылым, или переярком, перелесовавшим в ней хотя бы год! Все на себе прочувствовать, попытаться понять, сохраняя человеческое сознание, и никому об этом не рассказывать. Просто нести в себе как знание, умело пользоваться им, не считая себя знатоком природы, и, даже уйдя далеко в понимании леса и волков, ни в коем случае не возгордиться.

А лучше вообще ничего не предпринимать, оставаясь самим собой. Где-нибудь в конце августа взять и отправиться в лес за грибами с ночи, чтобы прийти на место под самое утро и, сложив домиком ладошки, прямо посреди лесной дороги завывать волком — что называется «подвабить».

Сначала неумело подстраиваясь под зверя, затем все более проникновенно, постепенно налаживая интонацию воя так, чтобы звери отозвались на твое присутствие. И вот, выдержав томительную паузу, слегка встревоженные чем-то волки завывали вразнобой, как и ты, потому, что поверили тебе. Где-то там живут безудержные, не управляемые никем звери, которые придают летней ночи такое обаяние и уют?!

Легко, без усилий представляешь себе взгорок, на котором происходит

звериное таинство. В твоём воображении это почему-то именно открытая возвышенность с островком таинственно чернеющего неподалеку леса, и даже если на небе нет луны — она спряталась за облаками, — поляна вся освещена. Правда, несколько тускло, под стать волчьему меху, в летнее время порядком прибившемуся и поредевшему. Но самое главное — хочется быть волком и быть им, насколько хватит собственных сил и желания соединиться с этой поляной, росистой травой и не меркнувшей луной.

В зимнюю пору луна наливается как-то по-особому полно и светит на небе всегда открыто, ничего не боясь — ни холодной тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя. Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провояет, а он никак на землю не падает. Не ведаёт, наверное, месяц и про то, что его люди волчьим солнышком кличут.

Ласково, с любовью относились в народе и к нему, и к волкам, потому что ничто так поэтично не выражало зимнюю ночь, как тени от сидящих на освещённом луной снегу зверей, с задранными мордами взирающих в холодную высоту. Им, видать, лунный свет был не за счастье, он тревожил их и без того беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной песне, а луна молчаливо взидала на них и успокаивала.

Но к чему стремится человек, когда хочет понять и луну, и волков, и то состояние, которое зовёт его самого стать волком? Матерым самцом, умудрённой опытом волчицей, только что народившимся волчонком или переярком, просуществовавшим целый лесной год и вознамерившимся непременно стать вожаком... В любом случае, кем бы человек ни оказался, его ожидает неременная радость только от того, что он однажды родился, попытался постичь жизнь и восхитился её красотой, ни в чём не разочаровавшись. И не важно, если мир не будет к нему благосклонен, как к волку, который помимо нелегкого бремени всегда несёт в себе вечность, а значит нечто неизмеримо надёжное и глубокое, никогда не теряя при этом своего волчьего обличья.

К слову сказать, ум волка, его высокая внутренняя организация, в большей мере и создающие облик зверя, как нельзя лучше проявляются именно в вое. Ведь каждая волчья стая обладает своим жизненным участком, границы которого никогда не остаются неизменными, время от времени перемещаются и, вполне вероятно, накладываются на владения другой стаи.

В пылу охоты это происходит наиболее часто и может служить поводом для кровавых столкновений, но драки между стаями, тем не менее, очень редки.

Соседние волчьи кланы не зря сторонятся друг друга; чуть сошлись — вот тебе и жестокая схватка, в которой несколько волков, как правило, получают смертельные ранения. Могут ли такие дальновидные звери допустить подобное? Конечно, нет, и поэтому волки, передвигаясь по лесу, проверяют дорогу перед собой веками выработанной системой голосовых сигналов, а именно — воем.

Если стая уверена в своих силах, она, игнорируя грозный вой-отклик, двигается вперед, и тогда отвечавшим приходится решать: вступить в бой или поворачивать вспять. Чаще всего никакого ответа не следует, значит, другая стая предпочитает не встречать в перебранку, и это мудро. Волки никогда не поленятся уйти на километр-другой в сторону, лишь бы не рисковать ненужной встречей с соседями. Даже охоту могут прервать, если не очень голодны и добыча не слишком лакомая. Главное — сохранить свой род, сила которого в том, что живет волком, сила же волка — родная стая.

Вообще для таких вдумчивых зверей, как волки, важны самые разнообразные сигналы, включающие и малейшие оттенки поведения: ничто у волков не происходит просто так, без нужды. Когда в опасность старый волк покидает стаю — это сигнал для других волков: каждый заботься о себе! Значит, предстоящая встреча чревата для них неприятностями, и уж если матерый зверь решается на бегство, то все должны последовать его примеру, чтобы сохранить самое ценное — собственную жизнь.

Многим людям стоит поучиться и предусмотрительности волков. Так, оставляя информацию о себе, звери стараются подвесить помет на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

Чаще всего волк приходил ко мне на глухариных токах, и я чувствовал, что он хитрее и коварнее всех других зверей: медведя, лося, барсука и даже рыси. Медведь или лось могут захрустеть валежником, тем самым заранее обнаружив себя, барсук, невзирая на небольшие размеры, пробирается по ночному лесу обычно проворно, с шумом, предупредительно топоча и пофыркивая, но волк крадется всегда неслышно, никак не выявляя своего присутствия. Серый мех его сливается с рассветными и вечерними сумерками, не оставляя тени, и волк будто растворяется в лесу, который никогда не засыпает, а только притаивается наподобие этого умного зверя.

Однажды волк преследовал меня всю ночь и утро, когда я, покинув лесную избушку, направлялся к месту токовища. Я даже не почувствовал зверя, не заподозрил его, а он ступал за мной по пятам, очень вкрадчиво и осторожно, и когда я останавливался, пытаюсь различить глухариное пробуждение, он тоже замирал. Наверное, волк сам охотился за глухарями, и мое присутствие вызывало у него недоумение. Волк не предпринимал ничего, что бы могло нарушить недолгий ночной покой, но был способен дойти куда угодно, не погибнуть и стать при этом еще сильнее. Из всех зверей он был самой неотъемлемой частью леса, которая существовала сама по себе, но и неразделимо с ним, и это вынуждало относиться к нему по-особому.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь, что влечет человека в такой полночный час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте, и нет им в этом, среди живущих, равных. Волк злобился и в то же время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему, лесному зверю. Человек был, пожалуй, опаснее волка, поскольку хранил в

себе еще более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, он подстраивался под окружающую тишину и мрак и чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца мое поведение, но я лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределенное время и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка, я вел себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь отчего-то не мог. Это было выше его, и волк двигался за мной крадучись, оставался самим собой и, должно быть, ничего не боялся. Так мне показалось на миг, уже потом, когда я обнаружил его вкрадчивые следы.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал первого глухаря. Глухарь еще с вечера уселся на непривычном для него месте, гораздо ближе обычного расположения во время тока, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой одинокой березки. Как он вообще умудрился заночевать на таком непривычном для себя деревце, маленьком, беззащитном и растущем почти в самой низинке, вдали от любимых высоких сосен?! Вместе с исчезновением глухаря в душе что-то сжалось, а затем отпустило, но я не почувствовал себя несчастным.

Помнится, я еще отрешенно постоял, врасплох застигнутый такой откровенной неудачей, и уже готов был повернуть назад, как что-то смутило меня в снежном покрове, который должен был оставаться гладким. Я присел на корточки, и вот тогда мне и попались на глаза свежие волчьи следы, устремившиеся в укромный отложек. Может быть, глухариный слет так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может, волк угадал мое намерение вернуться. Так или иначе, зверь поспешил неслышно раствориться в лесной чаще, и только крупно вдавленные в наст волчьи следы безотчетно притягивали своей завораживающей, мягкой синевой...

Неудача с глухарем сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя, в его неугасимой жажде быть там, где ему, может, и не надлежит быть, но он почему-то все равно объявляется. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, которое зверь проявил по отношению ко мне. Сладостно переживая произошедшее, я еще долго не отпускал зверя от себя и все думал о том, какой он необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришел ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра, потому что обитал в том же районе и держался особняком. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трех-четыре метра, стоит хищный лесной зверь и, может быть, смотрит в чуть белеющее лицо...

Лицо, наверное, было запалым от усталости и покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая

носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постиг его. Ему было только отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому, что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил ее на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он еще раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытаюсь в чем-то разобраться, и мне нисколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Благодарен за нечто очень важное, не присутствующее в обыденной человеческой жизни, что всегда неотступно влекло и отпугивало. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, которая чаще всего приходила именно в облике зверей и могла быть не только волком или медведем, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Но сейчас именно волк посетил меня в своей обители, куда я пришел к нему в гости, и зверь приблизился к человеку на минимально допустимое расстояние, чтобы рассмотреть его получше, отметил что-то для себя и неслышно удалился. Вероятно, навсегда, а может быть — до следующей встречи, когда лес вновь вознамерится заглянуть в твою душу, чтобы осторожно приоткрыть свою.

Как и любой другой зверь, волк всегда появлялся неожиданно, но выходило это у него по-особому. Причем, не важно, происходила ли встреча на самом деле или во снах. Зверь в них почему-то возникал большей частью на взгорке, долго вглядывался в меня, и когда я уже начинал воспринимать его осознанно, реально, он незаметно исчезал. Трудно было поверить, что волк приходил случайно, не понимая, для чего он это делает. Волк, конечно, приходил именно ко мне, и надо было понять, зачем ему это нужно.

Сначала он приподнимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо меня. Легкий ветерок еле ворошил шерсть на его загривке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, он словно прислушивался еще к чему-то, что составляло простирающуюся вокруг бесконечность: движение облаков, многочисленные запахи, шум сосен и елей, неземную тишину, и все, что происходило в душе человека.

Волк чувствовал себя совершенно свободным, это было видно по его глазам, холодным и спокойным. Глазам, которые не умели считать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, предназначенной быть везде и во всем, окружающий лес был его домом, и другого волк не знал никогда.

Волк был наименее покорен мне среди всех зверей, но наиболее дорог.

Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался мной, и именно его я хотел видеть всегда рядом. Когда бы это ни происходило, я чувствовал, что волк понимает все мои мысли, и это его не настораживает. Он будто погружается в сон вместе со мной, и выглядит это у него как-то поощенячи. Но лишь на мгновение позволяешь себе подобное, а потом опять бежишь рядом со зверем и надеешься только на себя.

Вернее, бежишь сам по себе, лишь предполагая в какие-то моменты, как бы это могло быть: ты и волк, бок о бок, ни для кого не помеха, а друг для друга — молчаливое взаимопонимание. Потому что нет ничего надежнее, как взять и отправиться в лес ради того, чтобы повидаться и с волком, и с лесом, и с самим собою, каким ты можешь оказаться только в лесной чаще.

Волк виделся мне всегда подтянутым и крепким, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От загривка до лап — внимание и опыт, он в то же время подкупал еле угадываемой доверительностью. А еще необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, что неведома человеку. Волк был так прост в себе, что все это можно было не заметить за своей надоевшей правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе со мной мои невеселые мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо полагая их для себя безопасными. Словно все, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить и быть преданным человеку.

Стоя на утопанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий снег, волк отрешенно замирал, и было непонятно, вслушивается ли он опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев и шуршание сухой поземки по мерзлomu насту, или его изошренное чутье скользит где-то рядом, ни на чем конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, становясь самим собой, и сердце начинало учащенно биться, а кровь застывала в жилах от его проникновенного взгляда, в котором виделось лишь презрение ко всему, и еще свобода, недоступная человеку.

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришел ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из своего древнего забвения, извлек собственной любовью и неутомимостью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен. И еще мне хотелось верить, без всякого надрыва или какого-либо ущерба для себя, что я ему дорог так же, как и он мне, и нас ничто не сможет разлучить, а лес будет стеречь жизнь удивительного зверя и человека, который осмелится сделать ее своей.

Не рассказать о волке даже всего того, что хочется и знаешь, уже не говоря о заключенной в нем тайне. Его неуловимый серый образ возникает

рядом с тобой исподволь, зачаровывает своим присутствием и ты не в силах избавиться от него. Волк и не преследует, и не тяготит, но привыкнуть к нему никак не удастся из-за его своеобразия, и ты начинаешь приписывать волку качества, которые ему не присущи, хотя многих из них он действительно достоин. На самом же деле зверь всего лишь проверяет: зачем он понадобился тебе, любишь ли ты лес и не бравируешь ли просто маломальским знанием о нем?!

Тайна любого зверя всегда была неизмерима для человека. Впрочем, если только он успокаивался, предпочитая верное домашнее тепло неясному, но бесконечно дорогому лесному уюту. Волк был одним из тех, кто дарил его, никогда ничего не обещая. Ты должен был сам почувствовать всю разницу существования зверя и человека, забыть себя и, отрешась от удобного, привычного, может быть, суметь приобрести несоизмеримо большее. Сколько было нужно бесчисленных дней, ночей и лет, чтобы научиться этому прикосновению к звериной тайне, а волк тем временем все видел, находился рядом с человеком, несмотря на бесконечные гонения, но не исчезал?!

Неправда, что в волке больше корысти, нежели не нашедшего себя до конца ума, предполагающего затаенное волчье желание: однажды все-таки преодолеть себя, сбросив наконец свою серую шкуру. Вернее, нелегкую волчью обязанность, возложенную на него природой, потому как серая одежда скорее спасает зверя, когда он в предрассветных сумерках возвращается с добычей или, наоборот, отправляется под вечер на поживу.

Волк навечно обречен добывать себе пищу непрекращающимся бегом и постоянно затрачиваемыми усилиями, которые более выражены в сравнении с усилиями в добыче пищи у других животных. Его телосложение не позволяет ему удовлетворяться только лишь мелкой дичью, но и не претендует на привилегированное положение зверя, имеющего возможность большую часть жизни не задумываться о пропитании, уделяя этому только не такие уж обременительные моменты.

Волк своим образом жизни чем-то под стать акуле, этому «волку» морских просторов, которая в силу своего строения, не наделенная природой плавательным пузырем, обречена на вечное движение... Лесной хищник вынужден так же быть неутомимым и, постоянно передвигаясь, выискивать хоть какую-либо добычу, чтобы, насытившись, в скором времени вновь обратиться в изнурительный поиск...

Но не только неутомимость движет волком в его серой жизни, а целый комплекс выработанных привычек и свойств, которые включают в себя и его отчаявшуюся, тупую ненависть к своей обездоленной жизни, и мощно устремленную вперед грудную клетку с разгоряченными мехами выносливых легких, и угрюмо наклоненный, как бы даже вжатый в литое туловище страшный покатый лоб, и серость, благодаря которой он становится неуязвим в сумерках, когда начинает и заканчивает охоту...

Тяготит ли его эта серая доха, никто не знает, но волк по духу в лесу господин, непредсказуемый, безжалостный и умный. Если медведь со своей

размеренной жизнью более тяготеет к духовному сословию, то волк вернее всего принадлежит к дворянскому сану. Он — вотчинник, хозяин необъятных таежных угодий со множеством видимых и невидимых обитателей. Прозванный в народе бирюком, волчурой, аукой, волчком-серым бочком или просто зверем, волк по призванию скорее самый настоящий помещик, строго взыскивающий с подчиненных любую недоимку и тотчас наказывающий за нее.

Охаживая свою вотчину зубом да клыком, серый помещик не богат, но славен, хотя и не барин: сам орет, сам и пашет. На том и стоит, и поместье свое лесное держит, самым лесным богом определенное ему в вечное пользование. Знает волк, что кафтан у него сер, зато ум у него не черт съел. Серо то, как говорится, серо, а волюшка своя!

У волка ее вдосталь, и чтобы управлять этой свободой, большой серый зверь вглядывается в окружающую его жизнь очень внимательно, даже несколько настороженно, но не пугливо. Он пронизывает своим взглядом любого, независимо человек то или зверь, и видит чужую душу как свою. Может быть, даже более того, ибо волк — единственный из животных, кто, постоянно разрушая, способен так же неукоснительно и созидать. Все это уместается в великолепном звере, которого природа не перестает лепить, и ей никак не удастся достичь совершенства.

Сам волк будто противится этой кропотливой работе, но, в конце концов, подчиняется ей. Не любит серый, когда над ним кто-то стоит, и он изо всех сил упирается тому, что вынуждает его иногда поступать вопреки своей сермяжной лесной правде, да только своя сермяга не тяга.

Волк словно знает про себя какую-то большую нелегкую правду, которая мешает ему жить, но он безропотно ее несет. Ни лисы, изощрившейся в обмане и хитрости, ни медведя, погрязшего в безобидном лакомстве, эта доля не коснулась. Она выбрала именно в меру крупного, неприхотливого и легкого на подъем серого зверя, предназначенного обезопасить лесной мир от беды.

Его недобрый взгляд, отрешенно и намертво пронзающий холодом уставшей души, уже давно отчаявшейся отыскать своё пристанище, отображает этот незыблемый закон. Нарушив его, волк умрет, обезумев от неукоснительности своей серой судьбы и возложенного на него природой долга, по которому он преодолевает свое необъяснимое несовершенство в бесконечных сугробах и верстах, и не в силах избавиться от него. Сер волк, сед, а все ему его помещичья честь, поскольку он неутомим!

Еловое облачко

Сыплет последним рыжим листом октябрь-батюшка, расколготица-дорога всё сыреет и сыреет под нескончаемыми дождями, и редко выдается тихий пасмурный денек. Второй осенний месяц ни колеса, ни полоза не любит. Птицы уже отлетели на юг, травы полегли, а в случающееся похолодание кажется, что жизнь остановилась. Одиноко и пустынно

становится в лесу.

Идешь поутру краешком темнеющего леса и ни о чем, кроме него, не думаешь. Листья чуть слышно шуршат под ногами, на душе дремотно, покойно, и не верится, что скоро налетят метели, лед намертво скует светлеющую ленту реки и снег укроет землю глубокими сугробами. Сердце твое пока тронуту лишь мудрой осенней печалью.

И вдруг хрустальный посвист, неожиданно тонкий и изящный, оживляет воцарившуюся вокруг тишину. Это рябчик — воздушно-дымчатое облачко наших уральских лесов, скромный, обаятельный в своей незатейливой прихорошенности, пахнувший лиственницей и прелым осиновым листом... Упруго надрывая октябрьскую тишину неожиданным вспархиванием, рябчик слегка пугает забывшееся на неопределенное время сердце, и оно начинает биться горячо, привольно, а лес будто просыпается.

Заслышав рябчиковый свист, обычно встрепенешься, приятная тень осенних раздумий вмиг слетит с тебя, и в нос ударит крепкий хвойный аромат, который и выведет окончательно из оцепенения. Оглянешься в ту сторону, откуда только что донесся свист, и отчего-то насторожишься. Слишком необыкновенным покажется услышанный звук, такой проникновенный, не по-осеннему звонкий и пристальный.

Словно какой-то неведомый лесной музыкант возьмет и, неизвестно зачем, тронет твою душу волшебной дудочкой, а ты тотчас окажешься околдованным ее звучанием. Ноты этой удивительной мелодии на секунду зацепятся в еловых ветвях, затем незаметно истают и, вскоре, вновь воскреснут в очередном жизнеутверждающем посвисте. И такой он тебе покажется родной, веселый, что отчего-то улыбнешься про себя и от души порадуешься скрывающемуся в чаще петушку. Как изысканно, со вкусом преподносит он себя, и в то же время легко и просто.

Сразу захочешь увидеть этого страстно-восторженного исполнителя, попытаешься подойти к нему, но рябчик вспорхнет, неслышно прочертит меж ветвей и опять усядется где-нибудь неподалеку. Ты угадаешь это по короткому взмаху его крыльев, на мгновение мелькнувших в темно-зеленой глубине, а через пару минут лес опять пронзит изумительно тонкий и безукоризненный по исполнению свист: то ли произведение искусства, то ли просто щедрый подарок неизведанной лесной души... Этаким вольный росчерк лесного художника, свободного от каких-либо обязательств, кроме желанья оглашать потаенную тишину своей чистой и звонкой песенкой.

Имя свое рябчик приобрел вполне заслуженно, ибо он весь рябой, в черных, белых, желтых и светло-коричневых пестринах. Про человека говорят: «Ряб, будто черти у него на роже в свайку играли или горох молотили», но у рябчика пестрины располагаются по телу очень художественно, словно мастерски нанесенные кистью мазки. На расстоянии они действительно пестрят в глазах и для птицы играют роль маскировки. Если рассмотреть их вблизи, пестрины очаруют своей изысканностью и простотой. Сразу подумаешь, что каждую рожденную птицу Создатель брал в

свои руки и собственноручно расписывал, до того это выглядело естественно и хорошо.

Под стать рябой листве на дереве, рябчик удивительно сочетается с ней осенью, так что бывает очень трудно его разглядеть, и пока не облетит лист, рябчик неплохо защищен. Но если долго смотреть в ту сторону, откуда разнесся призывный свист, то вскоре рябчик обязательно шелохнется, осторожно продвигаясь по ветке, скусит ягодку или листочек — и тем самым непременно себя объявит. Правда, подстреленный и упавший на разноцветный осенний мох, он остается долгое время не видим, и порой потратишь не один десяток минут, прежде чем отыщешь эту пеструю птицу. Обычно рябчика выдает пепельно-дымчатая спинка, которая, несмотря на свою пегость, сразу бросается в глаза.

Подбитого рябчика обнаруживаешь чаще всего лежащим на животике, потому как при падении он, должно быть, еще машет крыльями, пытаясь спастись, и вот спинка-то выгодно и отличает его среди пожухлой листвы. Дымчатость ее до такой степени чиста, что ее невозможно не заметить, и всегда сначала погладишь нежное и теплое перо, присев рядом с птицей на корточки, а затем уже возьмешь ее в руки. Взгляду сразу откроется пестрый упитанный животик и черное горлышко, обведенное чуть заметным сереньким ободком.

Черное пятно на горле у рябчика отличает самца; самка разнится с ним чуть меньшими размерами и менее яркой расцветкой. Ничем не выразительная, она непроизвольно вызывает жалость, что всегда остается как бы в тени. Петушок же хорош во всем: его звонкий голосок разносится в лесу повсюду, круглое, упитанное тельце с надувшейся грудкой так и хочется потрогать, а на ярко-красную бровь с молодецким хохолком даже заглядишься. Всем взял этот пестренький удалец в сравнении со своей серенькой подружкой, но нужно понимать, что только для нее красуется он нарядом и никогда ее не оставляет после выведения птенцов. Рябчик достойно несет в себе доставшиеся ему от природы преимущества, честно отрабатывая их во имя нее.

И ряб, говорят, рябчик, да люб, ибо Божий дар никогда не бывает плох. А рябчик со всем, что он в себе несет, именно подарок лесного бога человеку для его же пользы. Мало того что эти птицы всегда кормили человека, так они еще украшали его жизнь своим потаенным лесным присутствием. Без рябчика в лесу не было бы так хорошо и привольно. Без его тонкого голоса сердце человека, наверное, заскучало бы осенью порой...

К тому же, пестренькая раскраска рябчика дает оттенки всех цветов, если пристальней к нему присмотреться, и даже в пасмурный осенний день птица будто светится. Всматриваешься, пытаешься понять, в чем тут дело, но не в силах ничего постичь. Да и стоит ли досконально разбираться в том, что, наверное, следует принять как должное, что само по себе просто хорошо, и его надлежит только увидеть и обрадоваться. И хоть говорят: «Рыбки да рябки — потерять уповодки», то есть охота на рябчика убивает время, но, по-моему, она

лишь украшает его, обогащая своим общением с удивительным миром природы.

Своим обаятельным видом рябчик будто воплощает собой суть елово-лиственного леса, его душу, без которой лес бы замкнулся в себе, даже при обилии других птиц. Дымчато-пепельным облачком перелетает рябчик в нижнем пологе леса и оживляет его. Он — его неизменный обитатель, привносящий, наравне с белками, медведями и глухарями, свою тайну.

Может быть, даже всеми любимая рябина однажды получила свое название благодаря именно рябчику, который не в силах без нее обойтись: больно уж она для него вкусна! Особенно под осень, когда рябчик проводит большую часть своего времени на ней. Черемуха объедена уже в конце лета, ольховые и березовые сережки еще предстоит глодать всю долгую зиму, а вот рябинушка — страсть, как хороша! Неторопливо, со смаком склевывает рябчик янтарные, налитые соком ягодки, и разве может что-то их заменить в эту благодатную пору?!

Петухом в народе обычно называют задорного драчуна, забияку, но рябчик на такое громкое имя и не претендует, ограничиваясь просто петушком. Преисполненный сил и радости от того, как он живет, рябчик задорно держится в лесу всегда, что бы он ни делал. Если надлежит ретироваться, он тотчас, ничуть не смущаясь, ринется пулей в чащу и, присев где-нибудь на ветку, в достаточном удалении от грозящей опасности, трепетно и жизнеутверждающе издаст свой посвист: «Тюк-тюк, тюк-рю-рю-рю-рюк!» Мол, как бы там ни было, а у меня всё в порядке!

Если рябчику никто не мешает, он неспешно расхаживает по суку и, наблюдая за ним из-за укрытия, непременно отметишь его молодцеватость. Рябчику просто хорошо и уютно жить, он преисполнен сил и радости от своего лесного существования, и что бы он ни делал, у него всегда хорошее настроение. Надоест склевывать ягодки на дереве, он восторженно опустится на пол и таким же волнительным петушком пройдет по нему. Хохолок у него при этом всегда топорщится, глазок блестит — востер рябчик, все замечает и слышит, что происходит вокруг! И на все мгновенно реагирует, потому что каждый шаг у него соизмерен с ритмами леса. Рябчик, как будто его сердечко — трепетное, нежное, но такое неустранимое!

Хохолок из перьев на голове — это его отношение к жизни. Если хохолок топорщится, рябчик весь во внимании, особенно весной, когда нужно произвести впечатление на самочку. Поклон к ней с хохолком, а челобитье с ягодкой, которой он норовит угостить свою подружку! Нет ничего худого в этой птице, только хорошее, потому как создана она лесным богом всем на радость и себе на веселье... Пригож хохолок, пригож и сам рябчик!

Рябчик по-своему храбр и удал, он всегда расторопен, и ему часто сопутствует удача. Если глухаря среди боровой дичи можно назвать царем-батюшкой, барином, а тетерева-косача, представляя его в ермолке да кафтане, — разудалым купцом-боярином, то рябчишка — это добрый молодец, бравый мужичок с ноготок. Рябчик вырос в лесу именно для размеренной

жизни, которой должны сопутствовать везенье и удача. Долго рябчик не думает, а быстро действует, потому и за двоих сразу стоит - за себя и за рябушку. Только для нее он всегда готов свою красу показать.

Помимо залихватски торчащего хохолка, у рябчика имеется алая бровь, которой он очаровывает самочку по весне. К этой поре бровь у рябчика наливается жизненным соком, она до того яркая, притягательная, что самочке, конечно, не устоять. Бровь будто сгусток раздавленной клюквы: рябчик настороженно поведет головкой, встряхнет хохолком, а бровь так и засияет!

В отличие от глухаря и тетерева, что больше преисполнены важности и всегда настороженны, рябчик просто по-хорошему разудал. Даже в моменты опасности он всегда молодецват, изнутри подтянут — словом, выглядит браво. Ему не занимать задора при всем том, что он не оставляет по весне самочку одну с птенцами, как это делают глухарь с тетеревом, а помогает их выхаживать. Учитывая, что выводок у рябцов немалый и достигает порой полтора десятка, забот у него хватает, но он не теряет настрой и, сколько можно его видеть, бодр и весел.

Рябчика никогда не наскучивает наблюдать, потому что он удивительно обаятелен и всегда вызывает только улыбку и восхищение. Что, казалось бы, замечательного в этой просто окрашенной, пего-коричневой и небольшой птичке? Но, тем не менее, ищешь с ним встречи, радуешься, завидев в лесу или услышав его характерный посвист, и не устаешь наслаждаться.

Черная манишка на зобу, красная бровь, бравый хохолок и грудь колесом — ну, разве не удалец! Но есть в облике рябчика и такая любопытная деталь, как черная отметина полосой на самом конце хвоста, что всегда хорошо отличима, особенно когда птица взлетает или присаживается на ветку. Это у него и для красоты, и как сигнал самочке о том, что он прибыл. Отметина хорошо подчеркивает распущенный веером хвост, который по расцветке такой же пегий, как головка, предплечья и спинка.

К зиме у рябчика появляются «ботфорты» на ногах — пушистые, знатные,— так что рябчик в них выглядит более внушительным: не петушок, а петух! Благодаря этой густой бахrome из волос он, не проваливаясь, бродит по снегу, оставляя за собой крестики-следы. Когда же рябчик усаживается на ветку, то из-под бахромы виднеются только черные коготки. Такой молодец, что глядеть любо!

Побежка у рябчика, а иначе ее назвать нельзя, тоже молодецватая, хоть и двигается он часто вперевалочку. Рябчик именно перебегает по земле, так что не всегда и уследишь за ним. Головка его при этом держится высоко, гордо, рябчик чутко прислушивается к звукам и, уловив тревогу, тотчас замирает, и через мгновение с шумом срывается. Похаживает же он скорее по ветке, порой надолго затаиваясь и не производя ни звука.

Крылья у рябчика небольшие, короткие, но очень ладные. С помощью них рябчик обычно планирует над полянками, ложками и лесными дорогами. Рябчику требуется много усилий только для взлета, и оттого звук от подъема упругий, будто разрываемая плотная ткань. Рябчик неожиданно срывается с

места, ловко лавируя среди ветвей, и вслед за ним несется, но вскоре растворяется короткое эхо: «Пр-р-р-р!»

Эхо это очень обаятельно, его даже хочется повторить, и исчезая меж ветвей, оно будто увлекает за собой. Все время кажется, что рябчик не улетел далеко, а присел где-то неподалеку, и если идти осторожно, вскоре можно опять его увидеть. Рябчик вообще держится очень оседло, перелетает только на небольшие расстояния и, как правило, обитает в каком-нибудь одном месте, где и проводит большую часть жизни. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы рябчик покинул любимый колок или отложек.

С помощью своих замечательных крыльев рябчик неуловим в нижнем пологе густого леса. Даже кинувшийся на него ястреб быстро отстанет, а рябчик благополучно скроется в разлапистом ельнике. Он так молниеносно меняет в нем направление, что угнаться за ним невозможно.

Но вот дробовой заряд, даже просвистевший поблизости, зачастую шокирует птицу, и рябчик замертво валится. Или каким-то образом птицу задевает ударная волна, и она, теряя ориентацию, становится легкой добычей охотника. Мне самому не раз приходилось стрелять рябчика как бы вскользь, навскидку, когда промедление было недопустимо, и довольно часто моим действиям сопутствовал успех. Достаточно быстро выстрелить в сторону перелетающего просеку рябчика, и нередко он оказывался подбитым. Простота применяемого способа всегда поражала, но, тем не менее, сбавывала, порой даже пробуждая угрызения совести. Слишком легко давалась эта и без того самая доступная птица среди всех боровых.

А крылья у рябчика действительно замечательные, хоть и летает он только на незначительные расстояния. Их всегда приятно держать в руках, когда рябчик уже разделан и приготовлен. Они немножко жестковатые, но легкие, с изящно изогнутыми маховыми перьями. Хозяйки обычно используют крылья рябчика для смазки противней, когда пекут пироги. Для этого подходят еще и заячьи лапки, но рябчиковые крылышки гораздо надежнее и служат дольше.

Даже вспугнутые и поднявшиеся с земли рябчики никуда не улетают, а садятся тут же на деревья. Как будто у рябчиков не хватает сил лететь дальше или они такие глупые, что безотчетно доверяют человеку и ничего не боятся. На самом деле птицы до того привыкают к небольшим перелетам, что скорее усядутся с целью осмотреться, чем без оглядки исчезнут. Рябчиков устраивает неторопливый образ жизни, и они неспешно передвигаются лишь для того, чтобы поклевать ольховые сережки, попить родниковой водицы, и все это в каком-нибудь одном логу или лесочке.

Другие птицы хотя бы ненадолго оставляют лес. Рябчик — его извечный отшельник. Ему нет надобности покидать его даже в ненастную погоду, когда остальные пернатые остерегаются намочнуть от капель с многочисленных веток. Рябчика как раз пугают открытые пространства, которые он норовит поскорее преодолеть, прочертив своим дымчато-пепельным силуэтом на одном дыхании, без единого взмаха. И все благодаря своей удивительной

способности вспорхнуть, собраться и бесшумно перенестись на другой конец вырубki или делянки. Те, кто видел этот бредущий полет, не забудут его никогда, а про себя отметят удивительную сконцентрированность птицы и в то же время ее легкость.

Живя в лесу, рябчик большую часть времени проводит на земле. Он быстро бегаёт, легко взбирается на поваленные деревья, пни и свободно пробирается по самому дремучему валежнику. Такой старый еловый лес, всегда напоминающий сказку, его исконная обитель, и он чувствует здесь себя полновластным хозяином.

Никуда не торопясь и ни кому не мешая, держится так рябчик в нижнем пологе леса всю свою жизнь, а если поднимается на крыло, то летит на высоте в полдерева. Вспугнутый, он чаще усаживается на дерево и затаивается, взлетает же с большим шумом, который всегда приятно пугает. Полет рябчика удивительно маневренный: он ловко лавирует между ветвями, и оттого в густом хвойном лесу его бывает трудно увидеть. При этом рябчик никогда не садится на верхушки деревьев, и даже во время кормежки он обычно располагается в средних частях кроны.

Рябчика не просто разглядеть в частом переплетении ветвей, но уж если ты его обнаружил, наблюдение за ним доставляет немалое удовольствие. Вперевалочку, но очень проворно передвигается рябчик по ветвям, наклонив при этом переднюю часть туловища и вытянув хвост. Иногда он поднимает голову и чутко прислушивается, а потом опять осторожно ступает.

Рябчики никогда не бывают жирны, как, скажем, осенний вальдшнеп, но всегда именно упитанны и округлы. Мясо рябчиков немного пресновато, зато имеет изысканный вкус, отличающий его от другой дичи. Дело тут не в ягодах, до которых рябчики большие охотники, а в необыкновенном смолистом духе, пронизывающем их.

Знающий человек, войдя в красное лесье, непременно скажет:

«Рябчиком пахнет!» Рябчики поднимаются с полу целыми выводками, веером разлетаются по близстоящим деревьям и, рассевшись, оглашают потаенную тишину своей песенкой. Это их дом, им здесь хорошо, и птицы будто радуются приволью и обилию вкусного корма.

Если захочется, можно поклевать ягоды черемухи, в достатке произрастающей по урёмам лесных рек и ручьев, а то подсластиться мороженой рябиной. По весне рябчики набивают полный зоб подснежников: то ли лечатся, то ли гурманят после надоевших за зиму березовых почек и ольховых сережек. Летом они подклевают землянику, не брезгают и малиной, устраивая в ее зарослях, посреди заросших гряд, пыльные порхалища... Особое же лакомство для птиц муравьиные яйца, которые насекомые выкладывают на пенёк после дождя просушиться, и рябчики этим пользуются.

А еще нужно добавить ко всему ветер, дождь, снег и солнце, что окружают рябчика с момента рождения, и, конечно, мох с вкрапленными в него бусинками клюквы, брусники и морошки, от чего рябчик набирает

особый запах. Все это вместе с удивительным ароматом воды и воздуха составляет его жизнь, без которой он — не рябчик. Природа кропотливо вкладывает в птицу только самое лучшее, а она незаметно вбирает ее дары и добреет.

В пищу у рябчика берут преимущественно грудку. Мясо у него мягкое, белое и несколько суховатое. На семью в три — пять человек лучше приготовить полдюжины рябчиков.

Отделенное от костей, мясо нарубается в деревянном корыте сечкой, слегка подсаливается и перемешивается с молоком, отчего сразу набухает, заметно увеличиваясь в объеме. Лучше всего из него стряпать пельмени, которые имеют вкус нежный и душистый. Но хороша и похлебка, сдобренная лавровым листом, луком и перцем. Приготовленная на костре в лесу, она будто впитывает все окружающие ароматы и становится еще наваристой, слаще.

Рябчик очень любит прятаться, и потому мало заметен. Только когда ты долго, не двигаясь, находишься на одном месте, можно увидеть, как рябчик перебегает по земле и кормится на дереве. Находясь на ветке, он обычно вытягивается вдоль, очень напоминая толстый сучок или нарост, и его не так-то легко разглядеть. Зная эту способность птицы, часто подкрадываешься к какой-либо округлости, привлекая твоё внимание, и только в непосредственной близости понимаешь, что ошибся.

Хитер рябчик, сторожек, мастер маскироваться, но есть у него одна слабость. Это его неискоренимое стремление отзываться на пищик охотника. Как бы рябчик не был озабочен, и даже находясь уже в паре, он всегда с удовольствием откликнется на зов, и, возможно, прилетит, если манить его искусно и верно. Петушок по своей натуре доверчив, страстен, что часто его подводит, но отчего-то не идет ему впрок. Напуганный зарядом дроби, просвистевшей рядом, он вскоре забудет обо всем и будет с таким же желанием отзываться и подлетать. Этим пользуются охотники, но нелегко научиться подражать голосу птицы.

Бывает, свистишь в манок так же выразительно и тонко, как и сам петушок, но рябчик отзывается, а не летит. Вроде бы и укрыт ты надежно ветвями ели, под которой стоишь, и манок твой в полном порядке, и все же рябчик не трогается с места. Чего-то ему не хватает в твоём страстном призыве, и ты, начиная волноваться, опять, уже с непередаваемым томлением, издашь короткий тоненький посвист, но... тишина! Рябчик не желает реагировать на все твои ухищрения.

Когда рябчик отзывается, но не летит,— знай, что рядом с ним находится его подружка. Рябчик не прочь, из чисто товарищеского побуждения, пообщаться какое-то время с «приятелем», но не более того. Оставляя свою супружницу без внимания он не намерен и, отозвавшись несколько раз, вскоре обязательно замолкнет. В этом случае, чтобы добыть петушка, следует разогнать пару и опять попытаться подманить его, правда, уже голосом самочки... Тогда, возможно, успех будет на твоей стороне.

Еще смолоду запомнил я золотое правило: никогда не пользуйся пищиком часто, без особой на то необходимости. Следует сначала подать голос, выждать некоторое время после отзыва рябчика и еще раз поманить, но без спешки, как бы сохраняя достоинство. Рябчик очень чуткая птица и способен по одному неверному позыву раскусить охотника, надолго замолчав. Когда рябчик откликается, а подлетать не спешит, надо дать ему пикнуть лишний раз без отзыва, чтобы раззадорить его, но самому вести себя сдержанно, никоим образом не выказывая слабость. Если и в этом случае рябчик никак себя не выявит, необходимо осторожно переменить место и, подав голос самца, тут же посвистеть самочкой, вызывая у упрямого рябчика ревность. Такая хитрость часто удается, и разгневанный рябок, забывая всякую осмотрительность, бросается к обидчику.

Манить рябчика пореже выгодно всегда, так как он не терпит суеты и тотчас улетит, если услышит в твоём позыве пристрастие. От охотника требуется не торопиться, отвечать рябчику сдержанно, но в то же время восторженно, и петушок, если ты все делал правильно, непременно найдет тебя. Бегом или лётком он вскоре неожиданно обнаружит себя, и к этому надо быть готовым. Весь секрет в том, чтобы сохранять терпение, обладать достаточно музыкальным слухом и знанием жизни рябчика, умело пользуясь его слабостями.

Перехитрив и добыв рябчика, неспешно отправляйся дальше, ступай тихо и чутко прислушиваясь к песне других самцов, а пройдя метров сто, остановись и вновь воспользуйся пищиком. Не передать, как приятно идти по умиротворенному осеннему лесу и осторожно нарушать его покой проникновенным рябчиковым звучанием. Как только рябчик отзовется, радости твоей нет предела!

Необыкновенно нежен и мягок посвист рябчика в эту тихую, задумчивую пору. Словно кто-то протяжно наигрывает на самых радостных струнках души, не давая им забыться перед долгой зимой. Вслушиваясь, конечно понимаешь, что даже с помощью отменного манка тебе никогда не добиться этой чистоты и мягкости звука, но, тем не менее, пропеваешь песенку, и оттого еще больше радуешься и становишься чище.

Вообще песенку рябчика чаще всего можно услышать утром, после рассвета, и ближе к вечеру, перед наступлением сумерек, но иногда она звучит и днем, если тому способствует погода. Песенка тоже удивительно сочетается с молодеватым обликом этой птицы. Звонкая, задорная, она радостно пронизывает, кажется, весь лес, и будто наполняет его каким-то невидимым хрустальным светом.

Выводя своим голосом эту радостную и чистую трель, рябчик, несомненно, отображает в ней мир, в котором живет, потаенную мягкость тишины густых ельников и логов, откуда в то же время он стремится вырваться к солнцу и свету. На дне этих логов текут незамутненные ручьи, что переливчато струятся наподобие свирельного свиста, а рябчик слушает его, запоминает и произвольно передает в своей песенке. Он, наверное, тот

тонкий голосок, через который темный дремучий лес общается с Богом, не позволяя истекать из себя чему-то большему. Только через вдохновенную тонкость рябчиковой свирельки возносятся к небу его душа и мысли.

Свист свирели, тоненькая дудочка, трепетная восторженность, чище которой невозможно себе представить... Как еще охарактеризовать песню рябца? И вот что еще очень важно: рябчик никогда не фальшивит. Не поет, говорят в народе про разочаровавшегося в чем-то певца, так свищет, не пляшет, так прищелкивает; но это никак не относится к рябчику. У него и голос не пропадает, и душа всегда поет, а поется хорошо там, где и воля, и доля, чего у рябчика в лесу в достатке.

Заслышав в лесу рябца, всегда хочется остановиться и, замерев, послушать эту удивительную музыку. Прислонившись плечом к стволу березы, стоишь, не шелохнувшись, и чутко вслушиваешься в простые и в то же время волшебные звуки, которые сливаются в непередаваемую мелодию. Мягкий и певучий голосок рябчика достаточно протяжен, чтобы легко отличить его от других птиц.

Песня рябчика удивительно гармонирует со всем, что его окружает. Он как запевала, без которого в лесу не поется ни одна песня. Оставаясь по большей части невидимым, рябчик так же невидимо копит в себе свое мелодичное звучание и невозможно не поражаться: как это удастся такой небольшой, почти невидимой для многих птице?!

Бывало, слушаешь рябчика и думаешь: может быть, и нам доведется свою песенку спеть. Такую же светлую и радостную, которая никогда не сможет никому надоесть. Ведь если с умом и душой живешь, такую и песню поешь, и, главное, петь ее, а не допевать.

Обычно принято думать, что свист — это пронзительный звук, прогоняемый сквозь губы, клюв, зубы или через какую-нибудь дудку, и это, в общем-то, верно, но что касается рябчика, то его свист следует воспринимать как звук, пропускаемый через его маленькую лесную душу, которая всегда чиста. Но не всякая птица в лесу свистит, иная чиркает, а вот сова только пыхтит, да щелкает. Рябчик же именно свистит, свистит всем своим лесным существом, как волшебная птица из сказки с серебряным голосом, и получается это у него неподражаемо.

Некоторые добычливые стрелки умеют звать рябчиков собственным свистом, но его, ни в коей мере, нельзя сравнить с рябчиковым. Встречаются и такие мастера, что совершенно виртуозно подражают рябчику пищиком или, как его чаще называют, манком, но и они не в силах соперничать с птицей, которая выражает душу самой природы. Лучшие из них лишь приближаются к наиболее верному звучанию рябчиковой песни, и в этом им помогают правильно изготовленный пищик и абсолютный музыкальный слух.

Про пищик, а точнее про то, как и из чего его изготовить, в охотничьей литературе написано достаточно полно, и я не буду на этом останавливаться. Замечу лишь, что сам всю жизнь пользуюсь манком из эбонита, который имеет очень тонкое и мелодичное звучание в любое время года. Правда, в зимние

морозы или холодную осеннюю пору манок забивается смерзшимися капельками влаги и звучит глуховато, но на то среди охотников существует масса советов, а наиболее приемлемый и безотказный предложен небезызвестным Л. П. Сабанеевым, который «на случай могущей быть порчи» советовал брать с собой в лес несколько пищиков.

Но для того чтобы безошибочно подманивать рябков, следует сначала научиться различать их песню, и в этом может помочь только частое общение с лесом. Идешь, бывало, по лесу, поглядываешь вокруг, и вдруг тишину его пронзает нечто, даже для леса удивительное и ни на что не похожее... То рябчик, потаенная лесная душа, потому как никакая другая птица петь так не может. Это даже не песня, не восторженный крик, а провозвестие чистоты, которая никогда и ничем не будет замутнена.

Хрустальный перезвон ручейка не задевает так сердце, как пересвистывание рябчика, особенно весной, поутру. Ни флейта, ни свирель, ни дудочка-жалейка тоже не идут с ним ни в какое сравнение, ибо рябчик не ублажает, а возносит. И не хочешь, но полетишь, вслушиваясь в рябчиковую песню, потому что никакие лесные звуки не вызывают столько света и радости. Пронизывая все, песня рябчика проникает и в тебя, заполняя каждый твой шаг, она — обаятельное продолжение его укромной жизни в таёжных урёмах, которое длится и не прекращается.

Исходя из своего собственного опыта и опыта охотников, с которыми мне приходилось бывать в лесу, я склонен предположить, что музыкальный слух, а, следовательно, и умение манить — либо есть, либо нет. Его невозможно освоить, если ты не в ладу с тем жизненным ритмом, в котором живут растения, птицы и звери. Но даже приносившись к песенке рябчика и передавая ее на свой манер, рябчик, в лучшем случае, будет откликаться на твои призывы, но не подлетит. Голосу его должна сопутствовать особая мелодичность, что дается от Бога.

Голос в голос, то есть точь-в-точь,— именно такого сочетания звуков должен добиться охотник, чтобы рябок откликнулся, поверил ему и прилетел. Запоешь чуть не тем голосом, не тем тоном, рябчик тотчас тебя раскусит, вообще умолкнет. Пойдешь выглядывать птицу в узёрку, обязательно ее подшумишь, после чего рябчик с грохотом сорвется и исчезнет, оставив в твоём воображении лишь еле уловимый образ дымчатого облачка, в мгновение растворившегося среди шероховатых еловых стволов.

Особенно живо рябчик начинает лететь на призыв пищика к исходу сентября, когда еще не образуются пары; именно в это время охота на него становится наиболее удачлива и интересна. Порой достаточно одного позыва, чтобы откликнулось сразу несколько самцов, которые подлетают очень охотно. Тут важно не зевать и стрелять по рябчику, не раздумывая, пока он достаточно хорошо виден и еще не успел ничего разобрать. Короткий выстрел, как правило, не пугает остальных птиц, и через минуту они как ни в чем не бывало продолжают насвистывать свою разудалую песенку.

Случается, что рябчик подлетает чуть ли не вплотную, но подсаживается

неудачно, оказавшись за стволом или скрывае́мый густой веткой, и тогда лучше немножко переждать, давая ему возможность как-то обозначить себя. Но терять времени тоже не стоит, и если ситуация позволяет без шума передвигаться, стараясь быстрее разглядеть птицу, следует тотчас это сделать. Ведь рябчик всегда сопровождает подлет коротким стрекотом, как бы давая понять, что он готов принять игру, а когда он не получает ответа, и птица, к которой он устремился, никак себя не проявляет, рябчик благоразумно исчезает, заподозрив подвох. Требуется большая артистичность, знание леса и удача, чтобы выиграть это единоборство.

Обычно среди охотников возникают расхождения во мнении относительно манеры подманивания рябчиков их же собственным призывом. Если быть достаточно внимательным, то вполне логичным представляется такое заключение: рябок, пока по непонятной причине, поет в разное время по-разному. То есть песня его бывает неодинакова по продолжительности, чистоте выводимых им коленцев и сложности производимой мелодии. Конечно, неопытному охотнику легко спутать обычную песенку рябчика-самца с несколько глуховатым и непродолжительным пересвистом самочки, но и у самцов существуют значительные расхождения в выражении ими чувств, так как все оттенки голоса рябчика имеют, по-видимому, свое значение.

Может быть, все эти различия в большей мере зависят от погоды, времени суток и даже настроения самого рябчика, от того сидит ли он на месте или перелетает, чем-то обеспокоенный, кормится или защищает птенцов, но следует четко представлять себе отличие песни курочки от петушка, а также молодого рябчика от более опытного. Здесь вообще много тонкостей, требующих самого пристального исследования, и их существование объясняется скорее незнанием природы птицы, нежели приписываемым ей сложностям.

К примеру, многие охотники очень категорично полагают, что чем увереннее выводится призывная песня рябчика, тем лучше на это реагируют другие птицы. Однако нередко после воспроизведения охотником не совсем ловкого и чистого свиста рябчик все же отзывается, даже порой подлетает, а при классической, как говорится, трели — очень высокой, тонкой и радостной, — никоим образом не откликается. Вероятно, здесь тоже имеет место возраст рябчика, когда повидавший виды самец никак не выявляет себя или, отозвавшись раз-другой, умолкает, а молодой, лишь заслышав песенку собрата и толком ничего не разобрав, опрометчиво кидается на зов и, естественно, подставляет себя под выстрел.

Конечно, удачнее всего рябчик идет на манок в ясные утра, преисполненные нежнейшей бирюзы и звонкой лазури, но и в пасмурные дни, когда сеется мелкий, ненадоедливый дождик, рябчик охотно отзывается и скоро подлетает. Ноги твои неслышно утопают во влажном мху, и вязкий воздух поглощает в себе все шумы, так что рябчик чувствует себя даже более раскрепощенным, чем при солнце. В ненастную погоду удобнее скрыть свое

лесное присутствие, свист разносится еще более чарующе и волнует необыкновенно.

Но самый дружный ход рябчиков происходит, все же, весной, когда почти стаивает снег. В это время рябчики поднимаются и идут на пищик особенно яро: в большинстве случаев это самцы. Наилучший лёт происходит только после того, как самки сядут на яйца, и продолжается неделю-другую. Тогда необходимо манить уже не голосом самца, как это делалось до того времени, а голосом самки.

Наряду с призывным свистом, выражающим у рябчика нежные чувства к своей подруге, он изъясняет свою любовь и резкими трелями, что разнообразны в зависимости от его настроения. Порой оно бывает таким приподнятым, что рябчик, кажется, вот-вот захлебнется, когда пытается передать свои ощущения при помощи витиеватых звуков. Если самец сильно возбужден и уже обрел предмет своего обожания, он разливается без устали с утра до вечера, и совершенно невозможно передать его замысловатую мелодию.

Много споров ведется и по поводу того, что более пугает рябчика: какой бы то ни было шум, издаваемый человеком, вплоть до ружейного выстрела, или любое движение в непосредственной близости от птицы? Кстати, присутствие зверя никак не отражается на ее поведении, потому, как она привыкла к звукам, которые несет в себе лес, ей они хорошо знакомы, и мне однажды даже пришлось наблюдать, как лось, пересекая поляну, проследовал рядом с двумя глухарками, кормящимися на земле, но они не обратили на него внимания.

А вот ружейный выстрел в большинстве случаев действительно не влияет на поведение птиц, находящихся неподалеку. Бывает, подстрелишь одного, двух и более рябков, но остальные птицы, сидящие рядом, никак не прореагируют на это. Может быть, причиной тому служит непродолжительность и скоротечность выстрела, который рябчик даже не успевает воспринять?

По-видимому, такова слуховая особенность рябчика, когда резкие и короткие звуковые эффекты оставляются им без внимания или оказываются совсем не слышанными. Но длительные шумы, непрекращающийся хруст веток под ногами, свист от стегających по одежде сучьев и различные продолжительные шорохи вызывают тревогу и заставляют скрываться. Что рябчика действительно настораживает, а к чему он относится равнодушно, лучше всего, наверное, каждому охотнику решить для себя лично, тем более что всякое передвижение по лесу в той или иной степени всегда сопровождается шумом.

Разбившись к концу осени на пары, рябчики теперь будут неразлучно ждать весну... Где-нибудь в феврале отправишься в лес и на краю укромного ложка повстречаешь аккуратные крестики-следы, протянувшиеся вглубь хвойной чащи параллельно друг другу. Это петушок с курочкой уже затевают свои ранние свадьбы: держатся только вместе, радуются предстоящей

счастливой поре и в предвкушении ее звонко посвистывают. Впрочем, поют только самцы, самочки же держатся скромно и если подадут голос, то его не сразу расслышишь, поскольку предназначается он только для петушка. Супруги определились, а обвенчает их в хвойном соборе расчудесница весна!

Песенка у самочки довольно невыразительная, слабенькая и даже несколько глуховатая. Когда она убегает или улетает, то издает особое посвистывание, которое начинается очень тонко и тихо, но постепенно делается все громче и громче, а кончается чрезвычайно быстро следующими друг за другом переливчатыми звуками «трю-и, трю-и, трю-и, ти-и, ти-и, кроук, кроук, кроу-к-к», которые как будто глохнут. Но обычная песня самочки короткая и призвана, по-видимому, лишь обозначить для самца ее местонахождение: «пи-ить, пи-ить, пи-и-и-и-ть, куок...» Мол, я здесь, рядом, и никуда не собираюсь исчезать.

Кстати, молодые рябчики, когда они еще живут выводком, кричат очень просто: «пи-ить, пи-ить, пи-ить», причем самцы по голосу не отличаются от самок. В этом случае их легко перепутать в конце лета с курочками, и следует быть особенно осторожным, если тебе небезразлична судьба леса.

Молодых рябков лучше всего манить «на черк», то есть голосом того же неоперившегося рябца, выводя пищиком неполную песенку, с легкими промежутками и как бы с хрипотцой. Неопытные, с еще необузданным петушиным пылом, они стремглав бросаются на воображаемого соперника, и для настоящего охотника служат только забавой.

Весь первый год рябчики держатся выводками по опушкам лесов, в прогалинах, сечах и на ягодниках. Отысканный выводок с шумом поднимается с земли и тут же усаживается по деревьям, большей частью на нижние сучья. Если быть терпеливым и внимательным, то, не сходя с места, можно разглядеть всех рябчиков. Непуганые, они сидят смирно и, вытянув узенькие головки, трепетно стрекочут.

А вообще рябчика чаще всего приходится бить именно сидячего, и хотя это неприемлемо для многих охотников, но такова особенность охоты на него. Влёт его стрелять сложно, для этого следует обладать отменной реакцией, чуткостью, зрением, потому как рябок обычно срывается с ветки молниеносно и, пропланировав стрелой, так же стремительно скрывается в чаще. Впрочем, будучи слабым на выстрел, он нередко оказывается добычей охотника, выстрелившего на удачу.

Стрелять рябчика можно «на почке», то есть во время утренней и вечерней кормежек. А ещё - «с подхода», высматривая дичь, спугнутую с земли и поднявшуюся на деревья. Охота «в узёрку» требует много выносливости и терпения, ибо действовать приходится скрытно, в постоянном напряжении, а рябчик, обладая удивительным слухом, в момент замечает малейшую оплошность.

Для кормежки рябчикам хороши свежие осенние утра с легким морозцем и серебрящимся инеем, а также необыкновенно приятные тихие вечера, когда птицы вылетают на окраины убранных полей поклевать оставшееся зерно.

Наевшись, рябчики в удовлетворении прорезают насторожившуюся тишину задиристым свистом, и он разносится далеко, но на манок они летят уже не так охотно. Им просто лень растрачивать себя понапрасну, и они лишь изредка оповещают лес о своем присутствии хрустальными голосами.

В эти солнечные осенние дни рябчики находят свой скромный уют следующим образом: утром, после кормежки, когда солнце уже поднялось над лесом, они взлетают на крупные деревья со светлой корой — березы, осины, и садятся на сучки у самого ствола, обязательно на освещенной стороне. Светлая кора отражает солнечные лучи, и рябчик, притаившись около нее, улавливает тепло. Такие солнечные ванны вызывают у рябчика дремоту, и он может подпустить охотника достаточно близко.

А вот летом рябчики принимают пылевые ванны, тщательно ухаживая за своим оперением в специально устраиваемых для этого местах — «порхалищах». Птицы выкапывают в сухом грунте небольшие, меньше одного метра в диаметре, ямки и, двигаясь в них, забивают пыль между перьев, через некоторое время вытряхивая вместе с ней пухоедов. Весной же рябчики забираются на муравейники, где муравьи, защищаясь, обрызгивают перья птиц муравьиной кислотой, убивающей паразитов. Рябчики — удивительно опрятные птицы, и смотреть на них всегда приятно.

До конца сентября рябчики держатся обычно на рябине и черемухе, близ потаенных рек и ручьев, а с наступлением октября, когда многочисленные и вездесущие дрозды склевывают последние ягоды, перемещаются ближе к ольхам, сережки которых служат чуть ли не единственной их пищей до самой весны. В октябре, если лист совершенно опал, рябчик становится чрезвычайно осторожным, и к началу ноября выманить его на пищик почти невозможно. Вечерняя охота бывает не так добычлива, как на утренней заре, потому что рябчик, как и всякая другая дичь, к утру гораздо острее чувствует голод.

Днем рябчик, если можно так сказать, отдыхает, а вернее, ведет себя более замкнуто и тихо, нежели поутру. Он больше молчит и бегаёт по земле, собирая разные семена и ягоды, а потревоженный, усаживается на ближайшую ветку или исчезает в чаще. Рябчика в дневную пору как бы охватывает сонливость, и он выглядит несколько вялым, скрываясь в крепях. Там он лучше защищен от хищной птицы, на полу — мох с ягодой, по заросшим дикой смородиной ложкам текут чистые ручьи; именно в таких местах рябчики хоронятся и жируют.

Трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной, лишенной каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем размеренная кормежка у реки, в густом черемушнике или ольховнике. Днем птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают. На первый взгляд, эта оседлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нем думать.

Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно: какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да еще порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалеку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и... рябчика, которые сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причем именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоем. Но что могло их соединять?

Увиденное так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг к другу недовольства, то ли их все-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь и чего-то ждет, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени предпочитающий одиночество. Причем такое замкнутое и отрешенное, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждет до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

Не раз мне приходилось слышать почти неправдоподобные рассказы о том, как рябчик садился наголову подманивающего его на манок охотника. По объяснениям его можно было лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, которая понравилась петушку, и он выбрал ее в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, который петушок, оказываясь, позволяет себе в пору весеннего оживления.

Совсем не казалось необычным, когда на охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно напал ястреб, до такой степени воспроизведенный свист был верным. Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спас меня лишь длинный козырек ковбойки, которую хищник сбил с головы,

напутав при этом меня до смерти. С тех пор, прежде чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший просмотр, а сам бы я был никому невидим.

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, называемых в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

...Сентябрьский день выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и шел на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в шестидесяти, я углядел сидящего на елочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту...

Обычно рябчик бежит к зовущей его рябушке молча, но с точным расчетом; у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал да еще похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовется и устремится тебе навстречу. Причем присядет в точности над тем местом, откуда прозвучала ее песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча и время от времени раздуваясь. Но даже когда он бежит к самочке полком, то, ни за что, не ошибется и окажется точно передней.

...Изготовившись к стрельбе, я стоял не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорек и, углядев малейшее движение, мгновенно улетает. Но все было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я еще раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, который стоял в трех метрах позади, чуть наклонив голову и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему. Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегченно вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, что я его даже не услышал. Причем он точно знал, где я стою, и обошел с запасом, чтобы посмотреть, кто это свистит.

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет

дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще рядом с деревней подманить рябчика на пищик может только настоящий мастер, поскольку птица здесь пуганая и ведет себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадется какой-нибудь обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, все же отстаивает свое право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая тем самым незыблемый закон природы о поддержании ее чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удается избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трехпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом... А вот в дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н. Н. Е. о трехногом переярке, более двух пудов весом, с целыми зубами, которого еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель...

...Мы шли по склону лога, поглядывали по сторонам и одновременно заметили рябчика, который как-то странно и коротко перелетал, в то же время, не исчезая из поля зрения. Что-то будто держало его на одном месте и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под елку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, направляющийся прямо к ручью. Рябчик плавал в нем рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след — он оказался одноногий; рябчик допрыгал до ручья на одной лапе, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно беззащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я так из-за него?

В охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Манишь, скажем, петушка, а поодаль отзывается еще один, но

как бы нехотя, без всякой надежды на то, что подлетит. Ты терпеливо перекликаешься с тем, который поблизости, думаешь: вот сейчас он наконец-то припорхнет на соседнее дерево, не вытерпит, и тут вдруг совсем с другой стороны, к тебе прилетает рябок, который, по-видимому, молчал, затем второй, и, стрекоча, прибегает по земле третий... И все это за какие-нибудь полминуты! А тот, что отзывался с самого начала, продолжает как ни в чем не бывало насвистывать.

Растеряешься, конечно, от неожиданности, застынешь как вкопанный, но рябчики — птицы осторожные, они, почуяв неладное, долго ждать не будут, и тотчас срываются в чашу... Ну, разве возможно было предугадать подобное?! В следующий раз ты, кажется, готов ко всему: расположился так, чтобы тебя не было видно, да и пищик в полном порядке, но опять случается нечто непредсказуемое, и все идет насмарку. Рябчики, на первый взгляд такие простые и неприхотливые птицы, на деле оказываются как будто заколдованными, и каждый раз преподносят какой-либо сюрприз.

Случается, на одно дерево, чаще всего это бывает береза, присаживается целый выводок рябчиков, более десятка, и если ты такое увидишь, можно считать, что тебе тоже крупно повезло. Ну а если ты подсмотрел, как рябчики один за другим валятся с дерева в снег на ночевку, это уж совсем редкость, потому что жизнь рябчиков зимой наиболее скрытна и подглядеть в ней что-либо интересное очень непросто. Обычно все увиденное ограничивается вырвавшейся из-под снега птицей или пустыми лунками, в обилии попадающимися за день. Они издали вопросительно зияют в пуховой перине, и ты не сразу определишь, находятся ли рябчики в своем снежном доме или уже покинули его.

Стоит середина января, зима набрала самую силу, и птицы спасаются теперь только под снегом. Не успели еще отступить сердитые рождественские морозы, а уже подоспели не менее трескучие крещенские. Все замерло в лесу.

Совсем не слышен гулкий перестук большого пестрого дятла и куда-то подевались вездесущие гаички, обычно целыми днями пружинисто раскачивающиеся на иссохших травинках, одиноко торчащих из-под снега. Пропали даже надутые снегири, шумно перепархивающие в звонких ветвях берез. И только рябчикам, кажется, все нипочем.

С раннего утра, когда скупое зимнее солнце освещает лишь верхушки черных елей, рябчики уже проснулись и готовы превозносить родившийся день. Их нерастраченной энергии требуется только толчок, чтобы огласить лог призывным, веселым пением, и ты, будто чувствуя воцарившееся в воздухе напряжение, тоненько высвистываешь манком излюбленное колено рябчика-самца. Тут же в глубине леса отзывается один, затем второй, третий, и через пару минут в веселую переключку вступает по крайней мере полдюжины птиц, отчего утренний лес сразу преображается, оживает, и на душе становится радостно.

Немного послушав птиц, ты отправляешься дальше, так как за день предстоит преодолеть немалое расстояние, а про себя отмечаешь: надо еще

вернуться вечером к логу, чтобы понаблюдать, как птицы будут укладываться на ночлег. По всему видно, что рябчики в эти ясные морозные дни, после только что утихнувшей метели, предпочитают держаться поближе к опушкам, логам или пересечениям укромных просек, где намело достаточно снега, безопасно и преобладают березки. Их почки служат рябчикам главной пищей в зимнюю пору, поскольку снег давно скрыл землю, а бегать по рыхлому и достаточно глубокому покрову нелегко. Место для птиц оказывается удобным еще и потому, что под боком пролегает глубокий лог с ручьем, в котором, при случае, всегда можно напиться.

К вечеру ты застаешь всех рябчиков на одной большой березе, поднимающейся из самого лога. Птицы дружно сидят на ветвях, по-видимому, уже покормившись, и готовы к ночлегу. Им только остается с заходом солнца броситься с дерева вниз и, зарывшись в теплый снег, успокоиться там до утра.

В нетерпении поглядывая на садящееся солнце, вдруг замечаешь, как над горящим малиновым шаром прямо кверху поднимается радуга. Для зимы это необычно, и пораженный открывшейся картиной, на какое-то время забываешь о птицах. Безотчетно повернувшись, тем самым испугиваешь рябчиков, и они, упруго захлопав крыльями, в мгновение исчезают под снегом, как будто их и не было. Густые синие тени быстро вытягиваются по склону лога, и солнце уже наполовину за горизонтом: опять ты проворонил самое интересное!

А вот весной рябчик теряет всякую осторожность, и если вы подманите его тихой и нежной песенкой самочки, то не сомневайтесь: через какие-нибудь две-три минуты он усядется рядом, на ближайшем суку елового или лиственного дерева, начнет охорашиваться, встряхивать крылышками и, раздув перья по всему тельцу, смешно вытянет шейку, как бы давая понять своей воображаемой подружке: я здесь, весь в предвкушении ожидаемого таинства, и готов удовлетворить любое ваше желание! Затем напыжится и застрекочет так быстро и страстно, что, глядя на него, вы непременно улыбнетесь. Но при этом постарайтесь не подавать виду, будто заметили его, и терпеливо стойте под самой птицей, желая только одного: чтобы рябчик не встревожился и не улетел, лишив вас истинного наслаждения.

Очень занимательно, когда рябчик подлетит к тебе на манок именно весной, в любовном томлении наклоняя туловище и гордо выпрямляясь. Он, кажется, вот-вот свалится с дерева, перышки на нем распушаются, и рябчик становится похож на большой серый шар. Даже не верится, что рябчик может достичь подобных размеров: таким внушительным он, наверное, желает показаться!

Рябчик выглядит самочку, тужится, блаженным голосом стрекочет и топорщит хвост. Он вроде бы сделал все, чтобы самочка допустила его к себе, но она почему-то отсутствует, и рябчику становится обидно. Он вздрагивает всем телом, опускает крылья и в нетерпении пристанывает, а тебе стыдно оттого, что обманул охваченную любовным порывом птицу...

Так рябчик обаятелен и мил, когда, ничего не боясь, стремится к своей

любви и отдается ей без оглядки. Он — восхищенный лесной любовник в эту разомлелую весеннюю пору, что преображает его и возносит над открывающейся землей. Он готов не покладая сил заботиться о самочке и своих детях.

Рябчику, несмотря на весеннюю страсть, суждено вести оседлый образ жизни, а значит, обрести семейное счастье и уже никогда его не терять. Наверное, ему очень нравится сначала томиться и изнывать, потом с любовью обхаживать, заботиться и оберегать свою возлюбленную. Он по-настоящему маленький джентльмен леса, которому есть дело до всего, что связано с преданностью своей семье.

Рябчик счастлив от этой самозабвенной весенней жизни, и может быть именно поэтому он так добродушен ранней осенней порой. Рябчик будто находится в восторженном отдохновении; и пока не иссякла золотая пора, он свободен и весел: радуется жизни, копошится в пожухлой листве и неожиданно взмывая нежно-дымчатым облачком среди еловых ветвей, мгновенно растворяется в них. В лесу созрели черемуха и рябина, нет никакого повода для беспокойства, и рябчик готовится к грядущим заботам, что несет с собой зима.

Ты же благодарен птице за то, что она подарила тебе незабываемые минуты. Где-нибудь в середине января ты непременно вспомнишь этого забавного петушка и порадуешься. Рябчик вновь прилетит к тебе в твоих воспоминаниях, тронет сердце своей страстной песенкой, и ты позабудешь свои горести в нетерпеливом ожидании весны.

Лесная бабочка

Совсем тихо стало в лесу, все как будто замерло в нем в ожидании первого снега. Листья с деревьев опали полностью и уже успели выцвести и свернуться. Редко увидишь под ногами желтизну, пожухлая трава совсем бурая или темно-коричневая.

Неделю назад желтые трепетные листочки еще держались на самых верхушках берез и осин, но и их теперь не видать. Деревья, отмахав своими густыми ветвями, застыли в отрешенном молчании. Приготовившись принять на плечи пушистую кухту из снега, они оказались пока без дела.

Замечательная пора стоит для охоты... В подстылом остановившемся воздухе хорошо слышен любой звук. Всего лишь рябчик вспорхнул неподалеку, а чудится, будто взлетела тетёра. Зацокала пара играющих в вершинах елей белок, и ты спешешь на их оживленный крик, чтобы понаблюдать за увлекшимися зверьками. Режущий воздух свист над головой заставляет от неожиданности остановиться и посмотреть вверх, где стремительно исчезает между ветвями чернокрылый дятел- желна...

Ты идешь, радуешься всему увиденному и вспоминаешь, как совсем недавно, когда ты уже думал только о тетеревах, глухарях и рябчиках, в лесу тебя напугала птица, которую ты успел за лето просто позабыть. Это был

вальдшнеп. Какое-то время ты ошарашенно провожал его взглядом, а про себя недоумевал, как мог упустить ты из памяти такую красоту.

Вальдшнеп обычно сидит крепко и всегда вылетает почти у самых ног. Наверное, он надеется на свою расцветку, которая осенью более богата, нежели весной. Оперение его очень удачно вплетается в опавшую листву и еще более оживает, когда птица, сорвавшись, зависает свечой среди уже оголившихся березовых верхушек. Лишь на миг вспыхивает она в воздухе скучным осенним цветком, и тотчас тает.

Не было случая, чтобы ты разглядел птицу в траве... Вальдшнеп словно укутан в опавший осенний лист, еще не успевший пожухнуть. Надежно скрывает вальдшнепа замирающая с каждым днем земля. Птица же, чувствуя уходящую в ее глубь силу, собирается в дальние страны. ^

Часто ловишь себя на мысли, что любишь не полетом исчезающей за деревьями птицы, а напугавшим*тебя взрывом, когда вальдшнеп поднимается с земли. И еще его необыкновенно коротким присутствием в чудесном осеннем лесу... В полете это присутствие мгновенно истаивает, оставляя лишь горький привкус листа, сладостный запах перьев и какое-то тревожное ощущение от только что обретенного, но вмиг утерянного, которое в лесу почему-то всегда приятно и не вызывает никакого разочарования.

Осенью ты как-то незаметно обнаруживаешь, что любишь эту длинноносую птицу. Без вальдшнепа осенний день остался бы в памяти просто пегим. Вальдшнеп освещает его своим королевским оперением, словно диковинная лесная бабочка, что призвана еще раз порадовать человеческое восприятие перед скорым бесцветным ненастьем.

Думая о птице, ты вспоминаешь еще малонаезженные лесные дороги, обильно устланные листом, где в стоячих лужах таинственно темнеет затаившаяся летняя пора. На открытых местах немного наел ежено, но более обращаешь внимание на частые отверстия во влажной земле. Здесь вальдшнепы устроили себе кормежку, извлекая вкусных червяков.

Не замечаемые никем, они увлеченно перетаптываются, кряхтят, а осень тихо сыплет вокруг листом... Кажется, не будет ей конца, и между тем она незаметно сгорает. Где-то в глубине своего крохотного понимания птицы, наверное, уже мечтают о теплом юге. Так грустно станет без них зимой...

Ты хорошо знаешь, как трогательно, перезревшими крупными смородинами, чернеют прекрасные глаза вальдшнепа. Держа упругую тушку в руке, тебе не верится, что они мертвы. Длинный клюв у подстреленной птицы иногда бывает широко разинут, перья же переливаются каким-то особенным светом, от которого на душе становится тепло.

Потом подкатывает грусть: опять ты не удержался от пагубного выстрела, который низвергнул к твоим ногам эту красоту! Подбитая птица почему-то всегда оказывается, как живая...

Летом ты часто вспугиваешь вальдшнепов на порхалищах, располагающихся на вырубках. Где-нибудь в песчаной луже, укромно приютившейся между поросших малиной гряд, взорвет твое растопленное

летним жаром сердце одинокая птица и тут же исчезнет. Сразу и не сообразишь, кто это был.

Сначала подумаешь на вездесущих дроздов, гурманствующих на сладкой малине, или еще на какую неведомую дичь, и примешься вновь за ягоду. Но мысль неотступно свербит в мозгу отчужденным холодком, и позабытое, было, беспокойство все-таки охватывает тебя. Ты силишься разобрать что-то знакомое в надвигающемся на тебя клубке воспоминаний, и вдруг, очумев от радости, восклицаешь про себя: так ведь это же вальдшнеп!

Где-то здесь, в прохладной малиновой тишине, устроил он для себя удобное пристанище. Когда еще не нагреется песок, вальдшнеп прилетает сюда чистить себе перышки. Он быстро присаживается, окуная круглую грудку в приятную прохладу, и зарывается, как только может. Сидит так некоторое время, не двигаясь, и впитывает своими большими глазами летнее довольство. Ничего не предпринимает, просто ждет, чтобы солнце коснулось своими лучами его перьев и слегка обогрело. Может быть, он даже ночует здесь, уютно устроившись в песчаном тепле.

Когда волны душистого воздуха освежат ему крылья и вальдшнеп вздохнет облегченно, как может вздохнуть только птица,— в летнем дне словно что-то подвинется. Станет мягко, тепло и очень уютно. Птица встрепенется, привстанет и поначалу неловко захлопает крыльями. Никого в этот момент не окажется рядом, и вальдшнеп почувствует себя еще более свободным.

Закрыв глаза, он начнет прихлопывать чаще, подбрасывая песок под крылья. По тельцу его тотчас пробежит легкая дрожь, и вальдшнеп от удовольствия издаст восхищенный звук. Никто из лесных обитателей не обратит на него внимания. А летний день уже распростер свои объятия на всю землю и, конечно, захватил с собой позабывшуюся от удовольствия птицу.

Само слово «вальдшнеп», кажется, утопает в летнем жару, предвкушая скорую осеннюю прохладу, но и убежать из разомлелой сытости не желает. Живет вальдшнеп своей чудной лесной жизнью и наслаждается всем, что дарит ему это волшебное царство с запахом ягод, грибов и листьев, вольным разнеженным теплом и возможностью никуда не торопиться... Что более нужно этой бурой, как зной, птице: осень, лето или весна?

Весной, охваченные неудержимой любовной страстью, вальдшнепы устремляются на север. Еще лежит в полях большими пятнами снег, но воздух полон пробуждающихся звуков. Он жаждет принять в себя перелетные стаи, в нетерпеливом ожидании беспокойно роится и, может быть, даже изнемогает.

С прилетом птиц в лесу начинается какая-то иная жизнь. Еще пронзительнее свистят в верхушках деревьев дрозды, более живо зажигаются в бархатном небе звезды, а ароматная сырость из оврагов так резко ударяет в нос, что на глаза наворачиваются слезы.

Ждешь с нетерпением, с какой стороны раздастся неподражаемое «хор-хор, цвить-цвить», и незаметно задумаешься о своей жизни. Так хорошо становится переживать все в тихий весенний вечер! На какое-то время даже

забудешь о вальдшнепе, но именно ему ты обязан своими сладкими думами.

И вот первый вальдшнеп, как всегда неожиданно, выплывает над заострившимися в алом небе осинками, и ты сразу приходишь в чувство. Уже зеленеют звезды, приятно холодит лицо пробирающийся над самой землей влажный воздух, и сердце отчего-то замирает... Восхищенно томясь в груди, оно не тяготит, и лишь изредка очарованно восклицает, будто в благодарность за этот весенний вечер, неподражаемые вскрикиванья птиц и воздух, пронизанный самыми невероятными ароматами.

С головой отдаваясь этой захватывающей благодати, ты сам превращаешься в длинноносого провозвестника какого-то неведомого тепла, очень нужного для человека, важного, без которого он не смог бы никогда существовать: мечтать, любить, страдать.

Крик вальдшнепа — очень земной, близкий, даже родной. С его прилетом что-то тихо изменяется в тебе. Ты вроде бы должен стрелять в птицу, и вдруг обнаруживаешь, что не в силах это сделать. Тебе нравится смотреть на летящих птиц, встречать и провожать их неожиданное появление восхищенным взглядом.

А потом, опомнившись, радоваться чему-то в себе, в окружающей природе и жизни.

И все же тебе хочется сделать выстрел. Чтобы он непременно попал в цель, птица рухнула к твоим ногам и навсегда замерла. Тяжело отыскать ее в сгущающейся темноте, а прохладные лозины мягко трогают тебя за лицо, щекочут, тут же становясь неприкаянно твердыми и чужими.

Раздвигая их руками, спешишь, боишься потерять подбитого вальдшнепа. Веришь, что птица не пропадет зря, и ты найдешь ее, отрешенно замершую в пожухлой траве, и обретишь ее тайну. Но птицы не видать, и ты клянешь себя за очередную слабость: зачем опять позарился ты на судьбу, которая тебе не принадлежит?!

Весна течет и в тебе, и мимо, а ты не в силах найти ответа. Мчишься куда-то вместе с ней, желаешь неизвестно чего и изнемогаешь от любви к тому, что убиваешь. Как хорошо, если мы когда-нибудь преодолеем свое непонимание, потянемся, как эта замечательная птица, к самому лучшему в себе, и никто нас при этом не застрелит, просто восхищаясь!

Мы будем живы всю нашу оставшуюся жизнь, и будем мечтать о самом хорошем, что уносит нас к небесам. Там, в их восхитительной необъятности, тот самый простор, к которому мы всегда стремились. Вальдшнепы — его очарованные слуги, приносящие на своих крыльях только радость.

...Необыкновенной лесной бабочкой взмывает вальдшнеп над верхушками деревьев и тотчас околдовывает. Он как неувядающий цветок из чудной осенней сказки, придуманной самим Господом. Вальдшнепу не хочется покидать ее, и он впитывает своими темными глазами красоту северной земли, а унося ее в теплые края, не переставая печалиться: такие они у него грустные, большие... Лес же без него замирает и ждет, когда вальдшнеп вновь оживит его своим неподражаемым появлением.

Необычная сова

Живёт в наших уральских лесах сова с необычным именем - ястребиная. Сова эта предпочитает старые, но еще не заросшие вырубки, где выбирает на день одиноко стоящие сушины. Далеко она в это время не улетает, крыльями машет, подобно зазевавшейся утке, а голова у нее, как и у всех сов, втянута в плечи. Полет же чуть рыхловатый, но уверенный.

Зимой ястребиная сова занимает верхушки высоких елей. Устроившись поудобнее, и жмуря глаза от скупого розового солнца, она важно выпячивает серую в пестринах грудку, выламывает острые крылья и сильно надувается, так что ее легко можно спутать с неясью. Изредка перелетая с одного дерева на другое, сова повторяет по нескольку раз одни и те же движения и только потом успокаивается.

Застыв омертвелым сучком, она может просидеть, не шелохнувшись очень долго, так что не сразу заметишь ее, идя по лесу. Но несмотря на свои незначительные размеры и спокойное поведение, сова всегда имеет грозный нахохленный вид и хищно загнутый книзу ястребиный клюв, что и послужило, наверное, поводом для ее названия. Ястребиная цепкость проявляется в птице с наступлением темноты или когда ее настойчиво допекают.

Почувяв что-либо подозрительное, ястребиная сова открывает всегда настороженные веки и начинает беспрестанно мигать ими, время от времени покручивая по сторонам головой. Делает сова это так, словно у нее нет шеи, или, по крайней мере, она ей нисколько не мешает. При необходимости она может вращать головой вокруг своей оси, что, впрочем, присуще всем совам, но вот необычность ее проявляется именно в отсутствии боязни перед открытым пространством. С наступлением дня ястребиная сова как будто ищет возможность поскорее очутиться на вершине самой высокой березы, усестся там поудобнее, и замереть. Филин, воробьиный сыч или неясень норвят держаться поближе к чаще, а ястребиная сова, наоборот, на всеобщем обозрении.

С наступлением темноты она, как ястреб, сидит и остекленелым взглядом цепко высматривает свою добычу. Когти ее то и дело поджимаются, клюв напряженно вздрагивает; сова, несмотря на небольшие размеры, выглядит очень устрашающе. Однажды подстреленная мной для пополнения коллекции краеведческого музея, сова, не разжимая когтей, провисела вниз головой около двух часов, пока я не перестрелил ветку, в которую она вцепилась. Дал Бог сове когти, только б не нас драть!

Оживляясь под вечер, днем сова выглядит безобидной. К ней легко можно подойти на очень близкое расстояние, и ее никак не заинтересует чужое присутствие. Тем не менее, сова не любит чьего-либо соседства и всегда держится обособленно, это касается и ее сородичей. Никогда мне не приходилось видеть двух или более сов вместе. Словно эти загадочные птицы

обречены на вынужденное отшельничество, по-видимому, вполне приятное им самим.

Это подтверждает и такая их черта, как неразговорчивость. Все совы — закоренелые молчуны, если не считать изредка доносящегося из темноты леса гулко-го бубуканья, которым взрослые зачастую пугают непослушных детей. Для лесных обитателей подобное уханье может служить сигналом спасения от затаившегося в лесной глуши хищника, а для самой совы — определением места нахождения очередной жертвы. При обладании развитым лицевым диском и острым зрением ночной птице не составляет труда овладеть необходимой добычей.

В бесконечных хождениях по лесу я за свою жизнь встречал немало сов, и все они выглядели очень занятыми, но самой необычной оставалась ястребиная. Однажды осенью, в сгущающихся вечерних сумерках, я набрел на такую сову, которая вела себя, можно сказать, вызывающе. Сова то и дело крутилась, смешно передвигалась по суку, прихлопывая себя по бокам крыльями, и издавала громогласный якающий звук, никогда не слышанный мной у сов. Я бы не смог его воспроизвести и, конечно, не запомнил, но впечатление от него осталось такое, будто сова выказывала недовольство по отношению ко мне и одновременно утверждала себя. По всему было видно, что это для нее очень важно.

Сова долго преследовала меня, и когда я отходил от нее достаточно далеко, она бесшумно срывалась мне вслед, догоняла и, залетая несколько вперед, усаживалась на ближайшей верхушке. Сова выглядела такой озабоченной, что я долго не мог двинуться с места и все стоял и смотрел, как она с каждым мигмом преображалась. Судя по ее виду, она готова была вот-вот вцепиться своими ястребиными когтями и клювом в то, что не подчинялось ее воле или оставалось непонятным, а может быть, просто играла. На правах полновластной лесной хозяйки сова вела себя самоуверенно еще и потому, что обладала удивительным слухом: оживающий к ночи лес наполнился различными шорохами, и они будоражили ее разбушевавшееся воображение.

От переполнявшего сову возбуждения, восприятие её, конечно, обострялось, и, принимаясь за свое ночное дело, сова полностью преображалась, уже не напоминая замершие по дневным опушкам и пустошам неприметно-безмолвные столбики. Ночью лес обнажал свои скрытые тайны, а сова становилась самой собой: неподражаемой, удивительной и такой же таинственной.

Как-то зимой ястребиная сова даже угодила мне в руки... Сильно напуганная чьим-то неудачным выстрелом, она сидела, не мигая, в глубоком сугробе, и я сначала подумал, что сова неживая. В ней чудилось нечто колдовское, тогда как все окружающее воспринималось естественно: заснеженные ели, легкий розовый отсвет заходящего солнца, еле угадываемая суeta клестов и дятлов в замороженных ветвях...

Даже в руках сова очнулась не сразу, а какое-то время еще оставалась недвижимой. Отрешенно выпуклые глаза нацелены в одну точку, клюва почти

не видно в перьях надувшейся груди, но когти судорожно напряжены: мгновение — и вонзятся... Но не вонзились.

Сова моргнула раз, другой, и вдруг заклокотала. Тело ее встрепенулось, ожило, и птица так обезоруживающе открыто глянула на меня своим остановившимся взглядом, что я на секунду отпрянул. Но в следующий миг уже был спокоен, да и сова тоже как-то быстро успокоилась и притихла, смешно наклонив голову набок.

И тогда я вспомнил древнее поверье: кому удастся заполучить живую сову, тому будет сопутствовать счастье. Мне хотелось как-то помочь этой сильной птице, сейчас оказавшейся слабой, но не примирившейся. При всем своем свирепом виде и недовольном клокотании, сова выглядела жалко, даже немножко забавно, и я, осторожно выпустив ее из рук, вдруг почувствовал, как после прикосновения к этой необычной птице и сам стал казаться себе необыкновенным.

Незнакомый заяц

Ни один зверь у нас в народе не пользуется такой популярностью, как заяц. Редкая сказка о русском лесе обходится без него. Всякому попадался он в руки, и всякий знает его по наружности, но, несмотря на это, не многие хорошо себе представляют образ его жизни.

Зайца обычно воспринимают кротким, трусливым или просто неприкаянным простофилей, но иногда он выказывает совершенно противоположные свойства. Говоря о его неприкаянности, забывают о смекалке; вспоминая робость, не учитывают задор. Очень часто приводят в пример бегство как явный признак трусости: мол, цена зайцу — две деньги, а бежать — сто рублив!

Да только бежит он не от страха, а к воле. Когда заяц убегает от своих преследователей, надо помнить, что у него нет другой возможности спастись. Но если, все же, кто-то настигает косога, то ему суждено испытать на себе силу заячьих лап. Заяц умудряется нанести серьезные раны человеку, взявшему его за уши, а отбиваясь от хищных птиц, он нередко падает на спину и, брыкаясь, когтями сильных задних лап выпускает внутренности своему обидчику.

Охотников до зайца — не перечесть: это и вечно голодный волк, и хитрая лисица, и коварная рысь. Гордо реющий в поднебесье ястреб высматривает себе добычу, бесчисленные совы только и ждут случая применить свои страшные когти, и паратые гончаки травят зайца в стремительном исступлении. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собак, чутье и лукавство лисиц, кровожадность волка и совы, дурная погода с дождями, холодом и разными стихийными бедствиями пощадят нашего горемыку, то за преследование косога принимается, со всей присущей ему изворотливостью ума, человек: ставит капканы и петли, строит облавы,

догоняет выстрелом... Куда бедному зайке деваться?!

Вынужден он ото всех убежать и не терять при этом головы. Только минует беда, а он уже опять веселится, прыгает, играет, и дела ему нет до волка с его зубами, хитрой лисы или неустанного в своей злонамеренной изобретательности человека. Нет зайцу равных среди зверей по отходчивости характера и природной простоте... Ровно медведь ему дядей в лесу, а медведица — теткой приходится!

Более всех зверей оказался приспособленным к жизни в лесах заяц. Зимой — белый мех и широкие мохнатые лапы, словно валенки, которые позволяют ему легко перемещаться по рыхлому снегу. Летом, — будто запеченная на солнце шляпка подберезовика, — шкурка, сливающаяся с корой деревьев и травой. К тому же заяц не боится воды, когда его вынуждает к этому обстановка. Он вообще очень быстрый и толковый зверь по части принятия единственно верного решения.

Пожалуй, никто так легко не чувствует и не понимает свою жизнь в лесу, как заяц. Неприхотливый с рождения, он рано научился прятаться, убежать и защищаться от лукавого зверя. Ему не надо объяснять, кто в лесу враг и кто друг. Он знает, где есть вкусные, сочные коренья и свежая вода, глухие места и солнечные поляны с мягкой травой. Ему ведомы тайны диковинных запахов. И еще он знает, что недолог заячий век, и нужно быть очень ловким, смелым и осторожным, чтобы как можно дольше продлить его и оставить после себя потомство.

Из всех органов чувств у зайца наиболее развит слух, что, впрочем, видно уже по его большим ушам. Трудно поверить, что зайца пугают знакомые с детства звуки: шум леса, треск проходящих мимо медведей, неожиданные взлеты рябчиков и глухарей. Его настораживают лишь незнакомые и странные шорохи, резко доносящиеся или чуть слышимые. И заяц, побеждая страх, без конца изучает все звуки и запахи, чтобы, встретив их в другой раз, уже спокойно убежать от греха подальше или вообще не обращать внимания.

Каждый заяц, наверное, бывает по-своему отличен: один доверчив и обходителен, другой — неуживчив, злобен, третий — пуглив... Этот — умен и понятлив, а кто-то глуп и безрассуден. Иной всегда весел и доволен, да и без капризных никак не обойтись. Только все-таки не встретишь среди лесных жителей зверя более добродушного.

У каждого зверька — своя выгода, которая хоть кого-нибудь да потревожит, но заяц — сам по себе: не хитрит, не крадется, умысла тайного не вынашивает, на чужое не зарится, если только созорничает порой, на огород заберется, а чуть что — стремглав восвояси. Нет более простого и славного зверька в лесу, и как бы ни окрестили зайку, ему всё нипочем.

Есть у него и свой замечательный ум, проявляющийся в необыкновенной осторожности, внимательности ко всему окружающему, сметливости и быстроте, с которой он запутывает свои следы. Маленький, беленький, по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык, неприхотливо ковыляет в своей жизни неунывающий зайчишка: всякому доступен, да не всяк достанет!

Заяц — удивительно своеобразный зверек. Даже убитый, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы, и все кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит... Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в мартовском плотном снегу глубокие ямки, что открывает в зайце нечто неизведанное.

Где-нибудь под охорашивающейся елочкой, в глубине леса, выбирает косою приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело замирая и озираясь, забавно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не приметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине. Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступившей в природе твердости, которая откровенно оголяет и без того мало защищенную заячью жизнь.

Но вот зачем зайцу рыть подобные ямки в утрамбованном снегу, и не где-нибудь в поле или в лесу, а прямо на дороге, — остается полной загадкой. Неоднократно натыкался я на такие углубления по накатанным до блеска обочинам, видно было, что зайцу рыть их очень трудно, но тем не менее он не оставлял свою затею и достигал значительной глубины. Лесовозы с небольшими интервалами снуют по дороге и днем, и ночью, а зайцы не прекращают своих усилий, и то там, то тут натыкаешься на большие и маленькие ямки, как будто зверьки стремятся докопаться до чего-то, но что это — остается непонятным.

Заяц, кажется, никому не несёт худа и даже не держит намека на это, но есть в его поведении черты, которые порой выявляют нам совершенно незнакомого зверя...

Ночуя как-то зимой у одного знакомого егеря, я, к немалому удивлению, обнаружил у него за печкой, в большой картонной коробке, живого зайца. Заяц какое-то время не хотел выходить, лишь изредка оттуда доносилась его возня, но вскоре он покинул свое укрытие, повел розовым носом и неуверенно проковылял к середине избы. Мы сидели и молча наблюдали, что заяц предпримет, а он вдруг встал на задние лапы, оперся передними в мое колено и глянул в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверек, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, мне просто стало не по себе...

Тупой, застывший взгляд неожиданно обозначил в зайце его необъяснимую темноту, мало того, какую-то жуткую остекленелость, отсутствующую у других зверей: медведя, волка, рыси, лисы, в чьих глазах всегда чувствовалась осмысленность. Взгляд зайца вынудил посмотреть на него с опаской, после чего во мне уже не осталось той безотчетной легкости и благодушия, с которыми я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца

вдруг стала мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства приподнятого восторга, что охватывал раньше.

Заяц показал себя с совершенно другой стороны, стал в моем представлении каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и я уже начинал относиться к нему с оглядкой, не в силах забыть этот остановившийся, отупелый взгляд, отображающий неизведанную звериную душу. Заяц молниеносно потерял в моем воображении с детства укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и приобрел в своем образе нечто неизъяснимое, что скорее испугало, чем развеселило.

Отвратный запах, что оставляет после себя этот обаятельный с виду зверек, когда его держат в домашних условиях, тоже не идет ему на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу заюшки-горностаюшки в уютной шубке, вычищенной снежком и морозом. На деле заяц оставляет после себя совершенно непереносимый дух, отчего в самом скором времени теряет свою былую привлекательность, и как бы хорошо к нему не относились дети, от него приходится избавляться... Заяц хорош в лесу, где обретает свое лицо и, как ни странно, опять становится всем понятен. Но вот рядом с людьми он начинает казаться им нечистоплотным, злым и каким-то не привлекательным колченогим существом.

В обычное время осмотрительные, не показывающиеся на глаза, по весне зайцы словно теряют голову, забывая о какой-либо осторожности. Они так увлекаются в неудержимом стремлении показать себя с самой неожиданной стороны, что совершенно дуреют. Зайцы, к примеру, начинают ошалело носиться по окраинам полян и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается гомоном, писком, так что заяц в порыве страсти может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав. Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, он порой доводит себя до такого отчаянья, что уж ничего, кажется, не боится, а вернее, не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом да свистнешь изо всех сил чуть ли ему не в ухо, то зверь сначала оторопееет, затем с него слетит вся эта весенняя спесь, и сделается он опять робким зверьком...

Так однажды выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался во всю прыть прямо мне под ноги. Остановившись, я стал наблюдать, чем все это закончится, и заяц, чуть приподнявшись на задних лапах, тоже замер. Когда я шевельнулся, зверек как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать круги по поляне, словно, и не замечая моего присутствия. Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно и почему он меня не боится?

Очень странное и двоякое чувство вызывает весной и линяющий заяц.

Сверху еще белый, каким его все привыкли видеть зимой и полюбили, с черными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится совсем неопрятным и жалким зверьком, у которого старая свалявшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, отчаянно гонящегося за длинноухой красавицей, он превращается в неловкого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять, незамеченным, через распутицу-дорогу да поскорее скрыться от чужих глаз в хвойной чащобе. Грязновато-белый, как последний снег на темной земле, заяц в эту пору будто норовит задержаться и в тоже время поскорее сбежать.

Вдобавок, по весне заяц проявляет, казалось бы, совершенно не присущую ему жестокость, когда остервенело обихаживает понравившуюся ему зайчиху. В приступе проснувшейся в нем страсти он способен доставить ей массу неприятных хлопот, выдирая когтями у нее со спины целые клочья шерсти, а то и хвост! Нелегко даются бедной зайчихе его весенние ухаживания, и разве не задумаешься после этого о том, так ли хорошо мы знаем зайца?!

Вот такой он, скорее незнакомый многим заяц-серые уши, от которого поп за куницу отказался, дьякон — за лисицу, и только пономарь-горюн им не погнушался, да и тот больше по невысокому званию своему. А ведь и по заячьему следу, говорят, доходят до медведя!

БЕРЛОГА

Приходилось ли вам стоять у чела берлоги, в нескольких шагах от него, и без ружья? Можете себе такое представить? Когда мне ещё не привелось оказаться в подобной ситуации, я боготворил смельчаков, что на это решались, даже не воображая себя на их месте: до того жутко было осознать пробуждение медведя рядом с собой, в непосредственной близости, представляя, как он выбирается на свет божий и накрывает тебя тёмной мохнатой тучей...

Разве хватит у тебя стойкости не отпрянуть от натиска грозного лесного исполина, думалось мне, и выстоять перед этой дикой звериной мощью? А когда-то бесстрашные охотники хаживали на медведя с рогатиной, в одиночку, обладая непоколебимой выдержкой и отвагой, и не принимали такое лихое дело за подвиг! Причём, брали зверя на берлоге не по разу, десятками, не теряя ни на миг твёрдости духа, словно обращаясь в камень. Хотелось бы мне познакомиться хотя бы с одним таким героем, чтобы разузнать о секретах его храбрости, и о том, как отыскать место залегания медведя на зиму, что для этого необходимо знать, а ещё бы самому поучаствовать в охоте на берлоге, не убивая зверя, просто, хотя бы, присутствуя при том, как он встаёт ото сна и приходит в себя, переживая своё перерождение...

Хотелось почему-то представлять медведя своим другом, что хоть и живёт в лесу, но близок тебе по духу, очень симпатичен своими косолапыми повадками... Мечтается тебе, как и мышке, пройтись вразвалочку по укромному заповедному лесу, ощущая в нём себя полноправным хозяином, выискивая ягодки и сочные коренья, лакомясь вкусными муравьишками и сладким диким мёдом. Вообразить себя, хотя бы ненадолго, обаятельным зверем-недотёпой чудо как хорошо! Но когда медведь залегает на всю зиму в берлогу, а само слово это означает «грязное место», станешь ли представлять и желать себя им?!

Лежит медведь в берлоге, не умываючись, и декабрь, и январь, и февраль, пока ему мартовская водичка штаны не подмочит, и видит сны, в которых он без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко... Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до любимой сладости так, что не боится шкурой откупиться.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом – бежать... Даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне лапой от них отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях...

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт – не парит, переломит – не тужит. Рябинушка сочная от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается...

Спит медведь и видит свой любимый угор, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство неизменное – муравейники. Как вырастают они под древними елями кучами невообразимыми: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес приноравливает...

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать и кисленьким при этом закусывать. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосёт, что на неё во снах муравьёв и мёд намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны сыт и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую – на другом, а когда просыпается и с боку на бок перворачивается, то только палец сососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь

потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула...

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. Потому, косолапый, и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче ему перележать её в берлоге, чем преодолевать со своим весом в гибельных сугробах.

И как подумаешь обо всём этом, то опять захочется побыть медведем, сосать в берлоге свою лапу, отчего сон ещё слаще становится, и так сердечно и просто бытие своё человеческое представляется от этой воображаемой лесной сказки, что счастливо причмокивая губами, ты в мыслях тоже радостно перевернёшься на другой бок, и это означает – зиме половина отпущенного ей срока осталась, метели да вьюги более усердно принимаются кружить над твоим и мишкиным обиталищем, и сказка лесная ещё правдивее выходит, занимательнее...

И вот, оказываешься ты однажды перед этой самой берлогой, пришло для этого время, и тебе, уж ты знаешь наверное, не миновать столкновения со зверем... По крайней мере, если он даже выскочит не на тебя, ты всё-равно его увидишь, переживёшь этот завораживающий миг слияния с вековой лесной тайной, и если не спасуешь, то откроется в тебе нечто, тебе ещё неизвестное, что только спало, и пробудить его привелось медведю, которого ты невольно потревожил на берлоге...

Когда у тебя охотничье сердце, и оно полностью захвачено жизнью леса, трудно избежать охоты на берлоге, к тому же, она тебя сама находит, если ты к ней готов. Не секрет, что люди, берущиеся за организацию такой охоты, особой масти, они уже давно научились принимать лес, как свой родной дом, но уважают в нём всякое живое существо, будь это хоть мышка-малютка. Добыть медведя – задача для них, конечно, первостепенная, но и обставить эту охоту они намерены по всем правилам охотничьего искусства, извлекая из всего происходящего максимум удовлетворения. Добиваясь тщательного подхода к обустройству этого серьёзного дела, охотники на берлоге, в первую голову, всегда думают о самом медведе, что это – необычный зверь, неспешно шатающийся в поисках пищи по лесу, иной раз, даже представляющийся забавным недотёпой, а грозная сила, обладающая необыкновенной мощью и смекалкой, не ко времени оказавшаяся растревоженной, и как она себя поведёт, никто не знает...

Не знает, наверное, и сам медведь, только что пробудившийся от долгого сна, хоть и находится в родимом лесу, да разве разумеет он что-либо в момент поднятия его с берлоги, посреди зимы? Медведь ложится в неё почти на полгода, прежде обстоятельно отыскав удобное для этого место, даже не предполагая, что его кто-то решится потревожить, и вот, вдруг, сладкий сон косолапого прерывается, и что он при этом может чувствовать? Должно быть, большое недовольство, а ведь в берлогу ещё залегают и медведицы, что рожают в её уютном тепле медвежат...

Как такая мама способна повести себя, ежели кто-нибудь покусится на её покой, и значит, на жизнь малышей? Даже не поверится поначалу, что где-то в таёжных северных лесах, в самой утробе января, появляются на свет милые зверёныши, и мать заботливо кормит их во сне молочком, а над берлогой метели наносят великие сугробы. Такова сказочная зимняя повесть, рождающаяся в засыпанном снегом диком лесу, и особенно удивительно, что когда нам пришло время отправиться на берлогу, подготовленную егерем, в ней оказалась именно медведица... Но всё по порядку.

Момент, когда из берлоги показывается косматая голова, как ни странно, не впечатляет так, когда живёшь ожиданием появления зверя... Выберется ли он из берлоги в считанные секунды и надвинется на тебя грозовой тучей, или появление его окажется непредсказуемо медлительным, так что зверь покажется не сразу, впопыхах, а неторопливо, ещё толком не придя в себя, тебе неведомо... Может быть, он, выкарабкавшись из своего убежища, метнётся, стремглав, в спасительную чащу, не обратив внимания на людей, лишь бы спасти свою шкуру? Такие случаи бывали, и потревоженная лесозаготовителями медведица, ещё одуревшая со сна, даже бросала малышей, убегая подальше от берлоги, и уже не возвращалась... При охоте на берлоге вероятны самые непредсказуемые ситуации...

Как всё будет? Тысячи вопросов проносятся в голове, не успевая запечатлеться, и оттого то, что представляется – постепенно смешивается в сплошной сумбур, и лесная картинка происходящего там, с тобой и товарищами, никак не вырисовывается, скорее, смазывается, превращаясь в сущий хаос. Но нет, тут нужно собраться, и действовать не по прочитанным увлекательным книжкам, а по указанию распорядителя охоты, главного в ней человека, что уже не раз бывал на берлоге медведя и спокойно объясняет самое необходимое, без чего не обойтись.

Это – старый медвежатник, уважаемый всеми знаток леса, Учитель... Без него в охоте на берлоге ничего, действительно, не сложится, и таковым являлся для нас Юрий Николаевич Ушаков, почётный охотник с многолетним стажем, таксидермист Областного Краеведческого Музея...

Накануне охоты, с вечера, мы остановились в избе местного егеря, Фёдора Степановича. Его супруга, Валентина Ивановна, поставила на стол самовар, пироги с ватрушками, и сразу стало тепло и уютно. Мы все собрались у карты района, и Фёдор Степанович показал нам квадрат, где

залёт медведь. По его словам, недалеко от дороги, но придётся переходить лог...

- Выйти на медведя не мудрено, - рассказывает Юрий Николаевич. – Лесной боярин спит крепко, его ещё разбудишь не сразу. Порой постараться приходится, но защищать себя ты сам должен. Будь крепок, не робей, будто ты стреляешь по рябчику, пусть владеет тобой только интерес к лесу и медведю, больше ни о чём не думай. Выпадет счастье, что хозяин выскочит на тебя, помни: в твоих руках ружьё, а не рогатина, с какой брали зверя на берлоге наши предки. Сумел бы ты с ней обойтись в таком хитром деле? Тот, но у тебя имеется механизм разрушительный, с пулями спасительными, и потому – нечего бояться. Не стой межевым столбом, стойкость – в умении не терять головы, когда страх одолевает.

- Ну, а как подшумим его раньше времени, - спрашивает водитель Федя, - он уж непременно уйдёт?

- Может и в твою сторону спросонок броситься, кто ж его медвежью душеньку разберёт... Точно предусмотреть охоту на Михайло Потапыча никто не в силах. Но зарубить себе на носу каждому следует на верное: если хочешь оставаться только свидетелем – недалеко и до беды. Какой же ты тогда медвежатник?!

- Впервой-то, поди, всякому не сладко! – с опаской замечает Федя.

- Значит, стояли вместе, а побежим врозь?

Федя в задумчивости опускает голову.

Юрий Николаевич знает дело туго, долго рассусоливать он с нами не собирается, и от понимания того ответственного дела, на которое мы решились, все приходят в доброе возбуждение...

Тут надобно заметить, что охота на берлоге, действительно, дело особенное, и оно не терпит лишних людей, ибо каждый участник оклада должен находиться на своём месте, всему в этой охоте свой час и разумение, и без тщательного инструктажа, а ещё лучше – опыта, глубинного желания проникнуть в тайны леса, решаться на неё нежелательно... Горе, если кто-то несерьёзно отнесётся к значимости происходящего действия, не учтёт важность такого события, потому как лесной воевода шуток не признаёт, и позволить себе допустить оплошность человек не вправе: ценой ей будет его жизнь. Ну, а трусу на медвежьей охоте делать вообще нечего. Тут требуется именно стальной характер, спокойствие духа и непоколебимая любовь к лесу.

Ничего этого тогда у меня не было, ну, может быть, только отчасти, и лишь любовь к лесному царству переполняла все мои чувства и мысли. Я ещё не понимал, что в охоте на медведя важно не то, что ты думаешь или знаешь, а то, что и как ты делаешь, оставляя после себя в своих поступках, и если решился побывать в охоте на берлоге, конечно, честь тебе и хвала, но и спрос будет велик. Истинное мужество, как раз, не взять лесного исполина на берлоге, проявив, будто бы, неслыханную отвагу, а знать, что при случае действительно окажешься нестигаемым и не растеряешься, если от тебя

потребуется решительность, но, всё же, без надобности не причинишь никому вреда.

Вообще, моё отношение к медведю такое: представляя скитающегося в лесной чащобе косолапого, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя. Нередко случалось мне встречать медведей и в нашем лесу и на Дальнем Востоке, но ни один из них ни разу не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком. Разве не подумаешь при этом: каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу со зверем, пусть даже с таким величественным и сильным, как медведь, не покусишься на его жизнь и не испугаешься, а заговоришь с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

Вот и Юрий Николаевич поведал нам об этом так же доходчиво и прямо, без затей:

- Столкнувшись с медведем на лесной тропе, не смотри ему в глаза дерзко, а взгляни доброжелательно и покойно, не тая дурных мыслей. В твоих глазах медведь должен увидеть почтительное отношение к нему, чем и укрепишь в лесном хозяине уважение к себе. Так и утвердится между вами понимание.

- Не очень-то в такое верится, - озабоченно произносит Федя.

- А ещё лучше, - добавляет Юрий Николаевич, - поздоровайся с ним по-хорошему, просто:»Доброго здоровья тебе, медведишко!» И медведь, если он не подраненный, не шатун, непременно примет человека, хоть для острастки и рыкнет. Мол, более не приближайся, и того расстояния между нами довольно, чтобы сохранить радушное отношение друг к другу.

Да, думаю я, отправляясь на встречу с медведем, следует, похоже, запастись не только отчаянной смелостью, но и благоразумием, даже – покоем в душе. Если весь взвинчен от охватившей тебя страсти – к зверю нечего соваться, а вот если сохраняешь душевную твёрдость, состояние некоей непоколебимой тишины, в котором находишься постоянно, к медведю можно обратиться лицом, тогда и он тебя уважит...

Впрочем, медведи, как и люди, разные по характеру бывают: одни – заполошные, столкнувшись нос к носу с человеком, с перепугу не знают, куда деваться, а одумавшись – тотчас бросаются в чащу; есть любопытные, при встрече с неизведанным, они приподнимаются на дыбы, и, сложив на груди лапы, пристально всматриваются – что их потревожило, бежать при этом и не думают, проявляя, скорее, интерес; попадают, конечно, и злого нраву, тем лучше вообще не показываться, ибо вмиг кинутся и задерут: разве разберёшь, что у зверя на уме... Вот почему с медведем нужно быть очень сторожким, не нести в себе раздражения, а значит – боязни.

Всё, что может противопоставить человек медведю, это – единение с ним и природой, вы должны оба находиться на одной волне спокойного восприятия окружающей вас действительности, и никак иначе. Страх перед зверем – это лишь предполагаемое вами развитие событий, то, что ещё не

случилось, но вы его уже себе представляете, и неминуемо выявляете в собственном поведении. Медведь не может этого не почувствовать, и тут уж всё зависит от его характера. Он, конечно, простоват, бывает даже боязлив, но ведь это зверь! Кстати, не зря среди лесовиков бытует примета, будто бы медведи попадают очень часто лишь тем, кто не ищет с ними встречи.

- Ну, а где чаще всего залегает мишка? – с интересом спрашивает Федя.

- Медведь, если не находит удобный выворотень, часто довольствуется несколькими ёлочками в человеческий рост, растущими кругом, обдирает вершинки с сучьями, устраивая подстилку из них, а находящиеся рядом деревца надкусывает так, что подломленные макушки укрывают его лёжку сверху... Получается что-то навроде шалаша, а снег превращает это неказистое сооружение в настоящий шатёр, - с расстановкой, спокойно, разъясняет Юрий Николаевич. – Что у медведя на уме – одному Богу ведомо! Бывает, на поваленных в бурю деревьях постель себе устроит, а то и в стоге сена заляжет, оставленного на лесной поляне на зиму. Живёт, косолапый, своим домком, потому как своеобразен умком...

- Всяк своим умом живёт, а уж медведь – на особинку, - оживляется Фёдор Степанович. – Не поверите, залёг у нас однажды прямо возле деревни: все мимо ходят, собаки облаивают, ребятишки на лыжах катаются, лошади сено с дальних покосов возят, в одном и том же месте беспокойно всхрапывая, а никому и невдомёк, что у них под боком сам хозяин тайги на зиму устроился. Так, до весны, и пролежал! Ума-разума много, да вон нейдёт: попробуй-ка разбери божьи дела!

- Зато привычек своих не меняет, - не перестаёт наставлять нас Юрий Николаевич, - почти всегда ложится головой к челу, а чело медведя чаще располагается на южную сторону, и потому подходим к нему с севера. Тут многое ещё зависит от погоды: в мороз зверь менее чуток, но сейчас оттепели, и надо быть внимательнее. Он и берлогу-то разыскивает, всегда направляясь с юга на север....

- Медведи обычно устраивают берлогу под комлевой частью дерева со стороны ствола, а не там, куда выступают корни, - поучает уже Фёдор Степанович, - и потом подкапываются под них, обкусывая. Наша берлога, скорее всего, именно такая, и зверь, наверное, устроившись под корнями, сразу не выскочит. Лучше вставать прямо за стволом, и тогда медведь высунется под выстрел, показав сперва затылок. На это его и брать.

- Значит, остальным нужно быть начеку по бокам, - спокойно замечает Юрий Николаевич, - с восточной и западной стороны. А на затылок очков не напялишь, это верно.

- Бывает и так, что не всё по затылку, ино и по головке надобно погладить.

- Медведя хоть гладь, хоть бей, всё одно – зверь, с него взятки гладки.

- Скорее бы уже утро, - ни с того ни с сего оговаривается Федя.

- Не спеши жить, придёт смерть, скажешь: рано! – с укоризной замечает Фёдор Степанович. – Неровён час, доспешись до греха...

- Как же устроить так, чтобы вышло всего вернее? – плохо сдерживая волнение, вопрошает Федя.

- Осторожить наше охотничье войско караулами! – весело восклицает Юрий Николаевич.

- Не спехом дело спорится, а толком, - опять наставительным тоном поясняет Фёдор Степанович. – Наши деревенские мужики однажды такую штуку удумали... Срубили заранее несколько трёхметровых ёлок и засунули их вершинками вперёд, прямо в виднеющееся под завалом чело. Разбуженный медведь, ничего не понимая, начал бороться с этими ёлками, то втягивая их в берлогу, то стараясь вытолкнуть наружу, а верхушки растопыриваются ветвями, мешают медведю выбраться, между тем, как отверстие расширяется, и охотники имеют возможность лучше подготовиться для верного выстрела... И ведь сработало!

- Но ведь зверь, разбуженный таким образом, находится в невыгодных для себя условиях, - говорю я. – Он не может разобраться – что происходит, и просто сбит с толку. Не лучше ли, чтобы его пробудил естественный звук – хлопок в ладоши, стук палки о дерево или окрик?!

- Так-то оно так, да только иной раз стучи-не стучи: сидит дед на печи! – строго объявляет всему нашему охотничьему воинству Юрий Николаевич. – Чего только на охоте не случается, вот и Михайло Потапыча иной раз нипочём не добудиться: хоть кричи без умолку весь божий день, хоть бей его в лоб! Приходится на пустом месте пароход изобретать...

Как верны были слова Юрия Николаевича, мы удостоверились лишь позже, но накануне охоты любое его высказывание, как и Фёдора Степановича, подвергали сомнению, желая дознаться правды. Бог велит всё и всех знать, но кому знание запросто так давалось?

- Зимний день короток, - поясняет Юрий Николаевич, - но выходить на берлогу будем ближе к полудню, зверь ночью более чуток, чем днём. Да, к тому же, погода пасмурная, а Топтыгину крепче спится в мороз, и в светлое время он скорее в такую погоду забывается в дрёме... Позже зачнём, быстрее развяжемся!

- Умело подойти к логовищу тоже имеет немаловажное значение, - вторит ему Фёдор Степанович. – У нас к берлоге, по всему кругу, примыкает лес, и медведь может скрыться с глаз на первом прыжке, так что придётся приближаться к нему вплотную, почти в упор, не выпуская из берлоги, а стрелять за ухо или в затылок, как и условились. Здесь твой опыт, Юрий Николаевич, пригодится, мы же с ребятами по бокам замрём...

- По себе знаю, что хуже всего, когда медведь лежит в закрытой берлоге, в густых зарослях, не показываясь сразу охотнику, и вылетает из неё пулею, - досадует Юрий Николаевич. – Не успеешь и осадить...

- Там, куда направляемся, чело с трёх сторон открыто, с севера только старая ёлка, так что пятачок какой-никакой имеется... Первое дело – не робеть, выскакивает зверь на удивление ловко, и тут тебе две воли: чья сильнее, та и возьмёт

- По чести, так чья лесная доля, того и воля, - поправляет Юрий Николаевич. – Для охотника же на бою – одна Божья милость...

- И всё-таки, приходится стрелять толком не отошедшего ото сна зверя, - с робкой укоризною, будто противится всему сказанному Федя. – Ладно ли?

- Лады, конечно, всего дороже, но медведь в берлоге – не притаившийся на днёвке косою, которого сначала стронули, а потом стреляют, - доходчиво объясняет Юрий Николаевич. – С ним никаких ладов не напасёшься! Он в один прыжок может огромное расстояние перемахнуть, и положить его с одной пули не всегда удаётся...

Не токмо с первой, но и со второй, и с третьей, - оживляется Фёдор Степанович. – А в прыгучесть его невероятную я долгое время никак не мог поверить, пока не натолкнулся по осени на свежий след медведя, пошёл за ним, и очень был удивлён, когда след прекратился, так как дорога пролегла по открытому месту, и звериного схода с неё я не обнаружил. Пригляделся – справа от дороги, метрах в семи-восьми, лежит старое бревно, за ним – порядочный бурелом, так вот медведь, ни сходя с места, сиганул на это бревно, а дальше ушёл верхом, по поваленным деревьям, я это потом по следам от когтей на них определил...

- Да-а, - продолжая тему необыкновенной ловкости медведя, произносит Юрий Николаевич. – Не тот бьёт медведя - кто хочет, а кто может.

Мы же с Федей сидим присмирившие, каждый по-своему воображая себе предстоящую охоту... Какой матёрый зверь выскочит на нас, и как это будет, - вопросы один за другим не перестают мелькать в воспалённом ожиданием уме, и я уже вижу, как разъярённый исполин тайги бросается напрямиком на меня и сгребает в свои могучие объятия... Что-то будет?!

- Если спокойно разобраться, то страшного ничего при охоте на берлоге нет, - вкрадчиво объясняет нам Юрий Николаевич, - коли ты готов к встрече со зверем...

- Как это? – не отступает Федя.

- Ну, тебе доподлинно ведомы его повадки, охотничья амуниция твоя в порядке, и все свои действия ты хорошо продумал. Как это, собственно, происходит и с любым другим делом, ежели ты внимателен и к себе, и к окружающей жизни.

- Жизнь, конечно, любит обстоятельное к ней расположение, - спокойно замечает Фёдор Степанович, - и оттого нужно относиться ко всякому живому существу с уважением, как и к нашему дорогому лесному воеводе. Мишук – зверь отходчивый, тоже беспорядка не любит, и когда ты с ним по справедливости, и он тебя не обидит. Но как тут быть, коли мы его в родном доме покою лишаем?!

- Что верно, то верно, - вторит ему Юрий Николаевич. – Приведётся встретиться с медведем на таёжной тропе, я уж об этом говорил, и тут всё зависит от тебя самого: либо схватишься за ружьё – и зверь на дыбы, либо заговоришь с ним по душам, ласково, выявляя лишь уважительное к нему отношение...Получится отыскать в себе слова правильные, добрые, и

выдержку отменную проявить, так что зверь поверит в твою искренность, то он ни за что не нападёт: отправится по своей лесной дорожке, а ты – по своей. Чего вам делить, если уважение друг к другу испытываете?

- А как же берлога? – заморожено вопрошает Федя.

- Сибирские охотники сказывают, что ежели выпала судьба заглянуть медведю в глаза, ни в коем случае не поворачивайся к нему спиной и не ударяйся в бега, а спокойно стой, либо по-тихоньку ступай ему навстречу: ни за что, будто бы, не тронет, - степенно утирая усы, добавляет Фёдор Степанович. – На логовище же медвежьем себя, главное, не теряй: медведишко, именно так к нему и след обращаться, вмиг в человеке страх примечает... Он в своём лесном доме, что оладья в меду.

- Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла, - шутит Юрий Николаевич.

- Вот-вот... Человеку всего и остаётся, что стать медведем, только в другой шерсти!

- Приключилась со мной однажды история, - улыбается Юрий Николаевич, - зашёл ко мне лешак неслышно сзади, да как рыкнет, я и пал ничком... Так дух перешибло, что языка своего не доищешься. Словом, унеси ты, Господи, моё горе!

- Тут, на сколько хватит терпению, лежи, - не удерживается от совета Фёдор Степанович.

- И не дыши, - продолжает Юрий Николаевич. – Медведь обычно подходит и нюхает, лапой попробует тебя перевернуть, но ты не шелохнись... Если нету уже никакого терпёжу – незаметно втягивай воздух, и, не двигаясь, продолжай лежать, пока мишка сам не уйдёт. Да только и тогда не срывайся с места как угорелый, а, не поднимаясь, сторожко оглядись, и когда уж убедишься, что зверь удалился – вставай... Вот я и покорился тогда своей судьбе, благо, чёрт косматый отступил...

- Оберёг тебя, ради Христа, лесной бог, - перекрестившись, заключает Фёдор Степанович.

- Но стоит, ей-богу, побывать, хоть раз в жизни, на медвежьей берлоге, чтобы самому, воочию, увидеть таинственное обиталище дремучего лесного зверя, - удовлетворённо произносит Юрий Николаевич. – Как он неприхотливо залёг на зиму под каким-нибудь выворотнем, что защищает его уютную лёжку от северного ветра. Ощутить этот утробный медвежий запах, несравнимое ни с чем переживание нахождения рядом с медведем в его родном доме, в любимом и тобою вековом лесу. Да только не легко пробудить в себе желание непременно встретиться с хозяином тайги, особенно – на берлоге, преодолев все опасения, и главное, страх перед этой неизведанной лесной силой. Но медведь страшит, а Бог милует!

И действительно, думаю я, как не крути, а из всех добываемых в лесу зверей медведь стоит особо. И в первую голову именно потому, что на всю зиму залегает в берлогу. Зверь большой и обиталище его не маленькое, хотя порой МихайлоИваныч укладывается спать совершенно бесхитростно, будто

его сон настолько сморил, что ему лень выкапывать берлогу, и он ложится просто так, в какое-нибудь незначительное углубление, или умащивается под корнями вывороченного ветром дерева. Так и проведёт всю зиму, и по деревьям бытуют рассказы, будто бы кто-нибудь из незадачливых лесозаготовителей даже проваливались в такую нехитрую берложку, и тут уж только на случай надеяться, чтобы Господь тебя спас. Но чаще всё-таки зверь тщательно подбирает себе место для зимовки, порой не раз сменит его, если ему что-либо не понравилось, и лишь затем успокаивается.

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Вот отчего позавидуешь медведю, и пожелаешь и себе обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы долгая зима была не в тягость, не ложилась на плечи тяжёлым бременем, а принесла бы к весне всё то, о чём мечтает душа...

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче. Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

Порой до конца апреля спит он в своём потаённом лесном убежище, так что уж шуба подмокает, но медведь всё равно не встаёт. И только когда совсем приспичит, день обгонит ночь, и в потёмках апрельской ночной тишины скрипнет под кем-то наст, с великой неохотой подымается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун...

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие месяцы остаётся почти не израсходованным, а как раз на период весенней бескормицы, когда зверь поднимается из берлоги голодный, и может отыскать в пустом лесу только самую малость личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разоренной норке бурундука... Вот тогда и спасает его накопленное сало, когда лихо стало.

- А как отыскать берлогу в таком огромном лесу? – озабоченно недоумевает наш сердобольный Федя.

- В стародавние времена охотники за медведем по первозимице ходили, - рассказывает Фёдор Степанович. – Как только снежку поднасыплет, мишутка отправляется к своей старой берложке, или отыскивает новую, и вот в эту пору охочие до зверя люди и прослеживали его тропы... По глубокой осени, направляясь к берлоге, медведь обязательно после себя оставлял чернотроп, по нему зверя и находили. Охотники замечали такие места зарубками по деревьям, давали зверю улечься, а приходили на примеченное место уже ближе к весне.

- Мишка, прежде чем уснуть, наламывает вокруг берлоги хворосту, лапник сосновый и пихтовый, - продолжает Юрий Николаевич, - и когда ляжет, так и навалит на себя сверху весь этот валёжник, оставляя дырочку для дыхания... Снег за декабрь заметёт берлогу, но дырочка никогда до

конца не затягивается, дух медвежий её подтапливает. Так и лежит Потапыч в своём уютном обиталище всю зиму, да лапу сосёт, горя не зная...

- Существует ещё такая звериная смётка, я и сам её не раз примечал, что медведь, прежде, чем основательно залечь, над самой берлогой заламывает верхушки ёлочек, даже, вроде как, стгрызает их, и по ним тоже можно определить его лёжку. Для чего косолапый это выделяет, ума не приложу!

- Причём, заеди эти можно встретить не у всякой берлоги, - примечает Юрий Николаевич.

- Для чего же медведь их делает? – вступает в разговор Федя.

- Для комфорту... Закусывая верхушечки ёлок, пробует их на вкус, и если понравятся, устиляет ими берлогу...

- А почему не у всякой берлоги встречаются эти заеди?

- Если ёлочки заедены, но берлога отсутствует, значит, кора с хвоей показалась медведю недостаточно ароматной... Удобство – всякому делу подспорье, а уж Михайло Потапычу и подавно!

- Шибко приметливый зверь, - соглашается Фёдор Степанович. – И «закуси» по вкусу выберет, и по весне, когда подымается с берлоги, ищет особую травку «прострел», чтобы удалить «пробку», окаменевший в заднем проходе кал... Берлогу, хоть она в переводе и означает «грязное место», мишка содержит в чистоте.

- Да и место это он выбирает очень тщательно: бывает, выроет не одну берлогу, пока всё ему не придётся по вкусу... Зима тёплая в начале выдалась – уляжется верхом, а ударят морозы – поспешает поближе к болоту с тёплыми ручьями... Медведица, ожидающая щенят, всегда устраивает берлогу поглубже, обширную, чтобы иметь возможность переворачиваться, когда начнутся потуги, да и малышам просторнее, а оставшиеся без матери пестуны, иногда их число доходит до четырёх, готовят берлогу вместе, если их не разъединила судьба, и так, гуртом, и ложатся...

Что же касается грязи, так куда без неё, коли всю зиму лежишь не умываючись, но, как говорится, грязь не сало, помял, она и отстала...

- Медведь умён так, что иной раз старшно становится! – вступает в разговор супруга Фёдора Степановича – Валентина Ивановна. Уж кому, как не ей, жене старого лесовика, не знать этого. – Меж людей ещё бытует поверье – ни в коем случае не поминать его по имени, пока лесной отшельник сладкому сну предаётся, чтобы он не услышал тебя, и не навлёт человек на себя беду...

- Ну, это – сказки, - усмехается Фёдор Степанович. – Пустая бочка пуще гремит!

- От деда своего, ещё в детстве слышал, как по старине крестьяне, чтобы медведя из берлоги вытравить, ловили зайца и подносили его, держа за уши, к самому челу, а затем принимались его щипать, отчего косою начинал пискляво голосить, и мишка, осерчав, просыпался... Даже лай собак не всегда будит лесного боярина...

- Ну, а чего делать, ежели, ни собаки не помогают, да и зайца взять негде? – с лукавинкой вопрошает Фёдор Степанович.

- Приходится тогда охотникам самим дремучего воеводу из его укромного обиталища подымать, и тут уж кто на что горазд...

Все улыбаются, лица покраснелись от печного тепла, доброй беседы и хозяйской снеди. Но надо и честь знать: поутру отправляемся на берлогу!

Ещё раз проверяем охотничью амуницию, ружья, всё, вроде бы, в порядке. Укладываемся на полу, у печки, где Фёдор Степанович заботливо расстелил нам свой старый зипун. Но я никак не могу заснуть, представляя, как всё сложится завтра, в незнакомом заснеженном лесу, и вспоминаю, как нащёл свою первую берлогу, но медведя не потревожил...

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошенного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы, да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, и дела ему никакого нет до её обустройства и чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прекратиться. Чуток должен быть человек к волеизъявлению Батюшки-Леса, что проявляется в зимних снах самого могучего зверя в нашем лесу.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушному к лесу человеку хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведаёт он этой встречи, неспешно бредёт по закраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вяжущий морозный воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно...

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты почему-то жаждешь поскорее с ним соединиться. Замечаешь вдруг, что верхушки ёлочек кем-то аккуратно заедены, а когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой тьмой, каким-то особым потаённым пространством...

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть происходящего, и только отверстие в снегу, обильно затянутое жёлтой куржавиной, приковывает внимание. С подступающей в груди захолаживающей дурнотой вдруг понимаешь: это – чело! Здесь, в каких-нибудь восьми-десяти шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин...

По чужим рассказам, какими бы занимательными и поучительными они не выглядели, отыскать берлогу, даже натолкнувшись на неё случайно, мало вероятно. Нужно хорошо знать всю округу, повадки зверя, может быть, даже наблюдая долгое время, неотступно, за каким-то одним медведем: как он и

где принаравливается залечь на зиму. Хорошо, конечно, иметь про запас добрую удачу, но лучше всего – особенное чувство леса, когда ты, благодаря этому же чутью, понимаешь, что лес давно принял тебя в свои объятия, ты в нём не переходишь допустимую черту, и переживаешь его жизненные ритмы внутри себя как свои собственные. Лес близок тебе, он – родное существо, и вот только при всём этом тебе однажды может повезти... Мне тогда повезло.

Мы тихонечко приближаемся к берлоге, все многозначительно помалкивают в присутствии нашего мудрого и многоопытного руководителя, повидавшего всякую жизнь человека, особенно – в лесу, и мне хочется думать, что какая-то очень важная истина нам непременно сегодня откроется... Мы идём на медведя!

Снег рыхлый, продвигаемся почти неслышно, и абсолютная тишина окутывает нас своей невидимой шалью. Над нами высятся угрюмые ели, их заснеженные верхушки не шелохнутся, и все мысли сосредоточены на бугорке под старой елью, что описал нам вчера Фёдор Степанович.

Находясь в предощущении того, что нас ожидает, воображаемый мною медведь отчего-то не нависает надо мной, как и величественные ели, косматой громадиной, с налившимися кровью глазами, а представляется совершенно спокойно и естественно обыкновенным могучим зверем, каким всем давно и хорошо знаком, со своеобразным, не похожим ни на кого характером, когда при малейшем шуме, производимым человеком, чаще всего бежит, потому как никогда никого не трогает зря, но не дай Бог помешать ему решительно, так как он очень не любит нарочито настроенных гостей, и тогда уж судит о жизни по своим нехитрым устремлениям, и если кто-то вторгается в его царство, властелин лесов, конечно, поведёт себя по-медвежьи... А мы, вот, решаем нарушить его покой...

Но как это – по-медвежьи? Пожалуй, непредсказуемо, и тут мы должны сами быть предсказуемыми, верными по отношению к себе, чтобы достойно отнестись и к зверю.

Стоя у берлоги, в заснеженном лесу, тебе открывается прекрасное мгновение твоего нахождения здесь, в нескольких шагах от спящего зверя, и хочется, чтобы всё это нетронутое пространство так и оставалось нетронутым, и никто бы не нарушил покоя зверя... Но как закрепить в себе желание этого навсегда, тогда как ты напросился именно на охоту, где медведя непременно должны подстрелить, иначе бы её тебе никогда не увидеть, не убедиться воочию в могучей силе и красоте животного, которому суждено погибнуть. Разве твоему растревоженному природой сердцу суждено успокоиться только через гибель зверя, глядя, как подстреленное животное мечется в предсмертной судороге и умирает? Не великая ли это плата за твоё знание, перенесённое затем на бумагу? Может быть, в тебе

живёт какой-то другой человек, для которого красота непременно связана со смертью, или это ты сам желаешь связать себя по рукам и ногам тем, что и обогатит и обездолит? Во имя чего такая цена, ради которой ты не в силах отказаться от убийства, и простишь ли ты за это себя когда-нибудь?!

И вот этот, другой человек, или ты сам, против всякого здравого смысла, как будто не себя, а кого-то уговаривает:»Упустишь мгновенье, и оно уже никогда не вернётся, и ты будешь вечно потом жалеть о том, что не использовал возможность поучаствовать в охоте на берлоге, пусть лишь в качестве наблюдателя...» И ты, конечно, даёшь слабинку, и убеждаешь себя, что подобная возможность не повторится, и хотя бы раз в жизни непременно следует попробовать то, что воображал себе ещё с детства. Так заразительна природа, что захватывает нас с малых лет своей сказочностью, и нет сил противостоять её обаянию.

Как урезонить в себе эту страсть, любуясь – не убивая, а только, может быть, представляя тот таинственный миг, в какой зверь подымается ото сна, и всё пространство вокруг него тоже просыпается: оживляются ёлочки, распростёршие свои пушистые ветви прямо над берлогою, облегчённо вздыхают наметённые за зиму сугробы, застрекочут-зацокают в верхушках деревьев белки, осыпая на зернистый снег еловую шелуху, а ещё выше – в выстуженном замершем небе, растревожено подаст голос ворон – «крундонн, крундонн...» Пробудится и сам лес, заходит-задвигается в нём нечто сокровенное, заключающее в себе его глубинное ведание, отчего и тебе является живая чудесная тайна, так зачем же её убивать?!

Так борешься ты с собой, но механизм охоты уже запущен, ты в ней согласился участвовать, и вместе с радостью, что предстоит увидеть и узнать, в сердце закрадывается и горечь, внутренняя дрожь от того, что суждено охотникам сотворить... Но нет сил отказаться, повернуть вспять, и, как не крути, придётся посмотреть зверю в глаза, чтобы жалеть потом об этом всю оставшуюся жизнь.

Ведь в каждом человеке живёт его истинное «я», до него бывает очень трудно достучаться, у многих это за всю жизнь так и не получается, и не пытаться достичь своей настоящей природы недопустимо. Без того, чтобы сначала потерять себя, а потом обрести, миг постижения, наверное, пережить невозможно, и именно там, у берлоги, я знал это точно, останется навсегда моё сердце, иначе не почувствовать себя частью этого мира, где отвечаешь за всё и за всех, и главное, за себя, чего бы потом с тобой ни случилось...

Сколько разных чувств и мыслей проносится в тебе в таком смятённом состоянии, когда, кажется, не принадлежишь себе, а какому-то совершенно иному, непонятному миру, что и манит, и тяготит... Освободиться бы побыстрее от всего, что мешает жить, чтобы ощущение свободы стало для тебя привычным состоянием, самым близким и дорогим, когда собственное открытие мира не угнетало бы никакое другое живое существо... Но не пройдя неизведанного – не стать свободным.

Так вот, теперь я без колебаний скажу, что тот, неизвестный человек, объявивший себя когда-то во мне, исчез, но сколько лет прошло, пока это мгновение наступило, и я почувствовал в себе, помимо восторженности, и правду бытия, подойдя к ней заслуженно, преодолев немало внутренних препятствий, и ОТЕЦ-ЛЕС сразу меня понял и принял. Нет уже того замирания духа от ощущения, что ты делаешь что-то не так, а есть глубокое и спокойное осознание слитности себя с окружающей природой, оно сейчас живо во мне навсегда, но тогда, у берлоги, я с трепетом ожидал для себя какого-то важного открытия, пребывая в смятении чувств, да только невозможно было этого миновать, не пережив в полной мере... Только так, через боль и препятствия, открываешь в своей душе царство прекрасного, и важно при этом себя не потерять...

И оттого неслучайно, наверное, мне не хотелось до конца предавать своё сердце, и так представлялось, что медведь выскочит из берлоги – и спасётся, его минует злая доля быть убитым, что-то непременно должно будет произойти: у кого-то из охотников случится осечка, а другой замешкается и упустит удобное для выстрела мгновение, зато я увижу поднявшегося ото сна зверя, и успею разглядеть всю картину в мельчайших подробностях, а сам медведь останется жив... До того я в душе возжелал этого, что мне трудно было оставаться одному в своих мыслях, и я даже вообразил себя медведем, каково ему спросонок улепётывать от смертельной опасности, и принял его за лесного товарища, и был с ним в душе как с верным человеком. Возможно ли такое? Но дело сделано, никуда уже не отступишь, и остаётся довериться нашему многоуважаемому Учителю...

... Всё вокруг, через влюблённое в лес сердце, вступало со мной в тесное общение, в еле уловимую связь, когда и сахарные сугробы, порядком улежавшиеся к концу зимы, присмирившие, и замершие ели, с опущенными, какими-то высохшими ветвями, и серое небо, низко склонившееся над лесом, были мне как родные... Родным представлялся и медведь, залёгший в берлоге, и было совестно, что зверь, ничего не подозревая, забылся в сладком полусне и не ведает, что у его чела притаились люди, которые пришли его убить. Чувство это мешало мне воспринимать всё естественно, как нечто неотъемлемое от самого себя, и на душе было тревожно.

Я представляю, что разбуженный на берлоге медведь чуть ли не вылетает из неё, взрывая клубом снег, поразить его выстрелом в этот миг – большое искусство, а пуще того – не спасовать, потому как разъярённый зверь долго разбирать не будет – что, да как, в мгновение ринется на тебя спосонок, встанет на дыбы и раскроет пасть... Пасть страшная, с торчащими жёлтыми зубами, и из утробы – смрадный дух, вперемешку с холодящим рыком, так дохнёт, что околдует... Как тут не дрогнуть, не успеешь и глазом моргнуть, а мишутко тебя уже облапил, ты – под ним. Не бороться же с лютым зверем, тем более, что ты сам к нему пришёл, коварно потревожив. В медведе этого коварства нет нисколечки, он вообще зверь доходчивый,

никогда никого за зря не тронет, но ежели ты ему помешал – пойдёт на тебя прямо, во всю свою мощь. Готов ли ты к такому раскладу событий?!

Да-а, поднявшийся на дыбы мохнатый медведь воображается чаще всего, и начинаешь думать о нём так часто, что он лезет на тебя из-под каждой вывороченной колоды или какого-либо корявого дерева, везде, во всяком бугорке, либо снеговом надуве чудится затаившийся зверь... С опаской обходишь такие подозрительные места, представляя, что лесной хозяин только и ждёт, когда ты подойдёшь к нему поближе, не спит в своём потаённом убежище, чуток, как никакой другой зверь. Может быть, поэтому и родилось среди полесовиков такое убеждение, что если идти мимо берлоги тихонько, не останавливаясь, то медведь пропустит тебя, не забеспокоится, но стоит замереть – это для зверя сигнал тревоги, и он непременно подымается...

Впоследствии оказалось, что поверье это – досужие домыслы непуганых охотников, и кто хоть раз брал медведя на берлоге, тот хорошо знает, с каким усердием порой приходится будить зверя. Но чего только не вообразит себе неопытный охотник! А завидя взгромоздившиеся над землёй корни поваленных ветром деревьев, захватившие при падении большие комья земли, обросшие мхом, он и вовсе потеряет дар речи. Впрочем, кто и из бывалых полесовиков не приглядывался с опаской к таким громадным кокорам, внезапно возникшим на пути? Нет ничего мудрёного в том, чтобы человек мог поостеречься, держа на уме любую, возникшую в лесу неожиданность...

При всей сторожкости медведя, когда он при встрече с какой-либо опасностью предпочитает чаще всего ретироваться, то есть, просто бежать, не дай Бог, столкнувшись со зверем лицом к лицу, повернуться к нему спиной, проявив тем самым трусость... Медведь узнает об этом в то же мгновение, тотчас в нём поднимется всё звериное, и он уж непременно догонит и задерёт... Причём, совершает зверь это нападение тоже спонтанно, скорее, не из-за свирепости своей, а по причине такой же боязни, неожиданного стечения обстоятельств, и поскольку он не заяц, а всё-таки медведь, зверь величественный и грозный, то и бросается вслед тому, кто нарушил его покой, да ещё может и лапой хватить... Грозен лесной воевода!

Как нарисуешь себе образ разъярённого зверя, поднявшегося на задние лапы, прямо перед тобой, сердце в груди затрепещет потревоженную птицей... Но и про то не забываешь, как в старину мужики в одиночку хаживали на медведя с рогатиной, тоже, наверное, побаиваясь мишука, но преодолевали свой страх, не давая ему ходу. Неужели и ты не сдюжишь, тем более, в компании бывалых людей, где у каждого по ружью? Даже засовестишься перед былыми подвигами неведомых тебе героев из народа, что и не ведали, должно быть, про гордыню, проявляя удивительную скромность при покорении огромного зверя, а уж о их стойкости духа и говорить не приходится. Великая сила жила в людях, что не мыслили своей

жизни без силы леса. Недаром в старину «уйти в лес» означало спасти душу...

Но мы-то что спасаем кроме того неуёмного желания, чтобы добрать зверя в его лесном доме, поделив мясо и шкуру? И, конечно, причаститься при этом к таинственной чаше, узрев медведя в самом его откровенном лесном пребывании, когда он наиболее доступен и, между тем, опасен. И может быть, именно поэтому мы и стремимся заглянуть в то сокровенное, на что решаются немногие, тщательно продумываем каждый шаг, ведём себя так же сторожко, как и зверь? Что перевешивает в нас: жажда заглянуть в неизведанные лесные тайны, либо просто добыть самого крупного и загадочного зверя наших лесов? Но даже, если первое, то какой ценой?! Иначе, по-видимому, не причаститься к загадочному лесу, не прознать про него самого главного, не почувствовать себя «полесовиком»... А хочется...

Охота, на самом деле, потому и является охотой, что совершается по своей доброй воле, какому-то глубоко скрытому желанию приблизиться к тайне зверя, то есть, отгадать для себя его жизнь, что почему-то очень важна для тебя, без этого устремления, кажется, чего-то существенного в твоей жизни не хватает, и в тебе неведомо откуда возникает неуёмное желание отыскивать в лесу зверя, выслеживать его, и без любви к лесу это осуществить, конечно, невозможно. Ещё в тебе должно что-то сидеть прямо с детства, может быть, даже от рождения, какие-то непрременные способности и склонность к охоте, что невидимо, но неукоснительно руководит тобой. Вероятно, в течение жизни ты откажешься от неё, но живёт в тебе эта тяга выслеживать и таиться очень крепко, сопротивляться ей невыносимо сложно, и нужно, наверное, пройдя лес и многое в нём познав, познать, в первую голову, себя, чтобы преодолеть потребность добывать дичь, впрочем, сохранив и укрепив способность к терпеливому вглядыванию в лесную чашу...

Не раз, пока мы добирались до берлоги, приходило мне в голову отказаться от участия в охоте, но тут же эту мысль предательски вытесняла другая: как же воспримут подобное мои товарищи? Нет, видимо, придётся пережить мне этот день со всем, что он вместит в себя, и никак иначе. И может быть, кто знает, он послужит уроком. Всё происходящее, как не взгляни, оказывалось и моим личным делом, раз я очутился здесь, и нужно было искать в нём своё лекарство, а им могло стать честное принятие всего происходящего.

Перебравшись через лог, мы прошли ещё с десятков минут, пока егерь не указал на желтеющее под старой елью пятно. Перед тем, как подойти к берлоге, сняли лыжи, и Юрий Николаевич шёпотом указал каждому место,

где он должен встать и обязательно обмять его, после чего тихонечко начали обход...

Очнулся я, как только мы двинулись, и сразу подумалось: бесценен лес, где ты, оказавшись, обязательно обретаешь что-нибудь для себя, лес учит, если, конечно, и ты отдаёшь ему частицу чего-то своего, тоже бесценного, и так, вместе, вы и должны быть, и никак по-другому... А тут – мы пришли нарушить его величественный покой, и разве это хорошо? Смятение каждый миг охватывало меня, но нужно было взять себя в руки: в вотчину хозяина тайги вступаем...

Пребывать в муках совести было не время, но как же невероятно сложно переболеть в себе то знание и понимание, что и вот этот медведь, и множество его звериных предков и сотни, и тысячи лет залегали с приходом зимы в берлогу, и ты не имеешь никаких особенных преимуществ перед ним, когда вдруг приходишь потревожить его сон, лишая жизни и радости отыскивать вкусные корешки растений и дупла с дикими пчёлами, лакомиться сладкими муравьишками, слизывая их с лапы, и валяться на сочной шелковистой травке... Кто, как не ты сам, уполномочил себя решиться нарушить это лесное таинство, и разве ты достоин искать утешения? Нет его для тебя!

Зима в тот год была сильна не морозами, а снегами, и сугробов к концу февраля нанесло великие горы. Пробравшись, наконец, к берлоге, и заняв номера, мы осторожно обтоптались, и как только это произошло, волнение окончательно отпустило, вмиг забылся весь человеческий мир, и стало так, что только берлога и ты, ты и берлога, и больше ничего...

Нетронутые снежные завалы покойно стерегли медвежий сон, и было так тихо, что удары собственного сердца разносились, кажется, по всему лесу. По намерзи вокруг чела, превратившегося в щёлку, было ясно, что медведь залёг тут, в нескольких шагах от наших ног, и представлялось, будто он сей миг выскочит и накроет всех своей мохнатой шубой: разве удержишь такого лесного доброхота – сломит всё на своём пути! Взволнованное сердце, как и потревоженный на берлоге зверь, тоже готово было выпрыгнуть наружу, и удерживало его только опасение окончательно потерять сейчас себя, чего допустить было невозможно.

Пока рассредотачивались вокруг берлоги, не обошлось без конфуза: Федя провалился в почти незаметную впадину, увяз в сыром снегу по пояс, и мы, скрепя сердце, наблюдали, как он безуспешно, со съехавшей на глаза шапкой, пытается выбраться... Все очень опасались, что медведь проснётся, и тогда Фёдору Степановичу, он находился к Феде ближе всех, пришлось сходить за лыжей, и подать её бедолаге... Юрий Николаевич сдержанно наблюдал за всей этой катавасией, держа наготове ружьё... Наконец, Федя извлекается из снежного плена...

В такие минуты, кажется, что зверь уже давно не спит и чутко улавливает малейшее твоё движение, но не показывается только потому, что выжидает для этого наиболее удачный миг. В какую сторону он выскочит,

как быстро совершит свой прыжок, или будет выбираться из берлоги потихоньку, неспешно, будто до конца ещё не проснулся, - вопросы один за другим мимолётно проносятся в голове, а ты, не находя ответа, превращаешься в обострённое внимание. Мысленно я устремляюсь туда, в тёмную берлогу, где затаился дикий зверь, и как он себя поведёт – одному Богу известно, но я всеми силами пытаюсь его понять, поставить себя на место медведя. Что он там, в своём потаённом лесном убежище, сейчас переживает?

Если проходить мимо мелвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, как заверяют старые охотники, то зверь никогда не встанет. Но вот мы стоим у самого чела, успели уже обойти берлогу со всех сторон, изготовиться, а медведь никак не реагирует на наше присутствие.

Помню, что сердце не колотилось, и руки не немели, и пот не лил градом, а было на удивление покойно, даже не верилось, что мы – у чела... День выдался пасмурный, серое небо, кажется, навалилось на ели, но на душе было легко. Медведь выбрал небольшую плешинку посреди деревьев, с бугорком под старой елью, и под ней вырыл себе берлогу.

И вдруг, наш главнокомандующий как ухнет во всю мощь гортанным голосом, словно из бочки, что есть мочи засвистает, и обухом топора по комлю ели – бу-бух! Снег посыпался с ветвей вперемешку с еловой трухой, старое дерево так загудело, что, кажется, невозможно не пробудиться, но ничто не изменилось в лесу. Только белка очумело взвилась с гайно к самой верхушке, возбуждённо зацокала, и опять всё стихло.

Все мои мысли и чувства сосредоточились на отверстии в снегу, а там – будто ничего не происходит... И опять гулкий удар топорика раскалывает лесную тишь – бу-бу-бух! Медведя в берлоге будто и нет, никто в ней не ворохнётся, и я даже начинаю сомневаться: живой ли медведь? Ничего тут, конечно, не поделаешь: кто живёт на воле, тот и спит боле, спит, сопит, с него только пар валит...

Но раз продушина цела, значит, мишка на месте, и Фёдор Степанович, прихватив топор, принимается неподалёку от берлоги вырубать берёзовый батог, чтобы уж им, наверное, нарушить сонное царство зверя. Батожьё – дерево Божьё, но разве можно его терпеть, ежели им под бок тычут? Хорошо на хорошо – ровно мёд с калачём, а худо на худо – ровно с похмелья батожьём!.. Медведю такое обхождение вряд ли по вкусу придётся...

Но и на этот раз мы ничего не добились: сколько не совали, не толкали этот самый батог прямо в изголовье берлоги, - тишина! Ведь для медведя сон, что богатство: чем больше спишь, тем больше хочется. Спит медведь беспробудным сном, не шевельнётся, медвежьих перины больно хороши, и уж только когда на батог намотали промасленную ветошь, да запалили её, для чего пришлось нашему Феде обернуться к машине, душный чад поднял медведя с его логовища...

Чужая душа загадка, а уж медвежья тем паче: разгадай-ка её через грядку, через плетень, через барский двор, да через семь вёрст сермяжной лесной правды... Чего не знаешь, того не разгадаешь. Неразгаданное дело!

И вот, наконец, тронулось что-то во всём окружающем пространстве, зажило, задвигалось, и сначала под старой елью поднялась снежная шапка, осыпалась, и вдруг воспряло в этом самом пространстве нечто мохнатое, тёмно-рыжее, и выпрастав такие же мохнатые лапищи, готово было уже опереться на них и выскочить на белый свет, но тут Юрий Николаевич не промахнулся... Выстрел прозвучал сухо, и повис в роящемся, насыщенном влагой воздухе как-то отрешённо, будто его и не было, и медведица, до сих пор неведомым для нас медведем оказалась именно она, замерла на краю своего последнего в жизни лесного прибежища...

Пуля угодила ей прямо в затылок, и кудлатая голова беспомощно ткнулась в рыхлый сугроб. Спала бы Аксинья Петровна, так ничего не знала бы... И опять сердце перевернулось и защемило от неприкаянности того, что уже совершилось...

Медведица лежала, раскинув лапы, будто ненадолго приснула, а лес вокруг стоял такой же заснеженный, покойный, будто бы в нём ничего не случилось. Случилось, скорее, в наших душах, и я никак не мог поверить в то, что ничего больше не будет. Мы столько готовились, говорили накануне этой охоты, и вот – проза непридуманной жизни, связанной с родимым лесом, но родимый ли он тебе, когда ты совершаешь по отношению к нему измену?

Ещё с минуту никто из нас не мог вымолвить ни слова, мы просто забыли себя, и всё смотрели на кудрявый загривок зверя, представляющегося чуть ли не былинным, кому в народе посвящено столько сказок и добрых историй, а он лежит сейчас перед нами не живой, до конца, кажется, не мёртвый, и мы не в силах поверить, что ничего уже не вернуть... Аксинья Петровна, именно так прозвали медведицу в народе, спала покойно в своей уютной берложке, и вдруг – её не стало... Она, конечно, не успела ничего уразуметь из произошедшего, всё для неё в один миг было кончено.

От медведицы веяло запахом дремучей чащи, тем, что поднимается и из берлоги, но не представляется чем-то нечистоплотным, так как нечистоты в ней отсутствуют. Хоть зверь всю зиму и лежит в берлоге не умываючись, но отходов после себя не оставляет, и только когда покидает своё зимнее убежище, избавляется от «втулки», что замыкает на время спячки его задний проход. Запах этот обычно возбуждает собак, и многие из них от него дуреют, впадая либо в ярость, либо дрожа и лишаясь последней храбрости. Запах зверя дурманит и человека, потому как он несравним ни с каким другим, необычен, как сам медведь, и будто причащает тебя к вековому лесу, к его неизбывной тайне.

Звериный дух, несомненно пьянит... Он русским лесом пахнет, его неиссякаемой мощью... В нём – сила и кровь, аромат смолы и ягодный настой, горечь палого листа и дурман душистых летних трав, потаённость и

чистота лесного ручья, сочность болотных кореньев... От звериного духа вест и снежною порошею, и сладкой соломой со жнивья, и ещё в нём чудится нечто невыразимо пугающее, но притягательное. Сила медведя во всём, что заронил в него лес, где вольно парит, вроде бы, неприкаянная, но обаятельная звериная душа...

Не успели мы до конца уразуметь произошедшее, пропуская под мышками зверя верёвки и вытягивая его тушу на свет божий, как из берлоги раздался приглушённый рык: вместе с медведицей в её убежище оказался медведь-сеголетка... Рыкнул не по-звериному грозно и зычно, а как бы для порядку, чтобы только обозначить принадлежность к величественному лесному семейству, и потом сразу притаиться. Но хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому, какой он и есть: мы сразу смекнули, что в берлоге за зверь...

Такие молодые медведи обычно проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть медведицу, но оставить её сами медвежата не могут, а мать отгнать детей не в силах... Вот природа и распорядилась по-своему...

В мае-июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат напрочь, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни. Мало того, взрослый медведь способен загрызть молодого, только чтобы добиться внимания самки...

Среди полесовиков переогодовалый медведь зовётся лончаком, тот, что перезимовал уже дважды – пестун, а старый – пест, потому как один остаётся, но ежели по справедливости рассудить, то зверь и так всю жизнь в одиночестве проводит, и ему к своему отшельничеству не привыкать: сколько он за свою одинокую жизнь нагляделся! Ему ли уповать на собственную отрешённость ото всех, когда она суть его сокровенного существования составляет: броди себе по лесным буеракам, люби и храни свой родимый лесной угол, и будет тебе твоя незамысловатая медвежья отрада... Что может быть выше её?!

И вот, пришлось лишать этого молодого мишку его незамысловатой отрады, потому как погиб бы он один в голодном лесу, не оставлять же его... Вроде бы, и мал грех, да большую вину несёт!

Как мы выволакивали обоих медведей – отдельная история, и счастье наше, что до дороги было полверсты. Уложив медведицу на две пары связанных лыж, мы втроём дружно потянули её к машине, Федя же – впереди, на своих с лончаком, уминал для нас в снегу путь. Человека

узнаешь, говорят, когда с ним пуд соли съешь, а ежели эти пуды через заваленный снегом лог переть?

В медвежонке два пудишка овса-то и было, но вот с мамашей пришлось хлебнуть лиха: вес её оказался для нас бедовым, и многопудовое горе мы еле-еле с плеч свалили: либо всё отдай, либо ничего не надо! Когда втащили медведицу в машину, Фёдор Степанович побожился в церкви пудовую свечу поставить за упокой Аксиньи Петровны...

Сидя в фургоне машины, у печки, мы пили чай и молча разглядывали медвежью тушу... Медведь, конечно, так необычен, что ни на кого из зверей в лесу непохож: кажется, он собрал в себе всю его силу! Живуч медведь необыкновенно, отсюда, наверное, и культ поклонения ему ещё с древних времён. Даже в убитом медведе люди не переставали видеть могущественного лесного владыку, не потерявшего своей мощи.

Уже освежёванный, во весь рост разложенный на полу избы егеря, он напоминал дремучего пещерного человека... Чудилось, будто вот-вот восстанет этот, даже для животных превышающий обычную меру, великан, и уж никому из нас тогда не спастись... Из какого малого возникло такое великое?!

Никогда не забуду и не прошу себе того пасмурного февральского дня, что всей своей отсыревшей тяжестью навалился на сердце... Но не сразу я всё это осознал, хотя и почувствовал, как дорог мне этот неведомый зверь, что и вправду очень чуток и умён в отличие от других зверей. Отчего этому лесному жителю дано такое обаяние, ради каких неведомых лесных дел?

Несомненно, что в медведе и добрый, забавный нрав присутствует, и злоба невиданная, так что с ней никому не сладить, но разве не от человека зависит проявление характера зверя, когда он, встречаясь в лесу с медведем, покой его нарушает? Не секрет, что в поведении медведя чаще всего преобладают над другими его повадками именно чутьё и смекалка, неведомые порой даже человеку...

- А ведь когда-то в отдельных районах нашей необъятной страны за убийство медведя платили премию, - вспоминает Фёдор Степанович, когда мы медведицу с лончаком кое-как до машины доставили, уселись в фургоне, у печки, и разлили по кружкам чай. – Большую, чем за истребление волков!

- Это в тех случаях, когда медведь задирает скот или даже нападал на людей, и злоба в нём, вернее всего, поднималась оттого, что зверя за зря беспокоили, иначе бы, зачем умному животному проявлять свою тёмную сторону? – спокойно возражает ему Юрий Николаевич. – Ограничивали зверю лесное пространство, дарованное ему Батюшкой-Лесом, и разве тут не осердчаешь? А вообще-то, никогда ещё такого не бывало, чтобы всё при охоте на берлоге складывалось одинаково: чего-нибудь, да вывернется по-иному, о чём даже и не помышляешь... До самого последнего момента нет уверенности!

- И это всегда самое удивительное при охоте на медведя!

- Медведь уважает в лесу смелого и сильного человека, не злобивого, он это нутром чует, а выходит, чаще всего, на неопытного, кому предназначено на охоте не самое завидное место... Или, вот как сегодня, попробуй до него достучись!

- Я такого тоже не припомню, - замечает Фёдор Степанович. – Начал уж было сомневаться: дома ли зверь?

- Хоть этот малый мишук нас и напугал, ведь мы спиной к берлоге стояли, но, слава Богу, всё благополучно обошлось. Страшно, когда прямо перед тобой из берлоги разъярённый лесной исполин восстаёт! Тут никакая, самая верная примета не поможет...

- Что за примета, Юрий Николаевич, - озадаченно вопрошает Федя.

- Если удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем, по утверждению старых охотников, может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

Федя искренне недоумевает:

- Неужели такое и вправду случается?

- Необыкновенная доверчивость медведя порой просто поражает, и если зверь не обижен человеком, то бродит по тайге с добродушием косолапого недотёпы... С таким же, присущим ему добродушием, медведь может и опростаться от испуга, что вызывает любой, самый безобидный звук, случающийся неожиданно... Проще говоря, у медведя, если его порядком напугать, начинается понос... И это – не шутка!

- Юрий Николаевич, а приходилось вам упускать на берлоге медведя? – спрашивает вдруг Федя, с опаской поглядывая на убитого зверя.

- За весь мой охотничий опыт такого ни разу не бывало, - степенно отзывается Юрий Николаевич. – Но знаю случай, когда медведь ушёл, и много дел потом наворотил...

- А разве он не может опять залечь в свою берлогу?

- Нет, это исключено. Медведь – очень внимательный зверь, и если его однажды напугали, стронули с места, к своему старому лежбищу уже нипочём не вернётся. Может, конечно, притулиться под каким-нибудь удобным выворотнем, но крепко уже не уснёт: будет отрешённо бродить по лесу, пока его не доберут, или сам не погибнет...

- Вот и медведица, когда её сильно напугают на берлоге, одуревшая спросонья, обычно оставляет медвежат одних и уже не возвращается. Брошенные малыши теперь принадлежат сами себе, но в природе и малое не мало, коли столько и есть, и из многих малых выходит одно большое, если лесной бог смилостивится... Да только такое редко случается, - печально произносит Фёдор Степанович. – У Соколова-Микитова прочёл как-то рассказ про медведицу, стронутую с берлоги охотниками по белке... Напуганная медведица убежала в лес, а в берлоге остался маленький, только что родившийся медвежонок... Так вот, это охотники потом по следам

установили, что она не побоялась вернуться к замёрзшему медвежонку, перенесла его на другое место, и похоронила в глубоком снегу...

Федя долго рассматривает медвежонка, неловко вывернувшего лапки под брюхом медведицы, а потом тихонько спрашивает:

- Почему мишка прозван косолапым?

Мне странно, что Федя не понимает самых очевидных вещей, но Фёдор Степанович доходчиво объясняет:

- Если приглядеться к следам медведя, то сразу заметишь, как он, в отличие от человека, что ставит ступни ног пятками внутрь, носками немножко наружу, наоборот, заворачивает пальцами вовнутрь, оттого и косолапый. Было однажды дело, натолкнулся я в марте на выходной след медведя, предыдущий год выдался неурожайным и зверь улёгся в берлогу не отъевшись, отчего и поднялся раньше срока, и вот, пошёл я в пяту, желая подглядеть его логовище, так ноги чуть не вывернул, ступая в отпечатки медвежьих лап... В ту пору уже наст крепкий установился.

- А медвежонок-то бы точно не выжил, - задумчиво произносит Юрий Николаевич. – Кстати, если быть точным, такое поверье издавна ведётся, что пестуном зовётся медведь, переваливший двухлетний возраст, а до этого он – лончак.

- Не велика разница, - замечает Фёдор Степанович.

- Разница в том, что пестун, так принято думать, оставшись при матери, «пестует», то есть, заботится о своих младших сестрёнках и братишках, помогая тем медведице, - оживляется Юрий Николаевич.

- Не знаю, - с нескрываемым недоверием произносит Фёдор Степанович. – Никогда не видел, чтобы такое семейство держалось вместе: мать, её старший сын и малыши... Пестун, если его не отгонит взрослый самец, может находиться с матерью до двух лет, а потом её покидает. Или она сама отходит, когда ей подступает срок заводить новое семейство.

- Вобщем-то, мне тоже не приходилось встречать с медведицей сразу два её поколения: либо она держится с пестуном, либо – с только что народившимися медвежатами...

- А когда приходит срок медведице заводить новую семью? – напоминает о себе Федя.

- Свадьбы у медведей проходят раз в два года, так распорядилась природа, и этих двух лет хватает, чтобы медвежонок окреп и стал готов к самостоятельной жизни.

- Значит, нашего медвежонка можно было не убивать, - озадаченно спрашивает Федя, - если ему уже миновал второй год?

- Ну, сам посуди: конец февраля, еды – никакой, снега – по пояс, а ведь ещё неизвестно – не лончак ли это переогодовалый? Он пока не набрался опыта и силы, и перемочь ему два голодных весенних месяца, одному, вряд ли удастся... Был бы он самостоятельный двухлеток, он бы и не залёг с матерью, так что наш медвежонок, не иначе, лончак... Да и по размерам – не

велик, два пуда – не более, тогда как верные пестуны ко второй зиме набирают под центнер!

И действительно, как потом оказалось, в нашем медвежонке набралось чистого весу 25 киллограм, исключая шкуру, и это, конечно, не позволяло называть его, в полной мере, пестуном. В нашем случае у медведицы прошлой зимой, по-видимому, родился всего один медвежонок, вот он и залёг с матерью на следующую зиму, потому как оставшись один, испытал бы сильный стресс. Целый год, после рождения единственного сына, мать была с ним рядом, оберегала его, и уложила с собой ещё раз, чтобы ему не было тяжело.

- Нет у лончака отца, и рассчитывать он может только на матушку, - заключает Фёдор Степанович. – Матушкин запазушник...

- Это хорошо, что мамаша показала первой, а лончак остался в берлоге... Мне раньше и в голову не приходило, что может всё случиться наоборот. Всегда застрелишь медведицу, а поколение её не показывается из берлоги, - заверяет нас Юрий Николаевич. – Даже голоса порой не подают.

- Опасаться встречи с пестуном, а тем более, с лончаком, нечего, - в удовлетворении соглашается Фёдор Степанович.

- Вот я и купился однажды на это, - продолжает Юрий Николаевич. – Сперва один лончак выпростался из берлоги, затем – второй, и мы обеих взяли без труда. Ну, думаю себе, хорошо, что не медведица, видать, медвежата годовалые залегли без матери, и только так помыслил, как выкатывает на свет божий огромное бурое пятно – Аксиныя Петровна дала о себе знать: вот-те на! И ведь даже не уркнула, пока мы детишек её принимали...

- И что потом? – замерев, с интересом вопрошает Фёдор Степанович.

- Прихватила зубами левую руку, выше локтя, рванула так, что вмиг отрвала рукав телогрейки, начав его трясти, тут мой товарищ ей за ухо и стрельнул... Лежу в сугробе, а напротив – лохматая морда со зловещими маленькими глазками, и окровавленная пасть, прямо у меня под коленом... Задала нам, мамаша, урок!

Федя зачарованно глядит на Юрия Николаевича, не в силах вымолвить ни слова.

- Известное дело, - заключает Фёдор Степанович, - медведю дай повадку, так он и две возьмёт!

- На берлоге кому как поведётся, - отвечает Юрий Николаевич.

- Отчего медведь такой? – спрашивает Федя.

- Только лесной бог знает. Само имя медведя необычно – «медоуед», зверь, более всего любящий лакомиться мёдом. Это уж со временем образовалось привычное для нас «медведь»... Бывает, он утаскивает с пасек в лес ульи, по-бабьи обхватив пчелиный домик и потешно, вперевалочку, улепётывая с ним к опушке... Дабы подобное озорство не происходило, хозяева на пасеках устанавливали корыто с водкою, до которой косолапый тоже большой охотник. Приходят на следующий день, а он – готов!

- Ну, уж, в это я ни за что не поверю! – расплывается в недоверчивой улыбке Федя.

- А я склонен думать, что так оно и есть, - твёрдо заявляет Фёдор Степанович. – В медведе добродушия – через край! Посмотреть хотя бы на то, какой он обстоятельный: ведь не принимается ворочать улей, только бы до сладости добраться, прямо тут, на пасеке, а утаскивает его в лес, подальше, прежде чем вволю полакомиться... И разве можно себе представить волка, лису или рысь, с удовольствием лакающих водку? Да они отпрянут от этого поила в тот же миг, как только попробуют, но Михайло Потапыч с удовольствием водочкой пользуется, и тут же заваливается спать. Ну, совсем как наш брат!

- Про медведя много историй сложено, и он этого, конечно, заслуживает, но разве привыкнешь к тому, чтобы в долю минуты принять единственно верное решение? А зверь живёт, как чувствует, и это означает, что человек должен быть верен не только по отношению к себе, но и к зверю. Вот что главное, - утвердительно произносит Юрий Николаевич.

- Зачем вообще стрелять медведя? – уже не выдерживаю я.

- Ты прав, - удручённо соглашается Юрий Николаевич. – Интересно просто наблюдать за этим зверем, не нарушая границ его обитания, он один из всех зверей больше, чем кто-либо, на человека похож. Потому его, чаще всего, и не представляешь, как объект охоты, в отличие от кабана, лося или какого иного зверя. Медведь тебе, вроде как, дорогой человек, вернее, лесное существо, о котором думаешь как о человеке, оттого и заводишь с ним внутреннюю беседу, да что косолапому твои слова... Вот мысли он, по-видимому, отгадывает легко, но только лишь с тем соображением, что ты, человек, не перейдёшь известной черты, а он уж, медведушко, сам со своим таёжным обитанием обойдётся.

Он, к примеру, познав однажды на себе гибельность капкана, в отличие от волка, росوماхи и лисы не обходит потом его стороной, не держится как можно дальше от ужасного механизма, доставившего ему неудобства, а подходит – и закидывает в него какую-нибудь коряжку или мох, чтобы он захлопнулся, и тогда забирает приманку...

- «Страшный зверь!» - так обычно говорят про медведя, - добавляет Фёдор Степанович, - а он, быть может, самое обаятельное в лесу животное, если его не трогать. Надо очень постараться, чтобы косолапый саданул по тебе лапой, но на то его лесная свобода и воля. Ты, мол, зачем, мил человек, здесь, в лесу, оказался?!

- Как бы человеку обрести мудрость такого поведения, чтобы проникнуться жизнью и медведя, и леса, принимая и себя в нём своим, - вздыхает Федя.

И то правда, медведь строго охраняет свои владения, а свиду – простак, без дела шатающийся по лесу, одним словом, косолапый недотёпа, но приглядеться к нему более пристально суждено только влюблённому в лес человеку. Всё видит человек, именно проявляющий любовь к животному

миру, он её не выразить не в силах, и потому очень уважительно относится к любой мелочи в лесу, тем более, к медведю. К этому зверю он выявляет своё душевное отношение обособленно, но не от того, что зверь велик, а всё больше за пристрастие медведя к каким-то простым вещам, присущим и человеку. Медведь и ведёт себя, как умный человек, порой даже оказываясь его мудрее, и как тут не проникнешься к удивительному зверю сердечной теплотой, какой-то особой душевной расположенностью, когда даже и не подумаешь его убивать.

Несчастье, сколько забавных и поучительных историй мы слышим об этом обаятельном звере, но совершили ли вы хоть шаг к ещё более полному узнаванию нашего дорогого медведишки, про которого, казалось бы, все всё знают, а думку его истинную никак не разберут. То он вдруг предстанет незатейливым мишкой, что готов бежать от первого лесного шороха, тронувшего лесное пространство, то бесшабашным барином, по воле случая очутившегося в спелых овсах, да и забывшегося среди них в сладкой дрёме, уже в полусне сгребаящего лапой созревшие сочные зёрна, так что они всё не кончаются и не кончаются, а он насладиться ими никак не может... И будто бы ещё Михайло Потапыч баб на сносях любит, увязывается за ними, когда те в лес по ягоду пойдут, и к себе, в чащу, уводит, якобы, женится на них... И как он чувствителен и умён необыкновенно, может человека в миг разгадать – что у того на уме, и либо обойдёт его стороной, благоразумно удлинив себе путь, либо сметёт: силу-то свою ему девать некуда, вот он и встаёт на дыбы, принимая перед человеком вид мохнатой громадины, чего ему, по правде сказать, совсем не хочется, ибо ведёт он жизнь размеренную, да и по натуре своей – доброжелателен, а злобив бывает, только, когда его покой нарушат...

При всех своих замечательных несуряницах, медведь вмещает в себя долговечную красоту, глубину и тайну нашего русского леса, его скрытую силу и мощь, и разве всем нам не задуматься, как лучше обустроить нахождение такого замечательного зверя в его собственном доме, чтобы и лесу было хорошо, и живущим рядом с ним людям, и самому Михайлу Ивановичу, что, несомненно, безоглядно привлекает всех нас своим неподражаемым обаянием, а малыши, читая о нём сказки, узнают о его добрых повадках, и не перестают верить в чудеса...

Теперь, когда прошло много лет, и я многое в жизни испытал, пришло ко мне осознание, что ни наша решительность с отвагой при добывании грозного зверя дают нам понимание жизни, во всей её полноте, ни те переживания, благодаря которым мы открываем для себя истину, пусть и убивая, без чего, должно быть, соли пребывания на земле не понять, так устроено для человека постижение существования, а радость, какую

испытываем мы при зарождении в своей душе новых жизненных сил, появившихся только при поднятии из собственных глубин сознания истинного себя, пройдя и потери, и страдания, и боль, что рано или поздно открывают в нас божественное, уже не подверженное каким-либо земным искусам, тем более, связанным с лишением жизни другого живого существа...

И здесь невозможно не упомянуть о правде, в ней, обычно, видят силу, но пройдя и океан, и тайгу, и воспитание себя через все эти природные стихии, я прихожу к убеждению, что истинная сила заключена в самой себе, как данности, противостоять которой бесполезно, когда она накопила достаточную энергию, чтобы победоносно нести в себе правду... И только так, через воспитанное в себе правдивое отношение к существованию, утверждается в душе непоколебимая мощь, и именно благодаря ей можно добиться на земле укоренения божественных законов...

Как важно постижение человеком той простой истины, что не нужно ему никого лишать жизни во имя раскрытия тайны, заключённой, якобы, в звере, и убив его, охотник не откроет для себя желаемое знание, ибо все ответы находятся в самом человеке, в его пристальном внимании к окружающей его жизни, и относиться к ней следует с трепетом и заботой, теперь уже всегда...

До чего же я был наивен, думая, что возьми мы тогда на берлоге медведя – и всё, вопрос о тайне существования и леса, и животных, и тебя самого будет решён. Нужно проявить лишь решимость с отвагой, и чудесное обаяние природы раскроет перед тобой все свои загадки. Корень жизни, по твоему глубокому убеждению, заключён именно в этом, скоро всё непременно тебе откроется, стоит проявить терпение, но, к сожалению, опасность проходит, зверь оказывается добытым, и такая притягательная, представляющаяся необычайно сокровенной и важной тайна куда-то незаметно утекает... Как же такое могло случиться?

А происходило это потому, что мною ещё не была установлена и прочувствована родственная связь с лесом, со всеми, живущими в нём существами, хотя я и представлял залёгшего в берлоге медведя как лесного товарища, но сам не мог по-звериному думать и переживать. Время моё лесное и человеческое тогда не пришло, не испытал я пока того благоговейного удивления и родственного внимания к жизни тайги, всякому существу в природе, как сейчас. Не произошёл в моей жизни тот важный перелом, когда бы бросил я бездушное дело охоты, изводящее диких птиц и зверей, верно определив пути следования по поиску истины и настоящей силы, чтобы её можно было в себе найти и нести.

И чтобы выходило всё по правде, просто и легко, и не нужно было бы совершать для этого никаких излишних усилий, лишь охраняя лес и почитая всех лесных обитателей за своих братьев, переживая рай везде, где бы ты ни был. Он не отделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете. Нужно просто понять эту благодатную истину,

почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, никого не обижая, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

НЕ УБИЙ

С детства, помнится, заметил я в себе тягу к неизвестному, манило оно меня к себе невероятно, и лес для моих устремлений подходил как нельзя лучше, потому как непознанного в нём было вдосталь. Словом, меня интересовало всё неизведанное, желательно, никем ещё не тронутое, и я мечтал поскорее подрасти, чтобы, наконец, отправиться в долгожданное путешествие. Но, даже обладая достаточно богатым воображением, я никак не мог предположить – сколько мне в действительности придётся путешествовать по лесам, и если бы мне тогда, в детские годы, кто-нибудь объявил, что я сам, без чьей-либо помощи, отыщу когда-нибудь полдюжины глухариных токов, потаённые места заячьих и журавлиных свадеб, три медвежьих берлоги, волчье логово и несколько барсучьих городков, - я бы не поверил.

А между тем, всё это случилось: ведь я мечтал добыть своего первого глухаря, зайца и даже медведя, и так оно и произошло, и теперь я только вспоминаю о том, как всё это было, как я горел охотой, не представляя себя в лесу без ружья, и как мучительно пытался избавиться от него, в конце концов, отказавшись... Лес потом отблагодарил меня за эти усилия, а какие чудеса мне довелось увидеть, и как я был счастлив, что решился однажды осуществить все свои мечты! Чудесной сказкою мне открылась лесная быль, когда я пережил её всем сердцем, уже не предавая ни себя, ни лесную чащу, и лесной бог встретил меня однажды с распростёртыми объятиями.

Да, всё это было, и мне сейчас приходится только благодарить судьбу, что лесные духи не отвернулись от меня, углядев в моей душе созвучие природным ритмам, поверили в моё искреннее поклонение перед лесом, и, может быть, приняли за своего. Иначе, как объяснить удачу, что сопутствовала мне все эти годы, учитывая, конечно, и мою самоотдачу, и затрачиваемые усилия, когда я преодолевал бесконечные километры дорог в любую погоду, бессонные ночи у костров, терпеливое скрадывание зверя или птицы, как правило, длящееся часами, всю неустроенность своего пребывания вне уютного дома, сопряжённую с дождями, морозом и пронизывающей метелью, чаще всего – в одиночестве... Скорее всего, меня выручала именно преданность лесу, любовь ко всему, что было связано с ним, и я не мыслил своего существования без глухарей и зайцев, куниц и медведей, лосей с барсуками и лисиц, без нескончаемой лесной дороги, приводящей меня, в конце концов, к постижению себя самого, и разве могло всё это когда-нибудь надоесть, став неинтересным, если ты с детства заложил лесу свою душу, а вышло это само собой, как будто так всё и должно было случиться, и я лишь радуюсь, и ни о чём не сожалею. Да и как можно жалеть о чём-либо, когда ты счастлив?!

Вот если человек несчастлив, значит, он виноват, я же кроме радости ничего в лесу не испытывал, ну, если только сильное напряжение с волнением, но и то в момент захватывающего постижения, когда не сопереживать происходящему ты не в силах, до того оно просто, по своей природе, и всё же – восхитительно!

... К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё находится в постоянной суете: бегают, перелетает, скачет и шмыгает. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики на манок летят плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький рябчик на оголённых деревьях бывает скоро замечен, и остаётся только хладнокровно выцелить его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Много тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, омертвело затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а так же ощутив в руках приятную тяжесть от тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины. Но невероятно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её жизнью. На то, чтобы преодолеть в себе это стремление и обрести понимание окончательного отказа от охоты, у меня ушли многие годы.

Да, в лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то, незнакомую раньше, звериную повадку, и совершенно забываешься, как человек... Помню, как мне хотелось подстрелить своего первого глухаря, отыскать его во мху, скорее подержать в руках, а затем – принести домой и похвастаться перед близкими редкой добычей... И однажды это свершилось: я бежал сквозь молодые сосенки и можжевельниковые кусты к таинственной птице, спотыкаясь о иссохшие сучья и подворачивающиеся под ноги кочки, больше всего боясь упустить птицу... При этом не покидала мысль: а вдруг не найду!

Глухарь слетел со старой сосны как-то кособоко, словно хотел просто перелететь в более безопасное место, но получилось это у него неловко, он сбился в полёте, и ... рухнул. В запале охоты на птицу, что из боровой дичи,

обитающей в лесу, больше всех будоражила воображение и не давала покоя, не верилось, что глухаря в руках не окажется, как об этом мечталось...

Как велика была страсть, что жила во мне с детства, может быть, даже с ещё более незапамятных времён, с моих первых впечатлений о лесе... Не просто осознать её в себе и принять, а затем – победить, уже никого не убивая, просто наслаждаясь нахождением рядом со зверем или птицей, под пологом нашего родного русского леса. Ведь сила человека – в его внутреннем мире, связанном с Богом, об этом ему изредка подсказывает сердце, и его необходимо слушать, учиться всегда быть чутким, и где как ни в лесу лучше всего становиться самим собой, осознавая каждый свой шаг?

Охота – чрезвычайно сильное чувство, если, к тому же, захвачен им с молодых лет... Как описать и выразить его, когда ты переполнен любовью к природе, особенно, находясь в весеннем лесу, где всё проникнуто торжеством жизни? Страсть берёт, переживая всё это...

На глухарином току, ночью, глаза быстро осваиваются с темнотой, у тебя будто открывается внутреннее зрение, и вот ты уже видишь то, чего бы ни за что не заметил даже в сумерках, а если на небе показывается луна, то ты и вовсе начинаешь различать все предметы вокруг: и перебегающие изредка фигурки зверей, и живые тени от них... В ночном лесу совсем не страшно, когда интерес к нему перебарывает лёгкий испуг, и ты в нетерпении замираешь в ожидании того завораживающего всё твоё существо мига, когда глухарь ворохнётся на суку ото сна, вытянет шею, и возьмёт на пробу горлом морозный апрельский воздух – «скирк - скирк, скирк - уоо-к-к...»... Вся накопившаяся за ночь усталость сразу слетает, весь ты – один слух, когда малейший щорох отдаётся в твоей душе переживанием сопричастности проистекающему ещё миллионы лет назад таинству, так, что в пору самому затоковать, провозглашая известную с доисторических времён жизненную страсть...

Ты ей переполнен, как и древняя птица, и посещает вдруг мысль: а неужели эта страсть так сильна, что способна затмить собой всё остальное, что заключает в себе жизнь? Разве она действительно так всеохватна, что возводит инстинкт самосохранения на недостижимую высоту для всех иных человеческих устремлений? Конечно, нет, тягу человека к небу забыть в себе невозможно, но как могущественна сила природных чувств, что охватывает тебя по весне, когда ты молод, и полон энергии!

Не удержать эту страсть, наверное, только по молодости лет... Становясь же более взрослым, начинаешь всё чаще вглядываться в себе в Бога, впрочем, не забывая, как был очарован таинством дикой природы и в лесу, и в глубинах своей души... Да будет она жива века веков, но только без уничтожения животного мира!

Обычно чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё в нём сразу притихает и, насторожившись, будто вглядывается своими зелёными глазами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица... И ты вдруг начинаешь осознавать, что убить, значит,

помешать божественному замыслу в отношении отдельного живого существа. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Не зря среди лесного люда водится старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только посмотреть, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да, к тому же, норовишь её обмануть, эта же невероятная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало. Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась. Об охоте не могло быть и речи: ружьё напрочь вышло из строя, но больше всего поразила именно неумолимость приключившегося при всей простоте ситуации... Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное, не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком – тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься несгибаемым и не растеряешься, если от тебя потребуются решительность, но всё же без надобности не причинишь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, следуя которой дойдёшь и до самого Бога. Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

Любовь – это богослужение миру, и потому призыв «Не убий!» есть признание, что именно любовь правит миром, и значит, она служит не только людям, но и зверям, и птицам, и растениям. Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой вины, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе! Не стреляй по живому, человек, ибо совершая выстрел, ты, в первую голову, попадаешь в себя, после чего божественное начало притаится в тебе, вроде как, даже покинет, и тогда уже трудно будет служить ему, уповая на милость Господа. Он не услышит тебя, и качество твоей жизни снизится, ты окажешься отрешённым от того источника, что дарит истинную радость.

Охота, по сути, есть возвращение человека к себе изначальному, к тем стародавним временам, когда не охотиться было невозможно, это составляло цель жизни. Первобытные люди не думали, что совершают убийство, им нужно было выжить, и они охотились, продляя этим свою жизнь. Если бы человек думал, что ему нельзя охотиться, он бы, наверное, не смог выслеживать зверя, и потому не чувствовал за собой вину.

Но охотничий инстинкт до такой степени утвердился в душе людей, что они до сих пор не в силах удержаться от охоты на зверя, хотя, конечно, вполне могут обойтись сейчас без неё. И тогда зачем все эти невинные жертвы – медведи, лоси, рыси, куницы и лисы, великолепные глухари? По-моему, охота на животных уже давно должна быть завершена, ибо в ней нет никакой потребности, а любить природу вовсе не означает убивать её: инстинкт продления своей жизни требуется незамедлительно заменить на инстинкт почитания в себе Божественного, для чего пришло время, и не понимать этого невозможно.

Конечно, и в наше время существуют малые народности, преимущественно обитающие на севере, в малонаселённых или совсем необжитых людьми районах, что охотятся по необходимости, это – их способ выживания, и они не допускают при этом варварского отношения к животным, соблюдая ритуал и охоты, и разделки зверя, благодаря лесных духов. Добыча необходимой для существования дичи, бывает, единственное подспорье для их семей, и они берут только то, чего им не достаёт, не более, прося у Природы прощения. Другое дело, что случается сейчас повсеместно, когда убивают без всякой надобности, не ради пропитания, а для развлечения, что совершенно неприемлемо, позируют при этом рядом с убитым зверем, выдавая себя за «великих охотников», даже не подозревая, как обесточивают себя, лишая такой необходимой жизненной энергии...

Расхронизация человека с природой происходит просто: он теряет с ней взаимосвязь, когда покушается на чужую жизнь, независимо – зверь это, дерево или птица. Все болячки и прочие напасти человека – из-за потери им гармонии с самим собой и окружающим миром, и если ты будешь палить в

этот мир из ружья, гармонии в твоей жизни не прибавится. Когда же перестаёшь охотиться на птиц и зверей, природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

С годами приходишь к простой мысли о том, что живые животные интересней, чем мёртвые. Забота о животных, их сохранение – гораздо более достойное и полезное занятие, нежели разрушение природы. Зверей и птиц вовсе не обязательно убивать, а лучше, скажем, писать о них, изучая скрытый образ жизни, и тогда люди прочтут твои рассказы, порадуются им, и поблагодарят тебя за вдумчивое причащение к природе.

Эти рассказы научат людей беречь родную природу, и, может быть, они перестанут её, наконец, убивать. Ведь по-настоящему лесной человек тот, кто защищает животный мир, и значит, любит его, не прикрываясь в своей охоте рассказами о красотах удивительной природы, что равносильно возведению воздушных замков. Реальное отношение к нашим меньшим братьям подразумевает справедливость, то есть, искреннее восприятие их жизни, уважение к ней, и если ты действительно справедлив и искренен, ты уже не возьмёшь в руки ружьё.

Незаметно ты почувствуешь, как и в природе, и в тебе совершается какое-то настоящее торжество, и, сливаясь своей душой с ней, ты поймёшь, что это – единственно верный путь во взаимоотношении человека с окружающим его миром птиц, животных и растений, проще сказать, путь к счастью. Люди даже не представляют, какой радостью может загореться тогда для них жизнь, и сколько они смогут сделать в ней прекрасного, ведь она, несомненно, должна быть благотворна!

Порой душевные мучения за лесных обитателей одолевали меня больше, чем за окружающих людей... Беспокойство не отпускало, даже когда я покидал лес и уезжал за много километров в город: переживания за животных от этого только острее жгли моё сердце.

Так, однажды, испытывал я муки за барсука, удушенного в петле охотниками... Не один год наблюдал я за ним, встречал в весеннем ночном лесу на глухаринном току, шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу, и стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон. И вот, узнал, что барсука не стало...

Долгое время я не в силах был успокоиться, и всё вспоминал, как милый зверёк улепётывал от меня весной, оставляя на снегу свои голотяпы следки, похожие на то, как будто здесь совсем недавно пробежал ребёнок, до того точно они напоминали отпечаток детской ножки... Но откуда бы ему тут взяться?! Ещё тогда подумалось: не лучше ли было человеку, погубившего зверька, просто наблюдать в течение лета за тем, как барсук воспитывает своих малышей, радуется отпущенной ему лесом жизни и ни о чём другом не помышляет? Именно таинственное обитание барсука в глубокой лесной норе, неподалёку от чистого ручья, струящегося на дне глубокого лога, такие чудесные полоски на его морде и известное всем трудолюбие гораздо более

ценны для человека, нежели добытая шкурка. Ведь только живой зверь поможет человеку воспитать и самого себя, и его равнодушных детей, установив неразрывную связь с удивительным миром природы, и зачем же лишать себя её, ограничивая свою жизненную энергию?!

Представьте себе, что все звери и птицы решили отомстить человеку... Как они это сделают?

И звери, и птицы, наверное, просто покинут человека, оставив его наедине со своими недалёкими мыслями и устремлениями. Души убитых им зверей долго потом не будут воплощаться, вообще уйдут в другие, более глухие места, увлекая за собой и все остальные живые существа... Птицы, исчезая, лишат человека крыльев, а звери – проницательности и чутья. Им не зачем будет возвращаться в предопределённую им человеком несвободу. И звери, и птицы скорее предпочтут неведомую человеку лесную глубину, совсем иной мир, без людской жестокости и спеси...

Если убийство животных происходит в целях добывания средств существования, когда иного способа раздобыть себе пищу не представляется возможным, это ещё куда ни шло... Но ведь большинство охотников в наше время отнюдь не голодают, а наоборот, это, как правило, вполне обеспеченные люди, живущие в полном достатке, однако им, для чего-то, необходимо обзаводиться внушительным ружейным арсеналом, представляя себя в собственных глазах настоящими, повидавшими виды мужчинами, что непременно должны охотиться на крупного зверя – лося, кабана или даже медведя, на худой конец – зайца и тетерева, разумеется, разбираясь в их следах и повадках, уметь устанавливать ловушки и капканы, словом, являть собой некоего привлекательного героя, с головы до ног экипированного и продвинутого в вопросах охоты. Нашествие таких безрассудных охотников просто заполонило наши и без того повыщербленные леса...

Что, как ни невежество, ни бездумное желание похвастаться перед знакомыми своими трофеями, да ещё запечатлеть себя на фотоснимке в мужественной позе побуждает их к этому? Причём, эти горе-охотники сами не в состоянии освежевать зверя, выделывать шкурку, развести костёр в сырую погоду, а уж о том, чтобы отыскать глухариное токовище или нору барсука, и речи не идёт: есть только гордыня, неуёмное стремление во чтобы-то ни стало выпятить себя в глазах других, такого же рода «охотников», прикрываясь при этом любовью к родной природе, к романтике таёжных дорог... А всю тяжёлую и «грязную» работу осуществляют их подчинённые, как правило, не принимающие участия в так называемой «охоте»: либо это водители, либо обеспечивающие всё предприятие егеря, отменно разбирающиеся в порученном им деле. Все же устремления наших «любителей охоты» направлены на то, чтобы поскорее добрать зверя, самодовольно насладившись своим «умением», не переживая при этом никакой близости к безжалостно загнанным ими животным, а напротив, без удержу превознося себя над миром природы, по сути – совершая предательство по отношению к своим меньшим «братьям»...

Куда подевались старые заветы истинных «полесовиков», и отчего в таком обилии расцвело столь противное самому существу человека варварство? По-видимому, только от того, что это «самое существо» человеком в себе просто не учитывается, и уж тем более не развивается.

Не болит душа человека об учиняемой им бойне, потому что её нет в нём, присутствует лишь крохотный огонёк сознания, но он остаётся нераздутым. А между тем, это наипервейшая задача каждого человека, предопределённая ему Богом судьба, и живя по ней, убивать подобные себе существа недопустимо. В том – божественное предназначение дарованной нам чудесной жизни.

Не правда ли, это звучит странно, когда любящий природу человек, постоянно восхваляющий её красоты, в тоже время убивает зверей и птиц, оправдывая убийство своей преданностью лесу? При том, что он понимает: животные, как и люди, обладают чувствами и могут отлично их выражать. Звери способны заводить между собою разговоры, они общаются, а также выявляют свою привязанность или неприятие, им знакомо чувство оставленности, когда приходится довольствоваться одиночеством, и какую радость переживают они, обретая родных... А как нежно ухаживают звериные матери за малышами, незамедлительно жертвуя ради них жизнями, и маленькие дети звериного царства вырастают сильными и красивыми, как и родители заботятся уже о своих детёнышах... Но человек уничтожает чудесных зверей, преклоняясь перед их природным обаянием, и разве это не противоестественно?!

Противоестественно и то, что охотники до дичи закрывают глаза на мучения животных, будто не замечая их, убеждая себя, что при охоте иначе вести себя невозможно, и нужно просто оставить все сомнения на этот щепетильный счёт, не беря во внимание, а сосредоточить его на добыче дичи, чтобы она не ускользнула. Но представим себе подраненного лося, оставляющего на снегу кровавый след сотни метров, может быть, даже и более, его загнанно мятущееся могучее сердце, и жаркую погоню за ним этих самых «охотников», что продолжается и час, и два, а лось, в ужасе от происходящего, из последних сил, в смятении, преодолевает сугробы и заросшие мелкоколесьем вырубка, кровавая пена пузырится на его губах... Что испытывает он при этом кроме внезапно нахлынувшей боли, и разве такая судьба уготована ему лесом? И как ведут себя «охотники» до подобной расправы, что чувствуют они? Их задача – добрать зверя, с холодной неумолимостью лишив его жизни.

Только для этого чудесное сильное существо росло и мужало в безмолвных лесных просторах, напитываясь чистой водой в ручьях и пахучей корой, чтобы оказаться загнанным и пропасть, навсегда потеряв свою прекрасную дикую свободу? И всё это лишь благодаря несвободному человеку, находящемуся всю жизнь в рабстве собственных низменных устремлений? Равносилен ли такой обмен, и во имя чего совершается он, удовлетворяя нетерпеливую человеческую натуру, жаждущую неоправданно

скорых достижений, минуя при этом самое лучшее, божественное в себе? Не мешало бы человеку подтянуть пояса и задуматься о том, что роднит его и с лосями, и с волками, и с журавлями, и давно уже, втайне, не даёт ему покоя.

Прекрасно понимая в глубине души свою вину, такой «охотник» непременно воскликнет: «легко сказать – бросить охоту!» И сколько же ещё примеров и случаев в его жизни должно произойти, чтобы он осознал, наконец, всю бессмысленность и бессердечность истребления, вобщем-то, дорогих для него животных... Несомненно находясь в постоянных душевных муках, глубоко скрывааемых даже от самого себя, он будет долго убеждать свою совесть в обратном, находя «неопровержимые» доводы в пользу сохранения охоты, якобы, не представляя без неё существования, но всё равно это окажется неправдой, и сердце его всегда будет оставаться не на месте. Так что же человеку делать, как поступиться своими неотъемлемыми «охотничьими принципами», чтобы не чувствовать себя рабом собственных ложных устремлений, в конце концов, отказаться от уничтожения живых существ?!

Поражает в охоте на животных ещё вот что: люди привыкают к их смерти, а ценой тому – жизни животных, что умирают со страхом и мольбой в глазах, гибнут за зря, без всякой на то нужды, но человек по-прежнему стреляет, налаживает капканы и ловушки для новых жертв, да только разве возможно привыкнуть к убийству живых существ, если у тебя есть сердце, и ты сумел сохранить в нём цветы жизни?... Мятущиеся глаза зверей – укор для уничтожающих их человека, и ведь многие животные, действительно, не погибают сразу, испытывая неопишуемые мучения... Разве разумно свыкнуться с подобным несчастьем, воспринимая его как должное, и заявляя всеуслышание о любви к природе, возможно ли не иметь к животным чувство сострадания?

Когда охотники, в оправдание своей стрельбы по живому, упоминают восприятие природы как некое удивительное, не сравнимое ни с чем переживание, то мне всегда хочется напомнить им, что это самое природное чувство должно оставаться непогрешимым. Оно не должно разниться с неизменным принятием человеком своего единства с прекрасным миром природы, его непревзойдённой красотой, ибо и ему самому надлежит быть красивым душой, а душа его при этом не может быть отделена от правды. К пониманию подобного положения вещей обязывает человека его совесть, и лишение жизни любого существа здесь недопустимо.

Так называемая «правда» охотника, преподносимая им как нечто незыблительное и достойное, непременно овеянное поэзией, по сути, есть сущий вздор, оправдывающий обычную первобытную страсть по добыче зверя, когда-то, давно, вполне приемлемую, без неё просто невозможно было бы прожить, но сейчас, в наше время, абсолютно неуместную, точнее даже будет сказать губительную, причём, не только для зверей, а скорее даже для человека... А сколько вранья сопутствует этому вздору, то есть, выдуманной «правды», совершенно не отвечающей истинным душевным устремлениям

людей, когда они в силах обойтись без охоты, поскольку она просто не нужна. Ну, если только в случае уничтожения диких зверей, представляющих опасность для жизнедеятельности человека, что должно быть доверено подготовленным командам профессионалов, помимо всего прочего ответственных за поддержание порядка в лесу, занятых охраной заповедных территорий...

Зачем убивать куницу или норку, когда можно воспроизводить этих зверьков в специальных вольерах, сводить на нет поголовье лосей, кабанов или изюбров, если их с успехом заменит животноводство, стаи же тетеревов, фазанов или куропаток – развитое птицеводство? «Правдолюбивые» охотники резонно, с их точки зрения, возразят, что дело тут не в добывании мяса, а в переживаемой ими красоте при соприкосновении с чудесной природой, ведь её при охоте на зверя и птицу никак не отнять, и кто им запретит такое неподражаемое природное обаяние не переживать? По мнению охотников, они имеют на это полное право!

Но разве человеку, как одному из представителей животного царства, присущи только стадные действия? Нет, всякий человек, как и любое живое существо, должен вести себя сообразно дарованным ему возможностям, а значит – разумно. Конечно, у одного это выходит самым наилучшим образом, по-человечески, а у кого-то и совсем ничего не получается, потому как он не учится понимать жизнь и себя в ней, живёт несознательно...

Кому хоть раз приходилось видеть стремительный полёт тетеревов и стрелять в них из обоих стволов, восторженно заявит какой-нибудь «правдолюб» от охоты, тот уже никогда этого не забудет, и, не переставая, будет желать ощутить это вновь. А как притягательно следить за тем, когда свечой устремляется вверх осенний упитанный вальдшнеп, быть очарованным его внезапным взлётом, напоминающим звук разрываемого шёлка? Все эти птицы созданы, кажется, только для того, чтобы на них охотились, иначе для чего существует такой будоражающий шум их крыльев, который волнует больше, чем любовь?

Оно, конечно, так, и нет предела тому восхищению, ежели вдруг из-под ног вырвется краснобровый тетерев-косач, и ты не в силах удержаться от меткого выстрела по нему, но ведь и то правда, что каждому такому охотнику стоит проникнуться пониманием: убивая живое существо, ты подвергаешь его мучениям, одновременно убивая что-то важное и в себе. Это так легко осознать! Не может убийство, пусть даже, на первый взгляд, безмозглых селезней, быть оправданным только потому, что это просто утки, в бесчисленном количестве прилетающие к нам по весне на север? А то, что птицы преодолели на этом пути сотни километров, и всё только для того, чтобы оказаться подстреленным каким-то досужим охотником, восхищающимся шелестом их крыльев, не учитывается?!

Нет, охота на птиц и зверей производится, конечно, не потому, что они удивительно красивы, и не по причине восхитительного великолепия нашей неповторимой русской природы, даже – не из-за страха, а только по

неиссякаемой в себе первобытной страсти, побуждающей выслеживать и убивать, что давно бы уже пора преодолеть, но она, эта страсть, только ещё более подогревается в разнообразной охотничьей литературе и журналах, в обилии производимых промышленностью ружьях, ножах и прочих охотничьих доспехах, в преподнесении охотничьего ремесла как искусства, когда-то, быть может, и необходимого для древних людей, но ведь сейчас насильственное убийство бесплодно, и, скорее, есть проявление слабости, когда ты самоутверждаешь себя засчёт красоты и тайны животных, которые безжалостно у них забираешь...

Не лучше ли человеку лишь порадоваться, завидев в небе косяки журавлей, гусей и уток, но не изощряться в их бессмысленном истреблении, с каким-то остервенением, будто от этого зависит существование человека? Когда же человек, наконец, осознает всю тлетворность производимого им варварства, что единство его с чудесным миром природы неслучайно, и скрепить его достойное отношение к жизни должна мысль о единстве его правды и правды любого животного, о существовании того, что порождает волшебную силу неповторимой природы?!

Если ты не способен удержать себя от выстрела, нажми спусковую кнопку фотоаппарата и запечатай на вечную память этот бесподобный по красоте полёт птицы, что тоже останется жива, и порадует ещё кого-нибудь стремительностью своего чудесного парения! Не бери на себя право лишать её жизни, не ты вдыхал в её крылья эту удивительную силу, а лучше создай нечто такое же удивительное, ранее не существующее... Вот где потребуются твоя ловкость и смекалка, воля и терпение, незаменимое ничем милосердие, когда отдаёшь всего себя во имя божественного существования... Неужели ты, человек, не способен именно на такое достойное поведение, что, несомненно, необычайно интересно и захватывающе?!

Но чаще всего я замечал среди охотников такую черту, как желание показать себя необыкновенно бывалым в знании повадок зверя и верных способов его добыть. К этому всеми силами стремятся почти все охотники, им непременно нужно продемонстрировать свою власть над природой, то, как они ловко ведут себя в лесу, управляют со всей охотничьей амуницией, умеют быстро разжечь костёр и обустроить на ночь нодью, наладить силки или капкан, безошибочно определить по следу – какой зверь недавно прошёл, самец или самка, нёс ли он в зубах добычу, а если пойти ему в пяту – натолкнёшься ли ты рано или поздно на его нору? При наблюдении за охотником сразу становится видно – чего он стоит, и если человек ведёт себя сдержанно и скромно, это неременный залог его порядочности и глубокого знания леса. Ему просто нет надобности выставлять себя непревзойдённым знатоком природы, поскольку он им в действительности и является, и если вы заметите в своём окружении такого человека, обратите на него внимание, постарайтесь познакомиться с ним поближе.

Что же касается краснобаев, якобы, повидавших виды «полесовиков», то держитесь от них подальше, начинайте своё общение с лесом со знакомства с

мудрым и спокойным человеком, что на деле очень редок. Тот же, кто хочет быть в лесу «хозяином», не достоин вашего интереса. Его прельщает в отношениях с природой только личная выгода, иного интереса он не предполагает, и всё самосознание такого охотника сосредоточено лишь на достижении добычи, порой – любыми способами, и ничего доброго он не приносит ни себе, ни лесу. Держитесь подальше от того, кто искренне недоумевает – почему он не имеет права по собственному разумению распоряжаться дарами природы, ведь именно он и считает себя «бывалым», а значит – абсолютно не понимающим суть своего нахождения на земле, ценность взаимоотношения с обитателями леса...

«Хозяин» леса не является, в первую очередь, хозяином для себя самого, и потому проявляет в отношении и птиц, и животных, и растений одну жестокость, и, конечно, он не способен на какое-либо милосердие, истинное внимание к жизни, иначе она не одарит чудесами. Нужно научиться разумно пользоваться богатством леса, уметь быть ему другом, открывая и в себе и в нём то, что оказывается истиной. А истина такова, что человек не может быть собой без природы, входя в неё учеником, выходя же – умудрённым опытом человеком, раскрывая тем самым свой личный путь жизни.

Ты и лес неразделимы, только относись к нему с уважением, если хочешь быть ему другом, не представляй себя перед другими и перед собой «бывалым», а не покладая рук учишься, слейся с лесной чащей, сосредоточь своё внимание на каждой паутинке, и она тебя спасёт от высокомерия: ты почувствуешь себя среди лесных обитателей своим, нужным им разумным существом, и так, незаметно, получишь в лесу собственное лицо, неотъемлемое от природы... Тот же, кто бахвалится, стремясь выказывать свою «власть над природой», не достоин внимания, он слаб, и ему следует так долго работать над собой, чтобы лес ему поверил.

И всё же, от многих охотников я чаще всего слышу, как они любят природу, но не могут не охотиться на дичь. Без этого их любовь будто бы не настоящая, она не имеет права на существование, если ты весной не стоишь с ружьём на вальдшнепиной тяге, не сидишь в шалаше на тетеревином току, ожидая подлёта краснобровых косачей, не бредёшь ночью по раскисшей дороге к потаённому глухариному токовищу, чтобы добыть великолепного мошника, не загоняешь по первому снегу лесного великана-сохатого...

Не добывая таких прекрасных птиц и зверей, ты, по их мнению, не истинный ценитель леса, и непереносимо как раз не сострадать животным, а именно не выслеживать и не красться, терпеливо выжидая возможность сразить метким выстрелом токующего в рассветных сумерках глухаря... И ничего при этом, что он провозглашает в своей песне весну и любовь, ожидая подлёта страстной копалухи, ведь птица не может чувствовать, как человек, а вот он, истинный почитатель природы, всё в ней тонко понимает, обладая и проницательностью, и чутьём, и чувством прекрасного. Вам знакомы подобные убеждения?!

Главным аргументом в этих восторженных заверениях служит не терпящее возражений утверждение, что волшебный мир природы необыкновенно прекрасен, и охотник, позабыв обо всём, пытается донести до кого-нибудь, ему это очень важно, что вот он-то в таинственную лесную страну вхож, и верным залогом тому служит добытый им трофей – вальдшнеп, рябчик, или, того лучше, тетерев-косач... Охотнику этому ничего не стоит подстрелить и более крупную дичь – зайца и барсука, а то и медведя, он знает, как это осуществить, ведь умения ему не занимать, и человек начинает верить в своё глубокое видение лесного мира, всеуслышание провозглашая его чудеса... Так бывает, когда тобой всецело овладевает животное удовлетворение природного инстинкта, и ты не осознаёшь ни себя, ни происходящего с тобой, будто ещё не минуло твоё первобытное восприятие действительности, и ты, как варвар, готов настичь стрелой бегущего зверя, летящую птицу, или даже ничего не подозревающего звериного детёныша, лишь бы только достичь его, схватить в руки и съесть.

На этом страсть первобытного человека, вроде бы, кончается, да только до следующей охоты, призванной опять выслеживать и догонять, непременно убивая... Но ведь вы уже давно не первобытный человек, и даже способны на возвышенные чувства, восхваляя красоту природы, тогда почему же вы убиваете, хвастаетесь перед знакомыми своей добычей, даже фотографируетесь с поверженным зверем? На снимке вы выглядите заправским охотником, настоящим первооткрывателем неведомых земель и лесных троп, и тем, кто разглядывает вас на фотокарточке, трудно в это не поверить. Вы же необыкновенно воодушевлены своими охотничьими заслугами, и стремитесь убедить каждого в том, что и ему может быть подвластен этот чудесный лесной мир, стоит лишь обратить к нему свой взор, приобрести ружьё и отправиться на охоту...

И всё же, задумайтесь: зачем существующие чудеса уничтожать? Не проще ли ими просто любоваться, принимая всем сердцем и складывая о них увлекательную историю?

Не помешает при этом увериться и в том, что истинные чудеса в лесу неосознающему себя человеку недоступны, он их просто не увидит в погоне за добычей, и о каком понимании природы тут можно говорить? Ему бы только след приметить – и вот уже всё внимание устремлено на зверя, когда, по правде говоря, вряд ли разглядишь в лесу что-либо необычное... Уж больно ты захвачен собой, своим неутомимым желанием во чтобы-то ни стало добрать улепётывающего от тебя зайца, взять его на мушку... И разве увидит охотник в этом зайце себя самого? Нет, не получится у охотника присвоить себе всю природу, если он не понял своей человеческой сути, что божественна, и не утвердил её в душе...

А ниточка, связывающая человека с ОТЦОМ-ЛЕСОМ, тоненькая-тоненькая, никем, кроме него, не приметная, готовая в любой момент оборваться, но и её приходится зарабатывать годами неустанного общения с

лесом. Причём, непрерывно, только тогда неведомые лесные силы начнут хотя бы немного доверять тебе, продолжая при этом постоянно проверять твою преданность лесу, полную отдачу твоей энергии. Это очень трудно, даже профессионально связанным с лесом людям, чаще всего – недостижимо, ибо в твоём стремлении познать лес, его тайны, должна присутствовать абсолютная искренность, как и отсутствие малейших эгоистических побуждений, тем более, овладение свободой зверя, птицы либо растения засчёт своего умственного преимущества... Ты должен быть нацелен только на познание природы во благо её самой, и никак иначе, в противном случае тебя никуда не допустят и ничего не откроют.

Способен ты на подобную душевную чистоту, неподдельную душевную отдачу лесу, которую он обязательно почувствует? Готов во имя созидания лесного чуда пожертвовать всеми своими удобствами, временем, даже, быть может, жизнью? Если нет, хождения твои в лес бессмысленны, мало того, рано или поздно с тебя взыщется, если ты не изменишь своего отношения к лесной чаще, вообще, к природе, и потому задумайся: стоит ли предавать природные энергии, не относясь к ним с должным вниманием, разрушительно? Не соверши ошибки, если ты истинный искатель, она будет стоить тебе очень дорого.

«Какая теперь охота!» - восклицал ещё сто лет назад Михаил Михайлович Пришвин, и, вспоминая его слова, почешешь в затылке, и невольно тоже воскликнешь:»А нам-то что остаётся!» И действительно, охоты не стало, как и не стало лесов, что, как ни старайся, уже не восстановить, но охотники, между тем, всё равно снаряжают патроны и ружья в лес, не спят ночами в предожидании скорой поездки туда, и так же, как и сто, и двести лет назад, как это было одинаково во все времена, сердца их замирают в сладкой истоме от одного слова – «охота»!

Вы, дорогой читатель, наверное, совершенно естественно зададитесь вопросом: чего же они никак не уймутся? И я вам отвечу: они до сих пор не в силах укротить в себе первобытного зверя, оправдывая свою неуёмную страсть «любовью» к красотам природы, не понимая, в тоже время, что это слово на самом деле из себя представляет... А представляет оно искреннюю привязанность ко всему живому, желание с трепетом проникать в суть происходящего в природе, никого при этом, конечно, не убивая...

Человеку нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятном обаянии, а затем быть готовым верно распорядиться приобретённым знанием, великодушно отдавая его другим. Иначе, зачем ты, человек, наделён разумом, отчего, хоть иногда, заглядываешься на звёзды?!

В последнее время часто можно слышать, как многие люди с недоумением задаются вопросом о том, почему человек убивает животных...

Они, будто бы, не в силах воспринимать совершаемое против животных зло, как неминуемую данность, и искренне негодуют по этому поводу. Порой даже начинает казаться, что сторонников милосердного отношения к природе гораздо больше, нежели тех, кто совершает надругательство над живыми существами, то есть, лишает жизни и птиц, и зверей, не испытывая при этом никакого сожаления, а наоборот, получая удовлетворение от выслеживания и добычи зверя, возводя подобное действие в ранг не оцененных никем собственных заслуг...

«Убить», по мнению так называемых «охотников», значит, перехитрить зверя, подчинить его своей воле, а то, что животное страдает при этом – забота не наша. Так, мол, устроена жизнь, убеждённо полагают они, и если тетерева или зайца убить – не душу сгубить. Вроде как, убил охотник птицу: перья остались, а мясо улетело! То, что в таком человеке всякое доброе чувство тоже умирает, на веру им не принимается, как и понимание, что человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

Но вот что странно: люди, убивающие зверей, в сравнении с теми, кто ратует за отказ от убийства, как бы это не выглядело несуразно, быстрее достигают истинного понимания в этом вопросе, то есть, гармонии с миром природы, отказываясь от охоты, если не устают искать, не остаются равнодушными к чужой жизни. Почему-то именно им, уже не раз погрешившим против животного мира, надлежит рано или поздно распутать клубок собственных противоречий. Радетели же чаще всего не приближаются к истине вовсе.

Из всего этого следует вывод: когда человек не в силах принять своё незнание, ему всё ещё нравится убивать, так ничего в себе и не осознавая, то чтобы преодолеть, наконец, это непонимание, ему необходимо пережить в душе гибель животного, чью жизнь он неумолимо оборвал с помощью капкана, петли или ружейного выстрела... Может быть, с луком и стрелами он выглядел бы более привлекательно, да только изменится ли от этого суть? Это страшно звучит, но пока ты не лишишь живого существа жизни, не прочувствуешь за него всю боль и отчаяние, причём, не раз, а в течение, быть может, многих лет, побывав в разных ситуациях, связанных с охотой, ты не осознаешь правду жизни.

Ты пострадай, помучайся над убиенными тобой зверями, да посмотри со стороны на сотворённое тобой так, чтобы проснулась в тебе совесть, забродила неудовлетворённость от содеянного и прочувствовал ты муки животных, как свои... Чтобы дошло, наконец, до твоего сердца простое знание: звери и птицы – твои друзья, и они созданы для того, чтобы человек не забывал о своих возможностях, которые открываются перед ним, когда он чтит родную природу. Ведь последнее слово всегда остаётся за человеком, постепенно вырастающем в своём ребёнке, и больше всего меня беспокоит то, что сами люди не хотят быть такими, какими они могут быть.

И вот опять, как и в начале этой книги, но только с ещё большей убеждённостью, во мне звучат слова о том, что люди мучают и себя, и друг друга, и обитателей леса из-за этой душевной лени, и один Господь ведаёт, до каких пор это будет продолжаться. И самое главное, люди не развивают себя. А надо-то, всего лишь, заглянуть в свою душу и ответить – кто ты, зачем на этой земле живёшь, и что только опираясь на свой земной опыт и опыт дорогих тебе зверей и птиц, ты способен преодолеть животные инстинкты, обретая, благодаря своему развитию, простую истину: не убий!

14 марта 2023 года

Г. Пермь

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	с. 2
ВОРОНИЙ СУД.....	с. 8
КОСОЙ ЧЁРТ.....	с. 11
РЫСЬ.....	с. 12
ЗИМНЯЯ КАРТИНКА.....	с. 15
ВЕСЁЛЫЕ КАБАНЫ.....	с. 16
ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА.....	с. 18
УТЁНОК.....	с. 24
ЗВЕРИНАЯ СВАДЬБА.....	с. 25
КУНЬЯ МОРДКА.....	с. 26
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ.....	с. 30
СЛИТНОСТЬ С ЛЕСОМ.....	с. 35
СОЙКА.....	с. 36
ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ СОРОКА.....	с. 39
МОЙ ЗВЕРЬ.....	с. 39
СОРОКОПУТ.....	с. 42
ЖАВОРОНКИ.....	с. 43
ЁЖИК.....	с. 46
ВЛЮБЛЁННАЯ ГЛУХАРКА.....	с. 50
НА СЕВЕР.....	с. 54
СИЛА ЖИЗНИ.....	с. 54

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ.....	с. 56
ГЛУХАРИНАЯ ВЕСНА.....	с. 56
ЛЕСНОЙ ШУМ.....	с. 61
НЕВИДИМЫЕ ВОЛКИ.....	с. 63
ВИЗИТКА ГЛУХАРЯ.....	с. 65
КОСАЧ.....	с. 74
У ИЗГОЛОВЬЯ ЗВЕРЯ.....	с. 75
СОВКИН ДЕВЕРЬ.....	с. 76
ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ.....	с. 79
ОЩУЩЕНИЕ ЗВЕРЯ.....	с. 82
У ПОЛЫНЬИ.....	с. 84
ЧЁРНЫЙ ВОРОН.....	с. 84
ЗАЯЧЬЯ ЗАБАВА.....	с. 91
ГОСПОДИН ДЯТЕЛ.....	с. 96
ЗАЯЧЬИ СВАДЬБЫ.....	с. 107
ЛЕСНОЙ АРХИМАНДРИТ.....	с. 110
«КРАСНАЯ ГОРКА».....	с. 131
ДНЕВНИК ГЛУХАРЯ.....	с. 138
ЖУРАВЛИ.....	с. 143
ДРУЖНЫЕ ТЕТЕРЕВА.....	с. 153
НОЧНОЙ ГОСТЬ.....	с. 161
ВЕСЕННИЕ ШАРМАНКИ.....	с. 164

НОЧНОЙ ПЕРЕПОЛОХ.....	с. 172
ПОЧЕМУ ЗАЙЧИХУ ПЛОХОЙ МАТЕРЬЮ ЗОВУТ?.....	с. 177
СПЯЩИЕ ЛЕБЕДИ.....	с. 178
КУКУШКИНЫ СЛЁЗЫ.....	с. 182
ЧУВСТВА-ПТИЦЫ.....	с. 185
ЛЕСНЫЕ УСЫ.....	с. 186
ТЯСОГУЗКИНЫ ПРИЧУДЫ.....	с. 189
СЕРДОБОЛЬНАЯ ПТИЦА.....	с. 190
ЗЯБЛИК-ИНТЕЛЛИГЕНТ.....	с. 199
ТРУМ-ТРУМ.....	с. 206
ПТИЧИЙ ГЕНИЙ.....	с. 215
ПЯ-ЯТЬ, ПЯ-ЯТЬ, ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ!	с. 226
ТЁМНАЯ ЗВЕРИНАЯ ДУША.....	с. 241
МИЛЫЕ ЛОСИ.....	с. 242
ОТЧЕГО ВОЛКИ ВОЮТ?	с. 250
СЕРЫЙ ПОМЕЩИК.....	с. 250
ЕЛОВОЕ ОБЛАЧКО.....	с. 272
ЛЕСНАЯ БАБОЧКА.....	с. 291
НЕОБЫЧНАЯ СОВА.....	с. 295
НЕЗНАКОМЫЙ ЗАЙКА.....	с. 297
БЕРЛОГА.....	с. 301
НЕ УБИЙ.....	с. 330

